ИЗВѢСТІЯ

Кіевскаго Коммерческаго

ИНСТИТУТА,

состоящаго въ вѣдѣніи Министерства Промышленности и Торговли.

1912.

Книга XIV.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Б.-Житомірская № 20, с. д.
1912.

Печатано по опредѣленію Учебнаго Комитета Кіев. Коммерч. Института.
Директоръ **М. Довнаръ-Запольскій.**

Содержаніе.

СТРАН.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. (Продолженіе).

IV. Первые шаги новаго правленія. . . . . 49— 61
V. М. М. Сперанскій. . . . . 62— 97
VI. Логика войны 12-года. . . . . 98—118
VII. Отечественная война. . . . . 119—131
VIII. Императоръ Александръ и война. . . . . 132—162
IX. Эпоха реакціи. Публицистика . . . . . 163—194
X. Исканіе религіи. . . . . 195—217
XI. Кн. А. Н. Голицынъ и торжество правовѣрія. . . . 218—250
XII. Правительственная политика и народное образованіе 251—275
XIII. Магницкій и университеты. . . . . 276—288

П. Р. Слезкинъ. Курсъ описательнаго товаровѣдѣнія (Окончаніе). Продукты сельскохозяйственныхъ производствъ. Сахарное производство. Матеріалы и продукты пивовареннаго производства. . . . . 81—119

ГЛАВА IV.

Первые шаги новаго правленія.

Ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года освободила Россію отъ тяжелаго Павловскаго режима. Когда эта вѣсть разнеслась по городу, восторгъ населенія не зналъ предѣловъ. Даже внѣшній колоритъ публики немедленно измѣнился: на улицѣ появились круглыя шляпы, жилеты и др. запрещенныя части одежды. По словамъ одного современника, всѣ ощутили, „что словно какимъ то волшебствомъ съ рукъ свалились цѣпи и что нація, вызванная изъ гроба, пробуждалась къ новой жизни".

Восторгъ выражался однако не въ однѣхъ круглыхъ шляпахъ. Въ любимомъ внукѣ Екатерины II одни видѣли преемника ея политики; другіе, зная либеральное настроеніе юнаго монарха, простирали свои виды нѣсколько далѣе. Имъ казалось, что обновленіе должно коснуться основныхъ сторонъ политическаго строя государства. Молодой дипломатъ Татищевъ, членъ иностранной коллегіи, писалъ по-французски дядѣ своему, графу С. Р. Воронцову, въ Англію: „Всѣ мы какъ будто возрождаемся къ новой жизни. Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ разсѣялись, какъ зловѣщіе призраки, порождаемые мимолетнымъ сномъ. Ихъ замѣнила надежда на народное благополучіе и на безопасность отдѣльныхъ лицъ, счастіе, на которое нельзя было разсчитывать въ злополучную эпоху, повергшую наше отечество въ скорбь и подточившую источники нашего богатства. Будемъ надѣяться, что благодѣянія начинающагося царствованія въ скорости излѣчатъ безчисленныя бѣды, насъ обременявшія". Но особенно рельефно эту мысль выразилъ Каразинъ въ письмѣ, которое онъ успѣлъ передать при посредствѣ придворныхъ императору. Письмо очень любопытно, потому что отражаетъ настроеніе значительной части общества. Каразинъ восторженно излагаетъ свои мысли, которыя онъ ощутилъ, проходя мимо дворца въ безмолвіи ночи: „Неужели онъ, созданному для душъ обыкновенныхъ удовольствію самовластія, хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною

славою и тою наградою, которая ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства? Нѣтъ... Онъ дастъ намъ непреложные законы... Онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ нерушимый во вѣки. И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ и желѣзный своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижали ея завѣта. Государь воспроситъ совѣта мужей мудрыхъ, счастливою для нихъ судьбою поставленныхъ близъ его, и другихъ, которыхъ гласъ отъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему станетъ".

Въ этомъ письмѣ излагается цѣлая программа.

Въ любимомъ внукѣ Екатерины II одни видѣли преемника ея славной политики, другіе полагали возможнымъ склонить государя къ обновленію всего политическаго строя страны. Въ обществѣ можно было уловить различные оттѣнки, партійныя мнѣнія, но общее настроеніе его громко требовало коренныхъ реформъ. Уже самый переворотъ 11-го марта имѣлъ не только личныя цѣли избавленія отъ деспотическаго режима, но не былъ лишенъ и политическихъ стремленій. Въ силу сложившихся условій Александръ долженъ былъ удовлетворить настроенію общества, и надо замѣтить, что онъ сдѣлалъ это въ высшей степени искусно, успѣвъ на долгое время удержать симпатіи общества и даже укрѣпить неограниченную власть монарха. На основаніи первыхъ же указовъ едва ли не каждое изъ общественныхъ теченій могло надѣяться, что государь пойдетъ навстрѣчу стремленіямъ именно этого теченія. Государь обѣщалъ управлять „по закону и по сердцу бабки", по частямъ возстановилъ Екатерининское законодательство, чѣмъ удовлетворилъ стремленія „катеринствовавшихъ" вельможъ. Отмѣнены указы, напоминающіе безпорядочную требовательность Павловскаго режима. Бѣглецы, укрывшіеся за границей за исключеніемъ уголовныхъ, получили амнистію. Отмѣнено распоряженіе о воспрещеніи привоза книгъ и разрѣшены частныя типографіи. По частямъ возстановлены Жалованныя Грамоты дворянству и городамъ. Уничтожена тайная экспедиція: всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона, — говорилъ объ этомъ указъ. Возвращены изъ тюремъ и ссылки исключенные въ предшествовавшее царствованіе изъ службы и даже составлена особая комиссія для ихъ разбора. Рядъ указовъ долженъ былъ воздѣйствовать на болѣе радикальную часть общества. Въ правительственныхъ актахъ стали мелькать

выраженія съ намеками на болѣе крупныя перемѣны. Сенатъ названъ правительственнымъ; въ актахъ появились слова или запрещенныя въ предшествовавшее царствованіе, или во всякомъ случаѣ необычныя для оффиціальнаго языка: отечество, русскіе подданные, благо народа, незыблемые законы. Казалось, сдѣланъ былъ приступъ къ крупнымъ реформамъ указами 30 марта объ учрежденіи Непремѣннаго Совѣта и 5-го Іюля 1801 года о правахъ Сената.

Въ указѣ Сенату высказывалось желаніе „возстановить оной на прежнюю степень, ему приличную“ и намѣреніе „права сіи... поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ... и содѣлать во вѣки непоколебимымъ“. Непремѣнному Совѣту данъ особый наказъ, по которому Совѣтъ долженъ былъ пересмотрѣть всѣ законы и составить проектъ улучшеній въ управленіи государствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; при немъ даже учреждается особая комиссія составленія законовъ. Главная цѣль Совѣта „постановить силу и блаженство Имперіи Всероссійской на незыблемомъ основаніи закона“.

Этотъ потокъ указовъ—парадная сторона новаго правительства. Общество принимало всѣ эти мѣры съ восторгомъ. Но спрашивается: какъ же новое правительство выполняло свои обѣщанія?

Съ первыхъ дней своего царствованія императоръ Александръ былъ окруженъ заговорщиками. Трудно опредѣлить политическіе идеалы, которымъ служили графы Паленъ, Панинъ и бр. Зубовы. Время ими было упущено, и вскорѣ положеніе ихъ при дворѣ сдѣлалось шаткимъ; безъ шума они были удалены изъ столицы. Тогда при императорѣ образуется нѣсколько группъ лицъ, связанныхъ между собою единствомъ воззрѣній и представлявшихъ отраженіе либеральныхъ стремленій различныхъ слоевъ дворянства. Наиболѣе крупныя мѣста въ государственномъ механизмѣ занимаютъ нѣкоторые изъ екатерининскихъ вельможъ, какъ гр. Завадовскій, Трощинскій, бр. Воронцовы, Державинъ, Беклешовъ и др. Всѣ они явились представителями умѣренно либеральныхъ теченій, иногда съ сильной окраской московскаго боярства. Мы сейчасъ увидимъ, что и эти лица различествовали въ направленіи своихъ стремленій. Съ другой стороны, весьма близкими къ государю являются его личные друзья, какъ Новосильцевъ, кн. Адамъ Чарторыйскій, Кочубей, гр. Строгановъ, Лагарпъ. Обѣ группы лицъ—люди не одинаковаго направленія, но каждая представляла изъ себя кружокъ болѣе или менѣе единомысленныхъ людей. Вторая

пользовалась довѣріемъ императора, къ первой императоръ относился съ учтивою осторожностью, и всѣ они были далеки отъ единства во взглядахъ личныхъ и государственныхъ. Обѣ группы лицъ отражали въ себѣ политическія теченія тогдашняго общества и потому по ихъ дѣятельности и на основаніи ихъ взглядовъ можно себѣ составить наиболѣе отчетливое представленіе о тѣхъ общественныхъ теченіяхъ, которыя выдвинулись въ эту эпоху. Уже современники назвали группу друзей императора—партіею „молодыхъ“ совѣтниковъ (молодость ихъ весьма сомнительна, потому что Кочубею было 33 года, а Новосильцеву 39). Другую партію называютъ партіею „стариковъ“, хотя правильнѣе ее назвать сенатской партіей. Обѣ партіи имѣли случай высказать свои взгляды при обсужденіи проекта о правахъ Сената.

Обѣ партіи сразу стали во враждебныя другъ къ другу отношенія. Это отразилось на отзывахъ современниковъ. Державинъ называлъ „молодыхъ“ якобинской шайкой. Карамзинъ, Дмитріевъ и другіе приписываютъ имъ широкія либеральныя идеи. Отзвукъ этой партійной борьбы отразился и въ текущей научной литературѣ. Въ послѣдней преобладаетъ взглядъ, выставляющій партію „молодыхъ“ либералами, даже съ демократическимъ оттѣнкомъ, стремившимися, но не успѣвшими ввести конституцію въ Россіи. Напротивъ, „старики“ выставляются рутинерами, не пошедшими далѣе основъ Екатерининской политики. Въ сущности такіе взгляды далеко не подтверждаются тѣмъ, что сохранили до насъ документальныя данныя.

Что касается „молодыхъ“ совѣтниковъ, то если въ области административныхъ начинаній ихъ дѣйствительно связывала нѣкоторая общность взглядовъ, то того же нельзя сказать о вопросахъ политическихъ и соціальныхъ. Республиканецъ Лагарпъ явился усерднымъ защитникомъ личныхъ интересовъ своего воспитанника; онъ, очевидно, полагалъ, что идеи свободы существуютъ не для русскихъ, а ограниченная власть монарха не для его царственнаго воспитанника. Кн. Ад. Чарторыйскій, какъ полякъ, чувствовалъ себя иностранцемъ, хотя въ его либерализмѣ не можетъ быть сомнѣнія. Гр. Строгановъ несомнѣнно выдѣляется изъ этого кружка и своими взглядами и своимъ искреннимъ, но черезчуръ туманнымъ либерализмомъ. Онъ дѣйствительно стремился къ установленію конституціонныхъ формъ правленія, но полагалъ необходимымъ сначала реорганизовать всю администрацію и судъ, подготовить общество и затѣмъ уже ввести кон-

ституцію, подготовляя все это грандіозное дѣло въ небольшомъ кружкѣ лицъ и при чрезвычайно таинственной обстановкѣ. Это указываетъ на недостатокъ его опытности въ серьезной государственной работѣ, на его теоретичность, которая, впрочемъ, была свойственна многимъ представителямъ тогдашняго общества. Что касается Кочубея и Новосильцева, то либерализмъ ихъ былъ весьма относительнаго свойства; Новосильцевъ былъ образованный англоманъ, но человѣкъ съ черезчуръ гибкой политической совѣстью. Кочубей—осторожный придворный конца XVIII вѣка. Впослѣдствіи Новосильцевъ показалъ себя очень способнымъ по полицейской части, особенно въ періодъ дѣятельности своей въ Варшавѣ и даже запятналъ себя продажностью, ибо не стѣснялся передачею секретныхъ бумагъ прусскому правительству. Это были люди, стремившіеся къ вліянію и власти, готовые даже сдерживать либеральные порывы осторожнаго монарха. Несмотря на отмѣченныя особенности личныхъ свойствъ членовъ негласнаго комитета, они, однако, не могутъ быть разсматриваемы какъ лица, стоящія внѣ общественныхъ теченій того времени: они представляли собою то направленіе, которое потомъ получило видное значеніе и которое можно охарактеризовать либерально-бюрократическимъ. Они были увѣрены въ томъ, что, исправивъ законодательство, опредѣливъ въ точности дѣятельность административныхъ органовъ, подчинивъ ихъ волѣ одного лица въ качествѣ министра, что всѣми такими мѣрами можно достигнуть значительнаго благоденствія государства; при этомъ вопросъ о переходѣ къ конституціонному правленію отодвигался на долгое время. Такое теченіе въ тогдашнемъ обществѣ имѣло значительное число представителей; они сходились съ либералами въ томъ отношеніи, что признавали необходимость политическихъ реформъ, но, подобно гр. Строганову, полагали необходимымъ отодвинуть этотъ переходъ и подготовить общество посредствомъ предварительной дѣятельности просвѣщенной бюрократіи.

Хотя противники, какъ мы только что видѣли, приписывали молодымъ сотрудникамъ императора якобинскія мысли, но въ дѣйствительности нѣкоторые изъ нихъ понимали дѣйствительное значеніе этой группы лицъ въ дѣлѣ укрѣпленія самодержавной власти Александра I. Шишковъ, снабдившій всѣми отрицательными эпитетами сотрудниковъ императора, тѣмъ не менѣе признаетъ, что только среди нихъ Александръ почувствовалъ себя

самодержцемъ и явился настоящимъ повелителемъ. Между тѣмъ противная партія, упоенная успѣхомъ и, очевидно, надѣявшаяся на полученіе уступокъ со стороны самодержавія, прославляла „гласно и громко низверженіе тиранства“ на пирахъ; конечно, эти пиршества были продолженіемъ политической агитаціи.

Названные сотрудники императора составили такъ называемый негласный комитетъ (или неоффиціальный), въ которомъ разсматривались всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Александръ охотно вносилъ на разсмотрѣніе комитета всѣ проекты и предположенія, ему представляемые, и даже вопросы, касавшіеся тѣхъ или другихъ назначеній на государственныи должности. Протоколы этихъ засѣданій сохранились въ запискахъ графа Строганова, но изъ нихъ не видно, чтобы негласный комитетъ ставилъ своею цѣлью введеніе конституціи. Этотъ вопросъ обсуждался только Строгановымъ съ императоромъ.

Екатерининскіе „старики“, или, вѣрнѣе, сенатская партія, представляютъ собою болѣе рельефное отраженіе общественной мысли. Они несклонны были къ широкимъ либеральнымъ реформамъ, готовы были поддерживать аристократическія тенденціи, но, съ другой стороны, они не вѣрили въ просвѣщенный абсолютизмъ и его министровъ. Они являются представителями весьма широкаго общественнаго теченія того времени. Взгляды обоихъ направленій особенно ярко высказались въ борьбѣ, начавшейся по вопросу о первыхъ же реформахъ новаго царствованія, по вопросу о правахъ Сената, выдвинутому манифестомъ государя.

„Старики“ ухватились за указъ 30 іюля, въ силу котораго Сенатъ долженъ былъ сдѣлать представленіе о своихъ „древнихъ“ правахъ, и попытались осторожно провести свои взгляды на самодержавіе. Наиболѣе дѣятельная роль выпала на долю графа Завадовскаго. Онъ составилъ записку о правахъ Сената, представленную государю отъ имени этого учрежденія. Въ Сенатѣ онъ произнесъ горячую рѣчь въ защиту попранныхъ древнихъ правъ Сената. Но права Сената Завадовскій понималъ значительно шире, чѣмъ таковыя были ему представлены Петровскимъ закономъ. Поэтому, отстаивая древнія права „порабощеннаго“ при Екатеринѣ II Сената, Завадовскій съ одной стороны стремился къ сохраненію за Сенатомъ правъ, фактически пріобрѣтенныхъ имъ при Елизаветѣ, съ другой стороны стремился закрѣпить закономъ это положеніе Сената и придать такимъ образомъ ему политическое значеніе. Разумѣется, въ проэктѣ о правахъ Се-

ната сенатская партія далеко не успѣла высказать своихъ конечныхъ взглядовъ, но она пыталась, хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ использовать благопріятный моментъ. Очевидно, ей казалось, что Сенатъ, хотя и назначаемый государемъ, но получившій право ходатайствовать предъ государемъ о народныхъ нуждахъ и пользахъ (по существу, право законодательной инициативы), право дѣлать представленія государю о неудобствахъ изданныхъ законовъ, право обсуждать новые налоги и вообще право контроля надъ администраціей,—все-таки такой Сенатъ могъ бы быть нѣкоторымъ оплотомъ противъ крайностей деспотизма. Указъ императора Александра I не приглашалъ сенаторовъ высказать свои политическія взгляды и если они рѣшились использовать этотъ моментъ, то это лишь указываетъ на ихъ убѣжденіе въ необходимости перехода Россіи къ началамъ „истинной“ монархіи, какъ тогда выражались. Впрочемъ, нѣкоторые изъ членовъ сенатской партіи пошли дальше сводной записки, представлявшей собою общее мнѣніе Сената. Графъ Мордвиновъ въ Непремѣнномъ Совѣтѣ выступилъ съ своимъ проектомъ. Онъ отрицалъ за русскимъ Сенатомъ значеніе „политическаго тѣла“, пока этотъ Сенатъ не будетъ „избраннымъ“, и предложилъ свой проэктъ избираемаго отъ дворянства Сената съ законодательными функціями. Державинъ также представилъ проэктъ о Сенатѣ, придававшій ему нѣкоторую степень представительства отъ высшихъ классовъ населенія. Графъ Воронцовъ въ запискѣ, поданной Александру I, осторожно старается подойти къ своей основной мысли, говоря, что приданіемъ Сенату правъ, которыя сдѣлаютъ его посредникомъ между государемъ и народомъ, государь исподволь уготовитъ путь „къ устроенію правительства, болѣе сходственнаго съ человѣческимъ“.

Необходимо сдѣлать поясненіе, что партія „стариковъ“ видѣла въ Сенатѣ совокупность нѣсколькихъ коллегій (департаментовъ)—коллегіи исполнительной власти (совѣтъ министровъ), судной и законодательной съ „охранительною“ (т.-е. право контроля и толкованія законовъ). При такихъ условіяхъ, вся дѣятельность правительства проходила бы черезъ Сенатъ. Сравнительно съ Петровскими регламентами новостью было приданіе Сенату законодательной власти и болѣе точное разъясненіе его исполнительныхъ функцій.

Всѣ эти данныя хорошо разъясняютъ намъ настроеніе сенатской партіи. Тутъ мы видимъ людей дѣла, которые имѣли

достаточно мужества представить самодержавному государю проэкты такихъ измѣненій въ государственномъ строѣ, которые если и не пролагали пути къ народному представительству, то во всякомъ случаѣ создали бы политическій органъ, долженствующій положить нѣкоторые предѣлы самовластію. Повторяемъ, проэкты эти далеко не составляютъ собой конечныхъ воззрѣній сенатской партіи. Послѣдняя наиболѣе полно высказалась въ проэктѣ „всемилостивѣйшей грамоты русскому народу жалуемой“, но постепенно тонъ былъ пониженъ, такъ какъ были очевидны и перѣшительность государя и второстепенное положеніе его министровъ изъ среды екатерининскихъ дѣятелей. Въ составленіи проэкта принимали участіе: Воронцовъ, Трощинскій и нѣкоторые другіе. Названныя лица предлагали государю издать его въ день коронаціи, но государь отклонилъ утвержденіе грамоты, главнымъ образомъ благодаря настояніямъ Новосильцева. Проэктъ грамоты въ высшей степени любопытенъ. Ею государь торжественно даруетъ населенію гражданскія и личныя права: свободу слова, печати и личности, наказуемость только по суду, даже за оскорбленіе величества. Политическихъ правъ населенія грамота не опредѣляетъ, но, вѣроятно, въ проэктѣ грамоты тогда видѣли только первый приступъ въ дѣлѣ правового развитія государства.

Параллельно съ обсужденіемъ проэкта о правахъ Сената, въ самомъ Сенатѣ и въ кругу заинтересованныхъ дѣятелей шли работы въ негласномъ комитетѣ. Эту работу нельзя назвать планомѣрной. Разговоровъ о всякихъ дѣлахъ подымалось очень много, но результатъ ихъ, большею частью, былъ неопредѣленнаго свойства. Графъ Строгановъ въ своихъ запискахъ объясняетъ отсутствіе результатовъ дѣятельности комитета характеромъ самого императора, уклонявшагося отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Это справедливо, но справедливо также и то, что члены комитета не имѣли опредѣленнаго плана. Зато они съ особенной рѣзкостью критиковали проэкты, представляемые на усмотрѣніе императора членами сенатской партіи. Даже не всѣ проэкты, касавшіеся улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, находили поддержку въ комитетѣ, и только представленный Румянцевымъ проэктъ закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, по обсужденіи въ комитетѣ, былъ одобренъ Совѣтомъ и получилъ форму закона. Рѣзкой критикѣ въ комитетѣ подвергся и представленный Сенатомъ указъ о его правахъ. Сотрудники государя старались отклонить его отъ мысли утвердить наиболѣе важныя положенія сенатскаго мнѣнія.

Кочубей полагалъ достаточнымъ обнародовать указъ съ изложеніемъ порядка занятій въ Сенатѣ, не упоминая о его правахъ и преимуществахъ. Новосильцевъ разбивалъ докладъ по частямъ, стараясь провести ту мысль, что Сенатъ никогда не былъ законодательнымъ собраніемъ и таковымъ не можетъ быть въ будущемъ: государю даже и неудобно было бы даровать значительныя права Сенату, такъ какъ этимъ онъ „связалъ бы себѣ руки и не могъ бы сдѣлать всего задуманнаго на общую пользу и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху“. Права Сената могли быть небезопасны въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями. Новосильцевъ предлагалъ ограничить компетенцію Сената исключительно судебною властью. Лагарпъ боялся, что предоставленіе Сенату правъ исполнительной власти, которою онъ пользовался въ теченіе XVIII столѣтія, уменьшитъ права государя. Вообще, въ комитетѣ пренія приняли весьма оригинальный характеръ. Вначалѣ выборный составъ Сената, повидимому, нравился государю. Онъ готовъ былъ предоставить Сенату власть исполнительную и охранительную, т.-е. контролирующую, полагая что такое учрежденіе явится „необходимымъ противовѣсомъ абсолютизму“. Но, вслѣдствіе критическихъ замѣчаній своихъ сотрудниковъ, Александръ отклонился отъ введенія выборнаго начала въ Сенатъ. Сотрудники успѣли настоять на сохраненіи за правительствомъ „свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ“.

Одновременно сотрудники государя разрабатывали уставъ министерствъ. Началось „согласованіе“ этого проэкта съ проэктомъ о правахъ Сената. Согласованіе окончилось тѣмъ, что исполнительная и почти во всемъ объемѣ контролирующая власть были отняты отъ Сената. Въ результатѣ Сенатъ дѣйствительно получилъ почти исключительно характеръ высшаго судебнаго учрежденія. За Сенатомъ осталось лишь право контролировать отчеты министровъ, представляемые государю, и право дѣлать представленія государю по поводу изданныхъ высочайшихъ указовъ. Но надо здѣсь же сдѣлать оговорку, что оба эти права не имѣли реальнаго значенія. Контролировать отчетъ министра Сенатъ могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы имѣлъ право требовать свѣдѣнія отъ губернаторовъ, а также и отъ министровъ. Поэтому въ Сенатъ только въ первое время попало нѣсколько отчетовъ министровъ, и затѣмъ испарился самый обычай представленія ихъ. Иначе и не могло быть, такъ какъ министры во

всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются указаніями верховной власти, отъ нея получаютъ указы и наставленія, ей представляютъ и отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Точно также не имѣла послѣдствій и статья, предоставлявшая Сенату право дѣлать представленія на высочайшіе указы: уже въ 1803 году Сенатъ получилъ жестокій выговоръ отъ государя за сдѣланное имъ на законномъ основаніи представленіе.

Указъ о правахъ Сената, профильтрованный, какъ мы видѣли, въ негласномъ комитетѣ, вышелъ 8 сентября 1802 года, въ одинъ день съ указомъ объ учрежденіи министерствъ. Проэктъ учрежденія министерствъ является главнымъ плодомъ дѣятельности негласнаго комитета. Сначала трактовался вопросъ о министерскомъ Совѣтѣ, что предлагалось въ одной запискѣ государю Воронцовымъ. Но Воронцовъ предлагалъ проэктъ Совѣта министровъ на подобіе англійскаго. Лагарпъ и тутъ увидѣлъ опасность для власти государя, если министерскій Совѣтъ будетъ согласенъ во взглядахъ. Тогда началъ разрабатываться проэктъ отдѣльныхъ министерствъ. Толчкомъ къ этой работѣ послужила записка князя Чарторыйскаго. Первоначально была мысль: важнѣйшія дѣла, превышающія власть отдѣльнаго министра передавать въ Совѣтъ, членами котораго также были бы всѣ министры. Но противъ этого возстали члены негласнаго комитета, особенно Кочубей. Такъ какъ государь настаивалъ на перенесеніи дѣлъ въ Совѣтъ, то въ средѣ членовъ негласнаго комитета начинаетъ появляться неясная еще мысль о Комитетѣ министровъ. Такъ зарождалось учрежденіе, которое имѣло впослѣдствіи въ теченіе цѣлаго столѣтія столь важное значеніе въ русскомъ государственномъ механизмѣ. При образованіи министерствъ весьма важнымъ вопросомъ являлся вопросъ объ отношеніи министровъ въ коллегіямъ. Петровскія коллегіи просуществовали въ теченіе XVIII столѣтія, были уничтожены при Екатеринѣ и воскресли при Павлѣ. Теперь являлся вопросъ, оставить ли коллегіи въ качествѣ совѣщательнаго органа при министрѣ, или же сдѣлать министерскую власть вполнѣ единоличною? Кочубей стоялъ на послѣдней точкѣ зрѣнія, но ей противился государь, и коллегіи остались въ первомъ учрежденіи министерствъ. Впрочемъ, уже съ 1803 года онѣ постепенно уничтожаются.

Однимъ словомъ, очень нетрудно подмѣтить, что члены негласнаго комитета стремились сдѣлать изъ министровъ абсолютныхъ хозяевъ въ отмежованной имъ области. Первое учрежденіе мини-

стерствъ, съ точки зрѣнія удобнаго раздѣленія частей государственнаго механизма, оказалось весьма неудовлетворительнымъ. „Вообще первое учрежденіе министерствъ, – скажемъ словами Градовскаго,—носитъ на себѣ характеръ поспѣшной работы (о немъ трактовали въ Комитетѣ въ теченіе полутора года)[1]), торопливаго желанія доставить своимъ идеямъ торжество въ принципѣ, хотя въ самой несовершенной формѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи дать ей болѣе совершенную организацію. Оно было временнымъ перемиріемъ новыхъ французско-канцелярскихъ порядковъ съ прежними Петровскими учрежденіями,—перемиріемъ, послѣ котораго должно было послѣдовать окончательное паденіе этихъ послѣднихъ". Сперанскій, прекрасный знатокъ всего механизма правительственныхъ учрежденій, тоже былъ очень недоволенъ первыми министерствами. Таковы были первыя министерства по указу 8 сентября 1802 года (ихъ было восемь: военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, коммерціи, народнаго просвѣщенія, юстиціи, финансовъ и государственнаго казначейства).

Итакъ, пышный указъ о правахъ Сената, обезправившій это учрежденіе, и указъ о введеніи министерствъ являются двумя наиболѣе видными актами первыхъ годовъ царствованія Александра I. Они имѣютъ значеніе не только техническое, въ смыслѣ перестройки государственнаго механизма, но и значеніе политическое. Во-первыхъ, пока шла работа по подготовкѣ этихъ актовъ, представители различныхъ слоевъ дворянства успѣли высказать свои желанія. Во-вторыхъ, акты были не безразличны и въ смыслѣ усиленія верховной власти. Сенатъ XVIII вѣка обладалъ властью исполнительной, контролирующей и судебной. Такимъ образомъ, дѣйствія верховной власти главнымъ образомъ выражались въ законодательныхъ функціяхъ. Правда, между Сенатомъ и государемъ иногда появлялись другія учрежденія, ограничивавшія власть Сената (Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ Министровъ). Но русское общество видѣло въ этихъ учрежденіяхъ узурпацію сенатской власти. Во всякомъ случаѣ, Сенатъ управлялъ коллегіями и черезъ нихъ даже непосредственно направлялъ всю мѣстную администрацію. Въ коллежскомъ обрядѣ Сената было не мало тормазовъ для быстраго рѣшенія дѣлъ; но зато тотъ же обрядъ спасалъ управляемыхъ отъ деспотизма единичныхъ управителей. Съ появленіемъ министерствъ положеніе

[1]) Замѣчаніе наше. М. Д.—З.

дѣлъ мѣняется: единоличное управленіе замѣняетъ собою коллегіальное. Министръ исключительно зависитъ отъ государя и отвѣтственъ только передъ нимъ, если государь имѣетъ способы провѣрить дѣятельность своего избранника. Министръ же имѣетъ возможность испросить для всякаго новаго дѣла государевъ указъ, т-е. законъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ министровъ фактически сосредоточивается исполнительная власть и законодательная инициатива. Въ лицѣ министровъ абсолютная верховная власть получила щупальцы, при посредствѣ которыхъ она могла съ высоты престола проникнуть въ самые отдаленные края обширнаго государства. Государственный механизмъ упрощался, но весьма легко могло получиться то, чего такъ боялся Воронцовъ: вмѣсто одного деспота появилось нѣсколько. Съ этой именно точки зрѣнія многіе современники оцѣнивали значеніе министерствъ. Одинъ изъ нихъ, Вигель, задается вопросомъ о томъ, что означаетъ по русскимъ законамъ отвѣтственность министровъ. Передъ кѣмъ министры будутъ отвѣчать? „Передъ государемъ, который долженъ уважать въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ только передъ своею совѣстью, когда невзначай есть она въ которомъ-нибудь изъ нихъ. Можетъ быть, когда-нибудь случится, что разсѣянный государь ввѣрится небрежнымъ министрамъ, которые ввѣрятся лѣнивымъ директорамъ, которые ввѣрятся неблагоразумнымъ и неопытнымъ начальникамъ отдѣленій, а они ввѣрятся умнымъ и дѣятельнымъ, но не всегда благонамѣреннымъ и добросовѣстнымъ столоначальникамъ; тогда сіи послѣдніе, безъ общей связи и цѣли, будутъ одни управлять дѣлами государства“.

Но весь этотъ первый періодъ работъ интересенъ еще съ другой стороны—со стороны общественной. Мы видѣли, что общество встрѣтило новое царствованіе съ радужными ожиданіями. Начальная дѣятельность правительства какъ будто шла навстрѣчу этимъ ожиданіямъ. Указъ Сенату представить записку о своихъ правахъ могъ удовлетворить требованіямъ умѣренной части общества. Но результатъ совершенно не отвѣчалъ и этимъ ожиданіямъ. Мало того, молодой императоръ постепенно устраняетъ, съ одной стороны, своихъ друзей, членовъ Негласнаго Комитета, съ другой стороны и „стариковъ“. Потерявъ довѣріе государя, Стро-

гановъ выходитъ въ армію, Чарторыйскій подаетъ въ отставку, за ними уходитъ Новосильцевъ и другіе. Взамѣнъ конституціи общество получило возстановленіе страшной тайной экспедиціи, въ секретныхъ указахъ 12 сент. 1805 г. 13 января 1807 г. Въ правительственной дѣятельности въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проходитъ безцвѣтный періодъ, пока, наконецъ, при государѣ не появляется Сперанскій. Дѣятельностью Сперанскаго отмѣчается новая эпоха правительственныхъ проэктовъ.

ГЛАВА V.

М. М. Сперанскій.

Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій—сынъ священника села Черкутина Владимірской губерніи. Какъ и всѣ поповичи, онъ первоначально обучался въ мѣстной семинаріи и, вѣроятно, окончилъ бы свою жизнь сельскимъ священникомъ, если бы случайныя обстоятельства не дали ему возможности перейти въ Петербургъ. Въ 1790 году указомъ Синода были потребованы лучшіе изъ провинціальныхъ семинаристовъ въ новоучрежденную тогда главную семинарію при Александро-Невской Лаврѣ (духовную академію). Владимірская семинарія послала учиться въ Петербургъ Сперанскаго. Тутъ въ семинаріи молодой Сперанскій выказалъ весьма большіе успѣхи въ наукахъ, особенно въ математикѣ и философіи. Но кромѣ школьныхъ наукъ семинаристы знакомились съ ученіемъ французскихъ энциклопедистовъ. Источникомъ этого знакомства были семинарскіе учителя: „Мы попали къ учителю,—разсказывалъ впослѣдствіи Сперанскій,—который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдывалъ намъ Вольтера и Дидерота". Въ школьной проповѣди, сказанной Сперанскимъ въ 1791 году и по счастливой случайности сохранившейся до насъ, уже сквозитъ политическая струя въ молодомъ семинаристѣ. Проповѣдь сказана была на текстъ „не бойся, отселѣ будеши человѣци ловя". Тутъ юный проповѣдникъ касается вопроса о происхожденіи человѣческихъ обществъ: взаимная выгода соединяетъ людей, но необходимо и довѣріе. Разумъ можетъ написать наилучшіе законы и „ограничить силу властей", но власть безъ довѣрія, безъ любви къ подданнымъ дѣлаетъ земного владыку „только счастливымъ злодѣемъ": премудрому государю удивляется весь міръ, но если ты не будешь на тронѣ человѣкъ, если въ сердцѣ твоемъ не познаешь обязательствъ человѣчества... если не низойдешь съ престола для отренія слезъ послѣдняго изъ своихъ подданныхъ... если употребишь свои знанія, чтобы позлатить цѣпи

рабства... чтобы изгладить совершенно понятіе свободы... то тогда... со всѣмъ симъ блескомъ ты будешь только счастливый злодѣй". Въ этой проповѣди интересна не только рѣзко выраженная политическая мысль, но уже чувствуется и блестящій слогъ будущаго творца проэктовъ. Необходимо подчеркнуть политическое значеніе этой проповѣди, такъ какъ она является блестящимъ отвѣтомъ тѣмъ современникамъ и позднѣйшимъ біографамъ Сперанскаго, которые готовы видѣть въ немъ государственнаго дѣятеля, приспособлявшаго свои взгляды къ наиболѣе популярному теченію.

По окончаніи семинаріи мы видимъ Сперанскаго въ качествѣ учителя той же Александро-Невской семинаріи, сначала физики и краснорѣчія, а потомъ и философіи, наконецъ, въ качествѣ префекта той же семинаріи. Онъ усердно продолжаетъ свои занятія и, повидимому, болѣе всего увлекается изученіемъ философіи Лейбница, Декарта, Локка. Составленный имъ тогда же курсъ „правилъ высшаго краснорѣчія" обличаетъ новатора въ области языка.

Но матеріальное положеніе семинарскаго учителя было скудно. Сперанскій ищетъ побочныхъ занятій и попадаетъ къ извѣстному генералъ-прокурору Павловскаго времени князю Куракину въ домашніе писцы. Положеніе его тутъ было сначала незавидное: приходилось обѣдать съ княжеской прислугой и т. п. Однако князь не могъ не отличить молодого писца, и Сперанскій скоро поступилъ въ генералъ-прокурорскую канцелярію. Тутъ ему приходилось не легко, такъ какъ при Павлѣ генералъ-прокуроры часто мѣнялись. Самъ Сперанскій впослѣдствіи такъ описывалъ свою тогдашнюю службу: при всѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ, различныхъ характеровъ, нрава, способностей, „ему приходилось быть на самой вещи" правителемъ канцеляріи: „Одному надо было угождать такъ, другому иначе; для одного достаточна была исправность въ дѣлахъ, для другихъ болѣе того требовалось... и я былъ всячески и во всемъ". Сперанскій удержался даже при свирѣпомъ Обольяниновѣ, хотя и былъ моментъ, когда этотъ генералъ-прокуроръ обѣщалъ посадить Сперанскаго въ казематъ на 7 саж. подъ землей. Что служить было нелегко, въ видѣ иллюстраціи можно сослаться на слѣдующее. Императоръ Павелъ приказалъ однажды сочинить проэктъ торговаго устава. Въ исполненіе приказа, захватили на петербургской биржѣ 40 купцовъ и заперли ихъ вмѣстѣ со Сперанскимъ въ отдаленныхъ

покояхъ Гатчинскаго дворца. Поговоривъ съ болѣе толковыми изъ этихъ невольныхъ законодателей, молодой философъ составилъ уставъ и купцовъ благополучно выпустили.

Новое царствованіе принесло Сперанскому быстрое возвышеніе. Императоръ Александръ могъ замѣтить Сперанскаго еще въ бытность свою наслѣдникомъ, такъ какъ Сперанскій между прочимъ былъ правителемъ дѣлъ въ Комиссіи по снабженію императорской резиденціи продовольствіемъ, а наслѣдникъ былъ ея предсѣдателемъ. Послѣ короткой службы въ канцеляріи Трощинскаго, Сперанскій, уже съ согласія государя, перешелъ въ канцелярію перваго министра внутреннихъ дѣлъ—князя Кочубея. Многіе акты этого перваго министерства принадлежатъ перу Сперанскаго. Въ 1803 году онъ уже составляетъ первый проэктъ государственнаго преобразованія. Служба въ Министерствѣ давала Сперанскому возможность личнаго доклада государю. Отсюда начинается сближеніе обоихъ. Ко времени Эрфутскаго свиданія государь приближаетъ къ себѣ молодого чиновника. Онъ беретъ его съ собою въ Эрфуртъ. Сперанскій получаетъ порученіе составить органическій проэктъ, который заключалъ бы въ себѣ преобразованіе всего механизма управленія имперіею.

Въ періодъ возвышенія дѣятельность Сперанскаго поражаетъ разнообразіемъ дѣлъ, которыя ему были вручены, и обличаетъ въ немъ замѣчательную энергію и рѣдкое умѣніе ориентироваться въ разнообразныхъ и сложныхъ вопросахъ государственнаго управленія.

Въ своемъ органическомъ проэктѣ Сперанскій долженъ былъ обдумать планъ измѣненія всѣхъ частей управленія, для чего ему пришлось уяснить недостатки существующаго механизма и доказать цѣлесообразность проэктируемыхъ имъ измѣненій. Для этого надо было знать механизмъ существующихъ учрежденій, взвѣсить выработанныя тогда наукой права на Западѣ конституціонныя теоріи и предложить схему ихъ для Россіи. Одновременно ему поручено составить планъ преобразованія финансовъ. Къ 1810 году растройство русскихъ финансовъ достигло крайней степени. Несмотря на всѣ трудности вопроса, такъ какъ вообще эта отрасль управленія всегда требуетъ спеціальныхъ познаній, Сперанскій оказался на высотѣ своего положенія: „предпринятая въ 1810 году реформа въ области государственнаго кредита составляетъ и до настоящаго времени одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскихъ финансовъ“,—замѣчаетъ по этому

БИБЛІОТЕКА * 10. МАЯ. 1965 № Технологическаго

поводу профессоръ Мигулинъ. Если съ точки зрѣнія тогдашней финансовой науки планъ Сперанскаго не можетъ быть названъ вполнѣ самостоятельнымъ, то во всякомъ случаѣ примѣненіе теоріи, выработанной западно-европейской наукой, примѣненіе того изъ этой теоріи, что являлось естественно необходимымъ въ данный моментъ, должно быть признано безспорной заслугой Сперанскаго.

На Сперанскомъ, далѣе, лежалъ трудъ по комиссіи законовъ. Это было старое дѣло, сто лѣтъ занимавшее русскую администрацію и законодательство. Комиссіи по составленію новаго свода законовъ начались съ Петра Великаго, появлялись и исчезали безслѣдно. Сперанскому пришлось руководить дѣятельностью уже десятой по счету коммиссіи. Времени у него было немного, подготовки въ немъ ожидать нельзя было, потому что сводъ законовъ требовалъ и теоретическихъ познаній и познаній въ исторіи русскаго права. Интересъ къ этому послѣднему рано сказывался въ Сперанскомъ, но по тогдашнимъ условіямъ фактическое ознакомленіе было дѣломъ почти невыполнимымъ. Впрочемъ, и на этомъ поприщѣ Сперанскій выказалъ свое умѣніе дать направленіе дѣлу. Въ комиссіи правителемъ дѣлъ былъ ученый нѣмецъ Розенкампфъ, очень ученый въ наукѣ права, но по незнанію русскаго языка онъ былъ не свѣдущъ въ русскомъ правѣ. До назначенія Сперанскаго, члены комиссіи Лопухинъ и Новосильцевъ мало вникали въ дѣла, и Розенкампфъ занимался чисто научными справками изъ иностраннаго законодательства, или заставлялъ чиновниковъ переводить для себя русскіе законы на французскій языкъ. Сперанскій измѣнилъ планъ работъ и сталъ фактически руководить комиссіей. За это онъ пріобрѣлъ въ Розенкампфѣ злѣйшаго изъ своихъ враговъ. Сперанскій приступилъ къ своей работѣ съ сильнѣйшимъ желаніемъ какъ можно скорѣе дать Россіи новое уложеніе. Но свода законовъ и полнаго собранія законовъ въ то время не было. Поэтому основать новое уложеніе на основахъ русскаго законодательства въ то время было дѣломъ невозможнымъ. Повидимому, и самъ Сперанскій тогда еще не придавалъ особеннаго значенія историческому изученію права. Поэтому составленный подъ его руководствомъ проэктъ гражданскаго уложенія отличается теоретическимъ построеніемъ. Этотъ кодексъ враги Сперанскаго считали простымъ подражаніемъ знаменитому Наполеоновскому кодексу. Извѣстно,

что Карамзинъ съ особой ядовитостью развивалъ эту мысль. По мнѣнію спеціалистовъ, этотъ упрекъ не безоснователенъ, но самъ Сперанскій объяснялъ совпаденіе своего проэкта съ кодексомъ тѣмъ, что оба уложенія сходятся въ одномъ общемъ своемъ источникѣ,—въ римскомъ правѣ. Насъ этотъ вопросъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ не можетъ интересовать. Для насъ эта часть работы Сперанскаго интересна, какъ одна изъ біографическихъ подробностей. Можемъ одно только сказать, что на этомъ проэктѣ Сперанскаго сказалась и спѣшность работы и недостатокъ умѣлыхъ помощниковъ и отсутствіе собранія русскихъ законодательныхъ актовъ.

Какъ ни многосложны были задачи государственнаго управленія, возложенныя на Сперанскаго, все же по всѣмъ отраслямъ ихъ онъ успѣлъ проявить неутомимую дѣятельность и наложить печать своего необыкновеннаго ума. Такъ, кромѣ указанныхъ, на него были возложены финляндскія дѣла. Для устроенія Финляндіи Сперанскій сдѣлалъ весьма много. Подъ его вліяніемъ Финляндіи было предоставлено то государственное устройство, которымъ она пользуется до настоящаго времени. Въ дѣлахъ Боргоскаго сейма Сперанскій принималъ самое живое участіе. Всѣ главные акты, придавшіе значеніе этому сейму, составлены Сперанскимъ. Онъ выработалъ церемоніалъ сейма, онъ сочинилъ французскую рѣчь государя, наконецъ, онъ долженъ былъ улаживать тренія, немедленно возникшія на сеймѣ. Такъ, зная своего монарха, онъ, путемъ личныхъ сношеній и переписки съ финляндскими дѣятелями, устраняетъ щекотливый вопросъ о присягѣ новаго государя старой конституціи. Онъ охранялъ эту Финляндскую конституцію всѣми способами, старался оберечь самый сеймъ для того, чтобы сохранить сущность дѣла и избѣжать всего того, что могло бы принести финляндцамъ нежелательныя послѣдствія. Когда новый финляндскій генералъ-губернаторъ извѣстный Спренгпортенъ вздумалъ было произвести давленіе на сеймъ и говорить съ нимъ тономъ представителя сильной власти, Сперанскій выступилъ заступникомъ сейма и преподалъ генералъ-губернатору совѣтъ избѣгать по отношенію къ сейму формъ опеки или контроля. Сперанскій вступаетъ въ дружественныя сношенія съ наиболѣе видными и либеральными дѣятелями Финляндіи, Карломъ Маннергеймомъ, съ пасторомъ Яковомъ Тенгстремомъ, съ профессоромъ Калоніусомъ, привлекаетъ ихъ на службу,

успѣваетъ добиться отъ нихъ примиренія съ нѣсколько неполной конституціей. Не безъ вліянія Сперанскаго оказался на русской службѣ въ Финляндской комиссіи и извѣстный Армфельдъ, такъ способствовавшій впослѣдствіи низверженію Сперанскаго.

Наконецъ, для полноты прибавимъ, что на Сперанскомъ лежалъ цѣлый рядъ другихъ дѣлъ: дѣла лифляндскія, рядъ отдѣльныхъ дипломатическихъ порученій и т. д.

Въ періодъ своего возвышенія Сперанскій много работалъ, но въ петербургскомъ обществѣ онъ держался исключительно личнымъ довѣріемъ государя. Для петербургскаго общества этотъ поповичъ-выскочка оставался человѣкомъ чужимъ, болѣе того, человѣкомъ опаснымъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ носились какіе то темные слуги о проэктахъ, составляемыхъ Сперанскимъ. Такъ какъ въ обществѣ были убѣждены въ либеральномъ настроеніи государя, то реакціонеры и крѣпостники видѣли въ Сперанскомъ проводника либеральныхъ идей. Хотя русская аристократія XVIII вѣка знала въ своей средѣ графа Кутайсова и мн. др. столь же невысокаго происхожденія титулованныхъ и нетитулованныхъ вельможъ, но все же Сперанскому она не могла простить его невысокаго происхожденія. Это понятно. Въ личной жизни Сперанскій былъ человѣкомъ замкнутымъ, ни у кого ничего не искалъ, почему его считали человѣкомъ гордымъ. Такъ, противъ Сперанскаго слагалось крайне враждебное отношеніе въ самомъ обществѣ. Многіе изъ его противниковъ, вродѣ Растопчина, старались въ широкихъ кругахъ общества распространять о Сперанскомъ самые нелѣпые слухи.

Финансовый проэктъ Сперанскаго вызвалъ увеличеніе налоговъ. Въ народѣ былъ пущенъ слухъ, который потомъ отлился во враждебной для Сперанскаго формѣ: „деретъ этотъ поповичъ кожу съ народа... сгубитъ государство“,—говорили въ чайныхъ обѣихъ столицъ. Указъ объ экзаменахъ на чинъ, изданный государемъ по настоянію Сперанскаго, вызвалъ сильнѣйшій ропотъ среди мелкаго и средняго дворянства. Въ своей запискѣ Карамзинъ былъ отголоскомъ этого ропота, когда выражалъ удивленіе по поводу того, какую связь имѣютъ знанія наукъ съ производствомъ въ тотъ или иной чинъ.

Такъ создавалось для Сперанскаго весьма неблагопріятное положеніе. Онъ держался довѣріемъ государя, но и это довѣріе

стало колебаться. Въ 1809 году органическій проэктъ Сперанскаго лежалъ на столѣ у государя, но государь откладывалъ его утвержденіе. Изъ представленныхъ Сперанскимъ проэктовъ получили утвержденіе законы о государственномъ совѣтѣ и о министерствахъ; это были отдѣльныя части цѣлаго плана; гражданскій кодексъ, о которомъ мы говорили, внесенъ былъ государемъ на разсмотрѣніе во вновь образованный государственный совѣтъ. Но проэктъ конституціи откладывался утвержденіемъ. Сперанскій настаивалъ, что, видимо, начинало тяготить государя. Между тѣмъ неблагопріятные слухи о Сперанскомъ все болѣе и болѣе росли въ обществѣ. Дипломатическія осложненія съ французами еще болѣе давали поводъ къ этимъ слухамъ, потому что тогда готовы были считать измѣнникомъ всякаго, кто подозрѣвался въ пристрастіи къ французамъ.

Все это кончилось объясненіемъ 17 марта 1812 года, происшедшимъ между государемъ и Сперанскимъ. По возвращеніи домой послѣ этой бесѣды, Сперанскій былъ арестованъ поджидавшимъ его въ квартирѣ министромъ полиціи и немедленно отправленъ въ ссылку.

За что былъ удаленъ Сперанскій? Въ чемъ заключалось его послѣднее объясненіе съ государемъ?

На эти вопросы историкъ не можетъ дать отвѣта. Впослѣдствіи ни Сперанскій, ни Александръ никогда и никому не передавали о томъ, что говорилось въ послѣдній разъ. Изъ извѣстнаго Пермскаго письма Сперанскаго къ государю можно заключить, что при этомъ свиданіи государь упрекалъ Сперанскаго въ разстройствѣ финансовъ, въ приведеніи правительства „въ ненависть“ и, наконецъ, въ рѣзкихъ отзывахъ Сперанскаго о правительствѣ, т. е., вѣроятно, о самомъ государѣ. Наконецъ, ему ставилось въ вину, что онъ хочетъ проникнуть въ дипломатическія тайны. Въ этомъ письмѣ Сперанскій съ благородной рѣзкостью отвергалъ взведенныя на него обвиненія и давалъ еще разъ объясненіе всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты государемъ, согласно его проэкту.

Императоръ Александръ I-й давалъ самыя разнорѣчивыя объясненія о причинахъ удаленія имъ Сперанскаго. Князю А. Н. Голицину онъ сказалъ: „У меня отняли Сперанскаго“. Госпожѣ Крюднеръ: „Принужденъ былъ удалить“. Въ разговорѣ съ Дми-

тріевымъ государь порицалъ Сперанскаго, въ разговорѣ съ Новосильцевымъ—завѣрялъ своего собесѣдника, что Сперанскій не былъ измѣнникомъ; Васильчикову онъ объяснилъ удаленіе „силой обстоятельствъ“. Можетъ быть, государь былъ болѣе откровененъ съ сыскнымъ агентомъ де-Сангленомъ, которому онъ сказалъ: „Сперанскій совѣтовалъ создать боярскую думу, но что же я такое? Развѣ я нуль?“. Здѣсь и кроется причина загадки. Пока вопросъ о конституціи былъ отдаленнымъ проэктомъ, создававшимъ государю популярность въ нѣкоторыхъ кругахъ, Сперанскій пользовался вліяніемъ. Но онъ слишкомъ поторопился составить проэктъ, онъ слишкомъ рѣзко настаивалъ на необходимости его утвержденія. Между тѣмъ Александръ I не былъ склоненъ поступаться властью самодержавнаго монарха.

Во всякомъ случаѣ удаленіе Сперанскаго вызвало въ столицѣ много всевозможныхъ разговоровъ и сплетенъ.

Паденіе Сперанскаго является загадкой, далеко еще не распутанной историками и тщательно скрытой отъ современниковъ. Недавно въ одной изъ своихъ статей В. И. Семевскій занялся детальнымъ распутываніемъ сложныхъ нитей заговора, направленнаго противъ Сперанскаго. Кое-что выяснено теперь съ большей достовѣрностью, опредѣленъ тотъ обширный кругъ царедворцевъ, который работалъ противъ Сперанскаго. Безспорно, многимъ обязанный Сперанскому шведскій выходецъ графъ Армфельдъ и министръ полиціи Балашовъ предлагали Сперанскому какой то союзъ, заключеніе тріумвирата для направленія всѣхъ дѣлъ государства. Сперанскій отвергъ это предложеніе, но не донесъ о немъ государю. Тогда доносъ сдѣлалъ Балашовъ, но уже въ нежелательномъ для Сперанскаго освѣщеніи. За Сперанскимъ стали усиленно слѣдить. Армфельдъ рѣшилъ во что бы то ни стало удалить его. Посыпались доносы. Даже за границу переданы были слухи о томъ, что противъ государя составленъ заговоръ, и во главѣ стоитъ Сперанскій; объ этомъ упоминаетъ наслѣдный шведскій принцъ Бернадотъ. Армфельдъ цинично говорилъ сыщику де-Санглену: виновенъ Сперанскій, или нѣтъ, но онъ долженъ быть принесенъ въ жертву, это необходимо, „чтобы привязать народъ къ главѣ государства“. Такъ найденъ былъ предлогъ. Министръ полиціи увѣрялъ Александра, что Сперанскій состоитъ „регентомъ иллюминатовъ“. Графъ Растопчинъ, глава консерваторовъ, увѣрялъ великую княгиню Елену Павловну въ

томъ, что Сперанскому преданы всѣ мартинисты и иллюминаты. Розенкампфъ, постоянный врагъ Сперанскаго, пишетъ записку, въ которой обвиняетъ его въ намѣреніи разрушить существующій порядокъ. Начались враждебные доносы по поводу наложенія новыхъ податей, пускались неблагопріятные слухи въ низы обѣихъ столицъ. Всѣ эти доносы, направляющіеся отъ разныхъ лицъ къ государю, источникомъ своимъ имѣли Армфельда. Судя по письму Паррота, Сперанскому угрожало гораздо худшее, чѣмъ ссылка—разстрѣляніе. Но весь вопросъ въ томъ, былъ ли государь простымъ воспринимателемъ доносовъ, утверждавшимся постепенно въ виновности Сперанскаго, или лицомъ, направлявшимъ эту сложную интригу. Трудно высказаться положительно въ томъ или другомъ смыслѣ. Но несомнѣнно, невинность Сперанскаго была всегда очевидна для Александра, онъ не считалъ его измѣнникомъ, преступникомъ. Сперанскій затронулъ въ немъ такую сторону, которую онъ особенно тщательно оберегалъ—самодержавіе. Но онъ самъ далъ для этого Сперанскому поводъ: человѣку желательно было удалить Сперанскаго, государю—нужна была вина. Поэтому, можетъ быть, правъ де-Сангленъ, хорошо посвященный въ дѣло сыска, въ томъ, что государь былъ центромъ интриги, направленный противъ его статсъ-секретаря.

Первоначально Сперанскій былъ сосланъ въ Нижній, оттуда скоро былъ переведенъ въ Пермь. Жизнь въ ссылкѣ для него была тяжелая. Въ Нижнемъ съ нимъ обращались почтительно, но въ Перми положеніе сдѣлалось особенно труднымъ. Мѣстная администрація не знала, какъ считать высокопоставленнаго ссыльнаго, и рѣшила обращаться съ нимъ самымъ строгимъ образомъ. Фактически тогда управлялъ губерніей не губернаторъ Гермель, а его жена Анна Ивановна. Всѣ распоряженія о мѣрахъ надзора давались непосредственно губернаторшей. Она посадила въ квартиру Сперанскаго двухъ будочниковъ и распорядилась, чтобы полицмейстеръ и надзиратели днемъ и ночью его навѣщали. Сперанскій сдѣлалъ пермскимъ властямъ визиты. По распоряженію губернатора, ему не отвѣтили. „Квартальные приставы, вся полицейская сволочь являются поминутно, стерегутъ самое мое дыханіе“,—жаловался Сперанскій въ одномъ письмѣ изъ Перми. Впрочемъ, въ Перми администрація испытала большой конфузъ. Сперанскій не былъ оффиціально сосланъ, т. е. указа объ этомъ никогда не было опубликовано, онъ не былъ лишенъ чиновъ и

орденовъ. Вдругъ въ Перми получается разъясненіе министра полиціи о томъ, что Сперанскаго надо разумѣть, какъ государственнаго секретаря и тайнаго совѣтника. Немедленно чины администраціи начали дѣлать ему визиты, но были холодно приняты изгнанникомъ.

Мечты о возвращеніи къ прежней дѣятельности не покидали Сперанскаго въ Перми. Онъ пишетъ свое знаменитое письмо къ государю, стараясь разъяснить свое поведеніе, пишетъ къ своимъ петербургскимъ знакомымъ, у кого надѣялся встрѣтить поддержку, наконецъ, обращается къ всесильному Аракчееву. Въ 1814 году Сперанскому разрѣшено было поселиться въ его имѣніи въ Новгородской губерніи. Черезъ два года его назначаютъ губернаторомъ въ Пензу и еще черезъ два года даютъ очень важный постъ генералъ-губернатора въ Сибири. Краткій періодъ управленія Сибирью является очень важнымъ моментомъ въ біографіи Сперанскаго. На этомъ поприщѣ онъ опять проявляетъ свою необыкновенную энергію. До него Сибирью изъ Петербурга управлялъ Пестель. При немъ, какъ и при его предшественникахъ, Сибирь была страной, гдѣ злоупотребленія администраціи доходили до небывалыхъ размѣровъ. Пестель держался только потому, что онъ и Аракчеевъ имѣли одну общую пріятельницу. Но злоупотребленія дошли до того, что и эта протекція оказалась безсильной. Взяточничество губернаторовъ и исправниковъ дошло до небывалыхъ размѣровъ. У супруги Иркутскаго губернатора Трескина буряты ежегодно покупали одинъ и тотъ же мѣхъ за 10000 рублей. Енисейскій городничій Куколевскій разъѣзжалъ по городу въ экипажѣ, запряженномъ его чиновниками. Неистовства исправника Лоскутова дошли до небывалыхъ размѣровъ. Когда Сперанскій объявилъ его при толпѣ жалобщиковъ отрѣшеннымъ отъ должности, одинъ сѣдой старикъ бросился къ ногамъ генералъ-губернатора и крикнулъ: „батюшка, что же ты дѣлаешь? Вѣдь ты не знаешь, что это Лоскутовъ“.

Съ неимовѣрными усиліями Сперанскому прежде всего пришлось расчищать мѣстную администрацію. Это былъ оригинальный администраторъ, постоянно переѣзжавшій изъ города въ городъ, не имѣвшій опредѣленной резиденціи для того, чтобы на мѣстѣ разсматривать дѣла и приходить на помощь угнетаемымъ. Въ дѣлѣ водворенія законнаго порядка въ Сибири Сперанскій много сдѣлалъ. Мало того, онъ составилъ обширный планъ преобразованія

Сибири, который и представилъ государю, когда, наконецъ, въ 1821 году ему разрѣшено было возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь при Александрѣ онъ уже не имѣлъ прежняго значенія, и только впослѣдствіи, когда обширныя юридическія познанія Сперанскаго понадобились новому государю, онъ отдалъ всѣ свои силы, весь свой громадный опытъ, неистощимую энергію для того, чтобы созданіемъ Свода Законовъ способствовать утвержденію въ Россіи законнаго порядка.

Личная судьба Сперанскаго для потомства имѣетъ не малый интересъ. Государственная дѣятельность его и политическіе идеалы еще въ настоящее время нуждаются въ защитѣ. Неудивительно, что современники Сперанскаго изъ числа противниковъ его политическихъ идей искали и въ немъ лично, и въ его дѣятельности отрицательныхъ чертъ, выставили противъ него цѣлый рядъ обвиненій. Для Карамзина, Растопчина и мн. др. онъ—якобинецъ. Но даже и нѣкоторые изъ младшихъ современниковъ, неразнствовавшіе значительно съ нимъ во взглядахъ, тѣмъ не менѣе выставили противъ него немало обвиненій. По мнѣнію одного изъ нихъ (Н. И. Тургенева), повторенному много разъ позднѣйшими біографами, Сперанскій слишкомъ вѣрилъ въ силу уставовъ и предписаній. Другой изъ младшихъ его современниковъ и его біографъ, баронъ Корфъ, проникнутый уваженіемъ къ юридическимъ познаніямъ Сперанскаго, къ личности дѣятеля относится довольно отрицательно, отказывая ему въ искренности (онъ ищетъ искренности въ полуопальномъ сановникѣ Николаевскаго времени, между тѣмъ какъ дѣятельность барона Корфа въ проницательномъ человѣкѣ должна бы была возбуждать такое сомнѣніе, которое не располагало бы къ искреннимъ къ нему отношеніямъ); онъ даже ставитъ въ вину Сперанскому его слишкомъ большую любезность, равно очаровывавшую всѣхъ окружающихъ. Отзывы современниковъ перешли къ потомкамъ. Для покойнаго профессора Романовичъ-Словатинскаго проэкты Сперанскаго—собраніе всѣхъ ходячихъ теорій; отрицательно къ его раннимъ кодификаціоннымъ трудамъ отнесся проф. Пахманъ, а съ точки зрѣнія проф. Филиппова, Сперанскій выказалъ непониманіе значенія русскаго законодательства. И сейчасъ современные изслѣдователи готовы въ личности и дѣятельности Сперанскаго находить весьма отрицательныя черты. Проф. Середонинъ видитъ въ Сперанскомъ шаблоннаго искателя новыхъ мѣстъ назначенія. Онъ приписываетъ

Сперанскому желаніе служить подъ начальствомъ Кочубея, хотя извѣстно, что отъ Тарощинскаго къ Кочубею перевелъ Сперанскаго самъ государь. Онъ готовъ приписать Сперанскому искательство и въ другихъ случаяхъ, хотя, какъ и въ данномъ фактѣ, не можетъ привести никакихъ основаній для своихъ заключеній. Почтенный ученый и сейчасъ такъ горячо полемизируетъ со Сперанскимъ, какъ это обычно дѣлаютъ рѣзкіе политическіе противники. Съ его точки зрѣнія, Сперанскій не оправдалъ довѣрія государя, не обнаружилъ искусства проводить въ жизнь идеи, принятыя государемъ, онъ не умѣлъ составить уложенія, переустроить финансы, онъ даже плохо редактировалъ манифесты, потому что, напр., въ манифестѣ объ образованіи Совѣта „выражалъ на словахъ больше, чѣмъ слѣдовало“. Оригинальный упрекъ: Сперанскій спѣшитъ вложить въ уста государя, столь неустойчиваго въ своихъ мнѣніяхъ и обѣщаніяхъ, слова, которыя обязывали бы монарха продолжать преобразованіе, а изслѣдователь посылаетъ упрекъ Сперанскому, очевидно, лишь расходясь съ нимъ въ политическихъ воззрѣніяхъ.

Но въ общемъ эти отрицательные отзывы, какъ о личности, такъ и о дѣятельности Сперанскаго, весьма далеки отъ истины.

Въ лицѣ Сперанскаго нельзя не видѣть государственнаго дѣятеля съ прочно установившимися взглядами, такого дѣятеля, который подготовленъ наукой и жизнью къ проведенію практическихъ мѣръ, и такого дѣятеля, который всѣми силами стремится къ ихъ осуществленію, неспособный кореннымъ образомъ измѣнить своимъ идеаламъ. Жизнь и служебная карьера Сперанскаго сложились такимъ образомъ, что онъ имѣлъ полную возможность изучить русскую дѣйствительность, матеріальную и духовную обстановку разныхъ классовъ народа—отъ хижины и до престола. Его записки и проэкты обличаютъ въ немъ глубокое знаніе русской дѣйствительности и русскаго прошлаго. Въ противоположность многимъ своимъ современникамъ онъ именно не былъ теоретикомъ. Онъ былъ человѣкомъ практической жизни, онъ вышелъ изъ круговъ, гдѣ деспотизмъ сказывался съ особенной силой, и никогда не порывалъ связи съ этими кругами, даже въ періодъ своего возвышенія. Онъ выставилъ вполнѣ практическій принципъ: съ его точки зрѣнія прежде всего надо „пробить толщу“, надо получить безопасность и право думать надъ государственнымъ устройствомъ, а затѣмъ уже заняться деталями.

На этомъ именно онъ и настаивалъ въ періодъ своего возвышенія, указывая государю на необходимость утвердить конституціонный планъ. Практическими соображеніями, сознаніемъ силы тогдашняго дворянства объясняются уступки Сперанскаго въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, что было противно его искреннему убѣжденію. Еще менѣе справедливы тѣ навѣты, которые представляютъ Сперанскаго человѣкомъ, измѣнившимъ своимъ убѣжденіямъ на время ссылки. Конечно, ссылка хорошій опытъ, сдѣлавшій Сперанскаго болѣе осторожнымъ. Но къ чести Сперанскаго слѣдуетъ сказать, что если онъ и падалъ духомъ, то въ немъ всегда таилась искра вѣры и надежды въ свои политическія убѣжденія. Онъ не переставалъ мечтать, даже дѣлалъ попытки возвратиться къ прежнимъ своимъ планамъ. Только что отправленный въ болѣе почетную ссылку, губернаторомъ въ Пензу, онъ узнаетъ о какихъ то предположеніяхъ въ Петербургѣ и спѣшитъ дать наставленіе своему другу Столыпину развить незамѣтно планъ постепеннаго приглашенія въ Петербургъ на совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ представителей мѣстной администраціи. Этимъ путемъ многое будетъ подготовлено: „потомъ введите установительные законы, т. е. свободу политическую, и затѣмъ постепенно приступите къ вопросу о свободѣ гражданской, т. е. къ свободѣ крестьянъ“. Если Сперанскій и ошибался въ своей вѣрѣ въ великую силу человѣческаго духа, то онъ ошибался вмѣстѣ со всѣми мыслителями конца XVIII и начала XIX вѣка.

Но Сперанскому и его идеаламъ ставятъ и другіе упреки. Сравнительно недавно найденъ былъ черновой набросокъ проф. Балугьянскаго, который относится къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1808 года и который имѣетъ связь съ подготовляемымъ тогда Сперанскимъ органическимъ проэктомъ. Проф. Середонинъ готовъ и это обстоятельство, т. е. сотрудничество Балугьянскаго поставить въ вину Сперанскому. Но, во-первыхъ, совпаденіе проэкта Сперанскаго съ наброскомъ Балугьянскаго чрезвычайно незначительно. Во-вторыхъ, мы не знаемъ мотивовъ, въ силу которыхъ Балугьянскій представилъ свой проэктъ: былъ ли онъ въ данномъ случаѣ добровольцемъ, какихъ всегда въ Петербургѣ было много, предлагающимъ свои мысли сильнымъ людямъ, или же предложеніе шло отъ Сперанскаго. Но и въ послѣднемъ случаѣ странно было бы ставить Сперанскому въ укоръ сотрудничество Балугьянскаго. Сперанскій, какъ и всякій государственный человѣкъ, конечно,

изучалъ предметъ и по книгамъ и совѣщался со свѣдущими людьми. Работа государственнаго дѣятеля, должна быть оцѣниваема не по источникамъ и черновымъ матеріаламъ, бывшимъ въ его рукахъ, но по тѣмъ конечнымъ выводамъ, къ которымъ онъ пришелъ. Но вообще можно настаивать на томъ, что, какъ проэктъ Балугьянскаго, такъ и каждый въ отдѣльности политическій мыслитель того времени, не имѣли опредѣляющаго значенія въ проэктахъ Сперанскаго. Кромѣ того, въ мысли Сперанскаго вошли не только схемы учрежденій, которыя онъ проэктировалъ, но тѣ соображенія, которыми онъ руководствовался, настаивая на введеніи конституціонной формы правленія въ Россіи, и тѣ идеи, которыя онъ вкладывалъ въ эти учрежденія. Въ этихъ мысляхъ, еще недостаточно оцѣненныхъ, есть много самостоятельнаго, представляющаго драгоцѣнное наслѣдіе и до настоящаго времени. Политическая мысль Сперанскаго была творческой мыслью и этого отъ него нельзя отнять никакими извѣтами.

Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. историкъ Финляндіи г-нъ Бородкинъ и за нимъ проф. Середонинъ, ставятъ даже вопросъ о томъ, могъ ли такой умный человѣкъ, какъ Сперанскій искренне вѣрить въ возможность перехода тогдашней Россіи къ конституціоннымъ формамъ правленія—Россіи безграмотной, безъ періодической печати, можно прибавить — крѣпостнической. Поэтому въ ихъ предположеніи Сперанскій „поддѣлывался подъ модный тонъ“ (выраженіе г. Бородкина). Проф. Середонинъ, ссылаясь на пермское письмо Сперанскаго, неожиданно обвиняетъ его въ томъ, что самъ Сперанскій, понимая невозможность ввести конституціонный планъ, отклонилъ государя отъ этого рѣшенія, предложивъ ввести нѣкоторыя части плана. Дальше такихъ обвиненій государственнаго дѣятеля идти нельзя. Но, во-первыхъ, въ пермскомъ письмѣ Сперанскій опредѣленно говоритъ, что „полезнѣе было бы открыть одновременно, приготовивъ вдругъ всѣ установленія плана“; тогда не произошло бы „въ дѣлахъ смѣшенія“, на что, дѣйствительно, государь многимъ жаловался, и эти жалобы, очевидно, дошли до Сперанскаго въ Пермь. Въ этихъ словахъ выражена мысль Сперанскаго; онъ и въ изгнаніи споритъ съ монархомъ, чего никто не дѣлалъ изъ его современниковъ. А мысль государя была иная—ввести планъ по частямъ, о чемъ категорически говоритъ Сперанскій въ томъ же письмѣ; конечно, Александръ I не былъ способенъ отказаться отъ самодержавія.

Мало того, мы уже привели позднѣйшія осторожныя мысли Сперанскаго о томъ, что необходимо подъ какимъ бы то ни было предлогомъ ввести въ Петербургскія учрежденія представителей хотя бы отъ губернскаго дворянства; эту мысль онъ высказывалъ будучи въ опалѣ, потерявъ надежды на осуществленіе своего плана. Наконецъ, уже проф. Щегловымъ было опредѣленно доказано словами рѣчи государя, сказанной при открытіи Совѣта и написанной рукой Сперанскаго, и словами манифеста объ открытіи Совѣта, тоже написаннаго Сперанскимъ, словами, записки Сперанскаго 1809 года—было доказано, что Сперанскій предпочиталъ введеніе всѣхъ учрежденій сразу, и въ упомянутыхъ оффиціальныхъ актахъ съ высоты престола были даны обѣщанія ввести твердыя „государственныя установленія“, безъ которыхъ не могутъ быть прочны законы гражданскіе; обѣщаніе монарха не было выполнено. Такъ мысль Сперанскаго ясна, настоянія его тверды и опредѣлены, онѣ отличаются смѣлостью, достойной великаго государственнаго мужа, а не искателя мѣстъ и государевой милости. Но можетъ быть въ самомъ дѣлѣ поставленъ вопросъ, который ставили почти всѣ изучавшіе дѣятельность Сперанскаго,—о своевременности или несвоевременности введенія въ тогдашней Россіи конституціонной формы правленія, т. е. о томъ, насколько общество и государство къ этому были подготовлены. Указываютъ на то, что сначала надо было измѣнить, реформировать мѣстное самоуправленіе, суды и ссылаются въ этомъ случаѣ на записку самого же Сперанскаго 1803 года (Бородкинъ). Но, во-первыхъ, записка этого года имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ: она даетъ отвѣтъ Сперанскаго (черновой) на чье то заданіе (Кочубея или государя), которое требовало отъ составителя проэкта создать истинно монархическія учрежденія при условіи сохраненія самодержавной власти монарха. Сперанскій въ ней отвѣчаетъ, что этимъ путемъ можно создать лишь палліативныя мѣры, настоящую и истинную монархію ввести нельзя, безъ ограниченія власти монарха. Съ другой стороны Сперанскій вѣрилъ въ то, что Россія, какъ государство, уже созрѣла для воспріятія конституціонныхъ формъ правленія. Но тогда намъ могутъ возразить, что Сперанскій ошибался и что дѣйствительной подготовки не было. Но тутъ мы подходимъ къ безконечному и ни къ чему не ведущему спору о томъ, когда бываетъ готово государство къ переходу къ конституціи,—вѣрнѣе къ вопросу о томъ, что болѣе

свойственно человѣку—быть рабомъ, или свободнымъ гражданиномъ. Не такъ давно наши современники утверждали, а нѣкоторые и сейчасъ утверждаютъ, что и теперь Россія совсѣмъ не подготовлена къ конституціи. Это—дѣло взгляда. Исторія едва ли можетъ привести хоть одинъ примѣръ, кромѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ развитіе конституціонной жизни шло совсѣмъ особыми путями, чтобы государство было „подготовлено“ къ воспріятію конституціонной формы правленія. Болгары и сербы изъ рабовъ сразу превратились въ свободныхъ гражданъ, населеніе было безграмотно, а органы суда и мѣстнаго управленія вводились уже послѣ введенія конституціи; крѣпостное право въ Россіи было отмѣнено до реформы мѣстнаго управленія и суда и т. д. Проф. Середонинъ полагаетъ, что такой умный человѣкъ, какъ Сперанскій не могъ не видѣть непріемлемости собственнаго плана. Но, безспорно, такіе умные люди, какъ Морквиновъ или Пестель, не фанатики, настаивали на томъ же, каждый по своему и т. д. Вотъ нѣсколько возраженій по вопросу, который тѣсно связанъ съ реформаторской дѣятельностью Сперанскаго. Именно къ его реформамъ почему то усиленно прилагаютъ полемическіе пріемы политическаго характера. Но вотъ еще одно замѣчаніе: Россія была на половину крѣпостнической и поэтому въ вину Сперанскому ставятъ то, что онъ на первомъ планѣ не выдвинулъ освобожденія крестьянъ. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ Сперанскій выходилъ изъ своего затрудненія и какъ онъ относился къ крестьянскому вопросу. Теперь только замѣтимъ, что исторіи не безъизвѣстны такіе конституціонныя государства, которыя удерживаютъ крѣпостное иго крестьянъ при полной политической свободѣ другихъ слоевъ общества (Польша и Литва, рабовладѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ). Такимъ образомъ, весь вопросъ въ конечномъ итогѣ сводится къ тому, съ чего начинается переходъ къ конституціоннымъ формамъ правленія: съ длительной ли подготовки, на чемъ всегда настаиваютъ защитники неограниченной власти всѣхъ временъ, или съ установленія свободы сверху. Сперанскій отвѣчалъ, что „лѣстницу метутъ сверху“, и былъ совершенно правъ, ибо почти никогда ни одинъ народъ иначе не получалъ конституціи. Онъ и совѣтовалъ монарху избѣгнуть „потоковъ крови“.

Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ политическихъ идеаловъ Сперанскаго. Въ дѣятельности Сперанскаго инте-

ресны три стороны ея. Во-первыхъ, интересна чисто теоретическая обосновка вопроса. Сперанскій является строгимъ критикомъ современнаго ему государственнаго строя и въ защиту проэктируемаго имъ плана переустройства государства предлагаетъ теоретическое обоснованіе его. Во-вторыхъ, интересенъ самый органическій проэктъ и, наконецъ, въ-третьихъ,—тѣ законоположенія, которыя были введены по проэктамъ Сперанскаго.

Въ лицѣ Сперанскаго мы прежде всего видимъ вѣрнаго и ѣдкаго,—насколько позволяла форма оффиціальныхъ записокъ,—критика неограниченной власти монарха. Власть самодержавная часто проявляется ко вреду самой власти и управленія. Самодержавный государь, разсуждаетъ онъ, соединяетъ въ себѣ всѣ власти: законодательную, исполнительную и судебную, и только „умственныя границы", полагаютъ предѣлы этой власти. Въ виду многосложности дѣлъ, представитель власти обремененъ ихъ количествомъ. Отсюда проволочка въ дѣлахъ. Это невыгодно и для подданныхъ, особенно въ области суда. Иногда неудобно для самой власти. Такъ, въ дѣлѣ собиранія налоговъ монархъ не долженъ былъ бы „принимать на свою отвѣтственность" всю тягость податей, являясь предъ населеніемъ „въ видѣ непрерывной нужды". Въ вопросахъ административныхъ всеобъемлемость власти монарха невыгодно отражается на всемъ механизмѣ управленія, потому что ни одно учрежденіе, ни государственный совѣтъ, ни Сенатъ, ни Министерства не имѣютъ положительныхъ законовъ. Но всѣ эти учрежденія являются въ то же время такими, которыя способствуютъ изданію новыхъ законовъ, предлагая ихъ на усмотрѣніе государя. Отсюда великое множество законовъ, но нѣтъ постоянства въ законахъ, которые мѣняются „по личнымъ случаямъ и удобностямъ". Отсюда всѣ мѣры имѣютъ „видъ произвола и личнаго довѣрія", измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ. Отсюда происходитъ и то, что законы не такъ плохи, какъ ихъ исполнители. Судьѣ трудно быть честнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ „общаго мнѣнія" и т. д. Всѣхъ этихъ недостатковъ нельзя исправить безъ изданія общихъ положительныхъ законовъ. Такъ современное положеніе вещей подводитъ Сперанскаго къ утвержденію въ необходимости введенія въ Россіи основъ „истинной" монархіи.

Съ другой стороны, онъ пытается обосновать свой взглядъ на фактахъ историческихъ. Правители государствъ могли бы

„много сберечь крови“, если бы своевременно издали законы, соотвѣтственно духу общества. По мнѣнію Сперанскаго, русское общество уже созрѣло и имѣетъ „прямое направленіе къ свободѣ“. Моральная сила власти въ русскомъ обществѣ несомнѣнно ослабѣла и въ немъ замѣтно „глухое, но сильное желаніе другого вещей порядка“. Итакъ, съ точки зрѣнія Сперанскаго, Россія подготовлена къ воспріятію конституціи. „Россія скоро пожелаетъ знать,—говоритъ онъ,—что дѣлаетъ правительство и, познавая его труды, научится почитать его, любить свои законы, свой образъ правленія: ибо тогда они дѣйствительно будутъ для нихъ свои, когда они ихъ познаютъ“. Такое правительство будетъ опираться въ управленіи на „народное мнѣніе“; по его мнѣнію, всякіе законы останутся мертвыми, если для ихъ исполненія отсутствуетъ свободная народная воля.

Нѣтъ нужды спорить о томъ, идеализировалъ ли Сперанскій тогдашнее общественное настроеніе, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ важно отмѣтить то убѣжденіе, изъ котораго онъ исходитъ.

Установивъ необходимость введенія конституціи, Сперанскій пытается установить сущность ея; для этой цѣли; онъ развиваетъ ученіе о власти, ученіе о правахъ подданныхъ и ученіе о законѣ. Правда, въ различныхъ запискахъ эти вопросы трактуются съ неодинаковой полнотой. Вкратцѣ можно отвѣтить на эти вопросы, согласно идеямъ Сперанскаго, слѣдующимъ образомъ. Государственный союзъ на основаніи естественнаго права въ самомъ себѣ носитъ источникъ власти. Изъ принятыхъ тогда теорій естественнаго права Сперанскій выводитъ и доказательство раздѣленія властей. Государствомъ движутъ три „силы“—законодательная, исполнительная и судебная. Если эти „силы“ соединены въ лицѣ монарха, въ государствѣ устанавливается деспотизмъ. Вообще Сперанскій является строгимъ ревнителемъ раздѣленія властей въ государствѣ. Отсюда понятно то вниманіе, которое удѣляетъ Сперанскій понятію о законѣ. Онъ пытается разобраться въ хаосѣ множества тѣхъ постановленій, которымъ по русскимъ порядкамъ придавалась сила закона. Онъ пытается прежде всего выдѣлить понятіе о законахъ органическихъ, т. е. такихъ, которые удерживаютъ въ равновѣсіи „силы государственныя“. Органическіе, или коренные законы охватываютъ основную форму правленія, законодательства и суда [1]); они основываются на народной

[1]) Сила и именованіе закона присвояется, говоритъ Сперанскій, слѣдующимъ постановленіямъ: 1) Уложенію государственному и законамъ

волѣ, они, наконецъ, какъ онъ говоритъ въ запискѣ 1803 года, являются „оплотомъ политической свободы“. Вообще надо замѣтить, что Сперанскій относилъ къ законамъ, требующимъ народнаго волеизволенія, наиболѣе важныя основныя нормы права, ибо въ его представленіи исполнительная власть должна пользоваться весьма значительной широтой, но она долженствуетъ находиться подъ строгимъ контролемъ власти законодательной и вся дѣятельность ея должна опираться на законы. Наконецъ, власть судебная долженствуетъ быть совершенно независима отъ другихъ властей.

Познакомившись вкратцѣ съ сущностью ученія Сперанскаго о законѣ, мы напомнимъ, что это ученіе и практическая дѣятельность Сперанскаго по опредѣленію законовъ, уставовъ и учрежденій, имѣли большое вліяніе на нашу юридическую мысль.

Сперанскій съ точки зрѣнія теоретической трактуетъ вопросъ о раздѣленіи государства на сословія въ связи съ правами подданныхъ. Онъ различаетъ въ Россіи три класса. Къ первому классу причисляются имъ помѣщичьи крестьяне, которые не имѣютъ ни политической, ни гражданской свободы; ко второму классу относятся мѣщане, купцы и государственные крестьяне, обладающіе гражданскими правами, но неимѣющіе правъ политическихъ. Дворянство составляетъ третій классъ, не имѣя также политическихъ правъ, но оно отличается отъ второго класса тѣмъ, что обладаетъ правомъ владѣть крестьянами. Таковъ его взглядъ на

органическимъ, къ нему принадлежащимъ, 2) уложенію гражданскому, 3) уголовному, 4) коммерческому, 5) сельскому, 6) всѣмъ вообще дополненіямъ и изъясненіямъ предметовъ, въ уложенія сіи входящихъ. Сверхъ сего, вносятся въ законодательное сословіе и подчиняются порядку закона слѣдующіе уставы и учрежденія: 7) уставъ судебный, 8) всѣ уставы, опредѣляющіе положеніе какой либо части въ связи ея съ другими, 9) общія и судебныя правительственныя учрежденія, какъ то учрежденіе судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, 10) всѣ постановленія о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ, 11) продажа и залогъ государственныхъ имуществъ и исключительныхъ на нихъ привиллегій, 12) вознагражденія частныхъ людей за имущества, для общей пользы необходимыя. Сюда принадлежатъ: 1) постановленія о войнѣ и мирѣ, 2) всѣ великія мѣры, пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ либо бѣдствій, 3) всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостовѣряющія, разъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія.

распредѣленіе сословій и ихъ права. Но далѣе онъ переходитъ къ вопросу о томъ, какое сословіе и какими правами должно пользоваться. Съ его точки зрѣнія, гражданскія права, къ которымъ онъ относитъ безопасность лица и имущества, составляютъ неотъемлемое достояніе всякаго человѣка. Отсюда рабство немыслимо въ правильно устроенномъ государствѣ и оно должно быть искоренено въ Россіи. Сперанскій полагаетъ, что для обезпеченія личной свободы должны быть установлены слѣдующія правила: никто не можетъ быть безъ суда наказываемъ и никто не обязанъ отправлять службу иначе, какъ по закону. На ряду съ этимъ онъ предполагаетъ гарантировать наравнѣ съ законами и права имущественныя, въ число коихъ входитъ свободное владѣніе и распоряженіе собственностью и обязанность уплачивать подати и нести повинности не иначе, какъ по закону. Разсуждая далѣе о томъ, всѣмъ ли классамъ населенія должны принадлежать гражданскія права въ полномъ ихъ объемѣ, Сперанскій полагаетъ, что названныя выше общія гражданскія права должны принадлежать всѣмъ гражданамъ. Но сверхъ того дворянству принадлежатъ особенныя права, состоящія въ правѣ владѣнія населенными имѣніями и въ правѣ занятія высшихъ административныхъ должностей государства.

Признавъ фактъ расчлененія сословій, Сперанскій предполагалъ и различіе по сословіямъ въ правахъ политическихъ. Съ его точки зрѣнія, политическими правами должны быть надѣлены только граждане, обладающіе недвижимой собственностью, или капиталомъ въ извѣстномъ размѣрѣ. Такъ, онъ полагаетъ, исходя изъ того представленія, что элементы, заинтересованные въ правѣ собственности, будутъ съ большимъ интересомъ относиться къ „добротѣ“ закона и что нѣкоторыя категоріи населенія, какъ домашніе слуги, ремесленники, поденщики и „народъ рабочій“ не обладаютъ достаточной подготовкой для участія въ законодательствѣ. Отсюда въ проэктѣ Сперанскаго дворянство обладаетъ всѣми правами гражданскими, политическими и указанными выше „особенными“ правами. Второе сословіе, состоящее изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и поселянъ—собственниковъ, обладаетъ политическими правами „по ихъ собственности“, во всей полнотѣ гражданскими правами, за исключеніемъ правъ „особенныхъ“. Третій классъ, состоящій изъ помѣстныхъ крестьянъ, мастеровыхъ и ихъ работниковъ и домашнихъ слугъ, пользуясь гражданскими правами, не обладаетъ, однако, правами политическими. Такимъ образомъ, Сперанскій устанавливаетъ систему

ценза, но, однако, нигдѣ не опредѣляетъ размѣровъ его. Впрочемъ, переходъ изъ низшаго состоянія въ высшее совершенно свободенъ на основаніи пріобрѣтенія правъ собственности и личныхъ заслугъ.

Нѣтъ нужды критиковать соціальные взгляды Сперанскаго. Они не отличаются широкимъ демократизмомъ, но надо замѣтить, что это не теоретическій трактатъ, а объяснительная записка къ законопроэкту. Составитель законопроэкта долженъ имѣть, разумѣется, въ виду тѣ условія, въ которыхъ вырабатывается законопроэктъ, и тѣ соотношенія, при которыхъ онъ можетъ пройти къ жизни. Во-первыхъ, несомнѣнно, Сперанскій считался съ указаніями или мыслями императора, во-вторыхъ, сдвинуть крѣпостные устои по тому времени было бы такимъ шагомъ, который могъ вызвать рѣзкій отпоръ со стороны крѣпостническаго дворянства. Сперанскій, очевидно, разсчитывалъ найти въ средѣ дворянства поддержку его планамъ при условіи сохраненія крѣпостного права. Онъ не связывалъ реформу государственную съ крѣпостной реформой—и это можно поставить ему въ заслугу. Но онъ предполагалъ провести опредѣленіе крестьянскихъ повинностей путемъ закона, держась того твердаго убѣжденія, что при этомъ послѣднемъ условіи и при введеніи политической свободы для остальныхъ сословій, крѣпостное право само собой падетъ. Знакомство съ воззрѣніями Сперанскаго на соціальный строй подводитъ насъ къ кардинальному вопросу законопроэкта Сперанскаго—къ его конституціонному плану. Въ своихъ запискахъ онъ не успѣлъ полностью обосновать свой взглядъ, или же дошедшія до насъ записки представляютъ собою черновики. Болѣе или менѣе полно проэктированъ имъ законодательный порядокъ.

Первой ступенью, на которой долженствовала выражаться политическая дѣятельность общества, была волостная дума, собирающаяся каждые три года и состоящая изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности волостного раіона, и изъ представителей каждаго 500-таго участка казенныхъ крестьянъ. Волостная дума вѣдаетъ: выборъ членовъ волостного правленія, выборъ депутатовъ въ окружную думу, представленіе окружной думѣ объ общественныхъ нуждахъ волости, составленіе списка двадцати „отличнѣйшихъ обывателей“, контролируетъ волостные финансы, находящіеся въ распоряженіи волостного правленія. Такимъ образомъ, волостная дума—съ одной стороны органъ мѣстнаго самоуправленія,—съ другой стороны—избирательная курія. Она представляетъ собой нѣчто вродѣ вѣча всѣхъ

владѣльцевъ, такъ какъ такая дума могла бы быть многочисленной въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладало мелкопомѣстное дворянство. Слѣдующими ступенями являются окружная дума и губернская дума; компетенція ихъ буквально такая же по отношенію къ округу и губерніи, какъ и компетенція волостной думы по отношенію къ волости. Губернская дума избираетъ депутатовъ государственной думы и дѣлаетъ представленія о нуждахъ губерніи, посылая избирательные списки и представленія на имя канцлера государственной думы.

Разумѣется, въ этой схемѣ можно найти нѣкоторые недостатки. Трехлѣтній срокъ для совѣщательныхъ собраній, вѣдающихъ мѣстное самоуправленіе, очевидно слишкомъ продолжителенъ. Можно оспаривать также систему косвенныхъ трехстепенныхъ выборовъ. Система письменныхъ представленій о нуждахъ края, имѣя свои выгодныя стороны, можетъ съ другой стороны стѣснить личную дѣятельность и иниціативу депутатовъ, какъ всякій наказъ. Можно указать на нѣкоторыя неясности въ самой формулировкѣ проэкта закона. Но, разумѣется, практика жизни несомнѣнно дала бы извѣстнаго рода указанія для улучшенія технической стороны дѣла; что же касается выборнаго начала, то и до сего времени принципы его являются спорными.

Завершеніемъ законодательнаго порядка является законодательное сословіе подъ именемъ государственной думы. Она созывается ежегодно безъ всякаго призыва со стороны исполнительной власти, по коренному закону. Дѣятельность ея можетъ быть прервана объявленіемъ отсрочки засѣданія до слѣдующаго года, или же увольненіемъ всѣхъ членовъ, но при условіи одновременнаго объявленія списка новыхъ членовъ, выбранныхъ губернскими думами. Удаленіе членовъ думы можетъ быть только по рѣшенію верховнаго суда. Въ думѣ предсѣдательствуетъ канцлеръ. Дума раздѣляется на нѣсколько комиссій.

Нѣкоторыя стороны дѣятельности думы не вполнѣ разработаны, но мысль Сперанскаго уясняется изъ другихъ его записокъ. Такъ, закономъ признается только такой законъ, который „составленъ“ законодательнымъ собраніемъ. Дума разсматриваетъ представленія о государственныхъ нуждахъ, результатомъ чего, очевидно, является законодательная иниціатива ея. Дума, наконецъ, разсматриваетъ представленія объ уклоненіи отъ отвѣтственности правительственныхъ органовъ и представленія о мѣрахъ, нарушающихъ государственные коренные законы. По мысли Спе-

ранскаго „предложеніе закона“, т. е. проэкты являются преимущественно актомъ дѣятельности правительства; „уваженіе“ закона, т. е. обсужденіе и принятіе его,—дѣло думы, а утвержденіе принадлежитъ верховной власти. Вообще думѣ принадлежитъ такимъ образомъ власть законодательная и контролирующая [1]).

Наряду съ законодательнымъ учрежденіемъ стоитъ исполнительная власть. Сперанскій былъ сторонникомъ охраны высокаго достоинства власти. Поэтому въ дѣлѣ исполненія законовъ онъ представляетъ державной власти необходимую широту. Въ распоряженіи правительства и на его отвѣтственности въ общей формулировкѣ находятся слѣдующіе важные предметы: 1) вопросы о войнѣ и мирѣ, 2) всѣ „великія мѣры“, принимаемыя къ спасенію государства въ годины бѣдствій, 3) всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостовѣряющія, изъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія, въ 4-хъ, разумѣется, и вся широкая область исполненія закона и надзора за исполненіемъ. При этомъ принимается правило, свойственное англійскому государственному праву о томъ, что державная власть не отвѣтственна въ принятіи мѣръ, нарушающихъ законъ; отвѣтствуютъ министры, контрасигнующіе акты. Вообще Сперанскій является сторонникомъ систематическаго проведенія въ законѣ отвѣтственности министровъ. Сперанскій понималъ также, что гарантіей строгаго исполненія законовъ является не только представленіе министерствами отчетовъ въ законодательное собраніе, но и общественное мнѣніе, свобода печати, каковую мысль онъ подробно развиваетъ въ запискѣ 1803 года.

---

[1]) Схема управленія по проэкту можетъ быть представлена въ слѣд. видѣ:

Державная Власть Государя Императора.

Государственный Совѣтъ.

Управленіе.	Законодательство.	Судъ.
Министерства въ соединеніи съ правительствующимъ сенатомъ.	Государственная дума.	Судебный Сенатъ.
Управленіе губернское.	Дума губернская.	Судъ губернскій.
Управленіе окружное.	Дума окружная.	Судъ окружный.
Управленіе волостное.	Дума волостная.	Судъ волостный.

Устанавливая отвѣтственность министерствъ и безотвѣтственность носителей державной власти, Сперанскій все же старался такъ обставить примѣненіе закона и составленіе проэктовъ закона, чтобы законодательныя учрежденія и исполнительная власть имѣли наименѣе поводовъ для коллизіи. Для этой цѣли верховная власть въ проэктѣ Сперанскаго „окружена“ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ. Въ проэктѣ Сперанскаго всѣ дѣла законодательныя, судебныя и исполнительныя восходятъ черезъ государственный совѣтъ, въ немъ разсматриваются проэкты законовъ, уставовъ и учрежденій и отсюда уже по одобреніи ихъ государемъ направляются на уваженіе законодательнаго сословія; въ совѣтъ вносятся всѣ дѣла, превышающія власть министра. Такимъ образомъ, государственный совѣтъ соучаствуетъ въ управленіи государствомъ, объединяя всѣ мѣры правительства, какъ въ смыслѣ проэктовъ закона, такъ и въ примѣненіи законовъ, уже изданныхъ, на практикѣ. Правда, онъ состоитъ изъ назначаемыхъ верховной властью членовъ, но высокое положеніе этого учрежденія и, повидимому, предполагавшаяся несмѣняемость его членовъ могли бы служить извѣстной гарантіей безпристрастія и свободы этого учрежденія.

Наконецъ, по мысли Сперанскаго, рядомъ съ государственнымъ совѣтомъ долженъ былъ дѣйствовать и правительствующій сенатъ. Сенатъ, во-первыхъ, представляетъ изъ себя исполнительное отдѣленіе, состоя изъ управляющихъ министерствами и изъ нѣкотораго числа министровъ безъ портфелей, подъ предсѣдательствомъ императора или государственнаго канцлера. Это и есть совѣтъ министровъ въ собственномъ смыслѣ слова. Наконецъ, особый судный сенатъ представляетъ собою органъ высшаго суда въ имперіи и состоитъ частью изъ тѣхъ „отличнѣйшихъ“ гражданъ, которые избираются губернскими думами.

Такъ по проэкту Сперанскаго долженствовалъ быть устроеннымъ механизмъ высшаго государственнаго управленія.

По нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ намъ уже довелось сдѣлать замѣчаніе относительно тѣхъ или другихъ сторонъ законроэкта Сперанскаго. Повторимъ, что полемика, которая иногда допускается и въ настоящее время въ научныхъ сочиненіяхъ, въ данномъ случаѣ неумѣстна, такъ какъ многіе изъ вопросовъ, поднятыхъ Сперанскимъ въ то время, остаются спорными и теперь. Скажемъ только, что онъ осторожно подходилъ къ вопросу государственнаго переустройства, выбирая такія условія перехода

къ новымъ формамъ правленія, которыя, отличаясь достаточнымъ демократизмомъ, (во всякомъ случаѣ значительно болѣе широкимъ, нежели дворянскія конституціи его современниковъ), – все же оказались бы пріемлемы для болѣе или менѣе значительной части общества и могли бы утвердиться въ русскомъ государственномъ строѣ. Трудно, конечно, сказать, насколько Сперанскій точно опредѣлялъ современное ему настроеніе общества и учитывалъ соотношеніе общественныхъ силъ. Думается, что и въ этомъ отношеніи онъ, опершись на болѣе демократическіе элементы страны,—мелкое дворянство, купечество и казенное крестьянство,—нашелъ бы такую среду, которая поддержала бы его планы. Онъ, быть можетъ, какъ бы предчувствовалъ нарожденіе интеллигенціи изъ разночинцевъ, которая уже спустя два десятилѣтія послѣ проэкта Сперанскаго явилась колыбелью зарожденія общественной мысли.

Здѣсь намъ нѣтъ нужды останавливаться подробно на тѣхъ источникахъ, которые послужили Сперанскому матеріаломъ для его законопроэктовъ. Разумѣется, образованный юристъ всякаго времени въ своемъ практическомъ творчествѣ опирается на тѣ или иныя идеи, господствующія въ данное время. Неудивительно поэтому, что Сперанскій опирается на Монтескье, Блэкстона, на догмы естественнаго права, неудивительно также и то, что французская конституція восьмого года оказала на его проэктъ нѣкоторое вліяніе, ибо послѣдняя была новѣйшимъ созданіемъ юридической мысли Франціи. Но главное заимствованіе отсюда, сдѣланное Сперанскимъ,—это государственный совѣтъ, который является лучшимъ созданіемъ Французской имперіи. Однако, опираясь на юридическую мысль своего времени, Сперанскій вкладывалъ въ свой конституціонный проэктъ такого рода идеи, которыя дѣлаютъ общіе контуры его своеобразными. Безспорно, такого рода организація привела бы къ широкому развитію мѣстнаго самоуправленія. Съ другой стороны она сохраняла для верховнаго правительства необходимую силу и вліяніе въ странѣ при условіи реальнаго контроля со стороны народныхъ избранниковъ. Мало того, окружая верховную власть государственнымъ совѣтомъ, она вносила совсѣмъ новую струю въ конституціонный планъ. Широкая исполнительная власть въ государствѣ и преимущественно лежащая на министерствахъ обязанность инициативы закона, является безъ сомнѣнія положительной стороной конституціоннаго строя. Но съ другой стороны при такихъ условіяхъ возможенъ

захватъ власти министерствами, отсюда возможны рѣзкія коллизіи между министерствами и народными представителями. При несмѣняемомъ министерствѣ конфликтъ затрагиваетъ главу государства. Стремясь провести всю главнѣйшую дѣятельность министерствъ черезъ государственный совѣтъ, который по своему положенію могъ бы получить вліяніе въ странѣ, Сперанскій тѣмъ самымъ стремился предотвратить возможные конфликты, и есть много основаній считать такого рода идею весьма основательной. Государственный совѣтъ Сперанскаго нельзя назвать ни верхней, ни нижней палатой, такъ какъ организація его не соотвѣтствуетъ нашимъ обычнымъ представленіямъ о двухпалатной системѣ; въ немъ чувствуется новая форма государственнаго строя и при томъ форма совершенно здоровая.

Таковы проэкты Сперанскаго. Теперь остается познакомиться съ тѣмъ, что фактически ему удалось осуществить въ дѣлѣ переустройства высшихъ учрежденій.

Въ 1809 году планъ Сперанскаго лежалъ на столѣ у государя, но Сперанскій тщетно ждалъ его утвержденія и сталъ замѣчать, что положеніе его самого колеблется. Тогда Сперанскій нѣсколько разъ въ особыхъ запискахъ убѣждаетъ государя привести планъ въ дѣйствіе, если не полностью, то по крайней мѣрѣ, по частямъ. Онъ достигъ того, что 1 января 1810 года была введена одна часть плана—при торжественной обстановкѣ открытъ рѣчью государя Государственный Совѣтъ. Рѣчь государя, написанная Сперанскимъ, намекала на проведеніе въ жизнъ дальнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, но пока Совѣтъ учрежденъ какъ отдѣльное самостоятельное учрежденіе. Разумѣется, въ „Образованіи“ Совѣта при такомъ условіи были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ проэктомъ, но въ общемъ „Образованіе“ соотвѣтствуетъ проэкту. Главное измѣненіе заключалось въ томъ, что въ „Образованіи“ на Государственный Совѣтъ возлагается „соображеніе“ законовъ и отсюда законы восходятъ на утвержденіе верховной власти. Слѣдовательно, Совѣту приданъ характеръ законосовѣщательнаго учрежденія. Совѣтъ названъ „сословіемъ“. Кромѣ проэктовъ закона въ немъ разсматриваются уставы и учрежденія. Проэкты поступаютъ въ Совѣтъ съ одобренія верховной власти. Такимъ образомъ, компетенція Совѣта состояла въ слѣдующемъ: онъ разсматривалъ проэкты новыхъ законовъ, уставовъ и учрежденій; въ немъ вообще разсматривались всѣ пред-

меты управленія, требующіе дополнительнаго закона или измѣненія въ немъ.

Статьи 2 и 3 образованія Совѣта совершенно ясно устанавливаютъ мысль, новую для русской жизни и, къ сожалѣнію, не вошедшую впослѣдствіи въ русскую практику,—о томъ, что закономъ въ русской жизни должны были стать только тѣ утвержденныя государемъ постановленія, которыя прошли черезъ Государственный Совѣтъ и получили его одобреніе.

Затѣмъ въ Совѣтѣ разсматриваются мѣры и распоряженія общія, необходимыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, чрезвычайныя общія внутреннія мѣры, объявленіе войны и заключеніе мира, государственный бюджетъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры, вопросы объ отчужденіи частнаго владѣнія государственныхъ доходовъ и имуществъ и вопросы о вознагражденіи частныхъ лицъ, имущество коихъ отчуждается на государственныя нужды, наконецъ, въ немъ разсматриваются отчеты министровъ. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ государь, или особо назначенное имъ лицо. Совѣтъ дѣлится на департаменты: департаментъ законовъ, военныхъ дѣлъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи; сверхъ того при Совѣтѣ состоятъ: комиссія законовъ, комиссія прошеній и государственная канцелярія съ государственнымъ статсъ-секретаремъ во главѣ, которымъ и былъ назначенъ Сперанскій. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ и одобренный совѣтомъ законъ представляется на утвержденіе государя; всѣ законы, уставы и учрежденія утверждаются государемъ въ формѣ торжественнаго манифеста, въ который включается знаменательная формула: „внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта“.

Государственный Совѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ введенъ по „Образованію“ Сперанскаго, явился законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Тѣмъ не менѣе современники вѣрно оцѣнили его значеніе, указавъ на то, что Совѣтъ является учрежденіемъ, ограничивающимъ власть государя. Большинство компетентныхъ юристовъ и въ настоящее время держатся того же мнѣнія, напр. проф. Сергѣевичъ, Градовскій, Романовичъ-Словатинскій, при чемъ эта мысль объ ограниченіи съ особенной рельефностью развита профессоромъ Щегловымъ. Правда, противъ такой мысли возражалъ проф. Коркуновъ, но едва ли его возраженія могутъ быть приняты. Въ терминологіи Сперанскаго наименованіе „сословія“ имѣло совершенно опредѣленный характеръ и служило для опре-

* 10. МАЯ 1912 *

дѣленія высшихъ конституціонныхъ учрежденій; формула „вопрекъ мнѣнію Государственнаго Совѣта“, заимствованная изъ французскаго законодательства, имѣла такое же назначеніе, наконецъ, обѣщаніе верховной власти предоставлять на предварительное разсмотрѣніе всѣ мѣры, подлежащія вѣдѣнію Совѣта, и принимать тѣ изъ нихъ, которыя приняты большинствомъ совѣта,—все это несомнѣнно придаетъ характеръ самоограниченія представителя верховной власти, тѣмъ болѣе, что законъ о Совѣтѣ объявленъ былъ кореннымъ закономъ, что по терминологіи Сперанскаго означало конституціонный.

Кромѣ закона о Государственномъ Совѣтѣ, Сперанскому удалось провести и законъ о новомъ учрежденіи министерствъ. Даже противники Сперанскаго признаютъ, что этотъ законъ дѣйствительно способствовалъ упорядоченію высшаго управленія. Онъ ясно и точно распредѣляетъ дѣла между отдѣльными министерствами, чего достигнуть было въ общемъ не такъ легко; наконецъ, онъ проводитъ строгую отвѣтственность министровъ и другихъ подчиненныхъ имъ органовъ. Правда, вопросъ объ отвѣтственности отпалъ самъ собою, такъ какъ при отсутствіи государственной думы не оказалось органа, который при самодержавной власти, за исключеніемъ ея самой, могъ бы привлекать министровъ къ отвѣтственности. Самъ Сперанскій имѣлъ право сказать, что изданное по его проекту въ 1811 году „Общее учрежденіе министерствъ“ положило „самые точные и ясные предѣлы власти министровъ“. Основныя мысли, вложенныя въ этотъ законопроэктъ Сперанскимъ, заключаются въ слѣдующемъ: министерство является органомъ, который имѣетъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное ихъ исполненіе. Министръ—только исполнитель закона, и никакой новый законъ или учрежденіе не могутъ быть введены его властью. Министерства дѣйствуютъ въ общихъ видахъ государственной пользы, стремясь къ одной общей цѣли. Они наблюдаютъ за общимъ исполненіемъ законовъ въ имперіи, но подчиненныя начальства могутъ не приводить въ исполненіе такихъ предписаній министровъ, которыя противорѣчатъ закону, представляя ихъ на разрѣшеніе Сената. Однако, министры могутъ представлять въ Государственный Совѣтъ о необходимости новаго закона, или объ отмѣнѣ прежняго. Министры отвѣчаютъ въ случаѣ превышенія ихъ власти, бездѣйствія или небреженія.

Наконецъ, Сперанскому удалось провести законъ, согласно

своему проэкту о правительствующемъ и судебномъ сенатѣ. Этотъ законъ прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ, былъ утвержденъ государемъ, но отложенъ примѣненіемъ и совсѣмъ не вошелъ въ жизнь. Такимъ образомъ, не получило осуществленія одно изъ учрежденій, которое могло бы явиться наиболѣе существеннымъ, контролирующимъ органомъ надъ дѣятельностью министерствъ. Вмѣсто исполнительнаго сената постепенно образуется комитетъ министровъ, противъ котораго въ самомъ его зарожденіи такъ сильно протестовалъ Сперанскій, предвидя, что министерскій комитетъ всю отвѣтственность за дѣятельность министровъ перенесетъ съ министровъ на лицо государя, въ силу чего установится полная безотвѣтственность министровъ.

Сперанскій былъ вполнѣ правъ, когда въ своемъ общемъ отчетѣ за 1810 годъ съ благородной откровенностью писалъ государю: „Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной, разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ, отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ“. Этотъ великій шагъ въ народной жизни, этотъ переходъ отъ самовластія къ формамъ истинной монархіи, по мнѣнію Сперанскаго, совершенъ потому, что, учредивъ Государственный Совѣтъ, „придавъ ему форму публичнаго учрежденія, ввѣривъ ему обсужденія законовъ, верховная власть тѣмъ самимъ опредѣлила свое направленіе“.

И, дѣйствительно, Сперанскій былъ правъ въ своей характеристикѣ того значенія, которое долженъ былъ получить Государственный Совѣтъ въ государственномъ управленіи: несмотря на колебанія въ направленіи политики, Государственный Совѣтъ занялъ въ теченіе XIX вѣка почетное мѣсто среди правительственныхъ учрежденій: общество навыкло съ довѣріемъ относиться къ мнѣнію большинства въ Совѣтѣ.

Таковы практическіе результаты преобразовательной дѣятельности Сперанскаго. Остальныя части его плана не получили осуществленія. Но мнѣ бы хотѣлось еще обратить вниманіе на тотъ фактъ, что планъ Сперанскаго предоставлялъ мѣстному обществу широкую долю участія въ самоуправленіи. Это его губернская, окружная и волостная думы и выборный судъ. Эти учрежденія не получили осуществленія при Сперанскомъ, но послѣ воскресли въ эпоху незабвенныхъ реформъ императора Але-

ксандра II и сдѣлались дороги всему русскому обществу, вошли въ его плоть и кровь. Это значитъ, что Сперанскій тогда уже предвидѣлъ наиболѣе удачную, наиболѣе подходящую форму мѣстнаго самоуправленія.

Таковы были политическіе идеалы Сперанскаго и размѣры практическаго ихъ осуществленія. Какъ извѣстно, на этомъ не окончилась государственная дѣятельность Сперанскаго. Возвращенный изъ ссылки, онъ былъ поставленъ впослѣдствіи императоромъ Николаемъ I во главѣ комиссіи законовъ. Конечно, теперь онъ уже не имѣлъ прежняго вліянія и время для широкихъ преобразованій прошло. Но и въ качествѣ руководителя комиссіей по составленію Свода Законовъ Сперанскій продолжалъ дѣлать то, что могъ въ прежнемъ направленіи своихъ идеаловъ: путемъ изданія Свода Законовъ Сперанскій стремился къ установленію въ государствѣ законности.

Мнѣ остается въ заключеніе напомнить въ общихъ чертахъ обликъ Сперанскаго, какъ политическаго мыслителя и какъ государственнаго дѣятеля. Выросши въ такой средѣ, которая наиболѣе непосредственнымъ образомъ, на собственной спинѣ, ощущала проявленія произвола, Сперанскій, занявъ первенствующее положеніе въ государствѣ, стремился къ тому, чтобы провести въ государственный механизмъ такіе законы, которые обезпечивали бы гражданскіе и политическія права личности. Онъ прекрасно понималъ причину тѣхъ недуговъ, которые испытывало государство. Онъ понималъ, что для развитія правильной государственной жизни необходима свобода личности и устраненіе произвола. По его мнѣнію, никакіе законы не будутъ хороши до тѣхъ поръ, пока личность гражданина, какъ исполняющаго предписанія закона, такъ и та, которая слѣдитъ за исполненіемъ ихъ, не будетъ свободна. Сперанскій, далѣе, сознавалъ, какое громадное значеніе имѣетъ для правильной государственной жизни общественное мнѣніе, свободно высказываемое, и на этомъ основаніи онъ въ своемъ планѣ преобразованія отводилъ широкое участіе общественнымъ элементамъ въ управленіи. Конечно, многія изъ истинъ, высказанныхъ въ свое время Сперанскимъ, для насъ являются общепризнанными. Но это нисколько не уменьшаетъ значенія Сперанскаго, какъ государственнаго дѣятеля и какъ политическаго мыслителя. Надо вѣдь сопоставить его съ той средой, съ тѣмъ уровнемъ общественныхъ понятій, которыя господствовали въ его вре-

мя. И тогда на фонѣ раболѣпнаго общества передъ нами выдвигается съ особенной яркостью величавая фигура Сперанскаго; это не царедворецъ, снискивающій себѣ благо сильныхъ, не трепещущій обыватель, забитый и загнанный, не столько умомъ, сколько инстинктивно сознающій тѣ или иные недостатки режима. Передъ нами гражданинъ въ лучшемъ значеніи этого понятія, неуклонно идущій къ цѣли.

Безспорно, лучшіе люди Александровской эпохи исповѣдывали тѣ же идеи, которыя стремился водворить Сперанскій. Но была громадная разница между отчетливостью и ясностью его политическаго міровоззрѣнія и сентиментальною туманностью воззрѣній его современниковъ.

Какъ государственный дѣятель, Сперанскій успѣлъ провести сравнительно немного изъ того, что онъ предполагалъ сдѣлать; но въ томъ не его вина. Впрочемъ, и то, что сдѣлалъ Сперанскій, имѣетъ важное государственное значеніе. Потомство всегда будетъ съ благодарностью цѣнить то, что сдѣлано Сперанскимъ, а историкъ и русское общество со вниманіемъ отнесется къ тѣмъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ Сперанскій.

Но теперь отъ личности перейдемъ къ обществу, сопоставимъ настроеніе общества съ тѣмъ, что предлагалось ему въ разнообразныхъ проэктахъ.

Въ паденіи Сперанскаго есть стороны, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены одной только интригой, или возникшимъ къ нему недовѣріемъ императора. Уходъ императорскихъ совѣтниковъ—дѣло обычное: до Сперанскаго многіе ушли изъ числа такихъ людей, которые были связаны съ Александромъ болѣе интимными узами. Уходили они безъ шума и для ухода ихъ не требовалась тонкая, сложная интрига. Ясно, что Сперанскаго больше боялись. И боялись какъ тѣ, которые опасались, что Сперанскій останется при своемъ вліяніи, такъ и тѣ, которые желали отдѣлаться отъ Сперанскаго. Недаромъ Вигель, вообще весьма вѣрно и характерно передающій толки общества, говоритъ о паденіи Сперанскаго: „Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвесть такую всеобщую радость“, какъ паденіе Сперанскаго. Очевидно, тутъ были заинтересованы болѣе или менѣе широкіе круги общества, и даже тѣ среднедворянскіе слои его, частью провинціальные, частью столичные, среди которыхъ вращался Вигель. Но, спрашивается, за что такъ ненавидѣли Сперанскаго?

За его „измѣну“, которую такъ рекламировали и въ которую мало кто вѣрилъ? Да и вообще измѣна подобнаго рода не была опасна, такъ какъ настроеніе общества было весьма враждебно всему французскому. Не могли ненавидѣть Сперанскаго и за его проэктъ конституціи: тогдашнее общество не было еще въ столь сильной мѣрѣ проникнуто реакціоннымъ направленіемъ, чтобы проэктъ конституціи могъ вызвать такое сильное возбужденіе; не такъ давно многіе составляли проэкты, и эти попытки не вызывали неудовольствія въ обществѣ. Сперанскій былъ „выскочкой“, но и къ такимъ выскочкамъ русскія высшія сферы и аристократія привыкли, и съ ними мирились. Очевидно, тутъ были болѣе серьезные мотивы. Дворянскія конституціи Мордвинова, Воронцовыхъ и проч. не затрагивали положенія дворянства въ государствѣ, не затрагивали его правъ на крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ все то, что проникло тогда въ общество о Сперанскомъ, сильно затрагивало дворянскіе интересы, било его по карману. Къ числу этихъ мѣръ относится указъ о чинахъ. Французскія симпатіи Сперанскаго связывались съ поддержаніемъ континентальной системы. Финансовый планъ, состоящій въ поднятіи налоговъ также билъ по карману дворянство: увеличеніе налоговъ означало для дворянъ сокращеніе ихъ аппетитовъ въ поднятіи оброковъ. Между тѣмъ, усиленный выпускъ ассигнацій давалъ поводъ дворянству увеличивать оброкъ, такъ сказать, на законномъ основаніи. Увеличивая налоги, Сперанскій самъ забирался въ крестьянскую мошну. Далѣе, конституція Сперанскаго была во всякомъ случаѣ демократичнѣе другихъ проэктовъ, она предполагала опредѣленіе закономъ повинностей крестьянъ, а самъ Сперанскій съ очевидностью доказывалъ, что крѣпостное право падетъ, разъ дворянство получитъ политическую свободу. Дѣйствительно, Сперанскій первый поставилъ вопросъ о тѣсномъ взаимномъ отношеніи политической свободы дворянства и раскрѣпощенія крестьянства. Отсюда понятно и то, что противъ Сперанскаго выступаютъ столпы крѣпостничества,—Растопчинъ, Карамзинъ и др. Какими бы патріотическими соображеніями и чувствами они ни прикрывались, все же корень вражды къ Сперанскому заключается въ ихъ боязни, что проэкты Сперанскаго сдвинутъ крѣпостные устои. Связь между рабствомъ дворянства и рабствомъ крестьянства усвоена была нашимъ дворянствомъ на долгое время и, какъ разъ, именно съ 10-хъ годовъ XIX вѣка. Дворянство конца

XVIII и дворянство перваго десятилѣтія XIX вѣка смѣло ставитъ вопросъ о политической свободѣ для дворянства, съ сохраненіемъ крѣпостного права. Въ послѣдующее время подобнаго рода проэкты исчезаютъ, и только демократически настроенная часть дворянства выставляетъ оба наболѣвшіе вопроса. Дворянство прозрѣло, и Сперанскій въ этомъ прозрѣніи сыгралъ крупную роль. Что Сперанскаго боялись, можно догадаться и изъ того, что онъ, повидимому, пользовался поддержкой нѣкоторой вліятельной группы верховъ администраціи, хотя, конечно, тутъ ничего не было похожаго на какое бы то ни было сообщество. Такъ, представленный Сперанскимъ планъ финансовъ былъ произведеніемъ кружка лицъ, почти всѣ члены котораго прошли въ Совѣтъ или въ министры. Очень возможно, что Александръ I замѣтилъ это обстоятельство, и оно могло показаться подозрительнымъ. Проф. Середонинъ обратилъ вниманіе на то, что по удаленіи Сперанскаго немедленно были произведены довольно значительныя перемѣны въ составѣ и строѣ государственнаго Совѣта. Вліятельнѣйшій членъ его генералъ Мордвиновъ подалъ въ отставку. Противникъ Сперанскаго, князь Лопухинъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ соединенныхъ департаментовъ и ему повелѣно было предсѣдательствовать во всѣхъ департаментахъ; за назначеніемъ Лопухина, Кочубей, Мордвиновъ и Аракчеевъ, какъ предсѣдатели департаментовъ, остались безъ дѣла. Третьяго апрѣля повелѣно было соединеннымъ департаментамъ законовъ и экономіи пересмотрѣть всѣ мѣры по части финансовъ, принятыя въ 1810 году, т. е. проведенныя Сперанскимъ. Наконецъ, предсѣдателемъ Совѣта былъ назначенъ противникъ Сперанскаго Н. И. Салтыковъ, новымъ членомъ Совѣта былъ назначенъ злѣйшій врагъ Сперанскаго Армфельдъ, а помощникомъ статсъ-секретаря — Розенкампфъ, враждебность котораго къ Сперанскому намъ уже извѣстна.

Лопухинъ, какъ и другіе, теперь занявшіе первенствующее мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, — принципіальный врагъ Сперанскаго. На все западно-европейское онъ смотрѣлъ, какъ на „заразительную гнилость“, главнымъ образомъ потому, что оттуда можетъ пойти „ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ“.

Что проэкты Сперанскаго тогдашнимъ верхамъ дворянства казались слишкомъ либеральными и что дворянскіе круги мечта-

ли о такой конституціи, которая не затрагивала бы крѣпостного права, доказываетъ одинъ весьма любопытный фактъ. Недавно найденъ въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта французскій проэктъ, помѣченный августомъ 1811 года и подписанный иниціалами М. В. (по вѣроятному предположенію проф. Середонина это проэктъ М. Балугьянскаго). Это, повидимому, контръ-проэктъ, предложенный взамѣнъ плана Сперанскаго. Онъ проникнутъ исключительно дворянской тенденціей. Видимо, была мысль замѣнить этимъ контръ-проэктомъ Государственную Думу Сперанскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы не оцѣнивали идеологію Сперанскаго, все же среди тогдашняго общественнаго настроенія его взгляды отличались наибольшимъ радикализмомъ, онъ дальше видѣлъ, нежели громадное большинство либераловъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ присмотрѣться къ направленію тогдашней журналистики для того, чтобы взвѣсить теченія, сказавшіяся въ тогдашнемъ обществѣ.

Несмотря на всѣ цензурныя затрудненія, тогдашняя журналистика все же отражала на себѣ и конституціонныя теченія, такъ какъ издатели журналовъ успѣвали время отъ времени провести въ журналѣ ту или другую статью. Тогдашняя журналистика въ своихъ отношеніяхъ къ конституціи имѣетъ собственно два направленія: консервативное и либерально-аристократическое. Демократическаго направленія, т. е. такого, которое отводило бы хотя нѣкоторое значеніе въ конституціонномъ устройствѣ низшимъ элементамъ общества, почти нельзя выдѣлить. Правда, нѣкоторые авторы высказывались по крестьянскому вопросу въ аболюціонистскомъ смыслѣ, стоя или на почвѣ моральной, или на почвѣ экономической; но трудно указать, какую роль они отвели бы крестьянству, въ случаѣ перехода къ конституціоннымъ формамъ правленія. Такъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ авторовъ этого направленія, извѣстный Пнинъ, пытается установить нѣкоторую связь между соціальнымъ строемъ и государственнымъ организмомъ, но трудно сказать, къ чему въ конечномъ итогѣ склонялась его мысль. Иногда указываютъ на радикализмъ „Духа Журналовъ“ (1815—1820 гг.). Но это недоразумѣніе, такъ какъ несмотря на измѣнчивость взглядовъ этого журнала, все же несомнѣнно онъ держался аристократическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, основнымъ отраженіемъ общественныхъ направленій, проявлявшихся

въ журналистикѣ было то, которое допускало конституцію съ аристократическимъ оттѣнкомъ и, разумѣется, съ сохраненіемъ крѣпостного права. Самые радикальные публицисты становились консерваторами, какъ только рѣчь заходила о связи конституціи съ раскрѣпощеніемъ крестьянъ.

Изъ самыхъ раннихъ журналовъ, наиболѣе рельефнымъ отразителемъ подобнаго рода тенденціи является „Сѣверный Вѣстникъ", издававшійся Мартыновымъ (1804—1805 гг.). Въ одномъ изъ номеровъ этого журнала 1805 года помѣщена, напр., очень любопытная статья „Опытъ о Великобританіи". Авторъ съ восторгомъ говоритъ объ англійскихъ конституціяхъ, о „священныхъ, твердыхъ постановленіяхъ для народоуправленія и производства правосудія". Въ Великобританіи нѣтъ вреднаго неудобства власти цезарей. Здѣсь управляетъ аристократія, не угнетающая, однако, низшіе классы. Автору представляется палата лордовъ такимъ учрежденіемъ, къ которому особенно привязанъ англичанинъ. Обращаясь къ Россіи, авторъ заявляетъ, что она никогда не достигнетъ величія безъ преимуществъ народоуправленія и безъ живительнаго дворянскаго патріотизма. Болѣе полнымъ представителемъ того же направленія является уже упомянутый нами „Духъ Журналовъ". Правда, онъ считаетъ конституцію „драгоцѣннѣйшимъ залогомъ отечественной попечительности правительства" (1817 годъ). Въ статьѣ „Письмо одного нѣмца изъ Филадельфіи" (1815 г.) журналъ приводитъ восторженный отзывъ объ американскихъ порядкахъ. Въ одной статьѣ, помѣщенной въ 1819 году, неизвѣстный авторъ патетически заявляетъ, что „духъ времени, народы требуютъ коренныхъ, неизмѣнныхъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго, равно обязательныхъ и для властей и для подвластныхъ", законовъ и при томъ такихъ, „при которыхъ самовластіе мѣста имѣть не можетъ". Но всѣ эти требованія и намеки не отличаются особенно радикальнымъ направленіемъ. Въ той же статьѣ говорится о „природныхъ блюстителяхъ „закона", которыя и явятся совѣтниками государей и соучастниками ихъ власти; очевидно, рѣчь идетъ о дворянской только конституціи. Либерализмъ „Духа Журналовъ" нисколько не мѣшалъ ему высказываться въ томъ смыслѣ, что „вольность" крестьянъ вредна для нихъ самихъ. Впрочемъ, „Духъ Журналовъ" иногда высказывался отрицательно и о самой конституціи (напр. статья „Не въ конституціяхъ благо народа", 1815 г.).

Мнѣніе журналистовъ, просачивавшееся въ журналахъ, было отраженіемъ дворянскихъ тенденцій. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстный Карамзинъ, потерпѣвшій сильную аварію въ молодости, невольный житель своихъ помѣстій, въ одной изъ своихъ записокъ 1820 года совѣтуетъ возвратиться къ временамъ старой думы; онъ противъ „репрезентаціи“ народа, но тѣмъ не менѣе рекомендуетъ обратиться къ дворянству, призвать изъ его среды такихъ людей, которые явились бы отраженіемъ общественнаго мнѣнія. Лифляндскій дворянинъ Бокъ въ запискѣ 1818 года, отправленной императору, составляетъ проэктъ созванія общаго сейма всего русскаго дворянства и т. п.

ГЛАВА VI.

Логика войны 12-го года.

Императоръ Александръ I принялъ дипломатическое наслѣдіе, заключавшееся въ томъ, что его предшественникъ велъ уже войну съ Франціей въ защиту неприкосновенности европейскихъ монарховъ. Первое же дипломатическое заявленіе русскаго императора, преподанное имъ своимъ представителямъ въ Европѣ, говорило о нежеланіи императора вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ; но въ то же время въ этомъ сообщеніи заключалась и нѣкотораго рода угроза по отношенію къ французскому правительству: русское правительство обѣщало не принимать отъ другихъ правительствъ предложеній вступить въ союзъ противъ Франціи, если французское правительство будетъ уважать права и независимость русскихъ союзниковъ. Въ этомъ „если“ была цѣлая программа, которой впослѣдствіи держался русскій императоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскій посолъ въ Парижѣ Колычевъ сильно протестовалъ противъ французскихъ распоряженій въ Италіи, настаивая на исполненіи обѣщаній, данныхъ императору Павлу. Талейранъ жаловался на рѣзкій тонъ Колычева, что побудило русское правительство отозвать своего посла и замѣнить его графомъ Морковымъ. Новый посланникъ былъ изъ числа опальныхъ сановниковъ прошлаго царствованія. Онъ представлялъ собою типичнаго дипломата XVIII вѣка, воспитаннаго въ Екатерининской школѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ, онъ принадлежалъ къ такимъ дипломатамъ, которые, по тогдашнему выраженію, *екатеринствовали*, рѣзко выставляя требованія правительства и давая чувствовать, что эти требованія будутъ поддержаны славнымъ екатерининскимъ войскомъ. Съ внѣшней стороны, графъ Морковъ отличался самыми изысканными придворными манерами, утонченной вѣжливостью, входилъ и рас-

кланивался по правиламъ танцевальнаго искусства, ступалъ на цыпочкахъ и говорилъ остроты.

Между тѣмъ отношенія между Франціей и Англіей грозили разрывомъ. Франція ищетъ союза съ Россіей, но рѣзкость графа Моркова не открывала возможности войти въ какія либо соглашенія. Послѣдовали новыя жалобы со стороны французскаго правительства, и русскій посолъ былъ отозванъ, будучи замѣненъ Убри.

Во всякомъ случаѣ настроеніе въ русскомъ правительствѣ постепенно складывалось противъ Франціи. Довольно трудно опредѣлить причины такого направленія. Но, безспорно, личная антипатія русскаго императора къ первому консулу играла въ этомъ немалую роль. Съ другой стороны, личныя симпатіи Александра I къ Пруссіи, дружба съ прусскимъ королемъ и рыцарское преклоненіе передъ красотой прусской королевы Луизы сыграли важнѣйшую роль въ разрывѣ Россіи и Франціи. Извѣстно, что Наполеонъ передъ войной съ Англіей отдалъ Ганноверъ прусскому правительству. Затѣмъ, чтобы помириться съ Англіей, передалъ его обратно англичанамъ. Нанесенное Пруссіи оскорбленіе глубоко задѣло русскаго императора. Къ этому присоединилось одно обстоятельство, которое окончательно поставило русскую дипломатію во враждебное отношеніе къ Франціи. Наполеонъ приказалъ схватить на нѣмецкой территоріи одного изъ бурбонскихъ принцевъ, герцога Энгіенскаго, и приказалъ его разстрѣлять. Русскій дворъ и даже часть русскаго общества приняли это событіе, какъ личную обиду. Когда жена французскаго посла г-жа Гедувиль явилась въ тотъ день, когда вѣсть о казни герцога достигла столицы, на вечеръ къ князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, то она вмѣстѣ со своей родственницей встрѣтила въ домѣ стараго дипломата самый холодный пріемъ. Все общество отъ нихъ отшатнулось и ушло въ другую комнату. Француженки поспѣшили уѣхать. Событіе это при дворѣ отразилось столь же сильно. Государь былъ болѣзненно пораженъ извѣстіемъ. Созванный по этому поводу Государственный Совѣтъ въ большинствѣ высказался за самыя энергичныя мѣры, первая изъ которыхъ была—наложеніе траура. Только графъ Н. П. Румянцевъ позволилъ себѣ замѣтить, что опасно увлекаться въ войну по этому поводу и что въ вопросахъ государственныхъ чувства должны оставаться въ сторонѣ. Онъ совѣтовалъ ограничиться однимъ трауромъ. Его мнѣ-

послѣ Каменскаго генералъ Беннигсенъ просто не исполнилъ предписанія фельдмаршала, встрѣтилъ и отбилъ французовъ у Пултуска. Главное начальство надъ арміей перешло къ побѣдителю. Кровопролитная бойня подъ Прейсишъ-Эйлау (1807 года) показала Наполеону, что онъ отъ русскихъ можетъ ожидать сильнаго сопротивленія. Но одержанная имъ же 2-го іюня побѣда подъ Фридландомъ сыграла большую роль, такъ какъ доказала русскому императору, что иногда необходима уступчивость.

Дѣйствительно, для Александра I создался цѣлый рядъ весьма оригинальныхъ условій. Въ силу случайныхъ обстоятельствъ, онъ долженъ былъ ввѣрить командованіе арміей генералу Беннигсену, которому однако совершенно не довѣрялъ, котораго готовъ былъ заподозрить въ нарочитомъ бездѣйствіи. Прусская королевская чета влачила печальное существованіе въ Мемелѣ. Сюда явился русскій императоръ. Прусскіе министры, особенно Гарденбергъ, представили императору рядъ проэктовъ. Въ числѣ ихъ былъ и проэктъ возстановленія Польши. Вообще, какъ то ни странно, тутъ больше занимались тѣмъ, что дѣлили шкуру того медвѣдя, котораго не убили. Продовольственная часть въ русскомъ войскѣ была поставлена плохо. Грабежи русскихъ солдатъ вызывали нареканіе со стороны союзныхъ пруссаковъ. Среди русскихъ, окружавшихъ императора, составилась довольно значительная партія, требовавшая немедленнаго мира. Пріѣхавшій въ армію великій князь Константинъ Павловичъ немедленно сталъ на сторону тѣхъ, которые требовали заключенія мира. Какъ смотрѣли тѣ изъ русскихъ, которые настаивали на необходимости окончить войну, можно видѣть изъ письма князя Куракина къ императрицѣ Маріи: потери русскихъ были очень велики, война до сихъ поръ не дала никакихъ выгодъ, недостатокъ продовольствія дѣлается угрожающимъ. Наконецъ, среди прусскихъ министровъ и дипломатовъ раздавались настойчивыя требованія заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ.

Такъ создалось чрезвычайно затруднительное положеніе.

Надо замѣтить, что война 1806 года отразилась на государствѣ сильнымъ напряженіемъ. Манифестъ 1806 года требовалъ сбора временнаго земскаго ополченія численностью въ 612000 ратниковъ; по словамъ манифеста, эта мѣра являлась спасительною и необходимою. Но правительство, видимо, съ большой осторожностью къ ней обратилось. Правительство имѣло основаніе проявлять крайнюю осторожность. Искренній и честный Лопу-

хинъ въ письмѣ къ государю называетъ „обманщикомъ“ того, кто скажетъ, что милиція не тягостна для населенія, не разрушаетъ хозяйства. Лопухинъ былъ свидѣтелемъ громаднаго приношенія на алтарь отечества, сдѣланнаго московскимъ купечествомъ, но этотъ патріотизмъ сопровождался глухимъ „ропотомъ“ и „слезами отчаянія“. Губерніи были раздѣлены на особыя области, въ которыя были посланы особые уполномоченные съ правомъ объявлять высочайшіе указы, непокорныхъ и непослушныхъ предавать военному суду и даже осуждать на смертную казнь. Губернаторамъ предписано было „дѣйствовать на общее мнѣніе и воспламенять духъ народный любовію къ отечеству“, а между тѣмъ подъ рукой объяснять необходимость мѣръ правительства. По губерніямъ были разосланы особые сенаторы, которые должны были разузнавать общественное настроеніе и благоразумными объясненіями и „внушеніями“ стараться отвращать „сомнительныя предубѣжденія“, возбуждать соревнованіе въ дворянствѣ и внушать въ немъ довѣренность къ правительству. Впрочемъ, для „внушенія“ сенаторы имѣли и другія болѣе дѣйствительныя средства. Къ числу крайнихъ средствъ надо причислить и знаменитое воззваніе къ чадамъ православной церкви, изданное Синодомъ по желанію государя. Чего только Синодъ не взваливалъ на Бонапарте! Послѣ каждой литургіи православные христіане слышали съ амвона изъ устъ служителя алтаря о томъ, что „Буанапарте“ угрожаетъ потрясеніемъ православной церкви, что онъ отложился отъ Христовой вѣры и сталъ воздавать поклоненіе, одному Богу подобающее, истуканамъ, человѣческимъ тварямъ, блудницамъ и идольскимъ изображеніямъ; въ Египтѣ онъ проповѣдывалъ алкоранъ Магомета и, къ посрамленію церкви Христовой, создалъ во Франціи іудейскія синагоги, возстановилъ великій еврейскій сангедринъ (синедріонъ) — тотъ самый богопротивный соборъ, который нѣкогда осудилъ на распятіе Спасителя; теперь Бонапарте помышляетъ соединить іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсѣянныхъ по землѣ, и самъ себя провозгласить Мессіей; Бонапарте—„тварь, совѣстію сожженная и достойная презрѣнія“.

Такъ, войну, предпринятую ради спасенія погибавшей Пруссіи, войну, на которую прекрасные глаза королевы Луизы повели десятки тысячъ русскихъ солдатъ, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православія, противъ похитителя священнаго имени Мессіи, связывали имя французскаго монарха съ еврейской націей, тогда еще мало извѣстной русскому народу.

Александръ прекрасно зналъ положеніе вещей, зналъ напряженіе, испытанное государствомъ, взвѣшивалъ, наконецъ, и тѣ условія, въ которыхъ онъ лично находился. Ко всему этому присоединилось и то, что Англія въ лицѣ своего представителя начала вести себя довольно неопредѣленно, и предлагаемая ею на наступающій годъ субсидія въ 2200000 фунтовъ на содержаніе войскъ всѣхъ трехъ континентальныхъ державъ явно оказывалось недостаточной. Александръ вступаетъ въ переговоры съ Наполеономъ относительно мира. Когда переговоры уже начались, между императоромъ и княземъ Куракинымъ 10-го іюня въ Шавляхъ произошелъ достопамятный разговоръ, въ которомъ Александръ I исчислилъ всѣ соображенія, заставлявшія его желать мира и въ заключеніе прибавилъ историческую фразу: „Наконецъ, бываютъ обстоятельства, среди которыхъ надобно думать преимущественно о самомъ себѣ и руководствоваться однимъ побужденіемъ: благомъ государства“.

При такихъ условіяхъ подготовлялось знаменитое Тильзитское свиданіе. Но цѣлью Наполеона былъ не миръ, а союзъ съ Россіей. Наполеонъ понималъ, что онъ можетъ достигнуть союза съ континентальными державами, разрознить ихъ интересы, но сломить упорство Англіи было не легко. Россія для этой цѣли, для борьбы съ Англіей, представляла наиболѣе выгоднаго союзника. Торговые интересы англичанъ сильнѣйшимъ образомъ были связаны съ русской торговлей, и разрывъ Россіи и Англіи способенъ былъ нанести тяжелый ударъ послѣдней. Въ Тильзитѣ Наполеонъ достигъ исполненія своихъ желаній. Россія и Франція заключили союзъ. Одной изъ труднѣйшихъ задачъ переговоровъ для Александра было сохраненіе въ цѣлости прусскихъ владѣній. Только благодаря настойчивости русскаго императора, Пруссія сохранила свое владѣніе, но текстъ союзнаго договора редактированъ такъ, что ясно было, что Пруссія сохранена изъ милости. Мало того, несмотря на убѣжденія Наполеона, Александръ отказался присоединить какую либо часть прусской территоріи къ Россіи; ни одинъ прусскій министръ не могъ бы лучше защитить интересы распадавшейся Пруссіи, какъ это сдѣлалъ императоръ Александръ.

Впрочемъ, заступничество Александра за прусскіе интересы не удовлетворило его союзника. Какъ это ни странно, но Тильзитскій миръ вызвалъ особенное неудовольствіе какъ разъ больше всего среди прусскихъ сановниковъ. Гарденбергъ, которому такъ

довѣрялъ Александръ, первый началъ доказывать что Александръ бросилъ въ Тильзитѣ своихъ союзниковъ, что русскій императоръ— это такой человѣкъ, на котораго нельзя полагаться, что онъ въ Тильзитѣ былъ совершенно порабощенъ Наполеономъ. Что Гарденбергу и его сторонникамъ не нравилось все, что произошло въ Тильзитѣ,— вполнѣ понятно. Прусскіе министры, въ то самое время, когда Наполеонъ владѣлъ Берлиномъ, придумали проэктъ такого мирнаго трактата, что когда читаешь его, можно думать, что пруссаки занимали въ это время Парижъ. Въ самомъ дѣлѣ, проэктъ Гарденберга предполагалъ прежде всего приращеніе земельныхъ владѣній Пруссіи. Возстановленная Польша, по этому проэкту, отдается Саксонскому королю, а Саксонія съ Лузаціей—отходятъ къ Пруссіи. Кромѣ того къ Пруссіи отходятъ Любекъ, Гамбургъ, вообще Пруссія округляется и усиливается. Франціи предоставляется незначительное усиленіе въ Германіи, но вообще компенсацію за войну Франція, Россія и Австрія должны были получить изъ турецкихъ владѣній, которыя еще надо было каждому государству завоевать. Александръ не провелъ въ Тильзитѣ этого оригинальнаго проэкта—и вотъ причина крайняго раздраженія противъ него среди прусскихъ дипломатовъ и при прусскомъ дворѣ.

Для Россіи Тильзитскій миръ начиналъ новую эру въ ея внѣшней политикѣ. Борьба съ Франціей заканчивалась, но наступалъ періодъ войны съ Англіей. Въ Тильзитѣ были установлены принципы такъ называемой континентальной системы, по которой всѣ порты союзныхъ государствъ должны быть закрыты для англійскихъ товаровъ.

Дружественный союзъ обоихъ монарховъ начался съ того, что обѣ стороны усердно подчеркивали самый фактъ своей дружбы и считали нужнымъ обмѣниваться тысячами любезностей. Черезчуръ большая любезность какъ бы подчеркивала непрочность союза. Съ другой стороны новые друзья иногда обмѣнивались легкими колкостями. Сейчасъ по заключеніи мира, Наполеонъ присылаетъ въ Петербургъ своего представителя, генерала Савари. Это тотъ самый генералъ, который по приказанію Наполеона разстрѣлялъ герцога Энгіенскаго. Превращеніе генерала съ такимъ прошлымъ въ дипломата не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія въ Петербургскихъ салонахъ. Впрочемъ, когда Савари появился въ Петербургѣ, онъ былъ принятъ императоромъ съ отмѣнной любезностью. Но зато общественное мнѣніе явно

было неблагопріятно для представителя Франціи. Представителю императора французовъ это давали чувствовать. Императрица Марія Ѳеодоровна, всегда бывшая противъ союза съ Франціей, холодно приняла Савари: онъ у нея пробылъ „безъ малаго одну минуту“. Савари сразу замѣтилъ, что въ Россіи Орловы, Кочубеи, Лопухины, Строгановы и т. п. больше значатъ, чѣмъ всѣ министры.

Однако, холодность пріема разбивалась о настойчивость французскаго генерала. Онъ чувствовалъ себя свободно въ Петербургскихъ гостиныхъ и постепенно прокладывалъ себѣ въ нихъ дорогу. Савари скоро сообразилъ, что въ петербургскомъ обществѣ надо дѣйствовать черезъ женщинъ. Для того, чтобы расположить петербургскихъ дамъ къ Франціи, надо было доставить имъ возможность блистать на балахъ въ парижскихъ костюмахъ. Савари немедленно обратился къ Наполеону и императоръ, какъ отличный знатокъ дамскихъ туалетовъ, самъ занялся подборомъ дамскихъ нарядовъ для русскихъ красавицъ, начиная съ Маріи Нарышкиной. Такъ постепенно французскій генералъ устраивалъ свое положеніе въ петербургскихъ гостиныхъ. Но главное—ему пришлось бороться противъ англійскаго вліянія. Вездѣ онъ встрѣчалъ поклонниковъ тѣснаго союза съ Англіей. Между тѣмъ инструкціи его повелителя требовали, чтобы онъ настаивалъ передъ русскимъ императоромъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ Англіи. Тутъ Савари помогло одно случайное обстоятельсто. Ему удалось доказать государю, что среди близкихъ къ нему лицъ есть сторонники англійскаго вліянія, среди которыхъ онъ могъ указать на Кочубея, Новосильцева, Орлова и нѣкоторыхъ другихъ. Въ руки этихъ сторонниковъ Англіи попала брошюра, направленная противъ русско-французскаго соглашенія и весьма не лестно отзывавшаяся о самомъ императорѣ. Раскрытія этого обстоятельста было достаточно для того, чтобы императоръ посовѣтовалъ неугоднымъ ему сановникамъ отправиться путешествовать, а противъ Англіи была выпущена грозная декларація, объявлявшая о прекращеніи сношеній и о началѣ континентальной блокады. Такимъ образомъ, Александръ объявилъ себя врагомъ Англіи и насиліемъ, совершеннымъ надъ чувствами и матеріальными интересами своего народа, далъ союзнику неопровержимое доказательство своей искренности. „Это событіе,—писалъ именитый французскій коммерсантъ въ Петербургѣ Лессепсъ французскому министру Шампаньи,—произвело здѣсь сильное впечатлѣніе;

уже около пятидесяти лѣтъ, какъ этотъ народъ (англичане) завладѣлъ почти всей торговлей этой страны и, несомнѣнно, что разстройство, которое произойдетъ, надѣлаетъ много хлопотъ русскому правительству". Генералъ Савари былъ обезпокоенъ, и въ своихъ донесеніяхъ изъ Петербурга замѣчаетъ, что вліяніе Англіи въ Россіи основывается главнымъ образомъ на томъ, что она захватила торговлю. Англичане доставляютъ русскому дворянству аккуратно доходъ, скупая лѣса и другой матеріалъ. Дѣйствительно, этотъ разрывъ означалъ пріостановку давно налаженныхъ и обширныхъ торговыхъ сношеній. Парижская дипломатія сразу оцѣнила уязвимую сторону русско-французскаго союза и занялась вопросомъ о замѣнѣ торговли съ Англіей французской торговлей.

Представители немногочисленнаго французскаго купечества въ Петербургѣ сообщаютъ въ Парижъ о быстромъ повышеніи цѣнъ на колоніальные продукты и съ тревогой обращаютъ вниманіе своего правительства на рѣзкое паденіе курса. „Русскіе купцы видятъ только зло, не предвидя средствъ для его исправленія. Сдѣлки на желѣзо, коноплю, лѣсъ, ленъ, смолу, сало, хлѣбъ, поташъ, кожу и проч. стали, что вызываетъ общую тревогу". Эти торговцы совѣтуютъ немедленно завязать торговыя сношенія съ Россіей. Парижская дипломатія собираетъ справки, изучаетъ рынокъ; дѣлаются предположенія о закупкѣ товаровъ даже съ разсчетомъ на то, что эти товары придется бросить, такъ какъ перевести ихъ во Францію за отсутствіемъ флота трудно. Вообще во Франціи скоро поняли, что русскому дворянству надо заплатить за его разрывъ съ Англіей.

Но всѣ эти вопросы вскорѣ отступили на второй планъ. На мѣсто ихъ выдвинулись вопросы чистой политики.

Если выборъ посломъ въ Петербургъ генерала Савари былъ сдѣланъ съ извѣстнаго рода намекомъ, то выборъ русскаго посла къ Наполеону въ лицѣ графа Толстого имѣлъ по существу дѣла такое же значеніе. Толстой нѣсколько разъ употреблялся императоромъ Александромъ для дипломатическихъ посылокъ, при чемъ воспоминаніе о немъ у Наполеона не могло быть пріятнымъ. Вообще, выборъ Толстого посломъ къ Наполеону однихъ удивилъ, другихъ огорчилъ. Толстой былъ храбрый воинъ, человѣкъ совершенно военной выправки, никогда до этого не имѣвшій отношенія къ дипломатіи. Онъ плохо разбирался въ инструкціяхъ, которыя ему давались изъ Петербуга. Кромѣ того, это былъ чело-

вѣкъ предрасположенный враждебно смотрѣть на Наполеона и ни въ чемъ ему не вѣрить. Въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, онъ усвоилъ себѣ два правила: во-первыхъ, ни въ чемъ не вѣрить императору французовъ, во-вторыхъ, настойчиво требовать эвакуаціи прусскихъ владѣній французскими войсками, а это требованіе только раздражало Наполеона. Оригинально и то, что самъ Толстой приходилъ не разъ въ отчаяніе, признавая собственную неспособность въ дипломатическихъ переговорахъ.

Толстой принесъ съ собой во Францію всю ненависть, все злопамятство русской аристократіи; онъ не считалъ нужнымъ скрывать свое отношеніе къ Франціи и французамъ, и его способъ слѣдить за дѣлами былъ проникнутъ враждой къ Франціи. Толстой посѣщалъ въ Парижѣ враждебные императорскому двору аристократическіе салоны: тамъ онъ и члены посольства чувствовали себя очень хорошо. Это, конечно, казалось страннымъ Наполеону.

Въ оффиціальныхъ своихъ переговорахъ Толстой рѣзко приступалъ къ Шампаньи и къ самому императору, настаивая на немедленномъ исполненіи своихъ представленій. На первомъ же представленіи императору, онъ потребовалъ эвакуаціи Пруссіи, при чемъ заявилъ, что Россія не можетъ считать себя въ мирѣ съ Франціей до тѣхъ поръ, пока она не выполнитъ этого условія. Наполеонъ уклонился отъ прямого отвѣта о Пруссіи, неожиданно заговорилъ о Дунайскихъ княжествахъ и о самомъ Константинополѣ. Но Толстой вынесъ изъ этой бесѣды только то предположеніе, что Наполеонъ рѣшилъ окончательно расчленить Пруссію, и немедленно забилъ тревогу въ своихъ депешахъ къ русскому двору. Вообще, Толстой подхватывалъ непровѣренные слухи и немедленно сообщалъ о предположеніяхъ раздѣла Пруссіи и передачѣ Берлина брату Наполеона Жерому. Его донесенія приняли глубоко тревожный и патетическій тонъ.

Нѣсколько крупныхъ дипломатическихъ вопросовъ занимали обоихъ государей въ періодъ между Тильзитомъ и Эрфуртомъ. По условіямъ Тильзитскаго мира Россія должна была заставить Швецію примкнуть къ континентальной системѣ, отъ участія въ которой та отказывалась. Еще тогда Наполеонъ говорилъ русскому императору, что ему слѣдуетъ застраховать цѣлость своей столицы занятіемъ Финляндіи, замѣтивъ, что пора положить предѣлъ страху петербургскихъ красавицъ, которыя въ своихъ богатыхъ дворцахъ могутъ услышать пушечные выстрѣлы. Для от-

влеченія вниманія Россіи отъ Пруссіи, Наполеонъ настоятельно напоминалъ Петербургскому двору объ исполненіи обѣщанія. Но въ то же время Наполеонъ пишетъ своему посланнику въ Петербургѣ: „Я ничего не выиграю отъ появленія русскихъ въ Стокгольмѣ". Дѣйствительно, Наполеонъ не оказалъ серьезной поддержки русскимъ операціямъ въ Швеціи. Отношеніе Россіи къ шведскому вопросу въ началѣ оказалось довольно неопредѣленнымъ. Русскій императоръ оттягивалъ экспедицію въ Финляндію. Когда къ концу 1807 года корпуса, назначенные для вторженія въ эту страну, уже сгруппировались вокругъ Петербурга, Румянцевъ съ неистощимой плодовитостью изобрѣталъ предлоги къ отстрочкѣ движенія ихъ: то этому мѣшала оттепель, то недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, то паденіе съ лошади генерала Буксгевдена, то, наконецъ, Крещенскій парадъ. Финляндія была, наконецъ, занята, но тревожный прусскій вопросъ все еще продолжалъ фигурировать въ дипломатическихъ переговорахъ.

Кромѣ вопроса о возстановленіи полностью прусскихъ владѣній въ связи съ французскими гарнизонами въ прусскихъ крѣпостяхъ, неожиданно возникъ восточный вопросъ. Русскія войска заняли оба дунайскія княжества, Молдавію и Валахію. Русская дипломатія добивалась согласія Наполеона на удержаніе Россіей обоихъ княжествъ. Но затѣмъ переговоры пошли дальше. Наполеону очень не хотѣлось дать свое согласіе на раздѣлъ Турціи, не хотѣлось даже уступить той части ея, которую уже фактически заняли русскія войска, т. е. Молдавію и Валахію. Скрѣпя сердце, онъ соглашался на присоединеніе къ Россіи княжествъ, но тогда поднимался вопросъ о компенсаціи Франціи за эту уступку. Въ положеніи Наполеона было вполнѣ естественно стремиться получить такую компенсацію въ Пруссіи, которую онъ разбилъ и въ которой еще стояли французскія войска. Но императоръ Александръ I считалъ для себя оскорбительной самую мысль Наполеона о присоединеніи къ Франціи какихъ либо прусскихъ провинцій. Наполеону пришлось уступить. Тогда Наполеонъ въ своихъ планахъ идетъ дальше; онъ соглашается на раздѣлъ Турціи и для того, чтобы окончательно уничтожить Англію, мечтаетъ о русско-французскомъ походѣ на Индію. Но поставивши для обсужденія восточный вопросъ, Наполеонъ началъ, однако, оттягивать облеченіе этихъ переговоровъ въ окончательную форму. Между тѣмъ Александръ горѣлъ нетерпѣніемъ. Коленкуръ мѣсяцами не получалъ инструкцій. Наполеонъ понималъ нетерпѣніе своего со-

юзника и старался уступки въ вопросахъ политическихъ замѣнить знаками вниманія: любезными письмами и подарками, выбранными со вкусомъ и особымъ вниманіемъ. Александръ горячо благодарилъ за нихъ, но предпочелъ бы нѣсколько строкъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе въ восточномъ вопросѣ.

Наконецъ, 2-го марта 1808 года, удовлетворяя нетерпѣливому желанію Александра I, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцевъ и французскій посланникъ Коленкуръ приялись обсуждать въ деталяхъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи. Каждый изъ нихъ приступилъ къ дѣлу съ нѣкоторой сдержанностью. Румянцеву хотѣлось сначала выпытать рѣшительное мнѣніе Наполеона, Коленкуръ держался такой же тактики по отношенію къ русскому двору. Среди утонченной болтовни двухъ опытныхъ дипломатовъ, среди остротъ и замѣчаній постепенно сталъ вырисовываться этотъ оригинальный проэктъ. Подобно торжественно собранному конгрессу, оба приступили къ раздѣлу городовъ и провинцій той державы, съ которой оба народа были въ мирѣ, и съ которой Наполеонъ не собирался воевать. Стараясь на словахъ перещеголять другъ друга въ любезности, оба дипломата оказались крайне неуступчивыми, когда дѣло касалось той или другой провинціи или города. Русскій министръ оказался обладающимъ значительно большимъ аппетитомъ. Коленкуръ долженъ былъ скоро придти къ заключенію, что сговориться будетъ трудно. Румянцевъ сталъ предлагать изъ турецкаго тѣла всѣ тѣ части, которыя по его мнѣнію были пригодны для императора Наполеона, и въ дѣйствительности предлагалъ то, что менѣе всего могло укрѣпить Францію на востокѣ: державѣ безъ флота особенно усердно предлагались Морея и Архипелагъ, въ крайности гористая Албанія. Уже при началѣ второго совѣщанія Коленкуръ заявилъ Румянцеву: „съ прошлаго раза вы очень сильно увеличили вашу долю, графъ. Если пойдетъ такъ дальше, вы скушаете все". Цѣлыми часами продолжался споръ обоихъ министровъ. Параллельно шла дипломатическая переписка.

Александръ наиторжественнѣйшимъ образомъ старался завѣрить Наполеона, что онъ не будетъ предъявлять никакихъ претензій къ Франціи, если она сдѣлаетъ завоеванія въ Индіи, предлагалъ Франціи устраивать свои дѣла въ Сиріи и Левантѣ, въ крайнемъ случаѣ соглашался на обѣщаніе не завоевывать Азіатскаго берега Чернаго моря, предлагалъ французамъ Смирну, Салоники, но отстаивалъ за Россіей право удержать Босфоръ и

Дарданелы. „Ключъ отъ Чернаго моря и ключъ отъ Мраморнаго моря—это много для одной двери“, возражалъ французскій дипломатъ на настоянія графа Румянцева. Не даромъ Коленкуръ въ заключеніе одной изъ бесѣдъ прямо сказалъ графу Румянцеву: „Вы забираетесь въ нашъ карманъ, впередъ предупреждая, что не желаете допустить насъ до вашего“.

Вообще обѣ стороны были въ оригинальномъ мечтательномъ настроеніи: ими овладѣла жадность къ добычѣ. Но замѣчательно вотъ что. Наполеонъ былъ побѣдитель, Александръ былъ побѣжденъ. Но побѣжденный требовалъ себѣ болѣе лакомые кусочки будущей добычи, въ то же время защищая Пруссію и настаивая на томъ, чтобы Наполеонъ не дѣлалъ никакихъ шаговъ къ укрѣпленію и упрочненію Варшавскаго герцогства.

При величайшей любезности, которою осыпали другъ друга союзники, оба они не вѣрили другъ другу, оба подозрѣвали другъ друга въ коварствѣ и, надо сказать правду, союзники не были откровенны.

Дѣйствительно, Коленкуръ, докладывая своему государю о результатахъ переговоровъ по Восточному вопросу, или лучше сказать о безрезультатности ихъ, вслѣдствіе неуступчивости Румянцева, не преминулъ высказать и свои наблюденія. Онъ замѣтилъ, что русскій дворъ проявилъ безграничную радость, получивъ предложеніе Наполеона, но въ то же время къ Франціи продолжаетъ относиться недовѣрчиво. Императоръ Александръ и его министръ держатся на сторожѣ, такъ какъ они замѣтили связь Наполеоновской политики относительно Силезіи съ Польскимъ вопросомъ: они замѣтили, что упорное требованіе Наполеономъ гарантіи по поводу Силезіи имѣетъ связь съ вѣроломной мыслью возсоздать Польшу.

Между тѣмъ въ Петербургѣ Восточному вопросу придавали огромное значеніе. Не добившись согласія Наполеона высказаться по этому поводу, Александръ ставитъ вопросъ о личномъ свиданіи императоровъ. Для Наполеона было въ то время весьма важно поддержать дружбу съ Россіей въ духѣ Тильзита. Начатая Наполеономъ Испанская война, дала неожиданный оборотъ, вызвавъ народную войну. Отношеніе Франціи и Австріи приняли также нежелательный для Наполеона оборотъ. Австрія открыто вооружалась, стягивая къ границѣ огромныя силы. При такихъ обстоятельствахъ подкрѣпленіе союза съ Россіей было дѣломъ необходимости. Оба государя уславливаются относительно новаго свида-

нія въ Эрфуртѣ. Наполеонъ свой отъѣздъ и пребываніе въ этомъ маленькомъ городкѣ обставляетъ необыкновенной пышностью. Его окружаетъ блестящій дворъ, и толпы коронованныхъ лакеевъ изъ числа германскихъ владѣтелей потянулись въ Эрфуртъ на поклоненіе императору французовъ. У всякаго изъ нихъ была просьба, всѣ заискивали: одному нуженъ былъ новый пышный титулъ, другому прибавка того или иного города и проч. Прибылъ Прусскій король. Австрійскіе дипломаты хотѣли, чтобы императоръ Францъ тоже появился въ Эрфуртѣ, но его не пригласили. Тогда дипломаты обсуждали вопросъ, не слѣдуетъ ли австрійскому императору, какъ бомба, неожиданно явиться среди двухъ императоровъ въ Эрфуртѣ. Но появленіе императора австрійцевъ совсѣмъ не напомнило бы своевременной бомбы: безвольный императоръ Францъ былъ похожъ на резиновый мячикъ, который никого бы не испугалъ. Даже Меттерниху Наполеонъ не позволилъ явиться въ Эрфуртъ.

Александръ отправлялся въ Эрфуртъ съ новымъ для него настроеніемъ. Онъ ѣхалъ, выработавъ строгій планъ требованій, которыя намѣренъ былъ предложить союзнику. Онъ теперь былъ увѣренъ, что Наполеону не удастся обворожить его. Когда Императрица Марія Федоровна обратилась къ сыну съ пространнымъ письмомъ, въ которомъ она заклинала отказаться отъ личнаго свиданія съ Наполеономъ, боясь, чтобы лукавый Бонапарте окончательно не опуталъ его своими сѣтями, Александръ I отвѣчалъ ей съ сознаніемъ своего достоинства и съ сознаніемъ того, что онъ не можетъ быть обойденъ своимъ союзникомъ. Въ письмѣ къ своей сестрѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, писанномъ по тому же поводу, императоръ заявлялъ: „Бонапартъ думаетъ, что я больше ничего, какъ дуракъ. Смѣется хорошо тотъ, кто смѣется послѣдній“.

Дѣйствительно, въ Эрфуртъ оба императора явились съ неодинаковыми намѣреніями. Наполеонъ выѣзжалъ изъ Парижа съ грандіозными планами, мыслью о рѣшеніи судьбы всей Европы. Александръ начиналъ понимать политику Наполеона, повидимому, охладѣлъ къ грандіознымъ планамъ и ему хотѣлось только раскрыть замыслы своего союзника.

Въ Эрфуртѣ Наполеонъ дѣлалъ все, чтобы личнымъ вниманіемъ обворожить своего союзника. Въ этомъ отношеніи Наполеонъ обнаружилъ поразительное искусство. Онъ старался то ослѣпить своего друга блестящими идеями, то развлечь игривыми

или пикантными разговорами. Александръ не любилъ церемоніаловъ. Наполеонъ съумѣлъ изолировать его отъ окружавшей пышности и среди придворной суеты устроить для него уютный и уединенный уголокъ. Каждый вечеръ отличался разнообразными и блестящими празднествами. Наполеонъ самъ лично выбралъ актрисъ изъ французской комедіи и находилъ время заниматься раздачей имъ ролей. Конечно, главное вниманіе было обращено на красоту актрисъ, такъ какъ Наполеона ничуть не интересовалъ ихъ талантъ.

Но въ вопросахъ дипломатическихъ Наполеону пришлось уступить и не на словахъ, а на дѣлѣ. Онъ согласился на присоединеніе къ Россіи Финляндіи, Валахіи и Молдавіи. Восточный вопросъ принялъ новый оборотъ, такъ какъ оба императора обязались поддерживать цѣлость другихъ турецкихъ областей. Наполеонъ, наконецъ, обѣщалъ вывести значительную часть своихъ войскъ изъ Пруссіи и уступилъ 20,000,000 изъ той контрибуціи, которую онъ требовалъ отъ Пруссіи.

Съ внѣшней стороны въ Эрфуртѣ между обоими союзниками существовали видимое согласіе и сердечность личныхъ отношеній. Но недовѣріе проявлялось и здѣсь. Наполеонъ очень рѣзко встрѣтилъ австрійскаго представителя, упрекая его въ приготовленіи чрезвычайныхъ вооруженій и въ томъ, что Австрія не желаетъ признать французскихъ королей въ Италіи и Испаніи. Меттернихъ при личномъ свиданіи съ Александромъ I ожидалъ услышать отъ него тѣ же властныя требованія. Онъ былъ крайне пораженъ, когда Александръ заявилъ ему, что вооруженія—внутреннія дѣла государства, въ которыя никто не имѣетъ права вмѣшиваться, и что у Австріи нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ онъ, императоръ Александръ.

Оба союзника съ неодинаковымъ чувствомъ оставили Эрфуртъ. Наполеонъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе результатами Эрфуртскаго свиданія, которое совершенно не оправдало его розовыхъ надеждъ, ибо въ Эрфуртѣ дѣло, начатое въ Тильзитѣ, не было ни развито, ни окончено. Напротивъ, Александръ I имѣлъ основаніе покинуть Эрфуртъ съ чувствомъ удовлетворенія. Онъ добился признанія за Россіей самыхъ нужныхъ и важныхъ по своему положенію для восточнаго вопроса двухъ провинцій. Съ присоединеніемъ ихъ Россія твердо становилась на Дунаѣ и получала этапный пунктъ къ Константинополю. Но съ другой стороны, онъ стремился въ Эрфуртъ въ надеждѣ на окон-

чательное разрѣшеніе всего вопроса о раздѣлѣ Турціи, на горизонтѣ уже былъ виденъ Константинополь. Но, понявъ политику Наполеона, онъ отрезвился отъ мечтанія и снова обратился къ реальной дѣйствительности.

Такъ во всякомъ случаѣ Эрфуртъ не далъ обоимъ союзникамъ, каждому въ отдѣльности, того, о чемъ каждый изъ нихъ мечталъ. Переговоры продолжаются. Назрѣваетъ возможность разрыва Франціи и Австріи и возможность новаго ослабленія Австріи, что вовсе не входило въ интересы русскихъ дипломатовъ. Виднѣется обостреніе въ польскомъ вопросѣ. Императоръ Александръ отправляетъ въ Парижъ своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева для личнаго веденія переговоровъ съ Наполеономъ. Графъ Толстой, которымъ не былъ доволенъ императоръ французовъ, былъ, наконецъ, къ величайшему его удовольствію, отозванъ, а на его мѣсто переведенъ изъ Вѣны въ Парижъ князь Куракинъ. Наполеонъ не торопился и на этотъ разъ исполнять своихъ обѣщаній по отношеніи къ Пруссіи. Война его съ Австріей дѣлалась неизбѣжной. Наполеонъ выражался относительно Австріи все рѣзче и рѣзче. Онъ собирался дать Австріи „пощечину по обѣимъ щекамъ“, собирался „отдуть Австрію палкой“. Румянцевъ очень осторожно относился ко всѣмъ этимъ эксцессамъ со стороны императора французовъ.

Несмотря на старанія Россіи, война между Австріей и Франціей началась. Наполеонъ исполнилъ обѣщаніе быть въ Вѣнѣ въ 40 дней. Россіи пришлось, согласно договору, выставить армію противъ австрійцевъ. Русская армія подъ начальствомъ князя Голицына вступила въ австрійскую Галицію. Это была очень оригинальная русско-австрійская война, въ которой обѣ арміи тщательно избѣгали встрѣчи другъ съ другомъ. Наполеонъ одинъ разбилъ Австрію, но поведеніе Россіи для него стало ясно. Союза не было. Правда, Наполеонъ продолжалъ въ письмахъ разсыпать комплименты императору Александру I, который въ свою очередь восхищался блестящей побѣдой французовъ надъ австрійцами и заявлялъ, что они получили „страшный и заслуженный урокъ“. Такое поведеніе русскихъ Наполеонъ называлъ предательскимъ: „Комплименты и фразы—не арміи“, съ негодованіемъ воскликнулъ Наполеонъ, прочитавъ донесеніе своего посла Коленкура о томъ, какъ императоръ Александръ I восхищается военнымъ геніемъ Наполеона. Зато, когда Наполеонъ выдѣлилъ русскимъ за ихъ безкровную войну изъ австрійскихъ владѣній область съ полмилліон-

нымъ населеніемъ, Александръ I призналъ такое вознагражденіе слишкомъ мизернымъ.

Неудивительно, что послѣ всего происшедшаго Наполеонъ сталъ принимать дѣятельныя мѣры къ ослабленію Россіи.

Наполеонъ началъ интересоваться вопросомъ о возстановленіи Польши. Александръ немедленно сталъ напоминать своему союзнику о его торжественнѣйшихъ обѣщаніяхъ не возстановлять Польшу. Министръ Наполеона Шампаньи еще въ 1809 году старался увѣрить русское правительство, что Наполеонъ совершенно согласенъ, чтобы даже слова „Польша и поляки“ исчезли изъ дипломатическихъ актовъ, даже изъ исторіи. Тогда же самъ Наполеонъ старался въ этомъ увѣрить князя Куракина. Но тѣмъ не менѣе въ рукахъ графа Румянцева въ томъ же году были всѣ данныя для того, чтобы не вѣрить Наполеону. Графъ Румянцевъ подаетъ мысль о необходимости заключить съ Наполеономъ особую конвенцію относительно Польши. Настоянія русскаго двора очень не нравились Наполеону. Впрочемъ, ему пришлось согласиться на веденіе переговоровъ относительно заключенія этой конвенціи. Французскій посолъ Коленкуръ поторопился даже заключить съ русскимъ правительствомъ 23-го декабря 1809 года такого рода конвенцію. Но не въ интересахъ Наполеона было утверждать ее. Переговоры о поправкахъ затянулись. Наполеонъ въ бесѣдахъ съ русскими представителями начиналъ выражать свое неудовольствіе. Начались мелкія недоразумѣнія. Въ 1809 году Наполеонъ рѣшилъ просить руки великой княжны Анны Павловны. Ему было отказано довольно неучтиво. Императоръ французовъ нашелъ себѣ жену среди австрійскихъ принцессъ, но Наполеонъ живо почувствовалъ нанесенную ему обиду. Въ польской конвенціи сразу нашлись мѣста, которыхъ Наполеонъ не могъ скрѣпить своимъ обѣщаніемъ. Въ январѣ 1810 года Александръ еще думалъ, что Наполеонъ утвердитъ польскую конвенцію. Однако, вскорѣ сдѣлалось ясно, что ратификаціи не послѣдуетъ. Изъ устъ того же Шампаньи уже вылилась фраза: „Только отъ самого Божества“, патетически сказалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, (зависитъ) „не возстановлять польскаго королевства“ и прибавилъ: „императоръ Наполеонъ находитъ, что не въ его власти подписать подобное обязательство, и что онъ не можетъ обязаться не участвовать ни посредственно, ни непосредственно, во всемъ томъ, что можетъ содѣйствовать такому событію“. Между тѣмъ русское правительство настаивало на га-

рантіи въ польскомъ вопросѣ со стороны Франціи, оно требовало публичнаго, торжественнаго отреченія Франціи отъ Польши. Куракинъ получилъ отказъ.

Конецъ 1810 года привнесъ новую остроту въ отношенія обѣихъ сторонъ. Прежде всего вопросъ о континентальной системѣ получилъ новую и неожиданную постановку. Система эта была явно разорительна для Россіи, по крайней мѣрѣ для крупнаго дворянства. Наполеонъ настаивалъ на строгомъ ея примѣненіи. Въ октябрѣ 1810 г. Наполеонъ въ письмѣ къ царю сообщаетъ, что Англія совсѣмъ разоряется, и въ то же время требуетъ строжайшаго примѣненія конфискованія судовъ; онъ настаивалъ, чтобы конфисковались суда подъ нейтральными флагами, если на нихъ предполагаются англійскіе товары. Графъ Румянцевъ, по порученію государя, писалъ князю Куракину вторично, для доклада французскому правительству, что примѣненіе такихъ требованій поведетъ къ тому, что правительство должно обращать слишкомъ мало вниманія на благосостояніе своихъ подданныхъ, что, вводя такого рода постановленія, государь ослабилъ бы любовь къ себѣ подданныхъ. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ императоръ доказывалъ невозможность выполненія новыхъ французскихъ требованій. Императоръ говорилъ, что онъ не можетъ принимать каждый день новыя мѣры. Русское правительство несомнѣнно приноситъ вредъ Англіи, съ англійскими кораблями поступаетъ безпощадно, „но я не могу закрыть своихъ портовъ для американцевъ, потому что я не обязывался это дѣлать, и потому что я не намѣренъ ссориться съ людьми, которые мнѣ ничего не сдѣлали и являются наиболѣе естественными врагами англичанъ“. Въ то же время императоръ жаловался на паденіе курса и на тѣ лишенія, которымъ онъ подвергъ свой народъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти стремленія Наполеона усилить континентальную блокаду, обоими союзниками были изданы тарифныя постановленія, въ сильной мѣрѣ облегчающія доступъ англійскихъ товаровъ и во Францію и въ Россію. Это не помѣшало обѣимъ сторонамъ категорически утверждать, что ни одна изъ нихъ не нарушала тильзитскаго договора, и что каждая изъ нихъ ревностно поддерживаетъ систему блокады. Въ самомъ дѣлѣ, Тріанонскій эдиктъ Наполеона съ послѣдующими декретами разрѣшалъ ввозъ во Францію колоніальныхъ товаровъ, правда, съ уплатою большой таможенной пошлины. Система исключительныхъ дозволеній, даваемыхъ отдѣльнымъ лицамъ французскимъ

правительствомъ на ввозъ колоніальныхъ продуктовъ, взамѣнъ вывозимыхъ произведеній Франціи, открыла доступъ къ наживѣ отдѣльныхъ лицъ и доступъ товарамъ, имѣвшимъ англійское происхожденіе. Какъ бы въ отвѣтъ на эти декреты въ декабрѣ 1810 года русское правительство издаетъ новый тарифъ, который повышалъ пошлину на французскіе товары и давалъ доступъ колоніальнымъ товарамъ на нейтральныхъ судахъ. Наполеонъ рѣзко выразилъ неудовольствіе по поводу новаго тарифа.

Ко всему этому присоединилось обстоятельство, лично задѣвшее императора Александра и имѣвшее по существу огромное значеніе въ томъ раздраженіи, которое накоплялось у обоихъ союзниковъ. Въ декабрѣ 1810 г. Наполеонъ сдѣлалъ распоряженіе о присоединеніи къ Франціи Ганзейскихъ городовъ и герцогства Ольденбургскаго. Герцогъ былъ родственникомъ русскаго императора и русское правительство категорически вступилось за права герцога. Румянцевъ отправляетъ въ Парижъ декларацію, представлявшую собою формальный протестъ Россіи. Князь Куракинъ имѣлъ неосторожность сообщить министру иностранныхъ дѣлъ о томъ, что онъ пришлетъ ему эту декларацію. Французскій министръ, получивъ пакетъ, отправилъ его обратно, не вскрывая. Тогда Куракинъ вторично посылаетъ тотъ же пакетъ—и опять получаетъ обратно. Русскій посолъ догадался: отправился лично къ министру вручить пакетъ—и когда тотъ отказался, положилъ ему на столъ и быстро исчезъ. Шампаньи перехитрилъ: въ свою очередь онъ явился къ русскому послу, положилъ пакетъ на столѣ и быстро убѣжалъ. Куракину, наконецъ, надоѣла эта передача пакетовъ и онъ долженъ былъ признаться, что не въ силахъ исполнить высочайшаго повелѣнія.

Послѣ этого неизбѣжность войны была совершенно очевидной. Вопросъ былъ только о времени, когда она вспыхнетъ. Обѣ стороны подготовляются усиленно въ войнѣ, производятъ новые наборы солдатъ, ищутъ союзниковъ и въ то же время цѣлыхъ полтора года проводятъ въ переговорахъ, имѣющихъ единственной цѣлью выиграть время для военныхъ приготовленій. Въ поискахъ союзниковъ Наполеонъ былъ въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Онъ заставилъ Пруссію заключить съ нимъ союзъ, и королю Фридриху Вильгельму оставалось только въ письмѣ къ императору Александру ссылаться на тяжелую необходимость, заставившую его подписать союзный договоръ съ Франціей; Австрія не находилась тогда въ такой крайности, и могла оставаться нейтральной.

Но австрійскіе политики прельстились возможностью поживиться на счетъ Россіи и предпочли союзъ съ сильнымъ. Положеніе Россіи было болѣе затруднительнымъ. У нея была неоконченная война съ Турціей и оказался единственный союзникъ въ лицѣ недавно разбитой Россіею Швеціи. Дипломатическіе переговоры между Россіею и Франціей за этотъ періодъ не представляютъ интереса. Наполеонъ попробовалъ было перемѣнить посла при русскомъ дворѣ,ославъ туда вмѣсто Коленкура, слишкомъ обрусѣвшаго, по мнѣнію Наполеона, генерала Лористона. Александръ въ помощь Куракину посылаетъ для переговоровъ полковника Чернышева. Упреки, посылаемые союзниками другъ другу, большею частью касаются вопроса объ усиленныхъ вооруженіяхъ обѣихъ сторонъ и о передвиженіи войскъ къ границамъ. Конечно, не обошлось и безъ того, что обычно въ такихъ случаяхъ предпринимаютъ. Молодой полковникъ Чернышевъ, сверхъ усерднаго изученія будуаровъ парижскихъ дамъ, занялся выкрадываніемъ военныхъ плановъ; ему это не удалось, и онъ долженъ былъ бѣжать. Лористонъ въ Петербургѣ былъ менѣе удачливъ на счетъ будуаровъ, но зато безъ большихъ расходовъ онъ купилъ все, что ему было нужно. Пока шли всѣ эти перипетіи, войска Наполеона были на Вислѣ и самъ онъ двинулся съ своимъ штабомъ туда же. Александръ изъ Петербурга отправился въ Вильно.

ГЛАВА VII.

Отечественная война.

Война началась блестящимъ баломъ въ только что купленномъ императоромъ Александромъ I подгороднемъ замкѣ Закретѣ, подъ Вильной. Неизвѣстно, было ли всѣмъ тамъ весело, — замѣчаетъ одна современница,—но хозяинъ былъ очень любезенъ и всѣ показывали видъ веселящихся и довольныхъ людей. На томъ же балу ночью Александръ получилъ извѣстіе о переходѣ французовъ черезъ Нѣманъ. Важное занятіе танцами не было нарушено до утра. Это было 16 іюня 1812 года. А черезъ два дня французы были уже въ Вильнѣ и обозрѣвали еще не убранный залъ въ Закретѣ. На переходъ французовъ черезъ Нѣманъ Александръ отвѣтилъ литературнымъ произведеніемъ, издавъ свой знаменитый манифестъ съ призывомъ къ борьбѣ съ Наполеономъ, приглашая всѣхъ подданныхъ подражать Минину и Пожарскому, и, ставъ во главѣ арміи, началъ быстро отступать къ Свѣнцянамъ.

Надо признать, что русское общество рѣдко реагировало въ столь сильной степени на вопросы политики, какъ это было въ періодъ русско-французской дружбы. Идя вразрѣзъ съ русской дипломатіей, русское общество относилось весьма недружелюбно къ союзу съ Франціей. По крайней мѣрѣ это относится къ дворянству и купечеству—двумъ классамъ, которые являлись представителями общественнаго настроенія. Но отголоски этого настроенія стали отдаваться и въ народной средѣ. Вопросы кармана, какъ мы отчасти видимъ, тутъ играли весьма важную роль. Но были и другія условія. Въ 1806 г. само правительство разжигало ненависть въ обществѣ къ Франціи и Наполеону. Если желателенъ былъ миръ, то дорого стоющій союзъ во всякомъ случаѣ казался актомъ унизительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всеобщій ропотъ встрѣтилъ извѣстіе о Тильзитскомъ мирѣ. „Я работаю надъ тѣмъ, чтобы все перемѣнить, но могу произвести все это лишь медленно; я намѣренъ все поставить на другую ногу. Я очень люблю моихъ родныхъ,

но я царствую и требую, чтобы мнѣ оказывали должное вниманіе“ Такъ говорилъ императоръ Александръ I генералу Савари, выясняя ему трудность своего положенія: всѣ были противъ него, и въ средѣ своей семьи онъ прежде всего встрѣчалъ самую рѣзкую оппозицію. Императрица Марія стояла во главѣ этой оппозиціи: всѣ недовольные, по словамъ императрицы Елизаветы, число которыхъ было очень велико, сплотились вокругъ матери императора, и ея мѣстопребываніе; Павловскъ, сдѣлался столь посѣщаемымъ, какъ никогда раньше. Даже на простой народъ миръ производилъ непріятное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ вынести изъ простого сопоставленія? Представитель того самого—покровителя іудеевъ, представитель самого антихриста, недавно проклятаго Синодомъ, французскій посланникъ Коленкуръ, во время Крещенскаго парада появляется на водосвятіи вмѣстѣ съ царской семьей въ процессіи на рѣкѣ Невѣ—честь, которой не удостаивались до сихъ поръ представители другихъ государей. Православный царь цѣловался въ Тильзитѣ съ антихристомъ. По этому поводу среди мужиковъ создались цѣлыя легенды, и Александръ находилъ въ этихъ легендахъ только одно оправданіе: свиданіе происходило на рѣкѣ для того, „чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя царскія очи“. Все раздражало русское общество. Армію переодѣли, обрѣзали косы, уничтожили пудру, помаду, дали болѣе просторную одежду. Но эти новые мундиры казались русскимъ офицерамъ французскими ливреями и они были недовольны. Императору пришлось перемѣнить министра иностранныхъ дѣлъ. Графъ Будбергъ былъ противникомъ союза и, что рѣдко бываетъ у русскихъ чиновниковъ, не перемѣнилъ своихъ убѣжденій, когда на то послѣдовала высочайшая воля. Новый министръ графъ Румянцевъ, умный и осторожный политикъ, вышедшій изъ Екатерининской школы и проникнутый ея традиціями, человѣкъ высокой честности и твердости убѣжденій, былъ встрѣченъ презрѣніемъ и насмѣшками. „Придворное бревно“, „безхарактеренъ“, „тщеславный“, „неспособный и французъ въ душѣ“, „болтаетъ вздоръ“, не подкупленъ Франціею „изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности“, „подлый льстецъ“, всѣ радовались, когда у него сдѣлался ударъ,—вотъ тотъ рядъ эпитетовъ, который оставленъ намъ современниками о человѣкѣ, взявшемся править министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ это время.

Паденіе курса и застой торговли, чего, конечно, надо было ожидать, вызывали злобное настроеніе. „Объявленъ разрывъ съ Англіей, и сахаръ въ Петербургѣ 40 рублей“—записалъ въ своемъ дневникѣ молодой Н. И. Тургеневъ. „Налоги ежедневно увеличивались, торговля страдала отъ запретительной системы, введенной въ угожденіе Франціи; капиталисты разорились отъ безпрестаннаго пониженія курса на ассигнаціи“,—записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель, и въ другомъ мѣстѣ продолжаетъ: „въ это время внезапный упадокъ государственнаго кредита производилъ чрезвычайное уныніе и какъ будто оправдывалъ жалобы людей, болѣе другихъ вопіявшихъ противъ союза съ Наполеономъ“. Такой крупный авторитетъ въ области финансовъ, какъ графъ Мордвиновъ, выступилъ съ серьезной оцѣнкой невыгодъ континентальной системы. Въ статьѣ „Оцѣнка континентальной системы“ Мордвиновъ сильно возстаетъ противъ торговой войны съ Англіей. По его мнѣнію, конфискація англійскихъ судовъ указываетъ на нашу слабость. Примѣненіе этой мѣры подвергаетъ Россію „всеобщему негодованію“. Онъ пытается привести аргументы въ доказательство того, что политическое положеніе Россіи и ея отношеніе къ Англіи вовсе не требовало бы борьбы. Онъ полагаетъ, что если Россіи и нужно было дать согласіе на поддержаніе континентальной системы, то это согласіе должно было бы носить условный характеръ. Но когда опытъ доказалъ, что вредъ вмѣсто Англіи обратился на Россію, то естественно слѣдовало бы, чтобы и данныя Россіею обязательства были уничтожены. Мордвиновъ старался доказать, что съ введеніемъ этой системы англійская торговля расширилась и принятыми мѣрами нельзя разстроить англійскаго народнаго хозяйства. Теперь англичане сами стали производить тѣ предметы, которые ранѣе они покупали въ Россіи: они увеличили количество желѣзныхъ заводовъ, на пустопорожней землѣ воздѣлываютъ пеньку. Онъ пугаетъ государя тѣмъ, что Наполеонъ не столько Англію имѣетъ въ виду, сколько стремится разорить Россію. Россія должна внять „воплю народа“ и оставить эту пагубную систему. Нужно открыть порты и уничтожить всѣ стѣсненія, чинимыя при ввозѣ товаровъ.

Не даромъ Вигель, подводя итоги тогдашнему настроенію общества и указывая на тотъ восторгъ, съ которымъ оно потомъ встрѣчало побѣдителя, язвительно говоритъ: „народы бываютъ иногда также подлы, какъ люди“.

Неудивительно, поэтому, что, когда, наконецъ, наступленіе войны сдѣлалось очевиднымъ, общество воспряло духомъ. „Пораженіе Аустерлицкое,—говоритъ въ своихъ запискахъ декабристъ С. Г. Волконскій, пораженіе Фридландское, Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ императора Александра передъ политикой Наполеона I-го — были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого—и весьма мало ихъ было—почитался отверженнымъ, презирался... Дружное желаніе отомстить объяло всѣ сердца, и хотя были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе. Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывался при каждомъ случаѣ. Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась пріобрѣтать чтеніемъ военныхъ книгъ болѣе познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ".

Такъ общественное настроеніе встрѣтило войну.

Теперь мы перейдемъ къ нѣкоторымъ сторонамъ знаменитой войны. Для правильной оцѣнки тогдашняго положенія Россіи надо прежде всего познакомиться съ тѣмъ, что представляла собою великая армія Наполеона.

Наполеонъ ввелъ въ предѣлы Россіи почти полмилліонную армію (по подсчету военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго 477,000 человѣкъ). Но эта армія была обременена сотнею тысячъ нестроевыхъ, ремесленниковъ, маркитантовъ и т. п. При ней было 1372 орудія, изъ коихъ 130 осадныхъ, и 180,111 лошадей. Масса обозныхъ воловъ была съѣдена французами частью въ Пруссіи, частью сейчасъ за Нѣманомъ. Основную часть этой арміи составляли французы. Но въ общемъ это была молодая армія. Какъ она составлялась Наполеономъ, видно изъ слѣдующихъ подсчетовъ. Въ февралѣ 1811 года вся армія Наполеона состояла по спискамъ изъ 675,761 человѣка. Но половина этой арміи тогда уже находилась въ Испаніи (305,245), часть ея стояла въ Италіи. Изъ этой арміи, которую можно признать обученной къ началу военныхъ дѣйствій, Наполеонъ могъ двинуть въ Россію только ту часть, которая находилась во Франціи (136,000), Германіи и Голландіи (70,000), т. е. всего 200,000 достаточно под-

готовленныхъ солдатъ. Вся остальная армія, пришедшая въ Россію, была совсѣмъ молодой—конскрипты, поступившіе въ армію вслѣдствіе усиленныхъ наборовъ въ 1811 и частью въ 1812 г. г.; тутъ были и тѣ 60,000 человѣкъ, которые скрывались въ горахъ и лѣсахъ Франціи и которыхъ Наполеонъ съ помощью особыхъ подвижныхъ колоннъ заставилъ вернуться въ ряды арміи. Такіе элементы, какъ бѣглецы или какъ восемнадцатилѣтніе конскрипты ослабляли армію. Къ Нѣману въ началѣ войны вмѣстѣ съ Наполеономъ подошла сравнительно небольшая часть арміи: подъ Ковно Наполеонъ могъ переправить всего 260,000 человѣкъ. Такимъ образомъ, его армія, первоначально двинутая въ предѣлы Россіи, почти не превосходила по численности тѣхъ трехъ русскихъ армій, которыя въ этотъ моментъ стояли на границѣ. Только вслѣдъ за этимъ мощнымъ авангардомъ въ предѣлы Россіи вторглись остальныя арміи Наполеона. Но при всемъ томъ эту огромную армію въ сильной мѣрѣ ослабляли союзники, австрійцы, пруссаки, баварцы, съ тяжелымъ чувствомъ слѣдовавшіе за Наполеономъ, южане итальянцы, на которыхъ скоро стала сказываться разница климатическихъ условій. Наконецъ, необходимость выдѣленія изъ арміи особыхъ обсерваціонныхъ корпусовъ ослабила головную ея часть. 30,000-ая австрійская армія подъ начальствомъ Шварценберга имѣла назначеніемъ своимъ лишь занимать вниманіе арміи генерала Тормасова, превосходившей въ полтора раза австрійскую, но тѣмъ не менѣе не давшей ей ни одного серьезнаго сраженія. Такой же корпусъ подъ начальствомъ генерала Макдональда имѣлъ порученіе занимать русскія войска подъ Ригой. Двѣ арміи, каждая въ 80,000 человѣкъ, направились противъ арміи Багратіона для того, чтобы не дать ей возможности соединиться съ первой арміей. Такимъ образомъ, противъ Барклая двигался Наполеонъ съ головной арміей въ 250.000 человѣкъ.

Конечно, эта армія была сильна; численностью она превосходила находившіяся въ дѣйствіи русскія арміи. Но армія Наполеона была ослабляема необходимостью оставлять гарнизоны и резервы. Молодой составъ французскихъ солдатъ и союзники дѣлали эту армію значительно ослабленной. Сразу же сказался недостатокъ провіанта. Уже передъ Вильно,—такъ разсказываетъ современникъ французъ графъ Боволье,—войска нѣсколько дней буквально голодали. Проливные дожди сдѣлали дороги непроходимыми. Люди ослабѣли, лошади падали. На главной дорогѣ къ Вильно валя-

лось до 10,000 конскихъ труповъ, заражавшихъ воздухъ. Въ самомъ началѣ похода уже чувствовался недостатокъ во всемъ, даже въ боевыхъ припасахъ. Мародерство и уходъ солдатъ изъ строевыхъ частей дѣлались обычными явленіями и вскорѣ приняли ужасающій размѣръ. Солдаты грабили деревни, населеніе разбѣгалось по лѣсамъ, унося съ собою провіантъ. И это не единственное свидѣтельство. Оно буквально повторяется всѣми французами. Оно немедленно было замѣчено и многими изъ русскихъ. Уже въ іюлѣ въ арміи Сенъ-Сира, когда она расположилась на Двинѣ, развилось сильное мародерство и болѣзни. По словамъ самаго Сенъ-Сира, занятый имъ Полоцкъ превратился въ госпиталь, а между тѣмъ больные чувствовали во всемъ недостатокъ. Русскій офицеръ Бенкендорфъ свидѣтельствуетъ, что уже во время отступленія русской арміи изъ подъ Витебска „дезорганизація и упадокъ дисциплины сдѣлали успѣхи въ разнородныхъ войскахъ, составлявшихъ гигантскую армію Наполеона, и какъ бы являлись предвѣстниками бѣдствій, которыя ее ожидали“. Это между прочимъ ясно сказывалось на томъ, что французскія войска цѣлыми сотнями сдавались въ плѣнъ безъ всякаго сопротивленія. Подъ Витебскомъ Понятовскій уже съ жаромъ доказывалъ Наполеону, что безъ фуража быстрое дѣйствіе кавалеріи немыслимо. Къ удивленію Наполеона запасы всего нужнаго для войны оказались ничтожными и т. д.

Правда, великая армія вѣрила въ счастливую звѣзду Наполеона. Но наблюдатели французы замѣтили въ Наполеонѣ большую перемѣну. Онъ теперь слишкомъ дорожилъ своей особой и уклонялся отъ появленія въ центрѣ сраженія. Онъ слишкомъ часто сердился, раздражался и своею рѣзкостью вооружалъ противъ себя подчиненныхъ. Въ немъ замѣчалась необычная для него черта—медлительность, нерѣшительность. „Померкла его звѣзда,—говоритъ о немъ русскій военный историкъ Поповъ,—въ которую онъ слѣпо вѣрилъ, или, лучше сказать, въ самого себя, не имѣя истинной, ясновидящей вѣры. Рѣшеніе, принятое въ Витебскѣ овладѣть Смоленскомъ было послѣднею побѣдой генія надъ силой обстоятельствъ. Съ тѣхъ поръ всѣ его дѣйствія отличались неопредѣленностью и нерѣшительностью, какъ подъ Смоленскомъ, такъ и потомъ, по замѣчанію его сотрудниковъ, въ сраженіи при Бородинѣ и во время пребыванія въ Москвѣ“. Дѣйствительно, адъютантъ Наполеона графъ Сегюръ, внимательно отмѣчавшій въ Наполеонѣ новыя черты, между прочимъ опи-

сывалъ то грустное и тяжелое настроеніе, въ которомъ находился императоръ Наполеонъ въ день Бородинской битвы. Императоръ страдалъ физически. Онъ съ усиліемъ садился на лошадь, онъ передвигался вялой походкой, распоряжался ослабѣвшимъ голосомъ. „Тѣ, которые находились при немъ неотлучно, увидѣли, что этотъ побѣдитель столькихъ народовъ былъ самъ побѣжденъ жгучей лихорадкой“. Наконецъ, русскій генералъ Беннигсенъ, бывавшій въ бояхъ противъ Наполеона и единственный генералъ, одержавшій надъ нимъ побѣду ранѣе Кутузова, между прочимъ также свидѣтельствуетъ, что при началѣ отступленія русской арміи, Наполеонъ совершенно не препятствовалъ движенію русскихъ войскъ и далъ время опередить себя: „образъ дѣйствій Наполеона и медлительность, съ какою онъ оперировалъ до сихъ поръ, совершенно не объяснимы; если бы онъ сразу сталъ преслѣдовать насъ съ тѣми значительными силами, какія онъ успѣлъ сосредоточить, то мы либо вовсе не могли бы выступить изъ Дриссы и прибыть въ Полоцкъ, либо это движеніе было бы для насъ весьма затруднительно и стоило бы намъ много людей“. Это свидѣтельство русскаго наблюдателя, такимъ образомъ, совершенно совпадаетъ съ свидѣтельствами французскихъ генераловъ о многочисленныхъ ошибкахъ Наполеона, непонятныхъ для тѣхъ, кто зналъ этого полководца.

Такъ, былъ рядъ обстоятельствъ, который въ сильнѣйшей мѣрѣ уменьшалъ силу великой арміи. Но неустройство русской арміи и величіе генія Наполеона поставили русскую армію въ такое положеніе, что она въ конечномъ итогѣ оставила Москву.

Въ самомъ дѣлѣ, къ 1-му января 1811 года регулярная русская армія состояла изъ 537,856 человѣкъ, кромѣ иррегулярныхъ казачьихъ войскъ, инвалидныхъ командъ и морскихъ полковъ. Все это была уже армія обученная и въ большинствѣ своего состава видавшая сраженія. Правда, часть арміи находилась на Турецкомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Но все же ясно, что по численному составу русская подготовленная армія, которая могла быть двинута противъ французовъ, значительно превосходила соотвѣтственную часть французской арміи, особенно если исключить изъ нея нѣмцевъ.

Съ начала 1811 года послѣдовалъ въ арміи рядъ реформъ. Гарнизонные батальоны были расформированы и усилили линейную пѣхоту. Произведены рекрутскіе наборы, были приняты нѣкоторыя другія мѣры. Все это увеличило къ началу 1812 года

русскія арміи до 590,973 человѣкъ при 1556 орудіяхъ (за исключеніемъ крѣпостныхъ). Усиленіе арміи, казалось бы, было сдѣлано не большое, но это объясняется тѣмъ, что слабыя части арміи были замѣнены свѣжимъ наборомъ и въ счетъ не вошло около 100,000 наготовленныхъ резервовъ. Наконецъ, надо помнить, что во всѣхъ этихъ подсчетахъ отсутствуетъ иррегулярная казачья кавалерія, принесшая въ 1812 году огромную пользу арміи. Правда, къ границѣ къ іюню 1812 года была придвинута только часть арміи.

Стоявшая на границѣ русская армія дѣлилась тогда на три части. Первая армія подъ начальствомъ Барклая-де-Толли состояла изъ 127,000 человѣкъ при 558 орудіяхъ. Вторая армія князя Багратіона состояла изъ 48,000 человѣкъ при 216 орудіяхъ и третья армія генерала Тормасова состояла изъ 43,000 человѣкъ при 168 орудіяхъ. Такимъ образомъ, подъ ружьемъ стояло всего на границѣ 218, 000 человѣкъ при 942 орудіяхъ. Въ тылу этой арміи усиленно готовились резервы, формировались казачьи полки, обучались рекруты. Вмѣстѣ съ быстро подоспѣвшими частями войскъ русская армія въ моментъ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ состояла изъ 340,000. Къ ней вскорѣ направилась на помощь привыкшая къ боямъ Дунайская армія въ составѣ 53,000 человѣкъ, при 216 орудіяхъ. Кромѣ того, въ распоряженіи арміи были не входившіе въ счетъ казачьи полки, въ тылу арміи находились запасные артиллерійскіе парки, расположенные въ три линіи.

Итакъ, количественно русская армія не столь сильно отличалась отъ Наполеоновской арміи. Но послѣдняя армія быстро таяла, тогда какъ русская армія, отодвинувшись нѣсколько отъ границъ, могла разсчитывать на подкрѣпленіе изъ резервовъ. Кромѣ того, и впослѣдствіи, когда Наполеонъ уже значительно далеко подвинулся въ глубь Россіи, количественное превосходство его арміи не было велико. Въ половинѣ августа подъ начальствомъ Кутузова находилось 113,000 регулярнаго войска и довольно значительное количество иррегулярнаго. Между тѣмъ французская армія въ этотъ моментъ по весьма преувеличенному счету, что признавалъ самъ Кутузовъ, едва ли доходила до 165,000 человѣкъ. Но русская армія и въ этотъ моментъ имѣла сильныя крылья въ видѣ армій Тормасова или Витгенштейна, тогда какъ Наполеонъ, растерявъ свою армію на огромномъ пространствѣ, лишившись значительной части ея, вслѣдствіе страш-

ной убыли отъ болѣзней и бѣгства, не имѣлъ за собой подкрѣпленія. Итакъ, неуспѣхи русскихъ войскъ заключались не въ численномъ превосходствѣ французской арміи: гдѣ сражаются массами, тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ лишнихъ человѣкъ большого значенія не имѣютъ, потому что многое зависитъ отъ быстроты движеній и удачнаго расположенія корпусовъ. Россія долго готовилась къ этой войнѣ, но она оказалась неподготовленной. Можно доказать безспорными фактами, что съ самаго начала непріязненныхъ дипломатическихъ отношеній война ожидалась оборонительная. Но именно подготовки къ такой войнѣ сдѣлано не было. Русскія границы оказались безъ крѣпостей, и даже еще хуже: крѣпости, какъ разъ были поставлены тамъ, гдѣ онѣ не были нужны. Укрѣпленія Риги были ничтожны. Динабургская крѣпость стоила огромныхъ средствъ, но въ ней были сдѣланы незначительныя постройки, а самой крѣпости не выстроили. Новыя укрѣпленія Кіевской крѣпости не соотвѣтствовали своему назначенію. Бобруйскъ и Кіевъ были построены въ предположеніи нападенія французской арміи. Но сила крѣпостей этихъ заключалась собственно въ томъ, что онѣ были поставлены какъ разъ не по пути непріятеля, а въ сторонѣ отъ Московской дороги, тамъ, куда движеніе французовъ не могло имѣть какой либо цѣли, затѣмъ обѣ онѣ были поставлены слишкомъ далеко въ глубинѣ государства. Война предполагалась оборонительной. Предполагалось отступленіе, но и не военные люди того времени замѣтили, что главные склады провіанта собраны не въ многихъ пунктахъ въ большомъ количествѣ; эти пункты были слишкомъ придвинуты къ границѣ, такъ что по плану войны ихъ не приходилось бы защищать. Такъ, главные провіантскіе магазины были сосредоточены въ Вильнѣ, въ Ровно, въ Свѣнцянахъ, Слуцкѣ, Слонимѣ и др. пунктахъ, какъ разъ находящихся впереди того знаменитаго укрѣпленнаго лагеря, Дриссы, гдѣ предполагалось остановить нашествіе Наполеона; за лагеремъ же, кромѣ Новгорода, складовъ не было. Конечно, всѣ эти склады мало принесли пользы русскому войску, къ счастью не помогли и французамъ, потому что были истребляемы при отступленіи. Но истребленіе складовъ не обошлось и безъ истребленія фиктивныхъ бумажныхъ складовъ, чѣмъ воспользовались интенданты.

Планъ войны былъ обдуманъ императоромъ заранѣе. Но никто изъ русскихъ генераловъ не принималъ участія въ выработкѣ этого плана. Имъ онъ былъ впослѣдствіи сообщенъ къ

исполненію. Судя по запискамъ Бенкендорфа, даже старшіе штабные офицеры уже въ Вильнѣ, т. е. въ моментъ нашествія Наполеона, не знали содержанія плана военныхъ дѣйствій. Замѣчательно напр., что даже генералъ Беннигсенъ полностью этого плана не зналъ: „императоръ,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, не показывалъ мнѣ этого операціоннаго плана, и я не знаю ни одного человѣка, который бы его видѣлъ". Между тѣмъ интересно, что съ Беннигсеномъ императоръ совѣщался о нѣкоторыхъ частностяхъ плана, даже заставилъ его диспутировать съ генераломъ Фулемъ, убѣдить котораго въ чемъ нибудь было дѣломъ безнадежнымъ.

Этотъ планъ былъ подсказанъ императору случайнымъ при немъ человѣкомъ генер. Фулемъ. Это былъ довольно оригинальный генералъ, никогда не бывавшій въ сраженіи и теоретически занимавшійся военнымъ дѣломъ. Генералъ Фуль былъ хорошимъ классикомъ, внимательно изучалъ классическую древность и, можетъ быть, изъ него вышелъ бы незаурядный профессоръ римской филологіи. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что и въ XIX вѣкѣ слѣдуетъ воевать такъ, какъ воевалъ Юлій Цезарь, и буквально въ подражаніе великому римлянину составилъ планъ для обороны русскаго государства. Даже по нѣкоторымъ другимъ чертамъ своего характера Фуль удивительно напоминаетъ нѣмецкаго профессора стараго добраго времени: это былъ человѣкъ незлобивый, неряшливый по внѣшности и очень добродушный. Когда его впослѣдствіи ругали измѣнникомъ прямо въ лицо, онъ, по своему благодушію, совсѣмъ не обижался. Знаменитый планъ Фуля состоялъ въ томъ, что русская армія должна быть, во-первыхъ, раздѣлена. Одна часть ея, именно вторая армія генерала Багратіона, предназначалась бездѣйствіемъ угрожать во флангъ Наполеону. Третья армія должна была тоже бездѣйствовать—угрожать арміи Шварценберга. А первая армія долженствовала, уходя отъ второй на сѣверо-востокъ, завлечь Наполеона къ укрѣпленному лагерю подъ небольшимъ городкомъ на Двинѣ, подъ Дриссой. Если бы Наполеонъ самъ выбиралъ западню для русской арміи, онъ лучшаго бы мѣста не нашелъ. Лагерь подъ Дриссой представлялъ собою, какъ характеризуетъ его Бенкендорфъ, цѣлый рядъ опасностей для арміи, которая въ немъ сосредоточилась бы. Три моста черезъ Двину могли бы привести къ гибели, въ случаѣ ея отступленія и обхода французовъ. Мѣстность была со всѣхъ сторонъ не защищена. Лагерь не защищалъ ни одного

10. МАЯ. 1912 № ТЕХНОЛОГИЧЕСКАГО

изъ важнѣйшихъ путей внутрь государства, почему непріятель могъ бы ограничиться его блокированіемъ. Знаменитый Ермоловъ разсчиталъ, что этотъ лагерь былъ сдѣланъ на большее число войскъ, чѣмъ то, какимъ располагалъ Барклай. А между тѣмъ лагерь состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ укрѣпленій, не связанныхъ между собою. Мало того, благодаря особенностямъ мѣстности, непріятель могъ скрывать свои силы за близъ-лежащими возвышеніями, а съ другой стороны могъ наблюдать съ тѣхъ же возвышеній за движеніемъ каждаго солдата въ лагерѣ.

При всемъ томъ русская армія по совершенно непонятнымъ соображеніямъ была растянута по границѣ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, между тѣмъ, какъ предполагалось ее сосредоточить далеко въ тылу, подъ Дриссой. Непонятно это еще и потому, что современные генералы прекрасно знали тактику Наполеона, состоявшую въ сосредоточеніи большой массы войска и въ дѣйствіяхъ массами. Наполеонъ быстрыми движеніями старался разбить отдѣльные вражескіе корпуса, раздѣлить непріятельскую армію и т. п. Знали объ этомъ и въ русскомъ штабѣ, зналъ объ этомъ и Беннигсенъ, разбитый Наполеономъ, и разбившій Наполеона путемъ примѣненія тактическихъ пріемовъ французскаго императора.

Первыя дѣйствія, которыя были приведены въ исполненіе императоромъ Александромъ I-мъ для того, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить Наполеона, были—назначеніе главнокомандующимъ первою арміей военнаго министра Барклая-де-Толли и принятіе операціоннаго плана генерала Фуля. Назначеніе Барклая главнокомандующимъ вызывастъ нѣкоторое недоумѣніе. Очевиднымъ неудобствомъ и дѣломъ трудно выполнимымъ было сосредоточеніе власти военнаго министра и начальника дѣйствующей арміи въ одномъ лицѣ, которое долженствовало и дѣйствовать противъ непріятеля и заботиться обо всемъ томъ, что во время войны должно происходить внутри государства для подкрѣпленія дѣйствующей арміи. Можно оспаривать и самый выборъ этого генерала: онъ не принималъ участія въ предыдущихъ войнахъ съ Наполеономъ, не пользовался расположеніемъ старшихъ офицеровъ, его не знали и ему не вѣрили солдаты. Генералъ, выдающійся храбростью, князь Багратіонъ, былъ обойденъ, побѣдитель Наполеона при Пултускѣ, генералъ Беннигсенъ, находился при главномъ штабѣ безъ всякаго опредѣленнаго дѣла. Какъ видно уже изъ предыдущаго, операціонный планъ былъ принятъ

императоромъ по совѣщанію съ иностранными офицерами, почти втайнѣ отъ главнокомандующаго.

Между тѣмъ Барклай при многихъ почтенныхъ качествахъ, далеко не былъ подходящимъ полководцемъ для такой войны. Правда, онъ не былъ царедворцемъ, но это самое обстоятельство лишало его расположенія лицъ, близкихъ къ государю. Холодный въ обращеніи, онъ не снискалъ себѣ любви равныхъ ему или подчиненныхъ. Онъ былъ недовѣрчивъ до крайности, почему старался все самъ дѣлать, отсюда происходила необыкновенная запутанность въ дѣлахъ. Онъ обладалъ скрытнымъ характеромъ, не былъ настойчивъ въ своихъ сужденіяхъ и постоянно боялся потерять милость государя. За то съ другой стороны Барклай отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и личной храбростью. Онъ былъ удобенъ только для того, чтобы исполнять волю государя. Трудно даже сказать, какого мнѣнія держался главнокомандующій Барклай-де-Толли относительно плана военныхъ операцій. Извѣстный историкъ этой эпохи Шильдеръ утверждаетъ, что Барклай-де-Толли былъ въ числѣ противниковъ плана Фуля и защитникомъ мнѣнія, указывавшаго на необходимость не отступать безъ боя. Между тѣмъ Богдановичъ въ своей исторіи войны 12-го года готовъ самую мысль объ отступленіи приписать именно Барклаю-де-Толли. Но, конечно, можно предпочесть свидѣтельство начальника штаба арміи Барклая, извѣстнаго генерала Ермолова, который категорически заявляетъ, что Барклай былъ сторонникомъ наступательной войны. Повидимому, вообще руководящіе офицеры стояли на той же точкѣ зрѣнія. Различіе было только въ планахъ нападенія: такъ, одни предпочитали немедленное занятіе герцогства Варшавскаго, другіе — наступленіе на Данцигъ и Торнъ.

Во всякомъ случаѣ Барклай сразу занялъ довольно оригинальное положеніе. Шишкова весьма удивляло то обстоятельство, что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ о главномъ распорядителѣ войскъ, а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель повелѣній государя.

Война началась съ разсчетомъ выполнить планъ Фуля. Войска Барклая, незадолго передъ тѣмъ, выдвинутыя въ Вильно, почти бѣжали къ завѣтному лагерю, удаляясь отъ арміи Багратіона на разстояніе болѣе 200 верстъ. Ропотъ среди русскихъ офицеровъ остановилъ выполненіе плана. Государю открыто заявляли, что такой лагерь могъ быть устроенъ только измѣнникомъ. Планъ военныхъ дѣйствій былъ измѣненъ, и изъ подъ Ви-

тебска русская армія, отступая передъ натискомъ Наполеона, уже бѣжала на соединеніе со второй арміей. Трудно сказать, былъ ли въ дальнѣйшемъ движеніи русской арміи къ Москвѣ соблюдаемъ какой либо опредѣленный планъ военныхъ дѣйствій. Кажется, можно согласиться съ Липранди, однимъ изъ очень наблюдательныхъ современниковъ, что такого плана совсѣмъ не было. Все происходило по обстоятельствамъ. Когда непріятель былъ далеко, у генераловъ являлась рѣшимость дать генеральное сраженіе; когда непріятель приближался — появлялось рѣшеніе отступать.

Отступленіе совершалось иногда такъ быстро, что русская армія теряла Наполеона изъ виду. Это было, напримѣръ, по словамъ Жиркевича, въ свою очередь ссылающагося на Ермолова, когда наша армія, оставивъ Витебскъ, дѣлала безполезные марши нѣсколько разъ впередъ и назадъ подъ Рудней.

Такъ русская армія сначала отступала передъ Наполеономъ для выполненія принятаго плана военныхъ дѣйствій, потомъ отступала для исправленія неудачнаго плана, а потомъ, наконецъ, отступала безъ всякаго плана.

Когда обѣ арміи, наконецъ, соединились, никто не зналъ, кому принадлежитъ главное командованіе соединенной арміей, такъ какъ по прежнему каждая изъ нихъ имѣла особаго начальника: Багратіонъ былъ старше по службѣ, а Барклай былъ старше, какъ военный министръ. Между тѣмъ оба главнокомандующіе были въ крайне враждебныхъ личныхъ отношеніяхъ. Ермоловъ, не любившій и не довѣрявшій Барклаю, старался всячески помирить обоихъ генераловъ. Однако, Жиркевичъ, со словъ Ермолова, передаетъ отрывки любопытнаго разговора, которымъ обмѣнялись оба главнокомандующіе, сидя на бревнахъ въ с. Гаврикахъ подъ Смоленскомъ. Это былъ довольно любопытный военный совѣтъ. „Ты—нѣмецъ. Тебѣ все русское ни почемъ“,—ругалъ князь Багратіонъ Барклая; „ты дуракъ и самъ не знаешь, почему себя ты называешь коренным русскимъ“, отругивался Барклай. Такими крѣпкими словами характеризовали другъ друга наши генералы, обвиняя одинъ другого въ томъ, что каждый изъ нихъ потерялъ французовъ; армія въ это время безцѣльно бродила подъ Рудней въ поискахъ за французами для того, чтобы дать имъ генеральную баталію, а когда, находка объявилась, французы были открыты, Барклай приказалъ отступать.

Для того, чтобы понять многія особенности войны, необходимо выяснить въ ней роль, которую занялъ императоръ.

ГЛАВА III.

Императоръ Александръ и война.

Въ половинѣ сентября 1812 года, Александръ написалъ длинное письмо своему другу, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, пространное письмо, въ которомъ имѣлъ цѣлью оправдать въ ея глазахъ свое отношеніе къ войнѣ. Онъ съ болью говорилъ о томъ, что онъ долженъ былъ въ угоду общественному мнѣнію, отказаться отъ личнаго участія въ войнѣ, между тѣмъ себя онъ не можетъ упрекнуть въ отсутствіи личной храбрости и въ желаніи быть въ дѣйствующей арміи. Обстоятельства заставили его покинуть армію, но для этого пришлось пожертвовать своимъ самолюбіемъ, пишетъ далѣе императоръ. Безспорно, императоръ Александръ I душевно страдалъ въ тотъ короткій періодъ, когда ему пришлось оставить дѣйствующую армію, предоставивъ командованіе своимъ генераламъ. Когда Кутузовъ прислалъ къ императору полковника Мишо съ извѣстіемъ о побѣдѣ подъ Тарутинымъ и когда посланный доложилъ государю о желаніи арміи, чтобы государь лично принялъ командованіе войсками, послѣдній отвѣчалъ: „Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ честолюбивъ; внявъ теперь одному этому чувству, я сѣлъ бы съ вами въ коляску и отправился бы въ армію". Но въ томъ же разговорѣ Александръ призналъ свою малоопытность въ военномъ дѣлѣ и заявилъ, что онъ предоставляетъ Кутузову дальнѣйшее веденіе дѣлъ.

Итакъ Александръ, сознался въ томъ, что самолюбіе и честолюбіе побуждаютъ его къ личному веденію войны, но въ то же время опытъ Аустерлица далъ ему достаточную силу воли для того, чтобы побороть въ себѣ эти чувства и воздержаться отъ участія въ непосредственномъ руководствѣ военными операціями, пока это было очень рискованно. Передавъ командованіе арміями генераламъ, удалившись съ театра военныхъ дѣйствій, Александръ тѣмъ не менѣе проявлялъ во все время войны кипучую дѣятельность и не только въ сферѣ административной, но

особенно въ періодъ командованія арміей Барклаемъ-де-Толли, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ распоряжаться военными дѣйствіями.

Прежде всего, надо помнить, что для Александра война съ Наполеономъ была актомъ борьбы его личнаго самолюбія, независимо отъ тѣхъ политическихъ причинъ, которыя ее вызывали. Несмотря на внѣшность дружественныхъ отношеній, „византійскій грекъ", какъ характеризовалъ Наполеонъ своего Тильзитскаго друга, никогда не могъ перенести испытаннаго имъ униженія. Александръ никогда ничего не забывалъ и никогда ничего не прощалъ, хотя замѣчательно умѣлъ скрывать свои истинныя чувства. Мало того, Александръ, подобно своему противнику, любилъ предаваться мечтамъ о такой дѣятельности, которая преслѣдовала бы міровые интересы. Неудивительно, что война получила въ глазахъ Александра двоякаго рода значеніе: во первыхъ, чувство самолюбія побуждало его отомстить своему сопернику, а честолюбивыя мечты выводили Александра далеко за предѣлы Россіи, и благо Европы занимало въ нихъ первое мѣсто. Несмотря на неудачи—и даже болѣе того,—по мѣрѣ роста неудачъ, въ Александрѣ крѣпла твердость продолжать войну до полнаго уничтоженія противника. Первыя же значительныя неудачи обострили въ Александрѣ чувства мести. Уже въ извѣстной рѣчи московскому дворянству Александръ высказывалъ намѣреніе истощить всѣ усилія обширной имперіи, прежде чѣмъ покориться непріятелю. По мѣрѣ роста неудачъ и заявленія Александра становятся еще болѣе категоричными: месть по отношенію къ сопернику и благо Европы занимали въ этихъ заявленіяхъ первое мѣсто. Весьма замѣчательна та твердость духа, которую выказалъ Александръ при вѣсти о гибели Москвы: онъ поручилъ полковнику Мишо, привезшему ему эту вѣсть, говорить всюду, что онъ готовъ истощить всѣ средства для борьбы съ врагомъ. „Я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. Наполеонъ, или я,—я, или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня". Но и въ этотъ тяжелый моментъ Александръ не забывалъ, что онъ борется съ Наполеономъ ради освобожденія Европы. Подъ вліяніемъ тѣхъ же печальныхъ извѣстій, онъ пишетъ шведскому наслѣдному принцу, что онъ и народъ, готовы

скорѣе погрести себя подъ развалинами имперіи, нежели согласиться на миръ, и что это даетъ ему возможность доставить новое доказательство того, что онъ борется противъ угнетателя всей Европы. Послѣдняя мысль была развиваема Александромъ весьма разнообразными способами. Такъ, генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, по волѣ государя, въ отзывѣ къ прусскому государственному канцлеру барону Гарденбергу, исчисливъ всѣ силы, собранныя нами для дѣйствій противъ непріятеля, писалъ, что, оставивъ Москву, мы принесли тяжкую жертву, но что эта мѣра послужила къ ослабленію Наполеоновой арміи. „Настаетъ время для Пруссіи—вооружиться противъ общаго врага и склонить къ тому же Австрію: императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того, чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ". Также лица, наблюдавшія императора въ это время, отмѣтили непреклонное желаніе его продолжать войну. „Императоръ твердъ и слышать не хочетъ о мирѣ", отмѣтилъ въ своей перепискѣ Жозефъ де-Местръ. И это не были фразы, вызванныя моментомъ сильнаго огорченія. Извѣстно, что когда Наполеонъ съ ослабѣвшею арміей началъ отступленіе, императоръ Александръ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы окончательно уничтожить врага, между тѣмъ какъ болѣе дальновидные русскіе дипломаты и военно-начальники, полагали болѣе полезнымъ сохранить въ противовѣсъ Пруссіи и Австріи остатки Наполеоновской арміи и его величія. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ то время когда война была вынесена за предѣлы Россіи, когда Наполеонъ для русскихъ интересовъ былъ совсѣмъ не страшенъ, все же Александръ I оставался болѣе непреклоннымъ въ желаніи окончательно уничтожить соперника, нежели его союзники, интересы которыхъ защищалъ русскій императоръ. Такъ, когда при неудачахъ, а они не могли быть рѣдки въ борьбѣ съ Наполеономъ, Меттернихъ и Касльри начали толковать о мирѣ, императоръ Александръ объявилъ: „Положеніе дѣла необходимо требуетъ, чтобъ мы продолжали войну: всякіе переговоры, неизбѣжно связанные съ потерею времени, дадутъ непріятелю возможность усилиться. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, если союзники будутъ единодушны". Когда союзники въ конференціяхъ настаивали на мирѣ, Александръ говорилъ: „Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое вамъ позволитъ разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый разъ

поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 лье. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ".

Если въ лицѣ Александра, правитель государства выработалъ себѣ твердую мысль о необходимости окончательной борьбы съ противникомъ, то въ его же лицѣ дипломатъ и военно-начальникъ имѣлъ склонность съ широкимъ политическимъ замысламъ, такъ что по размаху ихъ онъ могъ сравняться съ своимъ геніальнымъ противникомъ. Эта черта характера Александра несомнѣнно имѣла могущественное вліяніе на выработку тѣхъ военныхъ плановъ, которые предполагалось примѣнить и которые частью были выполняемы. Въ самомъ дѣлѣ, не будучи полководцемъ, уже успѣвъ потерпѣть нѣсколько пораженій, Александръ, однакожъ, всегда мечталъ о военной славѣ и военныхъ успѣхахъ. Этой склонностью къ широкимъ замысламъ объясняется и дружба и довѣріе, которыя питалъ Александръ къ адмиралу Чичагову,—тоже весьма смѣлому мечтателю. Недаромъ онъ такъ заинтересовался планомъ Чичагова занять Константинополь, доставленнымъ Александру уже вскорѣ послѣ первыхъ отступленій русской арміи. Мало-того, онъ предлагалъ Чичагову на выборъ—или предпринять съ его небольшой арміей движеніе черезъ Тироль къ Адріатическому морю, походъ въ Швейцарію и даже Германію, или же дѣйствія въ тылъ Наполеона въ герцогствѣ Варшавскомъ. Недаромъ Александръ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ совѣтамъ такого смѣлаго генерала, какимъ былъ Чернышевъ, планъ котораго въ значительной мѣрѣ выполненъ былъ во вторую половину войны.

Если взвѣсить все сказанное, то станетъ понятно первоначальное рѣшеніе Александра руководить лично военными дѣйствіями. Получивъ въ началѣ апрѣля извѣстіе о приближеніи французскаго войска къ западнымъ границамъ Россіи, императоръ 9-го апрѣля отправляется изъ Петербурга въ Вильно. Прежде всего начало давно ожидаемой войны укрѣпило Александра въ мысли, что ея слѣдствіемъ не можетъ быть постыдный миръ. Въ разговорѣ съ графомъ Норбонномъ, посломъ Наполеона, присланнымъ послѣднимъ для переговоровъ уже въ Вильно, Александръ сказалъ ему, показывая на карту: „Я не ослѣпляюсь мачтами; я знаю въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступалъ, нѣтъ такого пункта, который я не сталъ

бы защищать прежде, чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи". Тоже самое говорилъ государь барону Штейну, какъ только тотъ прибылъ въ Вильно. Все это говорилось наканунѣ перехода французовъ черезъ Нѣманъ. Повидимому, въ то время былъ уже окончательно Александромъ принятъ извѣстный планъ Фуля и его идея борьбы при помощи укрѣпленнаго лагеря.

Присутствіе государя въ арміи создавало рядъ неустройствъ. Многіе изъ близкихъ людей замѣчали это неудобство и въ числѣ ихъ былъ адмиралъ Шишковъ. Какъ разъ въ то самое время, когда послѣдній обдумывалъ планъ о томъ, чтобы предложить государю удалиться изъ дѣйствующей арміи, къ нему принесъ флигель-адъютантъ Чернышевъ проэктъ приказа государя по арміи, въ которомъ, между прочимъ говорилось: „Я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь". Эта фраза, соотвѣтствовавшая настроенію государя, привела Шишкова въ отчаяніе и побудила его рѣшиться на довольно смѣлое предпріятіе. Извѣстно, что, благодаря убѣжденіямъ Шишкова, Аркачеевъ и Балашевъ подписали записку къ государю, въ которой всѣ трое убѣждали государя оставить дѣйствующую армію. Александръ подчинился настроенію друзей и передалъ фактическое руководство дѣлами Барклаю-де-Толли, удалившись въ столицу.

Но удалившись изъ арміи, передавъ командованіе войскомъ генераламъ, императоръ, однако, прибѣгаетъ къ очень сложной системѣ руководства военными дѣйствіями и освѣдомленія о томъ, что дѣлается въ арміи. Въ этой системѣ прежде всего нельзя не отмѣтить особой системы назначенія начальствующихъ лицъ и частныхъ сношеній государя съ подчиненными начальнику арміи генералами. Во всемъ этомъ сказалось обычная черта характера Александра I. Такъ, напримѣръ, извѣстный генералъ Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба при Барклай-де-Толли и облеченъ былъ особымъ правомъ писать лично государю, когда онъ это сочтетъ нужнымъ между тѣмъ; Барклай считалъ Ермолова въ числѣ своихъ враговъ и не довѣрялъ ему. Въ угоду общественному мнѣнію, жертвуя собственнымъ убѣжденіемъ, государь назначаетъ главнокомандующимъ Кутузова, но, не довѣряя старику, онъ при немъ назначаетъ начальникомъ штаба генерала Беннигсена, къ которому отношенія Кутузова были въ высшей степени непріязненными. Впослѣдствіи дѣло дошло до того, что уклончивый

Кутузовъ долженъ былъ поставить вопросъ въ томъ видѣ, что онъ или генералъ Беннигсенъ, но кто-нибудь одинъ долженъ начальствовать. Мало того, при Беннигсенѣ въ арміи появляется англійскій агентъ Робертъ Вильсонъ, который пытается руководить арміей. Вильсонъ былъ злымъ геніемъ Кутузова, постоянно критикуя его дѣйствія и слѣдя шагъ за шагомъ за тѣмъ, что дѣлалъ Кутузовъ. Вообще Вильсонъ, благодаря занимаемому имъ положенію, надменно относился къ главнокомандующему и о всякомъ шагѣ его доводилъ до свѣдѣнія императора въ интимной перепискѣ. Такъ, Вильсонъ въ письмѣ 23-го сентября сообщаетъ о предположеніи Кутузова имѣть свиданіе съ генералъ-адъютантомъ Наполеона и высказывается по этому поводу весьма отрицательно. Въ письмѣ отъ 27-го сентября Вильсонъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Кутузова, касающихся партизанскихъ дѣйствій и тутъ же высказываетъ предположеніе о томъ, что адмиралъ Чичаговъ будетъ ему время отъ времени сообщать „свои желанія“. Въ письмѣ отъ 13 октября онъ очень неодобрительно отзывается о бездѣйствіи и медлительности фельдмаршала, вслѣдствіе которыхъ онъ не воспользовался должнымъ образомъ результатомъ побѣды надъ Мюратомъ. Тутъ же онъ передаетъ, что Кутузовъ не имѣетъ иного желанія, какъ только чтобы непріятель оставилъ Россію, между тѣмъ какъ отъ него зависитъ избавленіе цѣлаго свѣта. Поэтому онъ считаетъ престарѣлаго фельдмаршала неспособнымъ къ занимаемому имъ мѣсту. Вообще, Вильсонъ во всякомъ письмѣ къ императору, подчеркивая медлительность и нераспорядительность фельдмаршала, настойчиво проповѣдуетъ мысль о необходимости полнаго уничтоженія Наполеона. Онъ даже вмѣшивается въ назначеніе генераловъ. Такъ, напримѣръ, онъ очень настойчиво поддерживаетъ генерала Платова и добивается того, что послѣднему данъ былъ самостоятельный отрядъ. Впрочемъ, и цѣлый рядъ другихъ лицъ получаетъ возможность писать государю интимныя письма. При начальникѣ 2-й арміи генералѣ Багратіонѣ состоялъ начальникомъ штаба Сенъ-При. Онъ находился съ государемъ въ интимной перепискѣ, давая государю рядъ частныхъ указаній о направленіи дѣятельности отдѣльныхъ корпусовъ. Багратіонъ не разъ выражалъ досаду на этого „дядьку“. „Онъ,—говорилъ Багратіонъ о Сенъ-При,—переписывается съ государемъ; когда я пишу, то и онъ пишетъ, только на французскомъ языкѣ“. Въ арміи къ Сенъ-При относились съ подозрѣніемъ, и, дѣйствительно одинъ изъ его приближенныхъ французъ Де-Лезеръ

былъ сосланъ впослѣдствіи въ Сибирь. Выходило такъ, что Сенъ-При наблюдалъ за Багратіономъ, а послѣдній распорядился имѣть надзоръ за своимъ начальникомъ штаба. Багратіонъ даже сдѣлалъ однажды распоряженіе начальнику авангарда, чтобы онъ не довѣрялъ запискамъ и приказаніямъ Сенъ-При, но въ сомнительныхъ случаяхъ обращался бы къ дежурному генералу Марину. Цѣлый рядъ другихъ генераловъ имѣютъ непосредственную переписку съ государемъ. Уже выше было упомянуто о разрѣшеніи Ермолову писать лично государю и этимъ разрѣшеніемъ Ермоловъ воспользовался для того, чтобы обратить вниманіе императора на непорядки въ распоряженіяхъ по арміи, въ управленіи ею и т. п. Каковы были отношенія Ермолова къ своему непосредственному начальнику, Барклай-де-Толли, легко видѣть изъ интимной переписки между Ермоловымъ и Багратіономъ: съ точки зрѣнія обоихъ генераловъ, Барклай—человѣкъ подозрительный, котораго слѣдуетъ „повѣсить“. Вообще въ сообщеніяхъ о положеніи дѣлъ въ арміяхъ императоръ не имѣлъ недостатка. Въ письмѣ отъ 31-го іюля, графъ Шуваловъ настойчиво совѣтуетъ Александру дать одного главнокомандующаго обѣимъ арміямъ, заявляя, что солдаты ропщутъ и не имѣютъ довѣрія къ своему главному начальнику. Онъ описываетъ всякаго рода недостатки существующей организаціи арміи: провіантская часть плохо организована, солдатамъ часто недостаетъ хлѣба, Барклай и Багратіонъ враждуютъ между собою и т. п.

Само собою разумѣется, что подобная частная переписка деморализующимъ образомъ вліяла на начальниковъ отдѣльныхъ армій. Когда одинъ изъ такихъ довѣренныхъ у государя генераловъ, Чернышевъ, явился въ армію адмирала Чичагова, то послѣдній откровенно писалъ императору: „Если г. Чернышевъ останется здѣсь, то онъ долженъ воздержаться писать къ вашему величеству. Мнѣ это ничего, но это вредитъ дисциплинѣ, это даетъ орудіе или надежду интриганамъ, которыхъ вездѣ вдоволь; это, наконецъ, разсѣеваетъ вниманіе и разслабляетъ повиновеніе. Умоляю, ваше величество, дать ему понять это“. Но не всякій генералъ, подобно Чичагову, рѣшался своевременно сдѣлать такого рода указаніе государю. Барклай-де-Толли только послѣ оставленія арміи, доставилъ государю записку, въ которой говорилъ о недостаткахъ устройства ея управленія, происходившихъ отъ нежеланія государя предоставить всю полноту власти главнокомандующему. Въ этой запискѣ Барклай отмѣчаетъ то странное

положеніе, въ которомъ онъ оказался, когда соединились обѣ арміи: каждый изъ двухъ главнокомандующихъ, онъ самъ и князь Багратіонъ, имѣли право отдѣльно располагать своими войсками и непосредственно сноситься съ государемъ; путемъ личныхъ уступокъ Барклай старался ладить съ Багратіономъ; штабъ былъ переполненъ людьми, стремившимися „узнать предполагаемыя предпріятія“ изъ канцеляріи главнокомандующаго; всякаго рода предположенія узнавали и дѣлали предметомъ обсужденія на улицѣ; нѣкоторыхъ государевыхъ адъютантовъ низшаго ранга Барклай принужденъ былъ отправить изъ арміи, но другихъ не могъ.

Мало того, нельзя не отмѣтить еще одной любопытной черты. Какъ разъ главные начальники арміи, за исключеніемъ адмирала Чичагова, пользуются сравнительно меньшей довѣренностью государя, чѣмъ многіе изъ подчиненныхъ имъ генераловъ. Объ этомъ можно заключить изъ дошедшей до насъ переписки. Правда, переписка императора съ Барклаемъ иногда носитъ простой, интимный характеръ и оба корреспондента изливаются въ добрыхъ чувствахъ другъ къ другу, но все же уступчивый Барклай добровольно превратился въ исполнителя приказаній изъ Петербурга, совершенно одобряя явно невыполнимыя диспозиціи войскъ. Князь Багратіонъ поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе: его переписка съ государемъ носитъ совершенно оффиціальный характеръ, и только въ письмахъ къ Аракчееву изливаетъ онъ свою душу. Усиленно переписываясь съ генераломъ Сенъ-При, Александръ какъ бы забываетъ временами о начальникѣ второй арміи, совершенно не посвящая его въ свои планы. Багратіонъ нерѣдко жалуется на это въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. „Отъ государя ни слова не имѣю, насъ совсѣмъ бросилъ“,—жалуется онъ Растопчину. Сношенія съ Кутузовымъ носятъ еще болѣе оригинальный характеръ: старикъ получалъ отъ государя или парадные рескрипты, назначенные дѣйствовать на общественное мнѣніе, или собственноручные строгіе выговоры, а самъ отправлялъ къ государю краткія и строго оффиціальныя реляціи о происшедшемъ, совершенно не посвящая его въ свои дальнѣйшіе планы.

Таковы были способы, примѣненные императоромъ для того, чтобы наблюдать по своему за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ арміи, и таково было его отношеніе къ лицамъ, которымъ ввѣрена была ея судьба.

Разумѣется, стремленіе къ освѣдомленности, пріобрѣтаемой подобнаго рода путями, происходило изъ недовѣрія къ начальствующимъ лицамъ и изъ отсутствія мужества предоставить веденіе дѣла какому либо одному довѣренному лицу; съ другой стороны, подъ этимъ скрывалось обычное стремленіе императора знать все, что дѣлается и руководить самостоятельно въ имъ же разрозненныхъ и имъ же назначаемыхъ начальникахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на отдаленность своего пребыванія отъ арміи, несмотря на тогдашнее неудобство сношеній, весь ходъ военныхъ операцій былъ налаженъ такимъ образомъ, что фактически ими руководилъ императоръ. Мы уже знаемъ, что имъ былъ принятъ пагубный планъ Фуля и что этотъ планъ должны были выполнять генералы, его не ободрявшіе. Мало того, противъ единой арміи непріятеля дѣйствуетъ съ русской стороны рядъ отдѣльныхъ армій, каждая изъ которыхъ, безъ связи другъ съ другомъ, руководствуется распоряженіями, идущими отъ императора. Кромѣ отдѣльныхъ первой и второй армій, на Волыни дѣйствуетъ армія генерала Тормасова, впослѣдствіи соединившаяся съ арміей адмирала Чичагова; отдѣльные корпуса графа Витгенштейна, генерала Эссена и Боггоута, защищавшіе петербургскую дорогу и Ригу, получаютъ также непосредственныя распоряженія отъ Александра по всѣмъ вопросамъ, касающимся движенія войскъ, равно какъ и нѣкоторые другіе начальники корпусовъ. Младшіе генералы забрасываютъ государя совѣтами о планѣ военныхъ дѣйствій. Такъ, генералъ Чернышевъ сдѣлалъ представленіе государю о непригодности укрѣпленнаго лагеря подъ Дриссой, развиваетъ идею укрѣпленныхъ лагерей въ тылу арміи и немедленно получаетъ распоряженіе избрать въ окрестностяхъ Москвы мѣстность для такого типа укрѣпленій. И всѣ эти приготовленія дѣлаются безъ сношенія съ начальниками армій. Генералъ Винцингероде въ письмѣ отъ 16 сентября совѣтуетъ отправить одинъ или два корпуса изъ числа находившихся на Волыни въ тылъ арміи къ Могилеву или къ Смоленску, очевидно совершенно не подозрѣвая, что подобнаго рода тактическія движенія уже были предрѣшены государемъ.

Но такое положеніе вещей вело еще къ болѣе оригинальнымъ послѣдствіямъ: главные начальники не всегда знали основной планъ военныхъ дѣйствій и должны были ждать предписанія государя относительно того или другого движенія. Въ концѣ іюля Багратіонъ въ письмѣ къ Растопчину сообщаетъ, что „госу-

дарь по отъѣздѣ своемъ не оставилъ никакого указа на случай соединенія, кому командовать отдѣльными арміями.“ Но этого мало. Багратіонъ вообще, начальствуя надъ обширной арміей, не зналъ плана ея дѣйствій и при установившихся условіяхъ, при вполнѣ понятной необходимости сочетать дѣйствія различныхъ отдѣльныхъ армій, не имѣлъ возможности выработать самостоятельный планъ. Еще въ началѣ іюня, т. е. задолго до соединенія обѣихъ армій, Багратіонъ оказался вынужденнымъ писать государю о томъ, что онъ весьма сокрушается, не имѣя къ себѣ довѣрія государя, ибо ему не открытъ планъ операціонныхъ дѣйствій, а потому онъ и не можетъ удобно распоряжаться командуемою имъ арміею. Александръ немедленно удостоилъ князя собственноручнаго рескрипта, исполненнаго весьма лестныхъ выраженій, но тѣмъ не менѣе безъ отвѣта на кардинальный вопросъ о планѣ военныхъ операцій. Багратіону приказано было соединиться съ первой арміей, онъ это сдѣлалъ, но все же ему не былъ открытъ планъ дѣйствій; Барклай де-Толли въ это его тоже не посвятилъ. Багратіонъ, стремившійся къ наступательныхъ дѣйствіямъ, не понималъ движеній Барклая: „Богъ его вѣдаетъ, —пишетъ онъ о Барклаѣ Растопчину,— что онъ изъ насъ хочетъ сдѣлать; милліонъ перемѣнъ въ минуту, и мы, назадъ и въ бокъ шатаясь, кромѣ мозоли на ногахъ и усталости ничего хорошаго не пріобрѣли; истинно не вѣдаю таинства его и судить иначе не могу, какъ видно не велѣно ему ввязываться въ дѣла серьезныя... Отъ государя давно ничего не имѣю“. Всѣ эти соображенія и неизвѣстность о планѣ дѣйствій приводятъ Багратіона къ заключенію относительно Барклая: „Вождь нашъ,— по всему его поступку съ нами видно—не имѣетъ вожделѣннаго разсудка, или же лисица.“ Только значительно позже Багратіонъ, наконецъ, удостовѣрился, что бѣгство русской арміи является исполненіемъ воли государя: „Барклай говоритъ,—пишетъ онъ въ болѣе позднемъ письмѣ къ Растопчину,—что государь запретилъ ему давать рѣшительное сраженіе. По моему видно, что государю угодно, чтобы вся Россія была занята непріятелемъ“.

Положеніе Барклая, командовавшаго основной арміей, по отношенію къ которой дѣйствія другихъ имѣли дополнительный характеръ, было тоже не изъ легкихъ, такъ какъ онъ самъ не всегда зналъ назначеніе тѣхъ или другихъ военныхъ предпріятій. Въ письмѣ отъ 25 іюля, Барклай, получивъ предписаніе государя отправиться къ Милахову, и заявляя, что онъ точно исполнитъ

приказанія императора, задаетъ послѣднему нѣсколько любопытныхъ вопросовъ: для главнокомандующаго непонятна цѣль столь быстраго отступленія арміи, ибо такое отступленіе производитъ недовольство среди солдатъ; для главнокомандующаго остается неяснымъ, что будетъ предпринимать вся русская армія въ лагеряхъ подъ Дриссой, онъ даже боится, что при столь быстромъ отступленіи армія можетъ потерять изъ виду непріятеля; для главнокомандующаго, наконецъ, совершенно непонятно назначеніе корпуса графа Витгенштейна, расположеннаго на правомъ берегу Двины. Таково „мнѣніе солдата“, которое позволятъ себѣ высказать Барклай, завѣряя впрочемъ своего государя въ томъ, что имъ въ точности будутъ выполнены предписанныя диспозиціи. Изъ этого письма совершенно ясно, въ какое ложное положеніе былъ поставленъ главнокомандующій арміей и военный министръ: онъ обязанъ былъ выполнять военный планъ и военныя движенія, составленныя далеко въ тылу иностранцами или государевыми адъютантами. Неудивительно, что Барклай смотрѣлъ на себя исключительно, какъ на исполнителя предписаній государя.

Сначала обѣ арміи, Барклая и Багратіона, отступаютъ безъ опредѣленнаго плана, т. е. по крайней мѣрѣ безъ плана, сознательно усвоеннаго самими начальствующими. Иногда государь посвящаетъ того или иного начальника въ планы дѣйствій, но это дѣлается не всегда отчетливо. „На дняхъ ожидаемъ мы происшествій важнѣйшихъ“,—сообщаетъ Александръ въ одномъ письмѣ Багратіону, скрывая, однако, отъ главнокомандующаго, въ чемъ могутъ заключаться эти „важнѣйшія происшествія“. И далѣе, въ томъ же письмѣ государь рекомендуетъ начальнику осторожность: „вся цѣль наша должна клониться къ тому, чтобы выиграть время“. Это были столь неопредѣленныя предписанія, что въ результатѣ ихъ Багратіонъ, несомнѣнно отличавшійся личной храбростью и стремившійся къ рѣшительному сраженію, сдѣлалъ рядъ тактическихъ ошибокъ при соединеніи обѣихъ армій. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія стратегической, соединеніе обѣихъ армій было вполнѣ естественно, но оно было подсказано младшими свитскими генералами и по ихъ же совѣту Александромъ были даны войскамъ диспозиціи. Въ своихъ запискахъ Чернышевъ, вообще весьма цѣнившій свой военный талантъ, приписываетъ эти соединительныя движенія своему военному генію. Онъ разсказываетъ, что исходя изъ *вѣроятнаго* предположенія о томъ, что Багратіонъ находится въ данное время въ Бобруйскѣ, онъ

составилъ диспозицію движенія арміи на Могилевъ, что и было принято государемъ. Дѣйствительно, диспозиціи нерѣдко дѣлались по предположеніямъ о мѣстонахожденіи въ данный моментъ армій, но въ данномъ случаѣ произошло еще слѣдующее. Оказывается, что независимо отъ предложеній, появившихся въ императорской квартирѣ, Барклай де-Толли предложилъ Багратіону, въ цѣляхъ объединенія дѣйствій обѣихъ армій и ихъ соединенія, двинуться съ своей арміей на Минскъ. Это распоряженіе было получено Багратіономъ 15 іюля; войска немедленно двинулись, а между тѣмъ 18 іюля къ Багратіону прибылъ императорскій адъютантъ полковникъ Бенкендорфъ съ приказаніемъ отъ государя отступать черезъ Новогрудокъ на Вилейку.

Раевскій очень характерно описываетъ неопредѣленность въ направленіи военныхъ дѣйствій, которая затрудняла генераловъ. Князь Багратіонъ получилъ приказаніе идти на Минскъ для соединенія съ первой арміей. Сдѣлавъ нѣсколько маршей, генералы узнали, что они должны двинуться на корпусъ Даву. Только что успѣли придвинуться къ французамъ, приказано было отступать. Багратіонъ повернулъ на Минскъ, т. е. на прежній путь, какъ сдѣлалось извѣстно, что уже этотъ путь занятъ французами. Наконецъ, къ величайшему удовольствію всѣхъ генераловъ, Багратіонъ получилъ предписаніе итти на соединеніе арміи тѣми путями, какими онъ найдетъ возможнымъ. Дорогое время, впослѣдствіи стоившее столь значительной потери, было упущено, такъ какъ армія должна была двинуться по диспозиціи, присланной императоромъ, и дала себя опередить французскимъ войскамъ. Мало того, присылаемыя отъ государя диспозиціи заключали въ себѣ требованіе, чтобы отдѣльные корпуса прибыли на назначенныя имъ мѣста въ опредѣленные дни, что на практикѣ оказывалось не всегда выполнимымъ. Бывало и такъ, что главнокомандующій получалъ приказаніе о частичномъ движеніи безъ опредѣленія конечной его цѣли, и такимъ образомъ, выполнивъ назначенныя движенія, начальникъ уже не зналъ, что дальше предпринять. 26 іюня Барклай доноситъ государю, что „желая въ точности выполнить волю“ государя, онъ, несмотря на усталость войскъ, прибылъ въ срокъ въ назначенный пунктъ и „дерзаетъ испросить“ повеленія о дальнѣйшемъ слѣдованіи корпусовъ.

Но любопытна вотъ еще какая черта. Распоряженія о движеніи дѣлались не только черезъ главнокомандующаго, но и давались отдѣльнымъ корпусамъ, ему подчиненнымъ. Такъ, наприм.,

во время описываемаго движенія армій, корпусъ генерала Дохтурова руководствуется въ своихъ движеніяхъ непосредственно распоряженіями государя. Иногда младшіе генералы въ своихъ распоряженіяхъ до мелочей зависѣли отъ непосредственныхъ указаній государя. Генералъ Римскій-Корсаковъ получаетъ предписаніе императора перевести провіантскій магазинъ изъ Динабурга въ Дриссу, но у него возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній относительно того, какую часть провіанта отправлять водой и какую — сухимъ путемъ, наконецъ, онъ не знаетъ, нужно ли оставить въ Динабургѣ часть провіанта и фуража, на случай, если тамъ будутъ войска, или весь оттуда увезти. Такимъ образомъ, частные начальники или даже начальники отдѣльныхъ частей большой арміи получаютъ распоряженія непосредственно отъ государя, между тѣмъ, какъ ихъ дѣятельность является дополнительной по отношенію къ операціямъ основной арміи. Однимъ словомъ, всѣ, и старшіе и младшіе, поставлены были въ необходимость ждать предписаній отъ государя, отсюда нерѣшительность въ дѣйствіяхъ. Генералъ Репнинъ получаетъ свѣдѣнія о томъ, что передовые разъѣзды его аръергарда имѣли перестрѣлку съ непріятелемъ и спрашиваетъ распоряженія государя о томъ: „какимъ образомъ поступать мнѣ, ежели непріятель здѣсь усилится“.

Дѣло иногда доходитъ до того, что государь частнымъ образомъ разрѣшалъ подчиненному не исполнять предписаній своего начальника. Отправляя кн. С. Г. Волконскаго обратно въ отрядъ генерала Винценгероде, государь говоритъ ему: „Вотъ тебѣ письмо къ Винценгероде; онъ пойметъ меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженіе и довѣріе къ нему, но въ ходѣ дѣлъ административныхъ надо имъ давать общій ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впередъ могутъ быть не по мыслямъ и сердцу, пусть его не тревожатъ и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я, мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу. Черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ; ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ и что ты получилъ отъ меня конвертъ для врученія Винценгероде“. Такимъ образомъ младшіе начальники получаютъ право не исполнять распоряженій старшаго, класть предписанія подъ сукно, сносясь во всемъ съ государемъ.

Такъ, слѣдовательно, и общій планъ военныхъ дѣйствій и отдѣльныя распоряженія исходятъ отъ государя. Въ началѣ войны государь принялъ планъ отступленія въ надеждѣ опереться на лагерь при Дриссѣ. Начальники выполнили этотъ планъ, не сочувствуя ему. Послѣ соединенія армій подъ Смоленскомъ, Александръ требуетъ отъ Барклая наступательныхъ дѣйствій, но это теперь уже было трудно и армія продолжала отступать. Императоръ былъ вынужденъ назначить главнокомандующимъ всѣхъ армій Кутузова и предоставить, наконецъ, этому генералу власть, необходимую для веденія дѣла. Императоръ впослѣдствіи много разъ подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ былъ вынужденъ назначить Кутузова. И это совершенно справедливо. Пятаго августа государь созвалъ совѣтъ изъ виднѣйшихъ генераловъ для уясненія положенія дѣлъ. Совѣтъ выслушалъ рапорты главнокомандующихъ и, обсуждая вопросъ, призналъ, „необходимо нужнымъ назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго“. Этимъ приговоромъ онъ подвелъ итоги распоряженіямъ по арміи самаго императора, вынеся такое заключеніе: недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила оттого, что не было надъ всѣми дѣйствующими арміями положительной, единогласной власти“. Наконецъ, наученный опытомъ императоръ на этотъ разъ избѣгаетъ давать подробныя указанія Кутузову, или во всякомъ случаѣ требуетъ „аппробаціи“ стараго генерала планамъ, присылаемымъ изъ Петербурга.

Дѣятельность Александра переносится на нѣкоторое время въ тылъ арміи. Онъ усиленно занятъ сборомъ ополченій, подготовкой провіанта и фуража и, наконецъ, направленіемъ общественнаго мнѣнія. Въ послѣднемъ отношеніи дѣятельность Александра представляетъ собою замѣчательное явленіе. Онъ всегда отличался умѣньемъ вліять на людей; пораженіе, понесенное русской арміей, и особенно потеря Москвы побуждаютъ его къ необыкновенно интенсивной дѣятельности. За этотъ періодъ его перу принадлежитъ много писемъ, въ которыхъ онъ старается пріободрить своихъ корреспондентовъ и внушить имъ мысль, что Наполеонъ „будетъ отомщенъ“; малѣйшій успѣхъ русской арміи даетъ поводъ Александру къ изложенію событій въ перепискѣ. Такимъ же характеромъ пропаганды борьбы съ Наполеономъ, призыва къ подъему упадающаго духа, стремленія вселить надежду на счастливое будущее отличаются и личныя

бесѣды Александра. Онъ всегда былъ обворожителенъ, но теперь эта черта достигаетъ высшихъ предѣловъ. Свои мысли и свои надежды онъ старался передать не только своимъ приближеннымъ и своимъ роднымъ, своему союзнику наслѣдному принцу шведскому, но онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе военныхъ неудачъ, чтобы поднять бодрость духа. Такъ, встрѣтившись въ Гельсингфорсѣ съ здѣшнимъ предсѣдателемъ комиссіи по распланировкѣ города Эренстремомъ, государь вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду и съ величайшей откровенностью высказалъ этому случайно встрѣченному имъ человѣку свои взгляды. Это замѣчательный разговоръ, который является полемикой противъ тѣхъ взглядовъ, которые считали положеніе Россіи печальнымъ, наконецъ противъ недовольства общества, вызваннаго войной. Тутъ онъ, между прочимъ, высказывалъ мысль, что необходимо убѣдить народъ въ томъ, что правительство не ищетъ войны, что оно вооружилось только на защиту государства, что необходимо, наконецъ, заинтересовать народъ въ войнѣ. Тутъ же государь высказывалъ твердую мысль, что онъ не заключитъ мира даже на берегахъ Волги.

Со вступленіемъ Кутузова въ управленіе арміей было немыслимо сразу остановить отступленіе и привести армію въ порядокъ. Отступленіе продолжалось, но оно съ каждымъ шагомъ становилось все болѣе и болѣе грознымъ. Наполеонъ могъ чувствовать теперь въ отступленіи не случайность, но опредѣленный планъ, систему. Правда, Кутузову пришлось сдать Москву. Столица была оставлена жителями и сожжена. Правда, москвичи, оставляя городъ, всѣ старались хорошенько пограбить: купцы, извощики, мужики, легко раненные солдаты, полиція, бѣглецы изъ арміи, казаки—тащили, кто что могъ, усердно прося Господа Бога о помилованіи. Потомъ пришли французы доканчивать грабежъ.

Если первыя побѣды, одержанныя Кутузовымъ подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ, были дѣломъ искусства, то дальнѣйшій разгромъ и избіеніе великой арміи, по словамъ героя Раевскаго, принадлежитъ великому генералу—Николаю Чудотворцу, съ помощью котораго мужики болѣе, чѣмъ регулярныя войска, нанесли урона французамъ. Дѣйствительно, можно согласиться съ однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ очевидцевъ, французскимъ офицеромъ герцогомъ Фазанзакомъ, что съ первыхъ дней это отступленіе походило на бѣгство. Въ безпорядочномъ войскѣ, утратив-

шемъ дисциплину, не могло и быть правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія продовольствія, тѣмъ болѣе, что самыя распоряженія Наполеона способствовали къ тому. Трупы французовъ покрыли поля и дороги такъ, что „никакое перо историка,—говоритъ знаменитый атаманъ Платовъ,—не въ состояніи изобразить картину ужаса, который онъ (непріятель) оставляетъ по большой дорогѣ".

Когда французская армія попала въ Москву, какъ въ западню, исходъ войны уже можно было предвидѣть. Повидимому, какъ разъ къ тому времени созрѣлъ замѣчательный планъ движенія Волынской арміи, подкрѣпленной арміей Чичагова, въ тылъ Наполеоновой арміи. Очень можетъ быть, что этотъ планъ принадлежитъ лично императору.

По крайней мѣрѣ генералъ Чернышевъ, несомнѣнно близко стоявшій къ выработкѣ этого плана, съ своихъ запискахъ разсказываетъ о томъ, что Александръ лично занялся выработкою общаго операціоннаго плана всѣхъ армій и при этомъ лишь „употреблялъ" Чернышева; такъ какъ Чернышевъ въ своихъ запискахъ не отличается скромностью и охотно выставляетъ свои заслуги передъ отечествомъ, то, несомнѣнно, что и идея плана, а можетъ быть и многія частности принадлежатъ государю.

31 августа, когда армія была въ Красной Пахрѣ, оставивъ непріятелю Москву, къ Кутузову является Чернышевъ съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій. Чернышевъ имѣлъ при себѣ инструкціи, но главнымъ образомъ долженъ былъ лично выяснить дѣло. Въ особомъ рескриптѣ на имя Кутузова государь предлагаетъ главнокомандующему высказать свое мнѣніе и, въ случаѣ одобренія плана, принявъ его къ свѣдѣнію, отправить Чернышева далѣе въ армію Чичагова, которой отводилась столь важная роль въ общемъ планѣ. Интересно, что и въ данномъ случаѣ Александръ не обошелся безъ предписаній о различнаго рода деталяхъ, которыя невозможно было предвидѣть въ Петербургѣ, и безъ нѣкотораго рода неопредѣленностей, которыя нерѣшительнаго военачальника могли поставить въ затруднительное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, Чичаговъ, получивъ извѣстный планъ дѣйствій чрезъ генерала Чернышева, въ своемъ письмѣ къ государю отъ 22 сентября высказываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Все, что касается вопроса о командываніи арміей, изложено, по его мнѣнію, въ инструкціи очень неопредѣленно. Начальникамъ корпу-

совъ не сказано, что они должны находиться подъ командою адмирала, а только, что Чичаговъ требуетъ величайшей точности въ исполненіи плана: всякій долженъ прибыть на извѣстный пунктъ въ назначенный день, тогда какъ первый пунктъ, изъ котораго выступаютъ, невѣренъ: „Полагаютъ, что я въ Острогѣ, тогда какъ я уже въ Любомлѣ“. Инструкція предполагаетъ препятствовать движенію Шварценберга по направленію къ главной арміи, а онъ фактически уже прогнанъ Чичаговымъ. Вообще, корпуса получаютъ „инструкціи гадательныя изъ Петербурга“. Такъ писалъ адмиралъ, получивъ оффиціальныя инструкціи, привезенныя Чернышевымъ. Но оказывается, что вслѣдъ за оффиціальными инструкціями и уже не черезъ довѣреннаго у государя Чернышева, Чичаговъ получаетъ частное письмо государя, которое разъясняетъ ему суть дѣла и совершенно устраняетъ всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя вытекали изъ оффиціальнаго документа и вызвали протестъ адмирала. Сохранилось отвѣтное письмо Чичагова Александру, выражающее сожалѣніе, что оба документа получены не одновременно, потому что письмо проливаетъ свѣтъ на все то, что „инструкціи заключали въ себѣ темнаго“: „Въ дѣлахъ у насъ существуетъ нѣкотораго рода обратный и весьма несчастный характеръ“,—замѣчаетъ по этому поводу Чичаговъ своему высокому корреспонденту.

Продиктованный изъ Петербурга планъ окончательнаго разгрома французской арміи въ дѣйствительности приводился въ исполненіе. Правда, осторожный Кутузовъ, щадя русскихъ солдатъ, дѣйствовалъ съ большой осторожностью, постепенно ослабляя непріятеля. Знаменитая переправа Наполеона на Березинѣ испортила, однако, этотъ планъ, по крайней мѣрѣ она испортила въ томъ смыслѣ, какъ этого хотѣлъ достигнуть императоръ Александръ: самого Наполеона не удалось захватить и съ остаткомъ войскъ онъ направился къ Вильнѣ.

Когда войска добивали послѣднихъ французовъ въ предѣлахъ Россіи, настала необходимость рѣшить вопросъ о томъ, продолжать ли войну за Нѣманомъ, или нѣтъ. Государь, повидимому, рѣшилъ этотъ вопросъ заранѣе въ положительномъ смыслѣ, но все же охотно прислушивался къ мнѣнію военныхъ людей и дипломатовъ. Кутузовъ рѣшительно высказывался противъ продолженія войны, штабъ главнокомандующаго былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Напротивъ, дипломаты одобряли мысль государя. Даже канцлеръ графъ Румянцевъ высказывался за продолженіе

войны, но только настаивалъ, чтобы она была ведена единолично Россіей, безъ союза съ Австріей и Пруссіей. Старый дипломатъ Екатерининскаго времени графъ С. Р. Воронцовъ ставилъ вопросъ нѣсколько своеобразно. Онъ полагалъ, что намъ не слѣдовало подвигаться за Одеръ прежде, нежели Австрія не выступила бы противъ Наполеона. Напротивъ, дипломаты новой школы пытались связать продолженіе войны съ интересами Россіи. Графъ Нессельроде увѣрялъ императора въ томъ, что Франція будетъ безопасна только въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Этотъ дипломатъ возставалъ точно также, противъ соединенія царства Польскаго съ Россіей. Однимъ словомъ, этотъ дипломатъ явился вѣрнымъ защитникомъ интересовъ Австріи: „Нессельроде въ карманѣ у Меттерниха“, писалъ Чарторыйскій Новосильцеву.

Руководимый личной ненавистью къ Наполеону и стремленіемъ поправить прусскія дѣла, императоръ Александръ нашелъ единомышленниковъ въ средѣ окружавшихъ его иностранцевъ и тѣхъ русскихъ, которые считали полезнымъ для себя поддерживать то, что нравилось государю. Злой геній Кутузова, Робертъ Вильсонъ дѣятельно побуждалъ императора къ преслѣдованію Наполеона за предѣлами Россіи. Но наиболѣе энергичная роль въ этомъ направленіи выпала на долю знаменитаго прусскаго министра барона Штейна. Этотъ умный пруссакъ, со свойственными его націи грубостью и цинизмомъ, поставилъ своей главной задачей обратить торжество русскаго оружія на пользу нѣмецкаго дѣла. Современная Германія всѣмъ обязана этому многознаменательному моменту въ ея исторіи и въ частности прусскому министру и русскому императору. Штейнъ представляетъ Александру I рядъ записокъ въ которыхъ старается предрѣшить перенесеніе войны въ Германію по изгнаніи французовъ изъ Россіи. Онъ знаетъ, какъ надо дѣйствовать на императора: въ своихъ обращеніяхъ Штейнъ старается воздѣйствовать на честолюбіе своего высокаго читателя: только „ложная и лукавая политика“, или „невѣдѣніе“ могутъ дать совѣтъ при настоящихъ обстоятельствахъ вести оборонительную войну. „Благородный и великодушный“ характеръ императора долженъ отвергнуть подобнаго рода совѣты. Императоръ „захочетъ стать благодѣтелемъ и умиротворителемъ Европы“. Лесть, оправленная въ благородныя формы, проникаетъ всю записку прусскаго патріота. Въ красивыхъ выраженіяхъ онъ рисуетъ предъ императоромъ его будущую роль Агамемнона среди европейскихъ монарховъ: „Вамъ

предстоитъ разыграть возвышенную роль благодѣтеля и возстановителя".

Льстя императору съ одной стороны, съ другой стороны онъ развивалъ предъ нимъ широкіе и смѣлые планы. Еще въ Петербургѣ не были освѣдомлены объ исходѣ Бородинской битвы, какъ Штейнъ уже составляетъ проектъ временнаго управленія Германскими землями по занятіи ихъ русскими войсками, онъ уже обдумываетъ способы веденія войны въ предѣлахъ самой Германіи. Эти проэкты находили сочувственное отношеніе къ нимъ императора. Штейнъ старается предвидѣть напередъ всѣ детали будущей войны. Онъ даже уже заботится о томъ, чтобы русскіе „варвары" не причинили слишкомъ большого вреда той самой Германіи, которую они должны освободить, и предупреждаетъ императора, что русскія войска должны будутъ соблюдать строгую дисциплину въ Германіи. Но Штейнъ боится встрѣтить оппозицію въ средѣ русскихъ сановниковъ и напередъ старается очернить ихъ передъ государемъ и указать ему на замѣстителей. Штейнъ очень недоволенъ графомъ Румянцевымъ, не расположеннымъ жертвовать русскими интересами для блага Германіи. Тогда Штейнъ обращается къ англійскому правительству съ просьбой настоять черезъ своего посланника на удаленіи графа Румянцева—„фантастической головы", „ограниченной души", которой недостаетъ умѣнія устроить новый политическій порядокъ „на твердыхъ и мудрыхъ основаніяхъ". Мало того, знаменитый прусскій государственный мужъ настаивалъ передъ англійскимъ правительствомъ, чтобы выборъ новаго канцлера не могъ пасть на человѣка „неспособнаго на своекорыстную и лукавую политику" (т. е. на національную политику); онъ настаивалъ на томъ, чтобы Англія взяла на себя устройство нѣмецкихъ дѣлъ, „дабы направить борьбу къ исключительной выгодѣ Германіи и Европы".

О русскихъ людяхъ Штейнъ былъ невысокаго мнѣнія, потому что онъ не ожидалъ отъ нихъ „безкорыстныхъ плановъ", т. е. такихъ плановъ, которые на первомъ мѣстѣ поставили бы благо Германіи. Но съ другой стороны Штейнъ боялся и другого,— чтобы Россія не вздумала расширить свои тогдашнія границы въ случаѣ побѣды надъ французами. Еще не успѣли русскія войска вступить въ Германію, а баронъ Штейнъ уже высказываетъ заботы о томъ, чтобы удалить Кутузова и назначить ему преемникомъ генерала русской службы графа Витгенштейна, человѣка „нѣмецкаго происхожденія" и „доброжелательнаго" къ интересамъ

Германіи. Штейнъ дѣлитъ карту Западной Европы, при чемъ раз битой Австріи и Пруссіи удѣляетъ жирный кусокъ; доставалось и другимъ державамъ, что же касается Россіи, которая долженствуетъ освободить Европу отъ Наполеона, то она, разсуждалъ Штейнъ, „слишкомъ велика и справедлива, чтобы желать расширенія своихъ предѣловъ и возбужденія противъ царя общаго недовѣрія“. Это все писалось 20-го октября 1812 года, т. е. послѣ первыхъ успѣховъ русскаго оружія. Штейну было извѣстно, что нѣкоторые изъ русскихъ желали расширенія предѣловъ Россіи за счетъ Польши; нѣкоторые изъ поляковъ благосклонно относились къ этому проэкту, при условіи дарованія Польшѣ особой конституціи. Прусскій государственнный мужъ всячески борется противъ подобнаго рода мыслей: онъ боится, чтобы устье рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море, съ ихъ гаванями не вошли въ предѣлы Россіи. Онъ настаиваетъ, чтобы Англія въ союзѣ съ Австріей положила конецъ этимъ „дикимъ“ планамъ, такъ какъ они угрожаютъ величайшей опасностью Пруссіи и Австріи. Ища себѣ союзниковъ среди русскихъ дипломатовъ, Штейнъ обращается къ состоящему на русской службѣ Поццо-ди-Борго и старается внушить ему мысль о вредѣ самой идеи расширить предѣлы Россіи.

Въ то время какъ близкіе къ императору совѣтники-иностранцы хлопотали объ устроеніи своихъ національныхъ дѣлъ при помощи русскаго оружія, русское общество далеко не было расположено служить устройству чужихъ государствъ. Тотъ же баронъ Штейнъ съ боязливостью не могъ этого не замѣтить. „Успѣхи русскаго оружія естественно возбудили общественное мнѣніе. Оно высказывается различно. Одни надѣются, что по изгнаніи непріятеля будетъ заключенъ миръ, а Европа предоставлена собственнымъ своимъ движеніямъ, другіе хотятъ расширенія территоріи имперіи, по меньшей мѣрѣ до Вислы, и преобладанія въ дѣлахъ материка; еще другіе желаютъ возстановить въ Европѣ общественный порядокъ, основанный на справедливости и истинныхъ пользахъ народовъ. Само собою разумѣется, что эта третья партія есть слабѣйшая, хотя мнѣніе ея одно только можетъ обезпечить всеобщее спокойствіе и понравиться на материкѣ, какъ и въ Англіи. А потому Англія должна де взять починъ и принять мѣры для обезпеченія перевѣса мудрѣйшей партіи. Она можетъ разсчитывать на благородный и свободолюбивый образъ мыслей императора“.

Кутузовъ и его штабъ какъ разъ были въ числѣ тѣхъ для которыхъ интересы Германіи не стояли на первомъ планѣ. Кутузовъ щадилъ свою армію и Наполеона. Чернышевъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что когда позиція фельдмаршала опредѣлилась, письма и настоянія государя становятся чаще и рѣзче. Такъ въ письмѣ отъ 30-го октября, повидимому подъ вліяніемъ письма Вильсона о медлительности фельдмаршала послѣ сраженія подъ Тарутинымъ, Александръ пишетъ Кутузову собственноручно рѣзкое и холодное письмо. Здѣсь онъ укоряетъ Кутузова, что имъ упущены выгоды, такъ какъ главнокомандующій имѣлъ бы возможность „отрѣзать по крайней мѣрѣ путь тремъ корпусамъ". Вообще со времени отступленія французовъ, императоръ начинаетъ постоянно снабжать Кутузова различнаго рода наставленіями и указаніями. То онъ требуетъ уничтоженія французскихъ мародеровъ въ тылу арміи, то онъ совѣтуетъ организовать изъ плѣнныхъ особый германскій легіонъ и т. п. Особенно настойчиво побуждаетъ онъ фельдмаршала къ преслѣдованію непріятеля. Въ письмѣ отъ 2 декабря онъ требуетъ немедленнаго продолженія преслѣдованія непріятеля „несмотря ни на какія препятствія". Поэтому онъ не находитъ возможнымъ разрѣшить войску отдыхъ въ Вильнѣ, требуя настойчиваго движенія.

Кутузовъ щадилъ войско и частью Наполеона, учитывая русскую будущность. Самолюбіе императора требовало рѣшительныхъ дѣйствій. Мнѣнія раздѣлились, когда войска подошли къ границѣ. „Многіе генералы,—пишетъ въ своихъ запискахъ Чернышевъ,—были согласны съ Кутузовымъ не выходить изъ предѣловъ Россіи, но императоръ велѣлъ немедленно привести армію въ движеніе и, не взирая на изнуреніе войскъ и зиму, идти впередъ". Его поддерживали свитскіе генералы.

Такъ сдѣланъ былъ шагъ, на который при тогдашнихъ обстоятельствахъ далеко не всякій могъ рѣшиться. Извѣстный нашъ историкъ Соловьевъ, говоря о побужденіяхъ, заставившихъ императора продолжать войну за предѣлами Россіи послѣ изгнанія французовъ, говоритъ, что такое рѣшеніе „представляло великій подвигъ, большій, чѣмъ рѣшеніе не прекращать борьбы внутри Россіи, ибо надобно было не усумниться потребовать отъ народа новаго напряженія силъ вмѣсто отдыха послѣ страшнаго погрома, ибо вокругъ, начиная отъ главнокомандующаго, шли толки о необходимости остановиться передъ своею границею. Можно было

разсчитывать на успѣхъ: но его надобно было купить большими жертвами и необыкновенной устойчивостью".

Уже въ Вильнѣ государь взялъ на себя фактическое руководство войною. Фельдмаршалъ продолжалъ именоваться главнокомандующимъ, но, не довѣряя ему, Александръ передъ переходомъ границы назначаетъ начальникомъ штаба всѣхъ армій при генералѣ Кутузовѣ свитскаго генерала, ничѣмъ не выдѣлившаго во время войны, князя М. Волконскаго. А. П. Ермоловъ, хорошо знавшій положеніе вещей, въ своихъ запискахъ пишетъ по этому поводу: „Государю надобенъ былъ человѣкъ, давно къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно, и не легко было замѣнить его другимъ. Съ этого времени отъ самого государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ".

Едва ли нужно подводить итоги сказанному. Александръ I проявилъ энергичную дѣятельность во весь періодъ войны. Это вполнѣ свойственно его характеру. И пріемы этой дѣятельности обрисовываютъ во весь ростъ тотъ своеобразный, не лишенный впрочемъ ума—„византинизмъ", который примѣнялъ императоръ во всѣхъ дѣлахъ. Безспорно, уже только административная и дипломатическая дѣятельность, которую за это время вынесъ императоръ, представляетъ собою весьма не малый трудъ. Но еще болѣе примѣчательно напряженное стремленіе къ руководительству войной, даже отдѣльными мелкими операціями. Не можетъ быть двухъ отвѣтовъ по вопросу о томъ, было ли полезно такое вмѣшательство въ дѣйствія арміи. Неуклонное выполненіе теоретическаго плана на войнѣ не можетъ служить съ пользой для дѣла. Такъ и въ данномъ случаѣ, быстрое отступленіе русскихъ войскъ передъ разрозненнымъ и ослабленнымъ непріятелемъ едва ли вызывалось серьезными соображеніями. Пришлось потомъ дѣло поправлять, соединять обѣ арміи на виду у сильнѣйшаго непріятеля, уже къ тому времени объединившаго свои части. Отступленіе, дѣйствительно необходимое по ходу дѣла, но совершенное внѣ соображеній теоретическаго характера, конечно, имѣло бы меньше печальныхъ послѣдствій. При Кутузовѣ армія освободилась отъ мелочной опеки государя. Ея отступленіе и ея первыя побѣды, всѣ ея движенія приняли теперь болѣе практическій, вызываемый потребностью дѣла характеръ, пока, наконецъ, она снова не поступила въ непосредственное вѣдѣніе государя.

Мы прослѣдили рядъ условій, въ которыхъ велась война, мы слѣдили за тѣмъ неустаннымъ вниманіемъ, съ которымъ императоръ относился къ направленію хода войны. Но для того, чтобы окончательно освѣтить вопросъ, надо еще разсмотрѣть одну сторону его — то, какъ реагировало общественное мнѣніе, что дѣлалось въ тылу арміи среди тѣхъ, которые въ войнѣ теряли своихъ родныхъ.

И въ этомъ случаѣ личная дѣятельность императора отличается замѣчательной энергіей. Когда Александръ удалился изъ дѣйствующей арміи, онъ весь отдался текущей литературной дѣятельности. Надо было воздѣйствовать на общественное мнѣніе, надо было изыскивать средства подкрѣпить армію. Начинается рядъ блестящихъ манифестовъ, написанныхъ услужливымъ перомъ знаменитаго адмирала Шишкова и тщательно, какъ всегда, проредактированныхъ государемъ. Растопчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, въ которомъ государь нашелъ удивительно сознательнаго въ этомъ отношеніи сотрудника, по-своему успокаиваетъ населеніе первопрестольной столицы, то своими знаменитыми „афишками“, написанными получиновничьимъ, полутрактирнымъ языкомъ, то арестами, ссылкой и другими средствами.

Александръ проявляетъ необыкновенно энергичную дѣятельность. Призывы съ высоты престола, оскорбленіе національнаго чувства, нанесенное вторженіемъ непріятеля, возбудили взрывъ національныхъ чувствъ и приливъ пожертвованій. Правда, для новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ, для возбужденія ихъ ревности о спасеніи отечества, иногда требовалось административное воздѣйствіе. Когда московскіе дворяне шли въ Кремль для того, чтобы выслушать манифестъ и принести на алтарь отечества свои доброхотныя даянія, имъ показывали у входа во дворецъ запряженныя кибитки съ приготовленными къ далекой дорогѣ полицейскими офицерами и имъ поясняли, что кибитки приготовлены для „болтуновъ“. Собравшись на призывъ царя, Московское дворянство проявило ревностный патріотизмъ. Впрочемъ, Растопчинъ, который инсценировалъ дворянское рвеніе, въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что дворянинъ, предложившій отъ имени Московскаго дворянства принести крупное пожертвованіе, самъ не имѣлъ въ Московской губерніи помѣстья и потому предлагалъ такую мѣру, которая ему ничего не стоила. Другой горланъ предложилъ Растопчину свой голосъ, намѣреваясь перекричать

другихъ на собраніи, за честь быть приглашеннымъ къ высочайшему столу.

На то самое общество, которое призывалось къ борьбѣ съ врагомъ, первыя же извѣстія объ отступленіи, первые же манифесты государя произвели недоумѣнное, ошеломляющее впечатлѣніе.

Всѣ первыя правительственныя литературныя произведенія съ театра войны старались увѣрить общество въ томъ, что оборонительная война гораздо выгоднѣе войны наступательной— „вообще увѣряли насъ, — пишетъ въ своихъ запискахъ Бакунина,—что планъ постановленный премудръ и Наполеона заведутъ и обманутъ; въ пустынѣ проповѣдывали оптимисты сіи, никого не убѣждали; горесть, негодованіе были во всѣхъ устахъ и на всѣхъ лицахъ". Въ бюллетеняхъ изъ арміи говорили объ успѣхахъ русскаго оружія, о томъ, что Наполеонъ подвигается медленно, и русское общество было въ совершенномъ недоумѣніи: побиваемый непріятель завоевывалъ страну, забиралъ цѣлыя губерніи, а побѣдители отступали.

Читала публика замысловатыя реляціи Барклая и недоумѣвала: въ реляціяхъ говорилось, напр., что генералъ Коновницынъ и графъ Остерманъ оказали замѣчательное искусство, Коновницынъ отразилъ непріятеля, а ночью отступилъ. Барклай въ реляціяхъ говоритъ о смѣлости движенія Багратіона, отступающаго къ Смоленску: „доселе никому не приходило въ голову отступленіе и стараніе избѣгать непріятеля называть смѣлостью,—говоритъ одна современница,—которая въ иныхъ случаяхъ можетъ называться только благоразуміемъ и во всѣхъ—осторожностью".

Правительство публиковало, что армія отступаетъ въ поискахъ за крѣпкою позиціею. „Сіи и подобныя предположенія нѣсколько времени насъ тѣшили, сперва онымъ вѣрили, надѣялись, потомъ начали сомнѣваться и, наконецъ, извѣрились совершенно". Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ князь Вяземскій Тургеневу: „взятіе Смоленска обмануло не одну надежду и самый разсудокъ оставило въ дуракахъ". Общество уже съ недовѣріемъ и недоумѣніемъ читало витіеватые приказы Барклая, въ которыхъ онъ призывалъ войска храбро сражаться и поражать врага, „а самъ отъ него велитъ бѣжать". Въ знаменитый день Полтавской побѣды, 27-го іюня, не упустили случая издать приказъ, въ которомъ солдатамъ рекомендовалось слѣдовать примѣру своихъ праотцевъ, тогда какъ въ это самое время потомки славныхъ во-

иновъ усердно отступали. Обѣщанія Барклая отразить непріятеля выводили общество „изъ терпѣнія“. „Горесть, страхъ и отчаяніе овладѣли всѣми; со всѣхъ сторонъ получаемы были страхъ наносящія извѣстія“. Когда раздавалось чтеніе знаменитыхъ манифестовъ съ призывомъ на защиту отечества, то ихъ слушали „съ сокрушеннымъ сердцемъ“, разсказываетъ одинъ современникъ. Даже когда государь былъ въ Москвѣ и когда состоялось знаменитое и много разъ описанное патріотическое собраніе дворянства, „сердца наши, стѣсненныя горестью, озлобленныя, неудобны были чувствовать радости, ни чувствовать восторга. Обычное унылое молчаніе вездѣ царствовало и день сей былъ для всѣхъ мраченъ, подобно и предыдущимъ; по повелѣнію, городъ былъ иллюминованъ“.

Потеря Москвы болѣзненно отозвалась въ различныхъ слояхъ общества. „О Москвѣ и говорить нечего,—писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу. Сердце кровью обливается, и клянусь тебѣ честью, что я еще не привыкаю къ этой мысли. Каждое утро мнѣ кажется, что я впервой еще узнаю объ горестной ея участи“. Правда, онъ готовъ преклонить „голову подъ ударами судьбы“, старается забыть потерю Москвы—„какъ жестокую любовницу, удаляю отъ мысли своей, потому что, ежели она когда на умъ мнѣ придетъ, то уже не скоро отъ нея отдѣлываюсь, и часто съ воспоминаніями о ней провелъ я цѣлыя ночи“. Онъ даже завидуетъ своимъ роднымъ, мирно лежащимъ въ гробахъ, потому что они не чувствуютъ поруганія. Правда, съ другой стороны наблюдательные современники готовы были видѣть въ пожарѣ Москвы источникъ будущей славы и величія: „Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія,—утѣшаетъ Тургеневъ своего корреспондента и продолжаетъ: „Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отомщеніемъ за безполезныя дѣйствія и преступленія южныхъ варваровъ... Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій

отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ". Такое настроеніе съ тѣми или другими варіаціями было довольно обычнымъ. Разбѣжавшееся изъ Москвы населеніе разсказало въ самыхъ отдаленныхъ медвѣжьихъ углахъ объ ужасахъ французскаго нашествія. Все это показалось, какъ „нѣчто страшное, давно небывалое; въ нихъ (дворянахъ) загорѣлась неутолимая, казалось, жажда мести", разсказываетъ Вигель [1]). По его словамъ, всѣ опа-

---

[1]) Вотъ нѣсколько штриховъ той народной ненависти, которая охватила всѣ слои населенія, по описанію Михайловскаго-Данилевскаго, участника и историка этой войны.

Всѣхъ Смольнянъ постигло одинаковое разореніе и одушевила одинаковая любовь къ отечеству: всѣ бѣжали отъ срама непріятельскаго нашествія, или бросились къ оружію на погибель враговъ. Изъ 12-ти уѣздовъ, составляющихъ Смоленскую губернію, 8 были совершенно заняты непріятелемъ, но четыре города уцѣлѣли отъ нашествія: Рославль, Юхновъ, Сычевка и Бѣлой. Въ нихъ дворянскіе предводители, исправники, городничіе, волостные начальники устраивали вооруженную силу, явно и скрытно нападали на непріятеля, убивали мародеровъ и фуражировъ, отстаивали города и селенія. Къ симъ добровольнымъ ополченіямъ присоединились разбѣжавшіеся жители другихъ уѣздовъ, бывшихъ во власти непріятеля, и подвизались вмѣстѣ съ ними. Вооруженіе сдѣлалось общимъ, единодушнымъ. Смоленская губернія, покрытая пепломъ городовъ и селъ, три мѣсяца напоялась кровію непріятельскою и ежедневно оглашалась выстрѣлами.

„Въ Рославлѣ купцы и мѣщане вооружили и содержали на свой счетъ 400 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, избранныхъ изъ своей среды. Въ Бѣломъ и Сычевкѣ составилось добровольное ополченіе. Въ Юхновѣ уѣздный предводитель Храповицкій, имѣвшій трехъ сыновей въ арміи, собралъ вокругъ себя до 2,000 человѣкъ, и изъ числа ихъ сформировалъ нѣсколько десятковъ конныхъ для разъѣздовъ. Подъ его начальство поступили 22 отставные дворянина, бывшіе прежде въ военной службѣ. Храповицкій перешелъ черезъ Угру, сталъ на ея берегу и заслонилъ дорогу изъ Вязьмы въ Калугу. Нѣсколько разъ показывались французы, въ намѣреніи захватить неразоренный еще край, но всегда были отбиваемы... Никто не думалъ повиноваться управленію, учрежденному французами въ Смоленскѣ; предписанія его оставались безъ исполненій и оно было крайне стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣя возможность распоряжаться только въ городахъ и селахъ, гдѣ находились непріятельскія войска. Народное возстаніе разлилось, какъ пламя, по всей губерніи и содѣлало невозможнымъ наполненіе магазиновъ, которые Наполеонъ ве-

сались одного мира съ Наполеономъ и продолженіе войны успокоило общество. Канцеляріи начали пустѣть, всѣ потянулись въ ополлѣлъ закладывать въ Смоленскѣ. Провіантскіе коммиссары, посылаемые для закупки хлѣба, и команды, отряжаемыя на фуражировки, или гибли подъ ударами православныхъ, или возвращались израненные, избитые, не исполнивъ данныхъ имъ порученій. Наконецъ непріятели вознамѣрились устрашить жителей, употребя кровавыя мѣры. Съ сею цѣлью старались они захватить кого либо изъ помѣщиковъ, начальствовавшихъ вооруженными поселянами и дворовыми людьми. Двое пали ихъ жертвою.

„Московская губ. не уступала Смоленской въ самопожертвованіи. Сначала разметанные въ разныя стороны нахлынувшими на нихъ арміями, крестьяне Московской губ. начали потомъ мало по малу собираться, вооружались вилами, рогатинами, топорами, косами, а впослѣдствіи запаслись ружьями, отбитыми у непріятеля, и не выпускали ихъ изъ рукъ до изгнанія французовъ, бились съ непріятелемъ, или одни, или соединенно съ партизанами... Дьячки и пономари ополчились вмѣстѣ съ крестьянами. Рѣдкій приходъ не ознаменовался какимъ либо подвигомъ. Въ одномъ селѣ нѣсколько крестьянъ отъ испуга, поднесли непріятелю хлѣбъ и соль. Вскорѣ французы были выгнаны. Духовенство отслужило благодарственный молебенъ, и когда встрѣчавшіе непріятеля стали подходить къ кресту, священникъ не допустилъ ихъ къ Распятію, сказавъ имъ: „Вы не Русскіе, вы не наши; вамъ не принадлежитъ торжество наше; поднеся хлѣбъ и соль, вы хотѣли, чтобы французы восторжествовали надъ нами: удалитесь изъ нашего общества“... И въ Смоленской и въ Московской губерніяхъ народная война была ведена одинаковымъ образомъ. Въ селеніяхъ запирали ворота и ставили къ нимъ караулы; у околицъ устраивали шалаши, въ видѣ будокъ, а подлѣ нихъ сошки для пикъ Никому изъ постороннихъ не дозволялось приближаться къ селеніямъ. Однажды православные истребили 60 человѣкъ Тептярскаго казачьяго полка, принявъ ихъ за непріятеля, по нечистому произношенію русскаго языка... Военную добычу, мундиры, каски, кивера и ремни жгли, чтобы новыя приходившія шайки мародеровъ не видѣли слѣдовъ погибшихъ товарищей. Иногда крестьяне зарывали плѣнныхъ живыми въ землю и убивали. „Всякое мщеніе противъ нихъ почитали не только позволительнымъ, но законнымъ, угоднымъ небу. Вѣсть о бѣдствіяхъ Москвы дала новую силу, новое ожесточеніе народному движенію“. „Французы жгутъ и грабятъ Москву“, пролетало изъ устъ въ уста, было общимъ кликомъ, и никакія истязанія не казались достаточными противъ злодѣевъ. Зарево Москвы, видѣнное на 130 верстъ, и поруганіе церквей довели ненависть къ французамъ до изступленія. Французы ли жгли Москву, или нѣтъ, разувѣрять было не время: лишь только бы рѣзали французовъ.

„Перевозы запасовъ, снарядовъ, аммуниціи, рекрутовъ, казны, сопровожденіе раненыхъ и плѣнныхъ требовали безпрестано новыхъ усилій, разъѣздовъ, подводъ, отъ чего селенія пустѣли мужчинами. Обязанности ихъ принимали на себя женщины, которыя употреблялись вмѣсто сотскихъ, сторожей, провожатыхъ и для почтовой гоньбы“.

ченіе. Провинціальныя дамы отказались отъ французскаго языка, и русскій языкъ сталъ употребляться въ гостиной. Были и такія, которыя одѣлись въ сарафанъ, надѣли кокошники, повязки; приглядѣвшись, вскорѣ нашли, что нарядъ этотъ не дуренъ, и по окончаніи войны не охотно съ нимъ разставались.

Современный „Вѣстникъ Европы“ въ красивыхъ и искреннихъ словахъ говоритъ о тѣхъ чувствахъ, которыя охватили журналистовъ при видѣ оставляемой Москвы: „Приближеніе непріятеля къ столицѣ показало общее негодованіе—и тогда представилось зрѣлище, котораго нельзя вспомнить безъ слезъ и умиленія. За стѣнами города покрылись поля бѣгущимъ народомъ и скачущими экипажами; дряхлые и бѣдные старцы уносили на рукахъ скудное свое имущество; богатые оставляли сокровища, спасаясь только съ народною честью; отчаянныя матери теряли на пути безпомощныхъ младенецъ“. Но это печальное зрѣлище произвело сильное возбужденіе въ цѣлой націи. Наполеонъ на высотахъ, окружавшихъ Москву, не былъ встрѣченъ депутаціей отъ испуганныхъ жителей; пробудилось горячее чувство любви къ родинѣ и чувство національнаго самолюбія: „Сія великая эпоха была торжествомъ русскихъ добродѣтелей, и если заблужденіе легкомысленнаго мнѣнія измѣнило на часъ подлинный характеръ націи, то усыпленная любовь къ народной чести пробудились съ новымъ блескомъ и новою славою“. Нація ощутила великую горечь отъ потери Москвы; но въ то же время „глубокая ненависть народа призывала проклятія небеснаго мщенія на главу губителя“, въ церквахъ народъ умиленно молился. И вотъ: „Добычею безвинныхъ жертвъ насыщается солдатская ярость; цѣною человѣческой крови оплачивается служба достойныхъ товарищей кровожаждующаго героя. Здѣсь безродныя сироты, безчадные старцы, безутѣшныя семейства скитаются по міру, не имѣя ни крова, ни пропитанія. Тамъ добродѣтельныя дѣвы оплакиваютъ честь и невинность, у нихъ отнятыя. Далѣе вижу мудраго, который въ пристани укрываясь отъ бурь свѣта и превратностей фортуны, спокойно наслаждался благами наукъ, природы и добродѣтели; но и тотъ не устоялъ на мѣстѣ: рука варварская разрушила мирную его хижину и похитила послѣдній плодъ его трудовъ, сей драгоцѣнный залогъ, обезпечивающій независимость мудраго. Чего стоитъ народамъ одинъ шагъ завоевателя!“

Но первые же успѣхи охладили пылъ. Обитатели сожженной Москвы возвращались на свое пепелище и съ ненавистью

вспоминали распоряженія Растопчина сжечь городъ. Другіе понимали, что съ удаленіемъ Наполеона, не все можетъ быть исправлено въ государствѣ: „пусть истребимъ мы Наполеона, — писалъ Суворовъ Мордвинову,—но у насъ были и пребудутъ еще злѣйшіе два Наполеона—роскошь и своекорыстіе; наше воспитаніе поверхностное, и никто не мыслитъ вперить намъ римскій духъ и римскую любовь къ отечеству". Стали подсчитывать убытки, принесенные войной. Разореніе, дѣйствительно, было громадное, размѣры его трудно учесть. Послѣ ухода французовъ въ посѣщенныхъ имъ губерніяхъ сотни тысячъ населенія остались безъ средствъ къ пропитанію и безъ запасовъ для посѣва. Графъ Панинъ въ одной изъ своихъ записокъ считаетъ для Смоленской губерніи число въ 200,000 душъ крестьянъ, оказавшихся безъ хлѣба, чрезвычайно преуменьшеннымъ. Надо помнить, что сверхъ разоренія отъ непріятелей все населеніе понесло большія жертвы поставкой ратниковъ, пожертвованіями деньгами и хлѣбомъ. Такъ, 16 великорусскихъ губерній уже во время войны поставили болѣе 200,000 ратниковъ, что составляло приблизительно по 10 человѣкъ со 100 крестьянскихъ душъ. Ратники выставлялись за счетъ дворянства, т. е. за счетъ тѣхъ же крестьянъ, снаряжались одеждой, оружіемъ, хлѣбными припасами. Подсчетъ всѣхъ пожертвованій трудно сдѣлать. По приблизительной оцѣнкѣ каждая губернія въ среднемъ жертвовала отъ 4 до 6 милліоновъ рублей, что при тогдашнемъ количествѣ населенія, при застоѣ въ области торговли и промышленности представляетъ собою огромную сумму. Правда, южныя губерніи, откуда не брали ратниковъ, жертвовали меньше. Съ другой стороны пожертвованія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній достигали огромной суммы. Такъ, напр., Псковская губернія, задѣтая военными операціями, пожертвовала на армію весь хлѣбъ на поляхъ и до полутора милліона рублей деньгами, овчинами, подводами и т. п.

Впрочемъ, насколько война отразилась на народномъ хозяйствѣ и на государственномъ бюджетѣ, будетъ для насъ виднѣе, когда мы присмотримся къ положенію государства въ этомъ отношеніи въ другомъ мѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ, сказанное достаточно свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ напряженіи, которое испытало государство въ конечномъ результатѣ къ исходу Отечественной войны. При такихъ условіяхъ продолжать войну внѣ предѣловъ Россіи, казалось бы дѣломъ труднымъ. Но мы уже знаемъ, что личныя стремленія

Александра I-го вовлекли его въ дальнѣйшую борьбу съ Наполеономъ. Ни эта война, ни ея исходъ съ дальнѣйшими дипломатическими переговорами не могутъ входить въ нашу задачу. Русскій императоръ всецѣло отдался интересамъ западно-европейскихъ государствъ. Результатъ войны для Россіи былъ незначителенъ, и русскія войска играли роль вспомогательныхъ корпусовъ при устроеніи интересовъ западно-европейскихъ державъ.

Сдѣлавшись освободителемъ Европы, Александръ I мечталъ стать во главѣ ея и въ мирное время. Начинается знаменитая эпоха конгрессовъ. На первомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ государь поддерживалъ точку зрѣнія барона Штейна, заключавшуюся въ томъ, что конгрессъ долженъ опредѣлить внутренніе порядки народовъ великой европейской семьи, положивъ въ основу своихъ работъ принципъ уваженія къ правамъ и интересамъ народа; поэтому союзныя правительства должны предоставить народамъ выгоды представительной системы, чтобы удовлетворить народнымъ желаніямъ. Но эти высокіе принципы на практикѣ замѣнились совсѣмъ инымъ—принципомъ легитимизма. Въ основу его былъ положенъ тотъ старый порядокъ, который господствовалъ въ Европѣ до французской революціи. Въ самомъ дѣлѣ, основныя черты Священнаго Союза заключались въ томъ, что союзныя государства обязуются, какъ въ управленіи государствами, такъ и въ политическихъ соотношеніяхъ руководствоваться евангельскими заповѣдями любви, мира и правды: эти заповѣди долженствуютъ управлять волею царей. Государи соединяются между собой узами неразрывнаго братства и обязуются быть по отношенію къ подданнымъ, какъ отцы семействъ.

На этихъ статьяхъ акта Священнаго Союза отразилось мистическое настроеніе эпохи. Неопредѣленное требованіе его ничѣмъ не обязывало государя, но за то предрекало народу укрѣпленіе абсолютнаго режима.

Но если для русской исторіи самый ходъ политики Священнаго Союза не имѣетъ значенія, то нельзя не признать, что результаты ея оставили глубокій слѣдъ въ исторіи Европейской политической системы. Прежде всего, роль, занятая Россіей въ Европѣ, въ качествѣ руководителя реакціоннаго союза, который въ рукахъ западно-европейскихъ правительствъ сталъ служить орудіемъ для подавленія либеральныхъ идей,—все это сдѣлало Россію ненавистной въ глазахъ западно-европейскихъ народовъ. Россія сдѣлалась жандармомъ Западной Европы, посылая свои

войска всюду, гдѣ проявлялись стремленія къ свободѣ. Россія поддерживала абсолютизмъ западно-европейскихъ правительствъ, а между тѣмъ эти самыя правительства должны были въ силу обстоятельствъ пойти на уступки народнымъ стремленіямъ; такъ или иначе, но настроеніе общества стало вліять на международныя отношенія, и западно-европейское общество стало ненавидѣть Россію за поддержку реакціонныхъ мѣръ. Россію не только ненавидѣли, но ей и не довѣряли, потому что безкорыстная политика русскаго императора была непонятна ни для народовъ, ни для ихъ правительствъ. Съ внѣшней стороны императоръ могъ считать себя руководителемъ союзныхъ государствъ, но отдавшись вліянію иностранцевъ, онъ безсознательно дѣлалъ то, чего отъ него хотѣли прусскіе или австрійскіе дипломаты. Фактическимъ руководителемъ союза и самого государя сдѣлался извѣстный Меттернихъ. Союзныя правительства не довѣряли Александру, тяготились его гегемоніей и противъ него же составляли трактаты и коалиціи. Политика Священнаго Союза принесла свои плоды тѣмъ еще, что она къ невыгодѣ Россіи произвела группировку западно-европейскихъ государствъ. Пруссія была усилена и, можно сказать, тогда же была предопредѣлена послѣдующая ея роль въ Европѣ—именно роль представителя всей Германіи и роль государства, которое благодаря своему центральному положенію займетъ доминирующее значеніе въ Европѣ. Австрія была окончательно вычеркнута изъ состава нѣмецкихъ государствъ. Это обстоятельство опредѣлило ея движеніе на Востокъ, она сдѣлалась славянскимъ государствомъ, остановивъ движеніе Россіи на Балканы, сдѣлавшись мощнымъ конкурентомъ здѣсь великой славянской націи. Такимъ образомъ, результаты дипломатической политики цѣлаго періода для Россіи не носили положительнаго характера. Правда, къ Россіи была присоеденена Финляндія и Польша, но выгоды отъ самой формы присоединенія, оттого что русскій императоръ сдѣлался великимъ княземъ финляндскимъ и царемъ польскимъ, можно отнести къ отрицательнымъ результатамъ политики: были присоединены народы, относительно которыхъ тогда уже можно было предвидѣть, что они не могутъ слиться съ русскимъ народомъ и не смогутъ примириться съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ: Польшу впослѣдствіи дважды должны были завоевывать вновь русскія войска.

ГЛАВА IX.

Эпоха реакціи. Публицистика.

Война 1812 года произвела огромное впечатлѣніе на русское общество. Война повліяла на умы какъ низшихъ, такъ и образованныхъ классовъ общества. Но впечатлѣніе, вынесенное изъ войны различными слоями его, было далеко не одинаково. Для сѣрой крестьянской массы въ образѣ Наполеона явился самъ дьяволъ, и эта масса охотно вѣрила воззваніямъ Синода, представлявшимъ дѣло именно въ такомъ видѣ. Ожесточеніе крестьянъ по отношенію къ французамъ было въ высшей степени значительно. Разрушеніе жилищъ, необходимость бѣгства, невзгоды, принесенныя войной,—все это сильно отразилось на настроеніи крестьянской массы. Но съ другой стороны въ крестьянскую среду проникаютъ и какіе то темные слухи о вольности, крестьянинъ какъ бы нѣсколько выросъ въ собственномъ самосознаніи. Впослѣдствіи помѣщики приписывали это настроеніе среди крестьянъ французскимъ воззваніямъ, но оно могло имѣть и иной источникъ: оно могло быть и результатомъ того національнаго подъема, который вызвали въ массѣ событія. Для образованной части общества, вообще говоря для дворянства, въ лицѣ Наполеона явился представитель революціи, низвергающій алтари и престолы. Эта часть общества, проникшись реакціонными идеями, составила оплотъ для реакціоннаго же правительства. Впрочемъ, болѣе образованные элементы общества изъ тѣхъ же Наполеоновскихъ войнъ вывели и иныя заключенія: неподдавшись реакціонному направленію, эта часть общества изъ знакомства съ Западомъ вынесла указаніе на необходимость перемѣнъ въ соціальномъ и политическомъ строѣ Россіи. Изъ среды этой либерально настроенной части общества вышли декабристы. Такимъ образомъ, во вторую половину царствованія императора Александра I можно наблюдать два крупныя теченія, развивавшіяся параллельно въ русскомъ обществѣ — реакціонное и либеральное. Оба

теченія имѣли связь, какъ съ западно-европейскими направленіями того времени, такъ съ другой стороны онѣ не были чисто наносными явленіями, имѣя подготовку на русской почвѣ.

Прежде всего необходимо познакомиться съ реакціоннымъ теченіемъ въ обществѣ, на которое съ такимъ удобствомъ опиралась реакціонная политика правительства.

На русской почвѣ реакція имѣла своихъ представителей гораздо ранѣе, чѣмъ она стала сказываться на Западѣ. Конецъ XVIII и начало XIX в. ознаменовались у насъ оживленіемъ французскаго вліянія. Это вліяніе стало сказываться, какъ въ положительной его формѣ, въ видѣ знакомства съ французской наукой, такъ и въ отрицательной. Въ началѣ вѣка въ гостепріимную Россію стекается множество эмигрантовъ, изгнанныхъ или бѣжавшихъ изъ своего отечества. Среди такихъ бѣглецовъ бывали люди ученые и послѣдователи философскихъ идей, вродѣ Фесслера, преподававшаго въ Петербургской Духовной Академіи еврейскій языкъ и церковныя древности; среди невольныхъ пришельцевъ встрѣчается рядъ видныхъ профессоровъ, вродѣ Буле, Паррота, Шада и другихъ. Но съ другой стороны въ Россію бѣжали и представители самой мрачной реакціи въ области политики и реакціонеры въ области религіи; іезуиты, выгнанные отовсюду, свили себѣ прочное гнѣздо въ Петербургѣ. Такъ, за видными иностранцами потянулась масса людей самаго подозрительнаго происхожденія. Эти сомнительные люди находили почти исключительно приложеніе своей дѣятельности въ воспитаніи русскаго юношества. Все проникалось иностраннымъ вліяніемъ, почти исключительно французскимъ. Французскій языкъ съ дѣтства употреблялся чаще русскаго. Князь П. А. Вяземскій говоритъ о своемъ отцѣ, что когда ему приходилось говорить по-русски, то онъ думалъ по-французски. Въ театрѣ господствовали французскія пьесы, въ библіотекѣ—французскія книги, костюмы, прически дамъ и мужчинъ—все было французское, частью полученное непосредственно изъ Парижа, или по крайней мѣрѣ, было подражаніе французскому. Въ раннее время этого французскаго нашествія въ 70 и послѣдующіе годы XVIII вѣка, французскіе эмигранты привносили въ область религіи—вольтерьянство, атеизмъ; позже, въ началѣ XIX вѣка, когда сталъ замѣчаться поворотъ на Западѣ, они распространяли католицизмъ въ области религіи, а въ области политической мысли они являлись представителями и поклонниками Франціи Бурбоновъ и приносили ненависть къ На-

полеону. Нашъ либерализмъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изъ монархической Франціи, великолѣпно уживался со вздохами о королевской Франціи. Получалась довольно оригинальная картина: русскіе перенимали лоскъ и вѣру или безвѣріе королевской Франціи, ненависть къ революціонной Франціи и костюмы французскаго мѣщанства, выросшаго и усилившагося во время революціи. Такъ русскіе знали старую Францію, Францію Бурбоновъ, бѣлаго знамени, лиліи, аббатовъ, изящныхъ трагиковъ, свободныхъ мыслителей, которые выдвигали господство разума, но не ставили конкретныхъ указаній о томъ, какъ должно быть въ деталяхъ устроено государство. Но Франція солдатъ, портныхъ и сапожниковъ сразу потеряла свое обаяніе въ глазахъ русскаго дворянства.

Отсюда въ его средѣ начинаетъ развиваться самое рѣзкое отношеніе ко всему французскому. Литература не замедлила отразить на себѣ это отрицательное настроеніе дворянства къ французскому вліянію. „Пріѣдетъ французъ съ висѣлицы“,—говоритъ Растопчинъ,—„всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается“.—Даже образованные эмигранты не разъ указывали на сомнительное происхожденіе всѣхъ этихъ виконтовъ и маркизовъ. „Перебѣжчики эти,—писалъ графъ Де-Местръ графу Разумовскому,—приносятъ сюда одну наглость и порокъ. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ или религіозныхъ, они смѣются надъ тѣми непрозорливыми русскими, которые поручаютъ имъ то, что есть дорогого у нихъ на свѣтѣ, т. е. своихъ дѣтей“. Дѣйствительно, тогдашній русскій баринъ не могъ долго удержать при себѣ лакея француза, ибо послѣдній вскорѣ находилъ себѣ мѣсто гувернера. На Кузнецкомъ мосту, или въ одномъ изъ трактировъ въ Охотномъ Ряду всегда можно было встрѣтить толпу этихъ выходцевъ, поджидавшихъ нанимателя. Въ тогдашнихъ газетахъ встрѣчаются любопытныя объявленія, вродѣ слѣдующаго: „Егерь изъ Германіи желаетъ опредѣлиться егеремъ или въ гувернеры. Спросить на Моросейкѣ“ и т. п. Даже тогдашнее правительство считало своимъ долгомъ предупреждать русское дворянство о томъ, какъ вредно для государства привлеченіе для воспитанія дѣтей разныхъ сомнительныхъ элементовъ. Въ докладѣ министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго отъ 25 мая 1811 года между прочимъ говорилось, что „дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью за-

нятыхъ, презирающихъ все неиностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній...Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко въ ономъ внѣдрившееся". Журналистика забила тревогу. Такъ, „Сынъ Отечества" возстаетъ противъ парижскихъ судомоекъ, которыя становятся въ Россіи наставницами молодыхъ благородныхъ дѣвицъ; журналъ огорченъ тѣмъ, что „французская горничная-дѣвка" вдругъ возводится „въ почтенное достоинство наставницы". Какъ раньше все французское казалось заслуживающимъ подражанія, такъ теперь все подвергается безпощадному осмѣянію: „Нынѣшнее слово „французъ" есть синонимъ чудовищу, извергу, варвару", говоритъ тотъ же журналъ. „Другъ Просвѣщенія" возмущается тѣмъ, что „слишкомъ распространилась мода отдавать дѣтей въ воспитаніе иноземцамъ; раньше этого не было; родители не ввѣряли образованіе сердецъ и нравовъ своихъ дѣтей наемному негодяю, ненавидящему законъ и народъ нашъ; не смѣлъ тогда развратный французъ бранить и унижать Россіянъ; а еще меньше дерзалъ онъ вперять въ незрѣлые умы пренебреженіе къ родителямъ и къ отечеству". „Вѣстникъ Европы" по одному поводу съ злорадствомъ разсказываетъ о томъ, какъ поссорились два француза гувернера двухъ русскихъ баръ и выдали тайну о томъ, почему они бѣжали съ родины: одинъ оказался клейменымъ преступникомъ, бѣжавшимъ изъ Парижа, а другой—его же палачемъ.

Эта туча выходцевъ не мало содѣйствовала подготовленію русскаго общества къ реакціи. Съ одной стороны отрицательные элементы ея возбуждали общество не только противъ гувернеровъ изъ егерей и судомоекъ, но и противъ всего французскаго, противъ просвѣщенія, западно-европейскихъ политическихъ идей, противъ всего того, что было связано съ Западомъ, такъ какъ они служили наглядным показателемъ вреда западно-европейскаго просвѣщенія; съ другой стороны эти выходцы, даже изъ числа лучшихъ, эти поклонники монархической Франціи, бѣжавшіе отъ правительства распублики или Наполеоновскаго, были яростными проповѣдниками борьбы со всѣмъ тѣмъ, что было связано съ именемъ Наполеона, и борьбы противъ того, что вызвало Наполеоновскій режимъ, т. е. борьбы противъ источниковъ революціоннаго движенія—вѣры въ высоту человѣческаго разума и вѣры въ блага, приносимыя свободными учрежденіями страны.

Такъ, въ развитіи критическаго отношенія ко всему европейскому и въ подъемѣ русскаго національнаго чувства большую роль сыграли сами же представители западно-европейскаго общества. Въ русскомъ обществѣ реакція имѣла тѣ же направленія, что и въ западно-европейскомъ. Европейская реакція охватывала не только правительственныя сферы, она далеко зашла въ глубь общества; рядъ философовъ, публицистовъ посвятили ей свои силы. Либеральная мысль съ трудомъ пробивалась и вела отчаянную борьбу съ реакціей. Для Россіи, для русскаго общества, двѣнадцатый годъ сыгралъ такую же роль, какъ и въ остальной Европѣ, можетъ быть, даже болѣе значительную. Изъ войны двѣнадцатаго года русское общество вышло съ весьма приподнявшимся національнымъ самосознаніемъ. Оно сдѣлало изъ этой войны и изъ послѣдовавшаго за нею непосредственнаго знакомства съ Западной Европой двоякаго рода выводы. Часть общества, и при томъ болѣе многочисленная, увидѣла въ Наполеонѣ, въ „мошенникѣ Буанопартѣ“ того самого духа зла, котораго создала европейская революція. Эта часть общества вступила въ борьбу съ проявленіями революціоннаго духа, оказавъ такимъ образомъ существенную поддержку правительству. Но, куда бы ни склонились идеалы русскаго общества, можно замѣтить въ немъ одну основную черту—подъемъ національнаго самосознанія. Разумѣется, идеалъ народности у реакціонеровъ и либераловъ былъ не одинаковъ. Реакціонеры были довольны прошлымъ и настоящимъ и стремились лишь къ изгнанію революціоннаго духа. Люди либеральнаго направленія, относясь съ уваженіемъ къ русскому прошлому, понимали недостатки настоящаго, съ ненавистью относились къ установившемуся порядку вещей и мечтали о такомъ будущемъ, которое позволило бы и въ Россіи ввести либеральныя учрежденія запада.

Таково было, въ общихъ чертахъ, настроеніе русскаго правительства и общества въ данный періодъ. Остановимся на болѣе детальной характеристикѣ реакціоннаго направленія.

Реакція въ области политической мысли медленно входила въ сознаніе русскаго общества еще до 1812 года. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, она прежде всего оперлась на національное русское прошлое и въ образахъ его искала подтвержденія для исповѣдуемыхъ ею идей настоящаго. Первое проявленіе эти реакціонныя начала получили въ журнальной дѣятельности извѣстнаго издателя „Русскаго Вѣстника“ С. Н. Глинки.

Дѣятельность С. Н. Глинки выгодно отличается отъ современнаго ему патріотическаго реакціоннаго направленія двумя существенными чертами: во-первыхъ, нельзя сомнѣваться въ искренности его патріотизма. Ничто не побуждало Глинку, кромѣ личнаго порыва, личнаго рвенія,—скажемъ,—своеобразнаго призванія, къ выступленію на томъ поприщѣ дѣятельности, которое онъ избралъ; это выступленіе не было слѣдствіемъ вынужденной бездѣятельности удаленнаго отъ службы сановника, оно не сопровождалось надеждами получить должную награду за свой патріотизмъ. Проникнутый идеалами русской старины, Глинка ни у кого ничего не искалъ, ничего не просилъ. Онъ даже началъ проявлять свой патріотизмъ слишкомъ рано, когда опытные люди, напр. Растопчинъ, совѣтовали пылкому публицисту осторожность въ патріотическихъ сужденіяхъ. Это была эпоха франко-русской дружбы. Первоначально, дѣйствительно, Глинка даже подвергался непріятностямъ за свой патріотизмъ. Совсѣмъ въ противовѣсъ обычаямъ времени, Глинка не довелъ до свѣдѣнія двора о своихъ патріотическихъ начинаніяхъ, и императоръ Александръ I узналъ о его журналѣ изъ доклада французскаго посла Коленкура, обратившаго вниманіе императора на вредную для русско-французскаго союза публицистическую дѣятельность Глинки. И всю жизнь Глинка оставался вольнымъ литераторомъ, маленькимъ отставнымъ офицеромъ, жившимъ исключительно своими литературными трудами, ничего не имѣя, — буквально ни одной крѣпостной души. Онъ не пожелалъ быть владѣльцемъ душъ даже тогда, когда его другъ Каринъ подарилъ ему однажды свою Калужскую деревню. Глинка изорвалъ дарственную запись, сказавъ: „Не возьму; я никогда не буду имѣть человѣка, какъ собственность, и при томъ не понимаю сельскаго быта“. Такимъ безкорыстіемъ и презрѣніемъ къ матеріальнымъ выгодамъ Глинка отличался всю жизнь. Только впослѣдствіи, въ 1812 году, правительство отличило его патріотизмъ пожалованіемъ маленькаго ордена. Глинка самъ наполнялъ весь журналъ собственными статьями, имѣя весьма мало единомышленниковъ и разссорившись съ высокими своими покровителями, графомъ Растопчинымъ и княгиней Дашковой, которые хотѣли облагодѣтельствовать журналъ статьями, преслѣдовавшими чисто личный интересъ.

Другой особенностью публицистической дѣятельности Глинки было то, что его реакціонность не заходила слишкомъ далеко, не имѣла цѣли ниспроверженія всѣхъ тѣхъ благъ культуры, ко-

торыя общество пріобрѣло къ этому времени. Онъ не несъ знамя борьбы съ просвѣщеніемъ, не занимался доносами на „либералистовъ“. Однимъ словомъ, это былъ чистый, съ точки зрѣнія моральной, патріотизмъ, не подсказывавшій полиціи, кого изъ противниковъ надо посадить въ тюрьму, кого сослать. Увлеченіе Глинки невольно и теперь, какъ и среди современниковъ, вызываетъ ироническую улыбку читателя, но намѣренія его остаются внѣ подозрѣній.

Біографія Глинки и происшедшая въ его міровоззрѣніи метаморфоза—прекрасный образчикъ того мощнаго вліянія, которое событія того времени имѣли на умы современниковъ. Глинка—бѣдный смоленскій дворянинъ,—получилъ обычное въ то время образованіе въ Сухопутномъ Корпусѣ, куда онъ случайно попалъ, благодаря милости „матушки“ Екатерины; онъ вышелъ изъ корпуса, какъ и всѣ люди того времени, съ обрывками познаній о Западной Европѣ, преимущественно французской, и при полномъ незнакомствѣ съ русскимъ прошлымъ и русской дѣйствительностью. „До политики не касайся—это не твое дѣло, наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать, да веселиться“—такъ напутствовалъ молодого Глинку его благодѣтель извѣстный екатерининскій вельможа Л. А. Нарышкинъ. Съ этимъ наставленіемъ и бѣднымъ багажемъ изъ области литературы, исторіи и съ отрывочными свѣдѣніями о современныхъ французскихъ бурныхъ событіяхъ началъ свою карьеру будущій публицистъ. Онъ рано бросаетъ службу, превращается въ литератора—„съ довѣренностію и безусловной надеждой на Провидѣніе“. Пишетъ онъ сначала разныя пьесы преимущественно драматическаго характера на историческія темы, но безъ знанія исторіи. Пьесы эти совсѣмъ безцвѣтны и не могли создать автору ихъ литературной славы.

Но вдругъ въ Глинкѣ происходитъ переворотъ. Призывъ царскаго манифеста въ ополченіе 1806 года, появившіяся почти одновременно реакціонно-патріотическія брошюры Растопчина въ сильнѣйшей мѣрѣ повліяли на оформленіе воззрѣній Глинки. Онъ уходитъ въ ополченіе, хотя войны ему не пришлось увидѣть вслѣдствіе заключенія Тильзитскаго мира. Но теперь въ немъ произошло перерожденіе души „въ бытъ отечественный, въ бытъ русской“. Онъ вдругъ открылъ особое свойство русской души и „коренной образъ мыслей русскаго народа“. Случайно онъ у сычевскаго городничаго узналъ о существованіи

Несторовой лѣтописи, сталъ интересоваться русской древностью. Сама Москва въ его глазахъ пріобрѣла особое значеніе: „На каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ представляется мнѣ новый міръ, вызываемый воображеніемъ имъ прошедшаго. Словомъ, Москва явилась мнѣ въ своемъ подлинномъ видѣ, т. е. завѣтною живою лѣтописью земли Русской. Я спѣшилъ ознакомиться съ каждымъ ея памятникомъ, и каждый день для меня былъ новымъ открытіемъ, новымъ пріобрѣтеніемъ. Въ этомъ расположеніи духа задумалъ я издавать „Русскій Вѣстникъ“.

Все это привело Глинку къ мысли объ изданіи журнала, посвященнаго исключительно охватившимъ его теперь мыслямъ и чувствамъ. Нашелся издатель, и первое же объявленіе Глинки о новомъ журналѣ привело читающую публику въ недоумѣніе, вызвало разговоры въ обществѣ о томъ „русскомъ духѣ“, который намѣревался проповѣдывать журналистъ. Въ самомъ дѣлѣ, новый журналъ обѣщалъ сообщать читателямъ только то, что „непосредственно относится къ русскимъ“, что „можетъ услаждать сердца русскія“. Въ журналѣ предполагалось помѣщать статьи о „древнихъ временахъ Россіи“ и журналистъ объяснялъ при этомъ: „бесѣда съ праотцами, бесѣда съ героями и друзьями отечества питаетъ душу, и, сближая прошедшее съ настоящимъ, умножаетъ бытіе наше. Настоящее объясняется прошедшимъ, будущее—настоящимъ“. Редакторъ предполагалъ указать читателямъ на особый источникъ добродѣтелей—добродѣтели и нравы праотцевъ: въ этихъ добродѣтеляхъ заключается „особое воспитаніе“.

На страницахъ новаго журнала замелькали имена россійскихъ Мининыхъ, Пожарскихъ, Матвѣевыхъ, царей и великихъ князей и пространное дѣтски-наивное изображеніе древнихъ россійскихъ добродѣтелей. Съ пыломъ неофита, при совершенномъ убожествѣ познаній по части русской и всеобщей исторіи, сталъ Глинка описывать добродѣтели своихъ героевъ. Всѣ добродѣтели и доблести всего міра, въ его прошломъ и настоящемъ, были свойственны русскимъ предкамъ, которымъ во всемъ должны подражать ихъ потомки. На лицахъ русскихъ царей сіяли „добродѣтели Марка Аврелія“. Добродѣтели русскихъ богатырей, описанныя въ былинахъ, по словамъ Глинки, составлялись, напр., изъ слѣдующихъ качествъ: ненарушимости даннаго слова, смѣлости и неустрашимости духа, богобоязненности, скромности,

простоты нравовъ, усердія къ службѣ государевой. Кормчая книга представляется Глинкѣ „хранилищемъ божественныхъ и нравственныхъ преданій“, въ ней „заключается все то, на чемъ зиждется истинное благо каждаго человѣка и цѣлыхъ обществъ“. Бояринъ Матвѣевъ у Глинки разсуждаетъ о душѣ словами Локка и Кондильяка. Въ Московской Руси добродѣтели такъ высоко стояли, что Русь была просвѣщенной и до Петра Великаго. Глинка усиленно пытается доказать высокую степень просвѣщенія именно въ до-Петровскій періодъ. Это просвѣщеніе было особаго рода—связанное со страхомъ божіимъ и простотой нравовъ. Даже еще во времена Рюрика Россія была наиболѣе просвѣщенной въ Европѣ страной въ нравственномъ и политическомъ отношеніи; и позже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Русь не уступала никакимъ другимъ странамъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, въ законодательствѣ, въ чистотѣ нравовъ, въ жизни семейственной, въ благоденствѣ народа, который чтилъ праотеческій обычай, отечество, Бога и царя. „Возрастая въ страхѣ Божіемъ и простотѣ нравовъ,—говоритъ Глинка,—предки наши заимствовали всѣ понятія свои отъ наставленія отцовскаго и изъ духовныхъ книгъ. Они не спорили о какомъ то первобытномъ природномъ состояніи, о безпредѣльномъ усовершенствованіи ума человѣческаго, но старались исполнять обязанности человѣка, гражданина и христіанина“.

Отсюда и идеоломъ для настоящаго, извлеченнымъ изъ русскаго прошлаго, является подражаніе предкамъ нашимъ, ихъ праотеческимъ обычаямъ, почитаніе Бога и царя, любовь къ родинѣ.

„Русскій Вѣстникъ“ имѣлъ читателей и почитателей. Самъ Глинка съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ о тѣхъ овацiяхъ, которыя ему устроили студенты Московскаго Университета. Безспорно, въ замѣчательную годину 1812 года популярность Глинки возрастаетъ: онъ говорилъ читателю, какъ разъ то, что большинству было дорого. Но журналъ Глинки, кромѣ этого періода, не могъ имѣть широкаго распространеія. Преисполненный напыщенныхъ фразъ о русскомъ народѣ и его добродѣтеляхъ, журналъ по существу преслѣдовалъ узкіе дворянскіе интересы. Онъ пришелся по вкусу небольшому кружку фрондирующихъ вельможъ, жившихъ въ Москвѣ не у дѣлъ и ежедневно собиравшихся въ англійскомъ клубѣ для того, чтобы тамъ въ кругу

превосходительныхъ друзей высказывать свое порицаніе всему новому въ идейномъ отношеніи и свое неодобреніе правительственному курсу, каковъ бы онъ ни былъ. Отставные старички, которыхъ тогда много было въ Москвѣ, съ особенной охотой читали мысли Глинки. Но, когда идеологія Глинки перешла въ правящіе верхи, когда увеличилось число стариковъ, снова призванныхъ на службу въ Петербургъ, Глинка остался со своимъ журналомъ безъ читателей.

Изъ среды реакціонеровъ появились люди болѣе талантливые, чѣмъ простодушный Глинка, его вопли о старинѣ сдѣлались скучными, журналъ не возбуждалъ прежняго восторга. „Вызовы Минина, Пожарскаго и другихъ сторожиловъ лѣтописи,—съ грустной откровенностью признается самъ издатель,—утомляли слухъ. Духъ времени требовалъ освѣженія словесности". Но на это Глинка не былъ способенъ. Его мѣсто заняли другіе.

Эти другіе ввели новый элементъ рѣзкой борьбы съ просвѣщеніемъ, съ Наполеономъ и Франціей. Длинной чередой выступаютъ реакціонные журналисты. Любопытную особенность тогдашней журналистики представляетъ собою „Сынъ Отечества" Греча, начавшій выходить 1812 года. Воинственно-патріотическій тонъ его объясняется моментомъ появленія журнала: онъ посвящаетъ свои силы борьбѣ съ Наполеономъ и со всѣмъ тѣмъ, что тогда связывалось съ именемъ великаго завоевателя. „Въ то время,—говорится уже въ первомъ номерѣ журнала,—когда злобный разрушитель царствъ и престоловъ занесъ дерзкую ногу въ предѣлы благословенной земли Русской и тлетворнымъ дыханіемъ своимъ распространяетъ повсюду ужасъ, боязнь и недоумѣніе, каждый россіянинъ долженъ употреблять всѣ силы и способы свои для вящаго одобренія мужественныхъ, для возстановленія малодушныхъ, для изобличенія безстыднаго хищника во лжахъ и кощунствахъ его". Противъ Наполеона печатались филиппики въ такомъ родѣ: „Предчувствуй безсмертіе, тебя достойное! Предчувствуй, какъ и когда потомки будутъ клясться твоимъ именемъ. Ты возсѣдаешь на престолѣ своемъ среди блеска и пламени, какъ сатана въ средоточіи ада, препоясанъ смертью, опустошеніемъ, яростью и пламенемъ".

Или въ другомъ мѣстѣ тотъ же журналъ обращается къ Наполеону съ такою рѣчью: „трепещи, трепещи и блѣднѣй, да сокрушится желѣзное сердце твое, да изнеможетъ ужасная твоя

душа. Трепещи, возстаютъ отъ гробовъ древнія, почившія фуріи, приближаются къ тебѣ стопами медленными; озираются грозными, дальновидными очами своими страшныя богини ада, мстительницы и карательницы всякаго злаго дѣла, всякаго мрачнаго преступленія, возстаютъ устрашаютъ, преслѣдуютъ, смущаютъ тебя, доколѣ не погибнешь, доколѣ не исчезнешь съ лица земли". Съ точки зрѣнія этого журнала,—Наполенъ не болѣе какъ „гнусный тиранъ и убійца", его войска—„разбойники".

Этотъ журналъ высказывается не только противъ Франціи и Наполеона. Онъ проникнуть глубоко реакціоннымъ направленіемъ. Онъ борется противъ мудрованія философіи, которое прилично „только высокомѣрнымъ безумцамъ, основавшимъ оное на зыбкихъ пескахъ людского мнѣнія"; эта философія представляетъ собой" развратныя правила, сей ядъ душевный", который заключается въ книгѣ и въ школьномъ обученіи. Особенно вредоноснымъ орудіемъ является свобода книгопечатанія. Онъ говоритъ, что, пока не было свободы печати во Франціи, она произвела великихъ писателей, поэтовъ, но въ періодъ свободы книгопечатанія начался вѣкъ просвѣщенія, который „покрылъ вселенную мракомъ ложной философіи, въ которомъ Вольтеры, Руссо, Монтескье, Дидероты, блистали на подобіе всепожирающихъ молній". Французская революція подобна звѣринцу, въ которомъ спущены кровожадные звѣри.

„Вѣстникъ Европы", державшійся въ этотъ періодъ довольно спокойно и тотъ помѣщаетъ статью, переведенную изъ Шатобріана „Изображеніе Бонапарта", которая наполнена рѣзкой характеристикой императора французовъ: „Къ тебѣ, сынъ злополучія, обращаемся нынѣ съ тою же рѣчью и тѣмъ же допросомъ. Отвѣчай. Гдѣ Франція блестящая и торжествующая? Гдѣ наши сокровища, милліоны Италіи и всей Европы"? Перечисливъ цѣлый рядъ преступленій бывшаго императора французовъ, авторъ злорадствуетъ по поводу его несчастья и заявляетъ, что весь родъ человѣческій именемъ вѣры, свободы и добродѣтели требуетъ мщенія.

Вліяніе перелома, реакціоннаго поворота, созданное въ русскомъ обществѣ эпохой великой борьбы съ Франціей, отразилъ на себѣ и этотъ спокойный журналъ. „Герой вѣка" имѣлъ смѣлость приступить къ стѣнамъ русской столицы. Но что онъ могъ принести русскому народу? Вѣдь этотъ народъ отличался „жиз-

нію, достоинствомъ свободой человѣка наслаждались мы въ полной мѣрѣ, дозволенной свойствомъ вещей и порядкомъ общества. Свобода говорить, свобода писать, обезпеченіе собственности и правъ гражданина, залогъ общей безопасности въ основаніяхъ древней монархіи, освященной любовію народа, терпимость мнѣній касательныхъ до вѣры и независимость во всѣхъ родахъ жизни приносили намъ благосостояніе неоспоримое". Отсюда съ точки зрѣнія журналиста вполнѣ понятно, что русскіе не могли желать власти французовъ и Наполеонъ, внося завоеваніе, не могъ на это разсчитывать.

Борьба съ Наполеономъ одно время поддерживалась даже каррикатурами. Такъ, въ свое время были извѣстны такъ называемыя теребеневскія каррикатуры, по имени художника ихъ исполнявшаго. Онѣ отличались грубой посредственностью: все ихъ немудреное содержаніе заключалось въ грубой насмѣшкѣ надъ побѣжденнымъ врагомъ, онѣ стремились возбудить къ нему ненависть въ народѣ. Въ одномъ изъ народныхъ листковъ Наполеону приписывается, напр., цѣлый рядъ непріятныхъ внѣшнихъ чертъ: лицо у него скуловатое, мрачное, съ навислымъ лбомъ, съ коварно-злобнымъ огнемъ въ глазахъ, съ длинно-покляпымъ носомъ, съ вѣчно мертвой улыбкой и тому подобнымъ; таковъ портретъ Наполеона.

Особеннымъ вниманіемъ у реакціонныхъ журналистовъ пользовались вопросы воспитанія. Еще авторъ книги „Доказательство тому, что умъ безъ разума бѣда", вышедшей въ 1806 году, уже посвящаетъ цѣлую главу „о лучшемъ средствѣ воспрепятствовать уму быть бѣдой для человѣка". Въ этой главѣ онъ хвалитъ мудрую цензуру и требуетъ установленія ея, очевидно усиленія, по отношенію къ книгамъ, издающимся для школы. Проэктируя новый особый типъ школы, авторъ между прочимъ совѣтуетъ пересмотрѣть всѣ „мнимыя знанія" и оставить только тѣ изъ нихъ, которыя окажутся „истинными знаніями". Отъ многихъ книгъ, наполненныхъ пустословіемъ да старыми и новыми заблужденіями, происходитъ „разное несчастное слѣдствіе, а паче безбожіе и гражданское беззаконіе". Поэтому новая россійская школа должна быть избавлена между прочимъ отъ „оковъ подражанія". Но этотъ авторъ сравнительно мягокъ еще въ своихъ требованіяхъ и воззрѣніяхъ. Многіе журналы, выходившіе послѣ войны, рѣзче призывали на борьбу съ просвѣщеніемъ. Таковъ,

напр. „Демокритъ“ (1815 г.); его задача—борьба съ либеральными идеями и съ источникомъ ихъ. По мнѣнію „Демокрита“, лучшее воспитаніе это то, въ которомъ ни одинъ университетъ не принималъ участія: для образованія достаточно „всещедрой“ природы. Для образованнаго человѣка достаточны „врожденная тихость и умѣренность въ желаніяхъ“, отсутствіе „мечтательнаго умствованія“.

Невзоровъ, вышедшій изъ мистической школы Лопухина, издаетъ журналъ подъ названіемъ „Другъ Юношества“. Журналъ издавался подъ ближайшимъ покровительствомъ попечителя Московскаго учебнаго округа Муравьева и былъ посвященъ педагогическимъ вопросамъ. Невзоровъ былъ человѣкъ обширнаго образованія. Но въ его педагогическихъ взглядахъ преобладала боязнь новой философіи и западно-европейскаго образованія. Онъ недоволенъ развитіемъ въ университетахъ преподаванія классическихъ литературъ и совѣтуетъ замѣнить ихъ изученіемъ псалмовъ Давида; онъ совѣтуетъ съ большой осторожностью обращаться къ западно-европейской наукѣ, предпочитая подражаніе простодушію предковъ. Тотъ же Невзоровъ въ 1813 году берется за продолженіе изданія другого журнала, подъ названіемъ „Политическій Журналъ“, издававшійся уже отъ Университета, и наполняетъ его статьями противъ Наполеона и Франціи.

Другой журналистъ, Измайловъ, издаетъ въ 1814 году журналъ подъ названіемъ „Патріотъ“, съ цѣлью проповѣдывать особый типъ патріотическаго воспитанія.

Всѣ эти бѣглыя указанія характеризуютъ намъ новыя явленія въ тогдашнемъ обществѣ. Оно было охвачено броженіемъ, оно было недовольно настоящимъ, въ немъ разбились признанные идеалы и въ своеобразномъ національномъ, въ стремленіи снять съ себя вліяніе и воздѣйствіе тлетворнаго Запада оно искало выхода. Извѣстный впослѣдствіи С. С. Уваровъ въ письмѣ къ знаменитому Штейну (1813 г.) такъ характеризуетъ настроеніе окружающаго общества: „Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т. е. огня, который не жжетъ. Другіе—и это большая часть—сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, мечты Ш. (Шишкова) и открытія Лейбница. Наконецъ, это такой хаосъ воплей, страстей, ожесто-

ченныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно даже выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе".

Журналистика отражала тѣ явленія, которыя и въ жизни охватывали значительную часть общества. Появляются салоны, выдвигаются отдѣльные столпы реакціи,—все это съ теченіемъ времени объединяется подъ эгидой Россійскаго Библейскаго Общества.

Къ числу крупныхъ представителей реакціонно-націоналистическаго направленія надо прежде всего отнести салонъ великой княгини Екатерины Павловны, имѣвшей свою резиденцію въ Твери. Сама великая княгиня была женщина весьма образованная, она отлично знала русскій языкъ, интересовалась русской литературой и собирала вокругъ себя ея представителей. Въ ея салонѣ можно было встрѣтить Карамзина, И. И. Дмитріева, Растопчина и многихъ другихъ. Здѣсь впервые была прочитана знаменитая „Записка" Карамзина о старой и новой Россіи и отсюда началось постепенное приложеніе взглядовъ ея къ внутренней политикѣ государства. Великая княгиня имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла, потому что императоръ Александръ прислушивался къ ея мнѣнію и неоднократно требовалъ, чтобы она высказывала его; переписка между ними была настолько интимна, что многія письма даже уничтожались, важнѣйшія письма пересылались при вѣрной оказіи со всякими предосторожностями. Иногда государь пріѣзжалъ спеціально къ сестрѣ для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ. Отправляясь въ 1810 году въ Тверь, государь составляетъ конспектъ разговора съ сестрой. По этому конспекту видно, что государь предполагалъ говорить съ ней о политикѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, о внутреннемъ управленіи, въ томъ числѣ о планахъ Сперанскаго, о предполагаемыхъ реформахъ и проч. Къ салону великой княгини были близки наиболѣе видные столпы реакціи.

Застрѣльщикомъ реакціонной политики въ высшихъ сферахъ является извѣстный адмиралъ Шишковъ. Это былъ человѣкъ безспорно честный, фанатикъ исповѣдываемыхъ имъ идей. Многія условія жизни подготовили въ немъ человѣка, недовольнаго реформаціонной дѣятельностью правительства. При сильно развитомъ служебномъ самолюбіи, его преслѣдовали неудачи по службѣ. Не

выдвинувшись на поприщѣ морской службы, онъ отдается изученію россійской словесности, знакомится съ русской стариной и увлекается языкомъ богослужебныхъ книгъ. Онъ съ ревностью неофита отдается разнымъ археологическимъ изысканіямъ и тутъ, благодаря своей неподготовкѣ, онъ дѣлаетъ рядъ прямодушныхъ открытій, которыя сдѣлали его имя смѣшнымъ въ исторіи нашего слога. Въ немъ безсознательно въ неопредѣленномъ видѣ зародилась та самая политическая формула—православіе, самодержавіе и народность—которая потомъ была такъ развита преемникомъ Шишкова по Министерству Народнаго Просвѣщенія, извѣстнымъ дѣятелемъ Николаевскаго періода С. С. Уваровымъ.

Шишковъ раньше другихъ прозрѣлъ въ реакціонномъ направленіи, но какъ человѣкъ, знающій придворные обычаи, понималъ, что несвоевременно было тогда высказываться. Наиболѣе раннимъ произведеніемъ его въ этомъ родѣ было извѣстное „Разсужденіе о любви къ отечеству“, но онъ не рѣшался, по его собственнымъ словамъ, своевременно опубликовать его: „Времена казались мнѣ такія, что я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванства посланника его Коленкура, а при томъ зная и неблаговоленіе ко мнѣ государя императора, опасался, чтобы не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе безъ воли правительства возбуждать гордость народную“. Только въ 1811 году онъ произноситъ это свое разсужденіе въ извѣстномъ тогда литературномъ кружкѣ — Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова. Дѣйствительно, теперь время было другое: на чтеніи присутствовало все высшее общество столицы и разсужденіе имѣло выдающійся успѣхъ. Рѣчь Шишкова—былъ первый публичный успѣхъ реакціоннаго направленія.

Въ лицѣ Шишкова реакція пріобрѣтаетъ оригинальнаго борца. Его археологическія идеи, своеобразные филологическіе выводы тѣсно сплелись съ его идеями о необходимости борьбы съ „развращеннымъ Западомъ“. Шишковъ защищаетъ старый стиль и нападаетъ на поклонниковъ новаго стиля. Новый стиль есть проявленіе всякаго рода новшествъ, а потому приверженность къ нему есть признакъ неблагонамѣренности и отсутствія любви къ отечеству.

Въ своемъ разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ Шишковъ рисуетъ мрачную картину подражательности русскихъ, ихъ увлеченія всѣмъ иностраннымъ: мы у французовъ учимся всему—

какъ ходить, стоять, одѣваться, какъ сморкаться и кашлять. „Однимъ словомъ, французы запрягли насъ въ колесницу, сѣли въ оную торжественно и управляютъ нами, а мы ихъ возимъ съ гордостью“,—замѣчаетъ онъ съ горечью.

Поэтому Шишковъ нападаетъ на „развратные нравы, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ такого пролитія крови, понынѣ еще во Франціи гнѣздятся“.

Такъ, споръ о слогѣ переходитъ на почву политическую: старый слогъ—національное и политическое наслѣдіе русскаго народа. „Почему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете подумать о нихъ безъ крайняго отвращенія? Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали царей и законы (при этомъ подразумѣвалось, само собою, что защитники новаго слова не тверды въ вѣрѣ и не „почитаютъ“ царей и законовъ); свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе и пр. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная власть, вѣрность, гостепріимство и иныя многія достоинства ихъ украшали“. Поддержать эти достохвальныя качества необходимо. Для этой цѣли, по мнѣнію Шишкова, слѣдуетъ поддерживать въ обществѣ вѣру, проводить воспитаніе въ духѣ противодѣйствія новшествамъ и особенно поддерживать славянскій языкъ. Языкъ отражаетъ въ себѣ политическое настроеніе народа: языкъ—душа народа, зеркало нравовъ, гдѣ нѣтъ въ душѣ вѣры, тамъ нѣтъ въ душѣ благочестія. „Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ: языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ“.

Русскій народъ обладаетъ такимъ языкомъ, который дѣлаетъ этотъ народъ выдающимся: это народъ избранный Богомъ,—„сосудъ—Его благодати“. Разумѣется такой народъ не нуждается въ свободѣ мысли и слова. Шишковъ постоянно борется съ просвѣщеніемъ и свободой печати: „Слово, хитростью ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ... При малѣйшемъ нерадѣніи блюстителей нравовъ, оно обезоруживаетъ ихъ строгость, смягчаетъ суровость... тысячами путей те-

четъ распространять языкъ страстей и лжи, который чѣмъ больше даруетъ умовъ, тѣмъ громче, дерзостнѣе и безстыднѣе становится". Примѣромъ такого вѣка былъ вѣкъ просвѣщенный философіей, который кончился убійствами, потрясеніемъ правительствъ, безвѣріемъ, потоками крови. Только „поборники по злочестію", безбожники, разрушители вѣры, престоловъ, чести проповѣдуютъ свободу книгопечатанія, которая въ дѣйствительности есть свобода „страстей и безумія". Отсюда слабость цензуры является причиной мятежей, революцій, цареубійствъ и безбожій. Науки и просвѣщеніе распространяютъ этотъ ядъ посредствомъ университетовъ и печати.

Такъ въ ученіи Шишкова мы встрѣчаемъ цѣлый кодексъ реакціоннаго націонализма. Борясь съ заимствованіями съ Запада, онъ недоволенъ также и дѣятельностью Петра Великаго, который не предусмотрѣлъ всѣхъ послѣдствій сближенія съ Западомъ: „вмѣстѣ съ полезными искусствами и науками допустилъ войти мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ коренные обычаи и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося въ насъ пристрастія ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка ваша (это писалось государю) напослѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ, но то уже было поздно и требовало немалыхъ и долговременныхъ усилій".

Въ лицѣ знаменитаго графа Растопчина реакція достигала наивысшаго напряженія. Графъ Растопчинъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ вельможъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ. При Екатеринѣ онъ быстро подвигался по службѣ, а при Павлѣ онъ сдѣлался настолько вліятельнымъ и необходимымъ для императора, что одно время имѣлъ на него сильнѣйшее вліяніе. Павелъ давалъ ему самыя разнообразныя порученія и подарилъ цѣлое состояніе въ 3000 крестьянъ и 33,000 десятинъ земли. При Павлѣ онъ держался смѣлостью своихъ сужденій и недюжинной способностью говорить каламбуры. Правда, незадолго до кончины Павла этотъ его вѣрный слуга былъ удаленъ самимъ государемъ. Съ тѣхъ поръ онъ до двѣнадцатаго года живетъ въ своемъ подмосковномъ помѣстьѣ Вороновѣ, занимаясь частью земледѣльческими опытами, частью выступая передъ публикой съ тѣми или другими литературными произведеніями, иногда печатными, иногда рукописными. Въ этихъ произведеніяхъ многое обращаетъ на себя вниманіе: оригинальный слогъ, нѣсколько поддѣлывавшійся подъ

народный, оригинальность и рѣзкость сужденій. Несмотря на свое положеніе отставного вельможи, Растопчинъ имѣлъ большое вліяніе, и въ 1812 году, когда консервативные элементы весьма нужны были для поддержанія ненависти ко всему французскому, онъ былъ призванъ на отвѣтственный постъ главнокомандующаго Москвы. На этомъ поприщѣ онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность. Онъ понялъ значеніе момента, и въ его лицѣ Москва получила въ высшей степени дѣятельнаго главнокомандующаго, при томъ постоянно вращавшагося среди простонародія столицы. Онъ поддерживалъ духъ населенія, разжигалъ въ немъ ненависть къ французамъ, издавалъ свои знаменитыя „афишки“ съ сообщеніями о военныхъ дѣйствіяхъ и съ цѣлью воздѣйствовать на населеніе; ему же не безъ основанія приписываютъ пожаръ столицы. Впрочемъ, вскорѣ послѣ войны, когда населеніе столицы съ прискорбіемъ возвратилось на пожарище, популярный главнокомандующій потерялъ свой прежній престижъ; потерялъ онъ и довѣріе государя, снова выйдя въ отставку. Тогда уже онъ поселился въ Парижѣ, среди тѣхъ же французовъ, которыхъ такъ онъ бранилъ, и здѣсь былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей.

Реакціонное направленіе Растопчина—самое простое и безхитростное; онъ не подкрѣпляетъ его ни археологіей, ни философіей, ни религіей. Это—просто ненависть къ французамъ и всему французскому. Самъ воспитанный на французскій манеръ, онъ ненавидѣлъ французовъ и ругалъ ихъ на чисто французскомъ языкѣ. Для широкой публики онъ издастъ нѣсколько брошюръ, которыя имѣютъ небывалый успѣхъ. Таковы „Мысли вслухъ на красномъ крыльцѣ Ефремовскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева“, или „Вѣсти или убитый живой“, „Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго“ и нѣк. др.

Безспорно, Растопчинъ обладалъ недюжиннымъ юморомъ, переходившимъ иногда въ злую и грубую шутку. Такого рода литературный тонъ отличался новизною и оригинальностью, языкъ—энергіей простонародной русской рѣчи. Такъ, въ своихъ брошюрахъ Растопчинъ не разъ возмущается, по своему, привычкой русскаго дворянства воспитывать дѣтей у французскихъ гувернеровъ. „Господи помилуй! —разсуждаетъ герой Растопчина Сила Богатыревъ, — да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли намъ опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и плюнувъ, сказать французу: „сгинь ты, дья-

вольское навожденіе! ступай въ адъ, или во свояси, все равно, только не будь на Руси". Онъ возмущается тѣмъ, что русскіе бары предпочитаютъ воспитателя француза: такіе воспитатели не могутъ дать воспитанникамъ должнаго направленія: „какъ имъ стоять за вѣру, царя и отечество, когда они закону Божію не учены и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей?"—разсуждаетъ Растопчинъ о французскомъ наставникѣ. Онъ возмущается тѣмъ, что русскіе предпочитаютъ все французское, а между тѣмъ вовсе не стыдно быть русскимъ—„ходи носъ вверхъ". Правда, самъ Растопчинъ, какъ и всѣ другіе, при своихъ сыновьяхъ держалъ французскихъ воспитателей, съ ними у него выходили какія-то непріятности и въ горѣ онъ жалуется своему другу князю Ціціанову: „Какое несчастье, что Петръ Первый насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить этимъ нечестивымъ языкомъ".

Иронизируя надъ увлеченіями русскихъ, Растопчинъ издѣвается и надъ французами: „въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники". Эти „плуты" и „разбойники" надѣлали у себя на родинѣ удивительныхъ дѣлъ: „стали умствовать", „законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили"... „Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ". Не забывалъ Растопчинъ и самого Наполеона. Онъ представляетъ его въ каррикатурномъ видѣ: „мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни видѣнія, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ", характеризуетъ Растопчинъ Наполеона.

Вообще, въ представленіи Растопчина—всѣ націи невыгодно отличаются отъ русскаго мужика. Этотъ взглядъ онъ даже переносилъ въ область сельско-хозяйственной техники. Онъ началъ было примѣнять англійскую систему хозяйства, выписывалъ машины, но опыты были неудачны, и Растопчинъ съ удовольствіемъ повторяетъ отзывъ своего мужика Проньки о выписанныхъ англійскихъ работникахъ: „имъ противъ насъ не вынести; у нихъ кишка-то пожиже".

Какъ и другіе консерваторы, Растопчинъ занятъ вопросомъ объ утилизаціи народнаго труда и рѣзко высказывается противъ взглядовъ о необходимости раскрѣпощенія крестьянъ. Такъ, онъ

писалъ возраженія на извѣстную книгу графа Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“. Онъ возмущается закономъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, изданныхъ по проэкту графа Румянцева и заподозрѣваетъ графа въ стремленіи къ личнымъ выгодамъ: „Вотъ еще доказательство—пишетъ онъ по этому поводу Ціціанову,—какъ сильно надъ умами, тѣлами и душами, дѣйствуетъ дворцовый гальванизмъ. Румянцеву вѣрно захотѣлось или въ 4-й разъ въ службу или двухъ аршинъ голубой ленты. Но, увы, отправленъ табакеркою“.

Усматривая вездѣ проявленіе иноземнаго вліянія и иноземныхъ идей, Растопчинъ готовъ всѣ государственныя неудачи приписать этому вліянію. „Господи помилуй,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ 1806 года: Какъ я ни люблю свое отечество и, какъ ни разрываюся, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бѣсило; ибо вижу, что кромѣ Бога, никто не можетъ. Все рушится, все падаетъ и задавитъ лишь Россію. Флота нѣтъ. Въ мирное время, годъ назадъ, 4-хъ милліоновъ доходовъ недостало. Въ арміи генераловъ и офицеровъ нѣтъ, и въ солдатахъ духу много нерусскаго. Соли въ трехъ губерніяхъ нѣтъ, губернаторовъ мужики бьютъ, все крадетъ. До того дошло, что прокуроровъ опредѣляютъ изъ нѣмцевъ“. И въ болѣе раннемъ письмѣ по другому поводу Ростопчинъ съ грустью вспоминаетъ о всеисцѣляющемъ средствѣ, которое теперь позабыли—о Петровской дубинкѣ: „Пора вынуть его дубинку изъ кунсткамеры“.

Въ рѣзкихъ штрихахъ опредѣляя отрицательныя черты современнаго настроенія общества, Растопчинъ, однако, не заботится о томъ, чтобы представить положительный съ его точки зрѣнія идеалъ. Впрочемъ, этотъ идеалъ несложенъ, насколько можно замѣтить. Героя своихъ памфлетовъ Растопчинъ опредѣляетъ такъ: „Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненый на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ Георгіевскій и Владиміровскій“. Потребовало правительство сбора милиціи, Богатыревъ уже хлопочетъ, а у него два сына, братъ и племянникъ на войнѣ. Однимъ словомъ, русскія доблести сводятся къ очень простому опредѣленію: дворянство, набожность, патріотизмъ, преданность государю и военная храбрость. Надо любить родину и гордиться ею, такъ какъ русскіе во всѣхъ отношеніяхъ лучше иноземцевъ. „Русская земля намъ не мачиха“—разсуждаетъ Растопчинъ, все

есть у насъ „въ нашей родной колыбели“, нужно только, чтобы было „у насъ горячее къ ней сердце, да обнимала бы ее покрѣпче душа русская“. Вотъ эта-то „душа русская“ и является тѣмъ положительнымъ идеаломъ, который проповѣдываетъ Растопчинъ. Въ одной маленькой брошюрѣ, озаглавленной „Письмо Вѣникова къ Богатыреву и отвѣтъ Богатырева Вѣникову“, имѣющей въ сильной мѣрѣ автобіографическій характеръ, Растопчинъ признаетъ, что въ его произведеніяхъ доставалось и модамъ, и мадамамъ, и сплетнямъ, и зараженнымъ заморскими проказами; авторъ вездѣ говорилъ о Россіи, „какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ“. Но такое отношеніе какъ разъ и вызывало къ автору въ публикѣ непріязненное отношеніе.

Въ лицѣ Шишкова, Растопчина и многихъ другихъ говорили публицисты, принадлежавшіе сами къ правительственному классу и въ извѣстной мѣрѣ направлявшіе правительственный курсъ. Отсюда понятно значеніе ихъ публицистическихъ опытовъ. Но среди публицистовъ того времени былъ одинъ, вліяніе котораго сказалось несомнѣнно болѣе мощно, чѣмъ вліяніе другихъ его современниковъ, хотя этотъ публицистъ и не принадлежалъ къ правящей бюрократіи. Мы имѣемъ въ виду знаменитаго Н. М. Карамзина. Карамзинъ—очень хорошій показатель настроенія общества. Будучи въ основѣ своихъ убѣжденій человѣкомъ умѣреннаго образа мыслей и при томъ не совсѣмъ постояннымъ, онъ обладалъ чутьемъ писателя, и въ своихъ статьяхъ и запискахъ вѣрно схватывалъ настроеніе общества, часто въ тотъ моментъ, когда оно не для всѣхъ было еще ясно, и своимъ выразительнымъ, точнымъ, красивымъ языкомъ онъ умѣлъ передавать идеи, чувства, которыми проникалось современное ему общество; наконецъ, онъ самъ проникался этимъ настроеніемъ, самъ переживалъ его и старался разобраться въ окружающихъ его сложныхъ явленіяхъ. Трудно сочувствовать идеаламъ Карамзина, но нельзя не отдать ему справедливости, какъ публицисту эпохи, какъ умѣлому выразителю настроеній большинства. Онъ умѣлъ продумывать это настроеніе и не доходилъ до тѣхъ абсурдныхъ крайностей, до которыхъ доходили слѣпые реакціонеры эпохи. Не даромъ со стороны послѣднихъ на благонамѣреннѣйшаго Карамзина сыпались доносы въ распространеніи якобинскаго духа.

Значеніе Карамзина, какъ публициста реакціоннаго направленія вообще отличается многосторонностью. Его авторитетъ

поддерживался высокимъ значеніемъ его, какъ литератора и какъ историка. Многимъ современникамъ казалось, что онъ перешелъ отъ либерализма къ реакціонному направленію; такой переходъ только казался, потому что въ дѣйствительности его не было, но и кажущійся переходъ столь виднаго ума придавалъ особенную силу его реакціоннымъ взглядамъ. Наконецъ, Карамзинъ чрезвычайно вѣрно понялъ настроеніе общества. Онъ выступилъ не слишкомъ рано, какъ это сдѣлалъ Глинка, частью Растопчинъ и др., когда голосъ реакціоннаго публициста еще терялся среди либеральнаго настроенія общества; Карамзинъ выступилъ и не слишкомъ поздно, когда реакція уже оформилась, планъ борьбы выработался, созрѣлъ и, когда слово и очень даже популярнаго публициста и литератора могло затеряться среди массы соратниковъ. Мало того, Карамзинъ, выступилъ привнеся въ реакцію несомнѣнно новую струю: онъ заговорилъ тономъ независимаго человѣка, а это всегда производитъ сильное впечатлѣніе.

Во все продолженіе своей литературной дѣятельности Карамзинъ неоднократно, съ самаго начала своей дѣятельности, вторгался въ область публицистики, стараясь примѣнить свои взгляды къ существующимъ теченіямъ, но на него долгое время не обращали никакого вниманія. Царствованіе Павла онъ встрѣтилъ стихами. Вступилъ Александръ I на престолъ—и онъ получилъ оды Карамзина. Прочелъ Карамзинъ въ царскомъ манифестѣ обѣщаніе править по уму и сердцу бабки,—и онъ пишетъ похвальное напыщенное слово Екатеринѣ II, которымъ онъ хочетъ начертать программу новаго царствованія. Онъ хвалитъ первые указы новаго правительства и проч. Но всѣ эти выступленія проходили незамѣченными. Теперь онъ хвалилъ все то, что съ такой рѣзкостью порицалъ въ своей знаменитой „Запискѣ“.

Во всякомъ случаѣ въ этихъ сужденіяхъ ранняго времени нѣтъ критическаго отношенія къ реальной дѣйствительности. Статьи заполнены выспренными фразами: „небесная благость монарха“, „безсмертные“ указы царя и т. п. Онъ подбираетъ цѣлые ряды льстивыхъ словъ для характеристики первыхъ министровъ: это умнѣйшіе люди въ свѣтѣ, достойнѣйшіе россіяне, ревностные патріоты, министры называются имъ не иначе какъ „добродѣтельными“, способными облагодѣльствовать и просвѣтить россіянъ. Его публицистическія статьи этого періода—это оды въ прозѣ, приторныя, напыщенныя и безцвѣтныя.

Это и понятно: публицистъ говорилъ не то, во что самъ вѣрилъ, чему поклонялся. Онъ былъ болѣе искреннимъ, когда въ то же самое время въ другихъ статьяхъ говорилъ о „гибельной вольности“, о невозможности порядка „безъ власти самодержавной“. Этимъ объясняется по существу устойчивость Карамзинской политической идеологіи. Это былъ писатель, въ глубинѣ души привязанный къ буржуазному настоящему и прошлому и способный искренно говорить тогда только, когда затрогивались интересы этого настоящаго и прошлаго. Карамзинъ писалъ панегирики, пока думалъ ими снискать себѣ милости двора. Даже полученное имъ званіе исторіографа мало его удовлетворяло. Надо читать письма Карамзина къ женѣ и друзьямъ изъ Петербурга, когда онъ поѣхалъ туда хлопотать объ изданіи первыхъ томовъ „Исторіи“. Эти письма являются лучшей характеристикой Карамзина. Онъ весьма чутокъ ко всякому проявленію вниманія къ себѣ со стороны вельможъ и другихъ видныхъ людей: на ряду съ извѣстіями женѣ о состояніи желудка, вслѣдствіе многочисленныхъ приглашеній на обѣды, Карамзинъ сообщаетъ ей о своихъ встрѣчахъ, о ласкахъ двора и въ то же время терзается долгимъ ожиданіемъ свиданія съ государемъ. Когда казалось, что ему не удастся добиться милости государя, что его „не удостоятъ лицезрѣнія“, и онъ иногда фрондировалъ. „Не мое дѣло умножать число анненскихъ кавалеровъ при дворѣ“, пишетъ онъ въ такую минуту въ одномъ изъ писемъ къ женѣ. А немного ранѣе онъ писалъ ей же по поводу своихъ неудачъ: если государь откажетъ въ пріемѣ, то придется забыть Петербургъ, и съ чувствомъ заявляетъ: „докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость“. Зато надо читать письмо, исполненное дѣтской радости, когда Карамзинъ, наконецъ, удостоился возложенія на него государемъ той же самой анненской ленты, о которой онъ говорилъ съ такимъ презрѣніемъ. Немного обласканный (по протекціи Аракчеева), онъ уже пишетъ князю Вяземскому: „я почти влюбленъ въ царскую фамилію“.

Отсюда понятенъ и тотъ кажущійся налетъ либерализма, которымъ какъ будто проникнуты ранніе публицистическіе опыты Карамзина: онъ исходилъ не изъ искренняго убѣжденія и замѣнялъ искренность фразою. По существу, въ біографіи Карамзина нельзя указать такого момента, когда онъ хотя бы временно увлекался свободными идеями. Впрочемъ, слѣдуя теченію, Ка-

рамзинъ читалъ и тѣхъ писателей, которые поддерживали либеральное настроеніе въ обществѣ. Онъ вмѣстѣ съ женой читаетъ произведенія г-жи Сталь, но онѣ вызываютъ въ немъ лишь иронію: „мадамъ Сталь достойна носить штаны на томъ свѣтѣ“,— иронизируетъ онъ въ письмѣ къ своему другу князю Вяземскому.

Политическая идеологія Карамзина всегда отличалась удивительной простотой и буржуазной ясностью, взглядъ его проникнутъ житейскимъ практицизмомъ. „Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякихъ перемѣнъ и живутъ тихо“—вотъ его основной лозунгъ, изъ котораго логически слѣдуетъ совѣтъ народамъ: „паситесь, мирные народы, блага развитія спадутъ на васъ безъ борьбы, какъ манна съ небесъ“. Человѣкъ стремится къ спокойной жизни и къ использованію этого покоя въ цѣляхъ эгоистическихъ, личныхъ. Въ такомъ человѣкѣ всякая мысль о борьбѣ вызываетъ отрицательное отношеніе. Отсюда и встрѣчающіяся въ письмахъ Карамзина признанія въ его симпатіяхъ къ конституціи и къ либеральнымъ идеямъ являются случайнымъ налетомъ, противорѣчащимъ реальному содержанію его міровоззрѣнія. Въ основѣ своихъ воззрѣній онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ всякаго рода экспериментовъ въ области государственной жизни. Въ письмѣ къ своему другу князю Вяземскому Карамзинъ проводитъ мысль „одного умнаго человѣка“, съ которой онъ, конечно, соглашается: „я не люблю молодыхъ людей, которые не любятъ вольностей; но не люблю и пожилыхъ людей, которые любятъ вольность“. Отсюда и понятно его заключеніе въ томъ же письмѣ: ему пріятнѣе идти въ комедію, нежели въ палату депутатовъ, „хотя я въ душѣ республиканецъ и такимъ умру“.

Отсюда понятно и отношеніе Карамзина къ революціи и Европѣ. Будучи на Западѣ въ 1790 году, въ знаменательный моментъ разгара революціонныхъ страстей, онъ не замѣтилъ новыхъ движеній, новой политической жизни; всѣ его симпатіи остались на сторонѣ французской неограниченной монархіи и аристократіи. Революція для него только бунтъ, и Карамзинъ высказываетъ сентиментальную скорбь о произведенныхъ ею разрушеніяхъ. Для него совершенно безразлична форма правленія. Онъ повторяетъ неопредѣленныя фразы о необходимости добродѣтели для жизни человѣческой и, когда добродѣтели будутъ сознаны, „тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ

насладится мирнымъ благополучіемъ жизни". Отсюда только и остается, по его совѣту, предать „себя во власть Провидѣнія". Съ точки зрѣнія Карамзина, революція даже служитъ доказательствомъ того, что прежній порядокъ былъ лучше. Эту точку зрѣнія Карамзина подтверждаетъ слѣдующая тирада, находящаяся въ статьѣ „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени": „Революція объяснила идеи, мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже и въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписать законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ;.... что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума, и что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенство гражданскихъ обществъ". По убѣжденію Карамзина, французская революція, вмѣсто того, чтобы ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Съ половины XVIII в. всѣ лучшіе умы желали измѣненія общественнаго устройства; всѣ недовольные зломъ настоящаго мечтали объ измѣненіяхъ; всѣ ждали бури и, когда „грянулъ громъ во Франціи, — говоритъ Карамзинъ, — мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ". Чѣмъ же кончилась эта эпоха волненій и политическихъ переворотовъ, по словамъ Карамзина?—Убѣжденіемъ, что status quo лучше всего, и что всякая перемѣна вредна. „Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новизнѣ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ". Такимъ образомъ, по словамъ Карамзина, революція была тяжелою эпидеміей, не принесшей никакой пользы человѣчеству.

Этимъ отношеніемъ ко всякаго рода нововведеніямъ, въ какой бы странѣ онѣ не происходили, объясняется рѣзкое отрицательное отношеніе Карамзина къ мысли о введеніи конституціи въ Россіи. Въ перепискѣ съ княземъ Вяземскимъ онъ не разъ гово-

ритъ объ этомъ съ полной откровенностью: „дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье, или вашего ученаго Линде учить грамотѣ по ланкастерской методѣ. Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республиканское правленіе было жизнью Рима. Эксперименты не годятся въ такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе".

Къ концу жизни своей ненависть къ либеральнымъ движеніямъ доходитъ въ немъ до страстныхъ филиппикъ. Вотъ, напр., характерный отрывокъ изъ статьи „Мысли объ истинной свободѣ", относящейся къ послѣднему году жизни Карамзина: „Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты, кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностью? Вы всѣ авгуры и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобы не умереть со смѣху. Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка: ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка: ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ". Далѣе, послѣ выпада противъ аристократовъ и либералистовъ, Карамзинъ заключаетъ: „Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можно низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію".

Такъ вырисовываются общія черты воззрѣній Карамзина. Относясь отрицательно къ либеральнымъ движеніямъ Запада, Карамзинъ постепенно вырабатывалъ въ себѣ положительный идеалъ для настоящаго и будущаго Россіи. Этотъ идеалъ заключался въ поддержаніи прочныхъ устоевъ древности, въ томъ числѣ крѣпостного права, и въ развитіи національной гордости. Уже въ извѣстномъ разсужденіи его „О любви къ отечеству и народной гордости", относящемся еще въ 1802 году, встрѣчаемъ наиболѣе ранній протестъ противъ преклоненія предъ всѣмъ иноземнымъ и главнымъ образомъ французскимъ. Настаивая на славѣ россійскаго народа, присущей ему искони, взывая къ патріоти-

ческимъ чувствамъ соотечественниковъ, Карамзинъ призываетъ къ тому, что и русскіе должны почувствовать „цѣну собственнаго“. Русскимъ пора перестать быть учениками, пора перестать заниматься подражаніемъ, такъ какъ въ ихъ національномъ достояніи есть много прекраснаго. Тутъ онъ указываетъ на красоты русскаго языка, на красоту образа русскаго прошлаго и т. п. Но въ этомъ прошломъ Карамзинъ находитъ и крѣпостное право, существованіе котораго онъ отстаиваетъ самыми разнообразными способами. Уже въ одной статьѣ 1802 года онъ возстаетъ противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Онъ жалуется на лѣнь, пьянство среди крестьянъ и развиваетъ идею о томъ, что главное право русскаго дворянина—быть помѣщикомъ,—прибавляя „добрымъ помѣщикомъ“. „Самая эта власть помѣщика, по нашимъ законамъ, не есть тиранская и неограниченная“. Вообще же, по убѣжденію Карамзина, помѣщикъ—благодѣтель своихъ крестьянъ.

Во всемъ этомъ въ достаточной мѣрѣ вырисовываются политическіе идеалы Карамзина. Но, безъ всякаго сомнѣнія, лучшимъ публицистическимъ памятникомъ эпохи является знаменитая Записка Карамзина „О старой и новой Россіи“. Онъ читалъ свою записку въ Твери великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, съ которой былъ друженъ. Въ 1811 г. послѣдняя передала эту записку государю.

Записка Карамзина во многихъ отношеніяхъ имѣетъ громадное значеніе. Прежде всего въ ней отразились идеи Карамзина и людей его круга—того круга, который стоялъ на почвѣ національно-консервативной и не вполнѣ раздѣлялъ крайности реакціи. Вліяніе этой Записки, несомнѣнно, сказалось на дѣятельности Александра I: Александръ I много обдумывалъ мысли, въ ней высказанныя, и сначала будучи недоволенъ рѣзкостью тона, впослѣдствіи сохранилъ неизмѣнное благоволеніе къ исторіографу. Записка Карамзина была политическимъ завѣщаніемъ эпохи: императоръ Николай Павловичъ былъ, можно сказать, политическимъ ученикомъ Карамзина, и выдвинутые запиской Карамзина идеалы самодержавнаго царства въ теченіе десятилѣтій проводились въ народную жизнь. Наконецъ, Записка Карамзина, блестящая по формѣ, отличается благородною рѣзкостью тона, напоминающею „стрѣчу старыхъ бояръ“. Записка могла быть напечатана, несмотря на свой консерватизмъ, только въ 1871 году,

ритъ объ этомъ съ полной откровенностью: „дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье, или вашего ученаго Линде учить грамотѣ по ланкастерской методѣ. Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республиканское правленіе было жизнью Рима. Эксперименты не годятся въ такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе".

Къ концу жизни своей ненависть къ либеральнымъ движеніямъ доходитъ въ немъ до страстныхъ филиппикъ. Вотъ, напр., характерный отрывокъ изъ статьи „Мысли объ истинной свободѣ", относящейся къ послѣднему году жизни Карамзина: „Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты, кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностью? Вы всѣ авгуры и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобы не умереть со смѣху. Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка: ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка: ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ". Далѣе, послѣ выпада противъ аристократовъ и либералистовъ, Карамзинъ заключаетъ: „Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можно низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію".

Такъ вырисовываются общія черты воззрѣній Карамзина. Относясь отрицательно къ либеральнымъ движеніямъ Запада, Карамзинъ постепенно вырабатывалъ въ себѣ положительный идеалъ для настоящаго и будущаго Россіи. Этотъ идеалъ заключался въ поддержаніи прочныхъ устоевъ древности, въ томъ числѣ крѣпостного права, и въ развитіи національной гордости. Уже въ извѣстномъ разсужденіи его „О любви къ отечеству и народной гордости", относящемся еще въ 1802 году, встрѣчаемъ наиболѣе ранній протестъ противъ преклоненія предъ всѣмъ иноземнымъ и главнымъ образомъ французскимъ. Настаивая на славѣ россійскаго народа, присущей ему искони, взывая къ патріоти-

ческимъ чувствамъ соотечественниковъ, Карамзинъ призываетъ къ тому, что и русскіе должны почувствовать „цѣну собственнаго“. Русскимъ пора перестать быть учениками, пора перестать заниматься подражаніемъ, такъ какъ въ ихъ національномъ достояніи есть много прекраснаго. Тутъ онъ указываетъ на красоты русскаго языка, на красоту образа русскаго прошлаго и т. п. Но въ этомъ прошломъ Карамзинъ находитъ и крѣпостное право, существованіе котораго онъ отстаиваетъ самыми разнообразными способами. Уже въ одной статьѣ 1802 года онъ возстаетъ противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Онъ жалуется на лѣнь, пьянство среди крестьянъ и развиваетъ идею о томъ, что главное право русскаго дворянина—быть помѣщикомъ,—прибавляя „добрымъ помѣщикомъ“. „Самая эта власть помѣщика, по нашимъ законамъ, не есть тиранская и неограниченная“. Вообще же, по убѣжденію Карамзина, помѣщикъ—благодѣтель своихъ крестьянъ.

Во всемъ этомъ въ достаточной мѣрѣ вырисовываются политическіе идеалы Карамзина. Но, безъ всякаго сомнѣнія, лучшимъ публицистическимъ памятникомъ эпохи является знаменитая Записка Карамзина „О старой и новой Россіи“. Онъ читалъ свою записку въ Твери великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, съ которой былъ друженъ. Въ 1811 г. послѣдняя передала эту записку государю.

Записка Карамзина во многихъ отношеніяхъ имѣетъ громадное значеніе. Прежде всего въ ней отразились идеи Карамзина и людей его круга—того круга, который стоялъ на почвѣ національно-консервативной и не вполнѣ раздѣлялъ крайности реакціи. Вліяніе этой Записки, несомнѣнно, сказалось на дѣятельности Александра I: Александръ I много обдумывалъ мысли, въ ней высказанныя, и сначала будучи недоволенъ рѣзкостью тона, впослѣдствіи сохранилъ неизмѣнное благоволеніе къ исторіографу. Записка Карамзина была политическимъ завѣщаніемъ эпохи: императоръ Николай Павловичъ былъ, можно сказать, политическимъ ученикомъ Карамзина, и выдвинутые запиской Карамзина идеалы самодержавнаго царства въ теченіе десятилѣтій проводились въ народную жизнь. Наконецъ, Записка Карамзина, блестящая по формѣ, отличается благородною рѣзкостью тона, напоминающею „стрѣчу старыхъ бояръ“. Записка могла быть напечатана, несмотря на свой консерватизмъ, только въ 1871 году,

будучи извѣстна до этого времени только въ отрывкахъ или въ заграничныхъ изданіяхъ.

Въ своей Запискѣ Карамзинъ прежде всего исходитъ изъ того общаго положенія, что „настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее". Съ этой цѣлью историкъ сначала разсматриваетъ прошедшее, чтобы освѣтить настоящее и найти въ прошломъ идеалъ будущаго. Онъ даетъ краткую характеристику исторической жизни русскаго народа.

Древнѣйшій періодъ въ его представленіи — періодъ полнаго благоденствія. Но вотъ начинаются междоусобія „малодумныхъ" князей, вслѣдствіе чего утратилось „почтеніе" народа къ князьямъ. Отсюда слабость государства и татарское бѣдствіе. Съ возстановленіемъ самодержавія Московское царство окрѣпло. Московское царство является именно періодомъ, поучительнымъ для настоящаго и будущаго. Подъ перомъ Карамзина, московское самодержавіе является эпохой силы и народнаго благоденствія: „Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ". Отъ идиллической картины Московскаго царства, въ которой произволъ царей и рабство населенія историографъ признаетъ наилучшими формами государственнаго устройства, онъ переходитъ къ Петровской эпохѣ. Отношеніе Карамзина къ Петру Великому—неодобрительное. До Петра „измѣненія (въ государственномъ строѣ) дѣлались постепенно, тихо, едва замѣтно". Петровская реформа является насильственнымъ переворотомъ. Страсть Петра къ новшествамъ оскорбила народный духъ. Петръ слишкомъ много придавалъ значенія внѣшности: борода не мѣшала заведенію школъ. Съ Петра начинается разладъ среди классовъ общества, братство исчезло. Соціальныя отношенія до-петровской эпохи—чистая идиллія: „Въ теченіе вѣковъ, народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда

они со своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя во храмъ Божій или на совѣтъ къ государю".

Петръ уничтожилъ даже патріаршество. Между тѣмъ патріархъ вѣщалъ истину государю. Перенесеніе столицы тоже не нравится Карамзину. Новая столица основана въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ.

Заключивъ характеристику этой эпохи массой громкихъ фразъ объ утратѣ нравственнаго вліянія въ отечествѣ, исторіографъ останавливается на періодѣ между Петромъ I и Екатериной II и рисуетъ его мрачными чертами. Царствованіе Екатерины II—блестящій періодъ русской исторіи; ему посвящаетъ свой панегирикъ авторъ Записки. Но и въ этомъ періодѣ были недостатки: паденіе нравовъ, господство разврата, „торговали правдою и чинами", предпочитали „красивыя лица".

Времена Павла—царство страха и ужаса. Періодъ тиранніи обрисованъ въ сочныхъ краскахъ, свидѣтельствующихъ о томъ тяжеломъ состояніи, которое переживало общество въ это царствованіе. Въ обществѣ жило „великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленія власти". Однако, „вредное царствованіе" было пресѣчено „вреднымъ способомъ". Заговоры суть бѣдствія, колеблющія основу государствъ,—говоритъ онъ,—и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно избирать монарховъ, или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи и должно скоро обратиться въ безначаліе". Общество должно ждать: „да видятъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго". Впрочемъ, въ заключеніе авторъ утѣшается, что въ Россіи было только два тирана (Іоаннъ Грозный и Павелъ).

Такова историческая часть Записки.

Вторая часть Записки посвящена критикѣ либеральныхъ начинаній Александровскаго царствованія. Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ Карамзинъ относится крайне отрицательно: спасительное самодержавіе поколебалось ими. Онъ исходитъ изъ того общаго положенія, что всякая новость въ государствѣ есть зло. Онъ недоволенъ внѣшнею политикой, громитъ учрежденіе министерствъ, отдѣлившихъ государя отъ народа, недоволенъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта. Въ частности онъ очень негодуетъ на министерство „такъ называемаго просвѣщенія": „У насъ нѣтъ

будучи извѣстна до этого времени только въ отрывкахъ или въ заграничныхъ изданіяхъ.

Въ своей Запискѣ Карамзинъ прежде всего исходитъ изъ того общаго положенія, что „настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее". Съ этой цѣлью историкъ сначала разсматриваетъ прошедшее, чтобы освѣтить настоящее и найти въ прошломъ идеалъ будущаго. Онъ даетъ краткую характеристику исторической жизни русскаго народа.

Древнѣйшій періодъ въ его представленіи — періодъ полнаго благоденствія. Но вотъ начинаются междоусобія „малодумныхъ" князей, вслѣдствіе чего утратилось „почтеніе" народа къ князьямъ. Отсюда слабость государства и татарское бѣдствіе. Съ возстановленіемъ самодержавія Московское царство окрѣпло. Московское царство является именно періодомъ, поучительнымъ для настоящаго и будущаго. Подъ перомъ Карамзина, московское самодержавіе является эпохой силы и народнаго благоденствія: „Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ". Отъ идиллической картины Московскаго царства, въ которой произволъ царей и рабство населенія исторіографъ признаетъ наилучшими формами государственнаго устройства, онъ переходитъ къ Петровской эпохѣ. Отношеніе Карамзина къ Петру Великому—неодобрительное. До Петра „измѣненія (въ государственномъ строѣ) дѣлались постепенно, тихо, едва замѣтно". Петровская реформа является насильственнымъ переворотомъ. Страсть Петра къ новшествамъ оскорбила народный духъ. Петръ слишкомъ много придавалъ значенія внѣшности: борода не мѣшала заведенію школъ. Съ Петра начинается разладъ среди классовъ общества, братство исчезло. Соціальныя отношенія до-петровской эпохи—чистая идиллія: „Въ теченіе вѣковъ, народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда

они со своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя во храмъ Божій или на совѣтъ къ государю".

Петръ уничтожилъ даже патріаршество. Между тѣмъ патріархъ вѣщалъ истину государю. Перенесеніе столицы тоже не нравится Карамзину. Новая столица основана въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ.

Заключивъ характеристику этой эпохи массой громкихъ фразъ объ утратѣ нравственнаго вліянія въ отечествѣ, исторіографъ останавливается на періодѣ между Петромъ I и Екатериной II и рисуетъ его мрачными чертами. Царствованіе Екатерины II—блестящій періодъ русской исторіи; ему посвящаетъ свой панегирикъ авторъ Записки. Но и въ этомъ періодѣ были недостатки: паденіе нравовъ, господство разврата, „торговали правдою и чинами", предпочитали „красивыя лица".

Времена Павла—царство страха и ужаса. Періодъ тираніи обрисованъ въ сочныхъ краскахъ, свидѣтельствующихъ о томъ тяжеломъ состояніи, которое переживало общество въ это царствованіе. Въ обществѣ жило „великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленія власти". Однако, „вредное царствованіе" было пресѣчено „вреднымъ способомъ". Заговоры суть бѣдствія, колеблющія основу государствъ,—говоритъ онъ,—и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно избирать монарховъ, или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи и должно скоро обратиться въ безначаліе". Общество должно ждать: „да видятъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго". Впрочемъ, въ заключеніе авторъ утѣшается, что въ Россіи было только два тирана (Іоаннъ Грозный и Павелъ).

Такова историческая часть Записки.

Вторая часть Записки посвящена критикѣ либеральныхъ начинаній Александровскаго царствованія. Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ Карамзинъ относится крайне отрицательно: спасительное самодержавіе поколебалось ими. Онъ исходитъ изъ того общаго положенія, что всякая новость въ государствѣ есть зло. Онъ недоволенъ внѣшнею политикой, громитъ учрежденіе министерствъ, отдѣлившихъ государя отъ народа, недоволенъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта. Въ частности онъ очень негодуетъ на министерство „такъ называемаго просвѣщенія": „У насъ нѣтъ

будучи извѣстна до этого времени только въ отрывкахъ или въ заграничныхъ изданіяхъ.

Въ своей Запискѣ Карамзинъ прежде всего исходитъ изъ того общаго положенія, что „настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее". Съ этой цѣлью историкъ сначала разсматриваетъ прошедшее, чтобы освѣтить настоящее и найти въ прошломъ идеалъ будущаго. Онъ даетъ краткую характеристику исторической жизни русскаго народа.

Древнѣйшій періодъ въ его представленіи — періодъ полнаго благоденствія. Но вотъ начинаются междоусобія „малодумныхъ" князей, вслѣдствіе чего утратилось „почтеніе" народа къ князьямъ. Отсюда слабость государства и татарское бѣдствіе. Съ возстановленіемъ самодержавія Московское царство окрѣпло. Московское царство является именно періодомъ, поучительнымъ для настоящаго и будущаго. Подъ перомъ Карамзина, московское самодержавіе является эпохой силы и народнаго благоденствія: „Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ". Отъ идиллической картины Московскаго царства, въ которой произволъ царей и рабство населенія историографъ признаетъ наилучшими формами государственнаго устройства, онъ переходитъ къ Петровской эпохѣ. Отношеніе Карамзина къ Петру Великому—неодобрительное. До Петра „измѣненія (въ государственномъ строѣ) дѣлались постепенно, тихо, едва замѣтно". Петровская реформа является насильственнымъ переворотомъ. Страсть Петра къ новшествамъ оскорбила народный духъ. Петръ слишкомъ много придавалъ значенія внѣшности: борода не мѣшала заведенію школъ. Съ Петра начинается разладъ среди классовъ общества, братство исчезло. Соціальныя отношенія до-петровской эпохи—чистая идиллія: „Въ теченіе вѣковъ, народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда

они со своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя во храмъ Божій или на совѣтъ къ государю".

Петръ уничтожилъ даже патріаршество. Между тѣмъ патріархъ вѣщалъ истину государю. Перенесеніе столицы тоже не нравится Карамзину. Новая столица основана въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ.

Заключивъ характеристику этой эпохи массой громкихъ фразъ объ утратѣ нравственнаго вліянія въ отечествѣ, исторіографъ останавливается на періодѣ между Петромъ I и Екатериной II и рисуетъ его мрачными чертами. Царствованіе Екатерины II—блестящій періодъ русской исторіи; ему посвящаетъ свой панегирикъ авторъ Записки. Но и въ этомъ періодѣ были недостатки: паденіе нравовъ, господство разврата, „торговали правдою и чинами", предпочитали „красивыя лица".

Времена Павла—царство страха и ужаса. Періодъ тираніи обрисованъ въ сочныхъ краскахъ, свидѣтельствующихъ о томъ тяжеломъ состояніи, которое переживало общество въ это царствованіе. Въ обществѣ жило „великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленія власти". Однако, „вредное царствованіе" было пресѣчено „вреднымъ способомъ". Заговоры суть бѣдствія, колеблющія основу государствъ,—говоритъ онъ,—и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно избирать монарховъ, или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи и должно скоро обратиться въ безначаліе". Общество должно ждать: „да видятъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго". Впрочемъ, въ заключеніе авторъ утѣшается, что въ Россіи было только два тирана (Іоаннъ Грозный и Павелъ).

Такова историческая часть Записки.

Вторая часть Записки посвящена критикѣ либеральныхъ начинаній Александровскаго царствованія. Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ Карамзинъ относится крайне отрицательно: спасительное самодержавіе поколебалось ими. Онъ исходитъ изъ того общаго положенія, что всякая новость въ государствѣ есть зло. Онъ недоволенъ внѣшнею политикой, громитъ учрежденіе министерствъ, отдѣлившихъ государя отъ народа, недоволенъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта. Въ частности онъ очень негодуетъ на министерство „такъ называемаго просвѣщенія": „У насъ нѣтъ

охотниковъ до высшихъ наукъ". Законъ 1809 года объ экзаменахъ для чиновниковъ закрылъ дорогу къ службѣ многимъ способнымъ и требуетъ отъ чиновниковъ ненужныхъ имъ познаній. Финансовыя мѣры привели государство на край гибели. Представленный въ Государственный Совѣтъ Сперанскимъ проектъ гражданскаго уложенія является перифразомъ французскаго законодательста. Карамзинъ недоволенъ и мѣрами, касающимися крестьянъ, напр., указомъ, воспрещающимъ покупать людей для сдачи въ рекруты. Администрація находится въ самомъ безнадежномъ состояніи: губернаторы глупы и грабители.

Въ критикѣ Карамзина осебенно почетное мѣсто занимаетъ крестьянскій вопросъ. Разумѣется, онъ является ярымъ противникомъ эмансипаціи. По его убѣжденію, крестьянинъ—холопскаго происхожденія, слѣдовательно, собственность ихъ господъ, хотя вообще трудно разобрать происхожденіе крѣпостного класса. Во всякомъ случаѣ, крестьяне никогда не имѣли правъ на землю. Освобожденіе крестьянъ опасно и въ финансовомъ отношеніи: безъ помощи помѣщиковъ трудно собрать подушную подать. Авторъ задается вопросомъ: „Что значитъ освободить у насъ крестьянъ?"—и отвѣчаетъ: „Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства". Такой исходъ представляется Карамзину страшнымъ по своимъ послѣдствіямъ, и онъ прибѣгаетъ къ обычной системѣ крѣпостниковъ—запугиванію. „Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ... Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоденства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!"

Разсмотрѣвъ критически прошлое и настоящее, Карамзинъ переходитъ къ изложенію положительной стороны своихъ взглядовъ. О ней можно догадаться по ходу предшествующихъ его разсужденій: самодержавная власть государя ослабѣла, и ее

* 10. МАЯ. 1912 *
№
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО

нужно поднять до предѣловъ Московскаго періода, вообще надо пойти назадъ во всѣхъ отношеніяхъ, сохранивъ изъ настоящаго лишь то, что не противорѣчитъ идеальному прошлому. Въ основѣ русскаго государственнаго устройства лежитъ безграничная власть самодержавнаго государя, поддерживаемая суровыми наказаніями и спасительнымъ страхомъ: „Въ Россіи государь есть живой законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, и любовь первыхъ пріобрѣтается страхомъ послѣднихъ. Не бояться государя—не бояться закона. Въ монархѣ россійскомъ соединяются всѣ власти. Наше правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола, такъ и монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ необходимо дѣйствовать по единой совѣсти... Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви: гдѣ десять за одного боятся, тамъ десять смотрятъ за однимъ“.

Знаменитый историкъ не замѣтилъ въ этомъ опредѣленіи, что оно нѣсколько совпадаетъ (можетъ-быть, заимствовано) съ опредѣленіемъ царской власти, выраженнымъ однимъ изъ государей, котораго самъ Карамзинъ признаетъ тираномъ: Іоаннъ Грозный опредѣлялъ царскую власть, какъ право казнить и жаловать своихъ рабовъ по своему хотѣнію. Однимъ словомъ, по политическимъ воззрѣніямъ Карамзина „самодержавіе есть палладіумъ Россіи: цѣлость его необходима для ея счастія“. Таково знаменитое опредѣленіе историіографа.

Но при всемъ своемъ преклоненіи предъ суровой формой единовластія Карамзинъ и на него налагаетъ въ извѣстной мѣрѣ ограниченія: будучи единственнымъ источникомъ власти, государь не имѣетъ причинъ „унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія“. По опредѣленію Карамзина, дворянство не что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ великокняжескихъ или царскихъ. „Худо, ежели слуги овладѣваютъ слабымъ господиномъ, но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ своихъ и красится ихъ честью“.

Этотъ выводъ является довольно неожиданнымъ и не совсѣмъ мирится съ безграничностью самодержавія.

Практически для своего времени Карамзинъ совѣтуетъ возвращеніе ко временамъ Екатерины Великой съ нѣкоторыми исправленіями. Подданнымъ при помощи спасительнаго страха должны быть внушены смиреніе и слѣпое подчиненіе власти, произволъ ея необходимъ въ государствѣ. Монархъ долженъ усилить

личную строгость. Въ частности Карамзинъ рекомендуетъ монарху найти хорошихъ людей для управленія; монархъ можетъ имѣть при себѣ совѣтъ, но онъ долженъ быть тайнымъ для подданныхъ. Необходимо возвысить дворянство, усилить власть губернаторовъ, поднять ихъ престижъ, т.-е. усилить централизацію. Эти совѣты имѣли руководящее значеніе для послѣдующаго царствованія. Очень любопытно, что, изложивъ свои практическія предложенія, Карамзинъ обращается къ государю, которому рекомендуетъ произволъ: „Александръ, воцари законъ въ Россіи!“

Мы уже указали на то, что „Записка“ Карамзина, отражая понятія цѣлаго круга людей, имѣла весьма важное вліяніе на политику русскаго правительства. Рѣзкость выраженій и блестящая форма увлекали читателей; будучи мало подготовлены, находя въ „Запискѣ“ выраженіе собственныхъ мыслей и понятій, высокіе читатели Карамзина не замѣчали, конечно, логическихъ противорѣчій въ „Запискѣ“, которыя скрывались подъ красивыми фразами и исторической лирикой. Вѣдь по существу дѣла историческая часть „Записки“ представляетъ собою безотрадную картину русскаго прошлаго. Самодержавіе спасло государство отъ татаръ, но оно же повернуло Россію къ нѣмцамъ. Идиллическій Московскій періодъ кратокъ, но и въ немъ тиранія Іоанна IV, появленіе Бориса Годунова и Смута. Весь XVIII вѣкъ въ изображеніи Карамзина является темнымъ пятномъ въ исторіи самодержавія: Петръ Великій нарушилъ устои народной жизни; при Петрѣ II – ужасная олигархія; господство женщинъ отличалось большими недостатками: при Аннѣ былъ Бирономъ, Елизавета предавалась веселью и нѣжнымъ стихамъ, а при ней Бестужевъ торговалъ дипломатіей; ея царствованіе смѣняется насиліями Петра III; Екатерина II не безъ слабостей, поддерживала неправосудіе и корыстолюбіе любимцевъ; и ея царствованіе смѣняется ужасами Павла; Александръ I своими либеральными начинаніями принесъ только вредъ. Однимъ словомъ, Россія тысячу лѣтъ жила подъ эгидой самодержавія и въ результатѣ русскій народъ—больной организмъ. И въ конечныхъ выводахъ „Записки“ рекомендуется самодержавіе въ формѣ тираніи.

ГЛАВА X.

Исканіе религіи.

Изъ того, что говорилось выше о настроеніи реакціонной части общества, вытекаетъ нѣсколько весьма важныхъ заключеній. Въ настроеніи этого общества можно подмѣтить недовольство либеральными мѣропріятіями правительства, ужасъ и отвращеніе ко всему тому, что связывалось съ именемъ Франціи и французской революціей; наконецъ, преклоненіе передъ прошлою жизнію русскаго народа и попытки искать въ ней идеалы настоящаго и будущаго. Если такое направленіе общественной мысли сопоставить съ нѣсколько болѣе раннимъ періодомъ, съ концомъ XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣковъ, то въ настроеніи обоихъ періодовъ можно замѣтить глубокое различіе. Русское общество предшествующаго періода было проникнуто „вольнодумствомъ и вольтерьянствомъ“. Оно было въ лучшей части его хорошо образованнымъ, и источникъ этого образованія заключался въ философіи просвѣтительнаго вѣка. Въ религіозномъ отношеніи общество было или индиферентнымъ, или удовлетворялось признаніемъ философскихъ началъ. Въ національномъ отношеніи оно было заражено космополитизмомъ; его политическое міровоззрѣніе явно клонилось къ „истинной монархіи“, т.-е. къ конституціонной формѣ правленія: оно ненавидѣло „деспотичество“, и путемъ литературы или вліянія на монарховъ пыталось превратить свои идеи въ дѣйствительность. Съ наступленіемъ реакціи замѣчается переворотъ въ міровоззрѣніи общества. Отъ космополитизма оно переходитъ къ національнизму; отъ увлеченія свободными политическими идеями оно переходитъ къ преклоненію предъ самодержавіемъ. И въ области религіи оно стремится замѣнить философію вѣрою въ Божественное откровеніе.

Въ сферѣ религіозной русское общество отъ вольнодумства не сразу перешло къ старой религіи. Въ его настроеніи можно

наблюдать краткій переходный періодъ. Въ Россіи замѣчается такое же явленіе, какъ и въ западно-европейскомъ обществѣ, гдѣ старый католицизмъ получилъ господствующее значеніе лишь послѣ краткаго періода увлеченія мистическими ученіями.

И въ Россіи общество, потерявшее связь съ старой религіей, первоначально съ увлеченіемъ встрѣтило иновѣрное ученіе. Здѣсь замѣчается краткое господство католицизма и болѣе серьезное вліяніе мистическихъ ученій. Увлеченіе католицизмомъ связано съ краткимъ періодомъ вліянія на петербургское общество представителей іезуитскаго ордена. Отцы-іезуиты имѣли адептовъ преимущественно въ кругу высшей аристократіи.

Тогдашняя западно-европейская реакція при первомъ своемъ оживленіи опиралась на католицизмъ, стремясь найти въ немъ противовѣсъ философіи энциклопедистовъ. Идеи католицизма тѣсно слились съ идеями реакціи. Виднымъ пособникомъ въ распространеніи католицизма въ русскихъ салонахъ былъ Жозефъ Де-Местръ, который въ качествѣ посла Сардинскаго эксъ-короля провелъ въ Россіи 14 лѣтъ, начиная съ 1803 года. Онъ успѣлъ занять видное мѣсто въ петербургскомъ обществѣ. Онъ былъ одаренъ не малымъ умомъ, отличался начитанностью и былъ веселымъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ говорилъ сильно и парадоксально. Въ петербургскихъ гостиныхъ раздавалась бесѣда графа, въ которой онъ насмѣхался надъ православіемъ и русскимъ духовенствомъ, опровергалъ невѣріе и доказывалъ, что только одна католическая религія могла спасти Европу отъ революціоннаго яда. Впрочемъ, католическую религію Де-Местръ понималъ такъ, какъ ее понимали отцы іезуиты. „Мысли свои,—говоритъ Васильчиковъ,—вполнѣ чуждыя и вѣку и странѣ, въ которой онъ жилъ, излагалъ онъ крайне оригинально. Самая чужеземность этихъ мыслей была по вкусу нашему обществу, а стойкость убѣжденій сильно дѣйствовала на кичливыхъ слушателей, которыхъ Де-Местръ съ своей стороны полюбилъ за гостепріимство и благодушіе. Успѣхи и вліяніе Де-Местра въ гостинныхъ ими, однако, не ограничивались. Его стали зазывать въ свои кабинеты люди государственные и съ свойственнымъ русскимъ администраторамъ чистосердечіемъ, не стѣсняясь, открывали ему государственныя тайны, повѣряли ему всю неурядицу внутренняго строя и съ благодарностью принимали его совѣты“.

Но проповѣдь католицизма у Де-Местра тѣсно сливалась съ проповѣдями противъ философіи, просвѣщенія. Это былъ стройный кодексъ реакціоннаго міровоззрѣнія. Защита крѣпостного права въ Россіи стояла у этого иноземца на первомъ мѣстѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ имъ для русскихъ представителей власти, Де-Местръ настаиваетъ на сохраненіи крѣпостного права. „Въ Россіи крѣпостное рабство"—говоритъ онъ—„существуетъ потому, что оно въ ней необходимо и императоръ не можетъ царствовать безъ него... Каждый помѣщикъ или лучше сказать, каждый дворянинъ, есть настоящій представитель власти, родъ гражданскаго правителя, управляюшій своими землями и снабженный всей необходимой властью, чтобы подавлять безпорядочные порывы индивидуальной воли. Если эта власть будетъ уничтожена, то какую же силу поставитъ государь на ея мѣсто для сохраненія порядка"? Всякая потытка къ освобожденію опасна, ибо она поведетъ за собой „волненіе умовъ и возстаніе". Настаивая на сохраненіи старинныхъ устоевъ, Де-Местръ старается доказать, откуда ему грозитъ опасность: университеты „угрожаютъ Россіи ужаснымъ зломъ, которое приближается быстрыми шагами подъ покрываломъ науки". Вообще наука самое большое зло въ государствѣ: она „постоянно подвергаетъ государство опасности, постоянно стремясь доставить государственныя должности людямъ ничтожнымъ, безъ имени и богатства"... При развитіи печати, „наука можетъ считаться огнемъ, который неизбѣжно охватитъ Россію, если русскій способенъ къ возгаранію". Отсюда уже слѣдуютъ угрозы государю. „Ни одинъ государь не подвергался такой опасности, какъ императоръ Россіи". И онъ даетъ „практическій совѣтъ", чтобы правительство всѣми мѣрами „замедляло царство науки и присоединило бы къ верховной власти могущественнаго союзника во власти церковной". Таковъ кодексъ реакціоннаго католицизма.

Въ Де-Местрѣ іезуиты нашли сильную помощь. Впрочемъ, и сами они успѣли пріобрѣсть видное положеніе въ обществѣ. Іезуиты утвердились въ Петербургѣ въ концѣ XVIII вѣка. Знаменитый патеръ Груберъ, проникшій въ царскую семью въ качествѣ зубного врача, имѣлъ серьезное вліяніе на императора Павла и даже едва не достигъ утвержденія императоромъ своего проекта соединенія церквей. При Павлѣ іезуиты, благодаря тому же Груберу, успѣли захватить управленіе католической цер-

ковью въ Россіи. Митрополитъ католическихъ церквей Богушъ-Сестренцевичъ былъ сосланъ, полоцкій епископъ Одинецъ брошенъ въ Петропавловскую крѣпость за сочувствіе Сестренцевичу. При Александрѣ іезуиты нашли сочувствующихъ имъ лицъ въ средѣ наиболѣе видныхъ государственныхъ дѣятелей. Оберъ-прокуроръ св. Синода князь Голицынъ относился къ іезуитамъ съ особеннымъ сочувствіемъ: онъ открывалъ даже между собою и ими какую то тѣсную таинственную связь: „Нѣчто божественное соединяетъ насъ“,—писалъ онъ іезуиту Березовскому. Голицынъ вмѣстѣ съ покровителемъ іезуитовъ герцогомъ Де-Ришелье хлопочетъ о развитіи іезуитскихъ школъ въ Одессѣ, вмѣстѣ съ маркизомъ Пауллучи способствуетъ пропагандѣ іезуитовъ въ Ригѣ, поддерживаетъ іезуитовъ въ ихъ стремленіи проникнуть на Волгу и въ Сибирь. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей еще въ 1802 году входитъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о предоставленіи іезуитамъ права распространять католическую вѣру въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской и Сибирскихъ; впрочемъ, на этотъ разъ попытка Кочубея не удалась. Съ теченіемъ времени іезуиты въ качествѣ воспитателей и настоятелей католическихъ церквей утверждаются въ нѣмецкихъ колоніяхъ на Волгѣ, въ Астрахани ихъ миссіонерская дѣятельность обратилась на армянъ и другихъ инородцевъ; въ Ригѣ они основали нѣсколько мужскихъ и женскихъ школъ, то же они дѣлали въ Крыму, гдѣ подчинили себѣ все католическое населеніе. Въ Одессѣ открываетъ пансіонъ прославившійся ранѣе своими воспитательными пріемами въ Петербургѣ аббатъ Николя. Въ Полоцкѣ процвѣтаетъ іезуитская академія, имѣющая связи со множествомъ городовъ Западнаго края.

Но особенно успѣшна дѣятельность іезуитовъ была въ самомъ Петербургѣ. Въ іезуитскомъ пансіонѣ, заведенномъ аббатомъ Николя, получаютъ воспитаніе наиболѣе видные представители русской аристократіи: князья Юсуповы, Голицыны, Гагарины, Волконскіе, графы Орловы, Нарышкины, Плещеевы, Бенкендорфы и многіе другіе. Это все юноши, которые впослѣдствіи могли занять видныя мѣста въ государствѣ. „Здѣсь юные представители древнихъ родовъ нашихъ молились по-латыни, по-латыни же читали Евангеліе, учились закону Божію по латинскому катехизису и во время латинской мессы аколитами прислуживали священнодѣйствующимъ патерамъ“. При такомъ воспитаніи вырабатывались

люди, религіозное чувство которыхъ не могло найти выхода въ православной религіи. Они или тайно переходили въ католицизмъ, или искали удовлетворенія религіознымъ потребностямъ въ мистицизмѣ. Среди русской знати было нѣсколько видныхъ представителей, перешедшихъ въ католицизмъ, какъ Голицыны, Протасовы, Головины, Куракина, Свѣчина и многіе другіе. Адмиралъ Чичаговъ съ своимъ другомъ Де-Местромъ питалъ надежду, что русская церковь въ близкомъ будущемъ присоединится къ римской, и изо всѣхъ силъ старался помочь іезуитамъ въ этомъ смѣломъ замыслѣ.

Особенный успѣхъ іезуиты имѣли среди великосвѣтскихъ дамъ. Одинъ изъ нихъ, патеръ Розавенна, пользовался особенно сильнымъ вліяніемъ среди дамъ. Родомъ бретонецъ, ханжа и лицемѣръ, прекрасно образованный, красивый собой, онъ имѣлъ множество духовныхъ дщерей въ великосвѣтскихъ салонахъ. Впрочемъ, со многими изъ петербургскихъ барынь и дѣвицъ его связывала не одна духовная связь: при удаленіи іезуитовъ, среди его вещей были найдены два портфеля съ волосами, картинками и другими женскими сувенирами, а также и записочки съ подписями „Катенька Г.“ и др. въ этомъ родѣ. Вообще католицизмъ былъ тогда моднымъ теченіемъ. „На балахъ и раутахъ,—свидѣтельствуетъ одна изъ его прозелитокъ,—прошептывали свои отреченія и лепетали первую свою латинскую исповѣдь новопросвѣщенныя овцы іезуитскаго стада. Это было ново, заманчиво, романтично и рѣзко отличалось отъ безхитростныхъ пріемовъ родной вѣры“. Отсутствіе серьезнаго образованія, поверхностное знакомство съ философіей XVIII вѣка и часто полное незнаніе основъ родной религіи, дѣлали русское общество весьма поддатливымъ новымъ теченіямъ. Этимъ объясняются успѣхи католицизма. Но успѣхи эти захватывали преимущественно великосвѣтскіе слои и вообще были довольно кратковременны. Оторвавшееся отъ родной вѣры, недостаточно освоившееся съ французской философіей русское общество искало выхода своему религіозному настроенію.

Увлеченіе католицизмомъ вскорѣ смѣнилось болѣе широкимъ теченіемъ—мистицизмомъ. Мистицизмъ въ той формѣ, въ какой онъ въ то время охватилъ и западно-европейское общество, являлся не только религіознымъ теченіемъ: онъ давалъ отвѣты на политическіе и философскіе запросы. Такимъ образомъ, онъ явился философіей реакціи. Вѣра въ силу человѣческаго разума, кото-

рою руководилось западно-европейское общество въ эпоху революціи, смѣнилась вѣрою въ сверхъестественное и таинственное.

Мистицизмъ въ русскомъ обществѣ палъ на почву, подготовленную масонствомъ конца XVIII в., возобновившемъ свою дѣятельность при Александрѣ I. Внутреннее различіе между масонствомъ и мистицизмомъ не велико, иногда доходя до полнаго сліянія въ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ представителей ученія. Во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія общественной и масонство XIX в. и мистицизмъ вели къ одной цѣли,—къ борьбѣ съ человѣческой философіей, какъ съ продуктомъ разума, вели къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ и въ отношеніи политическомъ приводили къ квіэтизму. Въ самомъ дѣлѣ, выдающійся представитель русскаго масонства конца XVIII вѣка и начала XIX извѣстный Лопухинъ уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка издаетъ разсужденіе „о злоупотребленіяхъ разума нѣкоторыхъ новыхъ писателей“; здѣсь онъ доказываетъ, что представители свободной философіи употребляютъ свой разумъ на „погубленіе людей“.

Масонство, какъ и мистицизмъ, обращалось къ усовершенствованію нравственныхъ началъ въ человѣкѣ на основѣ евангельской истины. Оно требуетъ „упражненія въ познаніи самого себя, творенія и Творца“. Отсюда понятно, что масонство учило о недостаточности познанія „натуры вещей“ посредствомъ разума и посредствомъ упражненій стремилось къ сліянію съ божествомъ. Для того, чтобы проникнуться масонствомъ, необходимо перерожденіе нравственное: „тогда евангельская нравственность будетъ ему возможна и природна, тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго“,—говоритъ Лопухинъ. Отсюда вытекаетъ и сущность того главнаго упражненія, которое, по словамъ Лопухина, представляло сущность масонства—послѣдованія Христу. Всѣ эти правила могли бы найти мѣсто и въ катехизисѣ любой христіанской церкви, но между масонствомъ и христіанствомъ была значительная разница въ способѣ доказательствъ одной и той же истины. Стремясь ко всему таинственному и неопредѣленному, масоны свои истины пытались доказывать отвлеченными, часто ими одними понимаемыми тезисами, въ которыхъ условность выраженій, понятій, являлась господствующей чертой, въ примѣненіи знаковъ и символовъ, въ которыхъ не нуждалась видимая церковь. Масонство въ болѣе чистомъ видѣ въ своихъ изысканіяхъ путей послѣдованія Христу иногда почти сливалось съ мо-

нашескимъ аскетизмомъ. Насилованіе воли, молитва, воздержаніе, дѣла любви, поученіе въ познаніи натуры и самого себя—вотъ что рекомендуетъ Лопухинъ для выполненія требованій истиннаго масонства. При такихъ условіяхъ, конечно, разумъ можетъ оказаться не только безполезнымъ, но и вреднымъ: „разумъ долженъ воздерживать не только отъ упражненія въ томъ, что явно вредно; но и отъ всякихъ размышленій безполезныхъ и отъ изученія того, что токмо служитъ удовлетворенію любопытства, а не нужно для преуспѣнія въ жизни христіанской и для отправленія должностей человѣка, живущаго въ обществѣ гражданина или подданнаго".

Разъ разумъ долженъ быть воздерживаемъ, разъ нѣкоторыя упражненія его могутъ быть безполезными и даже вредными, то отсюда легко было дойти и до тезиса о вредности разума вообще, отсюда и вредъ науки и ея разсадника—университетовъ. До этого положенія и доходили масоны. Одинъ изъ послѣдователей Лопухина, Невзоровъ, путешествовалъ по Германіи въ 1790—1791 г.г., когда вся Германія была охвачена революціонной пропагандой. Невзоровъ даже отказался отъ поѣздки въ Парижъ, потому что въ революціонныхъ собраніяхъ онъ видѣлъ одинъ только „плодъ мятежнаго буйства". Ему не нравятся и нѣмецкіе университеты, особенно Геттингенскій, потому что университеты—„молодое, но слишкомъ далѣе другихъ забѣжавшее въ новомъ безуміи дитя Германіи, были первѣйшими орудіями, разсадниками и распространителями всякаго разврата и безбожія и послѣдовавшаго отъ того несчастья своего отечества".

Такъ, слѣдовательно, масоны доходили до отрицанія науки и до признанія вреда человѣческаго разума.

Къ этому надо прибавить, что и масонство и мистицизмъ въ одинаковой мѣрѣ пользуются темнотой языка, условностью терминовъ, за которыми скрывается блѣдность мысли, наивность вѣрованія, отсутствіе настоящаго богословскаго и философскаго образованія.

Но при сходствѣ масонства и другихъ мистическихъ ученій въ нихъ есть не только внѣшнее различіе, но и внутреннее. Мистическое ученіе легко переходитъ въ сектанство, чего нельзя сказать о масонствѣ. Какъ и всякое сектанство, мистицизмъ болѣе способенъ проявлять боевое направленіе по отношенію къ дру-

гимъ сектамъ и религіямъ и оказывается болѣе склоннымъ выставлять тѣ или иныя требованія политическаго характера.

Масонство отличается тѣмъ, что его предписанія требуютъ отъ масонскихъ братьевъ признанія идей равенства, любви къ ближнему, благотворенія и даже распространенія просвѣщенія. Между тѣмъ мистицизмъ не всегда ставитъ эти вопросы. Но эти идеалы мирно уживались въ русскомъ масонствѣ начала XIX в. съ узкимъ національнымомъ, съ крѣпостничествомъ и съ полнымъ индиферентизмомъ къ политическому строю государства. Поэтому масонство не могло быть политической религіей. Этимъ, между прочимъ, объясняется и то обстоятельство, что декабристы и вообще люди либеральнаго образа мыслей уходили изъ масонскихъ ложъ, такъ какъ масонское ученіе не давало имъ удовлетворенія. Правда, масоны учили о необходимости законовъ въ обществѣ, о добротѣ законовъ и т. п. Но подъ это понятіе подводилось лишь требованіе точнаго соблюденія существующихъ законовъ, какъ властью управляющей, такъ и подчиненными. „Неизмѣнное управляющею властію наблюденіе законовъ и прилежное, точное ихъ исполненіе подчиненными суть душа государственнаго благоустройства“—говоритъ одно масонское наставленіе 1812 года. Это, разумѣется, совершенно шаблонное требованіе, которое охотно повторяли и мистики и реакціонеры всѣхъ направленій. Подъ этимъ скрывается требованіе неизмѣнности существующаго порядка вещей и индиферентизмъ въ области политики. Повиновеніе закону и безмолвное его исполненіе, наряду съ исполненіемъ воли своего государя—вотъ та добродѣтель, которую масонъ Кайсаровъ проповѣдуетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, сказанныхъ имъ въ 1822 году. При такомъ стремленіи удержать существующее положеніе вещей весьма понятно отношеніе масоновъ къ крѣпостному праву. Правда, среди масоновъ были добрые и мягкіе помѣщики. Но среди нихъ мы же знаемъ и убѣжденныхъ крѣпостниковъ, которые свои крѣпостническія тенденціи облекали сложными соображеніями, или масонскими сентенціями. Извѣстный масонъ Поздѣевъ былъ убѣжденнымъ крѣпостникомъ и увѣрялъ, что свобода была бы пагубной для народа. Масонъ Кречетовъ не представлялъ себѣ возможности дать свободу „невѣждамъ“, т. е. безграмотному крестьянству. Какъ и Кречетовъ, Федоръ Глинка предвидѣлъ только бѣдствія для народа и государства отъ освобожденія крестьянъ. Извѣстный

патріархъ масонства Лопухинъ былъ тяжелымъ крѣпостнымъ помѣщикомъ, разорялъ крестьянъ и самъ разорился, устраивая въ въ своемъ имѣніи сады и другія барскія затѣи. Онъ много разъ обращается къ крѣпостному вопросу, настойчиво проводя мысль о необходимости сохраненія крѣпостного ига. „Ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго",—заявляетъ онъ въ одномъ письмѣ государю. Онъ такъ боится нарушить спокойствіе государства, что даже рекомендуетъ государю не возобновлять „несходный съ общими пользами" указъ Павла о трехдневной барщинѣ. Лопухинъ весь проникнутъ боязнью возмущенія, мятежей, которыя могутъ произойти отъ каждаго сдвига въ крѣпостныхъ устояхъ. Онъ глубоко увѣренъ въ томъ, что народъ для собственной пользы „требуетъ обузданія", что самая надежная полиція—помѣщики и т. п. Въ виду этихъ заявленій Лопухина, жалкой ироніей звучатъ его же слова, въ которыхъ онъ говоритъ, что онъ не желалъ бы видѣть въ Россіи ни одного несвободнаго человѣка, все это фразы о равенствѣ и о различныхъ моральныхъ добродѣтеляхъ. Вообще, думается, что неопредѣленныя, безъ примѣненія къ реальной жизни, заявленія масоновъ о необходимости нравственнаго самоусовершенствованія, давали поводъ видѣть въ ихъ ученіи нѣкоторое движеніе впередъ, извѣстнаго рода прогрессивность; и современные ученые приписываютъ имъ, какъ намъ кажется, гораздо болѣе практическое значеніе, чѣмъ заслуживало бы въ дѣйствительности это ученіе.

Мистическое движеніе въ Россіи имѣло нѣсколько направленій. Одни изъ этихъ направленій представляли собой чисто религіозное теченіе, другія—религіозно-политическое, въ которомъ, по тогдашнему выраженію, соединились „вѣра и вѣдѣніе".

Въ религіозномъ мистицизмѣ можно различить нѣсколько направленій, по главнымъ представителямъ этихъ направленій. Одни изъ этихъ направленій имѣютъ своимъ источникомъ прямое отношеніе къ западнымъ теченіямъ, другія выросли на русской почвѣ. Къ первымъ надо отнести дѣятельность въ Петербургѣ англійскихъ квакеровъ, а также дѣятельность Лабзина и г-жи Крюднеръ; ко вторымъ—вліяніе кружка Татариновой, дѣятельность Дубровицкаго и нѣкоторыхъ представителей скопческой секты.

А. Ѳ. Лабзинъ является наиболѣе раннимъ представителемъ религіозно-философскаго мистицизма. Еще до поступленія въ

школу, онъ былъ проникнутъ религіознымъ настроеніемъ и „ребяческимъ образомъ обрекъ себя на служеніе Богу“. По тогдашнему обыкновенію, онъ быстро проходилъ годы ученія. Десяти лѣтъ Лабзинъ поступилъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, гдѣ основательно изучилъ латинскій языкъ, а двѣнадцати лѣтъ онъ уже былъ студентомъ того-же университета. Пятнадцати лѣтъ Лабзинъ принималъ участіе въ изданіи „Вечерней Зари“. Въ юности Лабзинъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстнаго Шварца, который еще въ большей мѣрѣ поддержалъ въ немъ религіозное настроеніе. Въ поискахъ удовлетворенія своему религіозному чувству, Лабзинъ въ 1773 году вступилъ въ общество мартинистовъ. Такимъ образомъ, началась его масонская дѣятельность.

Своимъ краснорѣчіемъ и обширными познаніями онъ оказывалъ громадное вліяніе на лицъ, его окружающихъ, и на тѣхъ, съ которыми приходилось ему сталкиваться. „Судьба послала мнѣ человѣка, говоритъ М. А. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ, который впослѣдствіи имѣлъ большое вліяніе на настроеніе души моей и вообще на мой образъ мыслей“. Это былъ А. Ѳ. Лабзинъ.

Страстный по природѣ (характеризуетъ Лабзина покойный историкъ Дубровинъ), онъ не могъ любить въ половину, предавался человѣку весь, но за то требовалъ и себѣ всего человѣка. Многіе считали его такимъ хитрецомъ, который проведетъ кого угодно. Деспотъ въ душѣ, Лабзинъ былъ гордъ, самолюбивъ, имѣлъ необыкновенно твердый, хотя и строптивый характеръ. Постигшая его впослѣдствіи невзгода (ссылка) не смутила и не опечалила его: онъ остался такимъ же непреклоннымъ въ своихъ мнѣніяхъ, какимъ былъ и прежде. Сознавая самъ недостатки своего характера, Лабзинъ часто говорилъ: „если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ“. Съ низшими себя онъ обходился вѣжливо и ласково, но всѣхъ, кто стоялъ выше его, терпѣть не могъ и держалъ себя съ такими лицами грубо, за что пострадалъ впослѣдствіи. Впрочемъ, „его неукротимый характеръ нисколько не вліялъ на прекрасныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его стремленій“. Онъ искренно любилъ Россію и все русское; будучи человѣкомъ талантливымъ и образованнымъ и при томъ отлично владѣя перомъ, Лабзинъ неутомимо и безкорыстно трудился на пользу своего отечества, которому несомнѣнно принесъ значительную пользу.

Онъ оставилъ множество трудовъ и переводовъ, которые въ значительной степени способствовали обогащенію стиля и прибавили въ русскомъ языкѣ много научныхъ терминовъ, созданныхъ имъ, или истолкованныхъ яснѣе. Заслуги Лабзина были оцѣнены современниками, и впослѣдствіи онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета.

Литературная дѣятельность Лабзина была весьма разнообразна. Онъ писалъ стихи, переводилъ драмы, и впослѣдствіи сосредоточился на переводахъ мистическихъ писателей, Штиллинга, Эккарстгаузена, Делиля и др. Въ дѣлѣ изданія религіозно-нравственныхъ книгъ Лабзинъ является послѣдователемъ знаменитаго Новикова. Не довольствуясь изданіемъ переводовъ, Лабзинъ задумываетъ издавать „Христіанскій журналъ“. Своимъ изданіемъ онъ имѣлъ въ виду бороться противъ вольнодумства. Борьба съ невѣріемъ и развратомъ должна была стать основнымъ мотивомъ изданія. Ближайшаго помощника въ своемъ начинаніи Лабзинъ нашелъ въ цензорѣ Тимковскомъ. Изданіе духовнаго журнала свѣтскими лицами было для того времени не только новостью, но и дѣломъ небезопаснымъ. Но оба пріятеля надѣялись „на благость правительства и свободу, которую даруетъ оно умамъ и сердцамъ“. Не безъ большого труда получилъ Лабзинъ разрѣшеніе издавать свой журналъ, съ правомъ представленія его не въ духовную, а въ гражданскую цензуру. Такъ зародился „Сіонскій Вѣстникъ“. У Лабзина не было помощниковъ и сотрудниковъ, но „предавъ дѣло свое Промыслу, принялся за оное безъ размышленія и, такъ сказать, безразсудно“. Средствъ у него также не было.

Лабзинъ, какъ и другіе мистики, былъ увѣренъ въ томъ, что общество слишкомъ прониклось вліяніемъ вредныхъ и опасныхъ книгъ и идей; вредная философія—это то вольнодумство, которое исходило изъ выводовъ просвѣтительной философіи. Съ этой философіей разума борется Лабзинъ. Онъ увѣренъ въ томъ, что не всякій разсудокъ „въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ“, подобно тому, какъ не „всякій желудокъ въ состояніи переварить все, что человѣкъ ѣстъ.“ Между тѣмъ современные литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ свою стряпню модными снадобьями. Съ точки зрѣнія Лабзина, надо принять мѣры къ борьбѣ съ подобнаго рода направленіями. Такимъ орудіемъ борьбы должны быть книги противо-

положнаго направленія: „Когда есть книги соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя, —когда есть противонравственныя, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше".

Свой новый журналъ Лабзинъ посвящаетъ религіи и священному писанію. Журналъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ, между прочимъ и тогдашнимъ православнымъ духовенствомъ. Журналъ даже пользовался шумнымъ успѣхомъ. „Переводы и статьи Лабзина,—ядовито замѣчаетъ Руничъ,—сгруппировали около него знаменитости и ничтожности, кающихся магдалинъ и матерей семействъ, видѣвшихъ въ его трудахъ противоядіе для философіи". Уже въ мартовскихъ книжкахъ перваго года изданія (1806 г.) Лабзинъ печатаетъ статью—„Дань благодарности", гдѣ не безъ гордости указываетъ на успѣхъ своего журнала.

Но Лабзинъ могъ не долго радоваться. Нашлись противники его журнала, которые готовы были видѣть въ немъ отступленіе отъ догматовъ православія. Замѣчанія эти стекались къ оберъ-прокурору Синода князю А. Н. Голицыну. Въ то время молодой оберъ-прокуроръ еще былъ самъ далеко не свѣдущъ въ религіозныхъ догматахъ, плохо въ нихъ разбирался, и, подчинившись постороннему вліянію, онъ сдѣлался противникомъ „Сіонскаго Вѣстника". Императоръ Александръ поручилъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому и попечителю Петербургскаго Округа Новосильцеву ближе ознакомиться съ журналомъ. Оба они отстаивали „Вѣстникъ". Но въ іюньской и іюльской книжкахъ журнала появились статьи, послѣ которыхъ оказывать поддержку Лабзину было невозможно. Статьи эти содержали въ себѣ передачу бывшихъ въ то время въ большомъ ходу предсказаній о Наполеонѣ. Тогда Россія находилась въ разрывѣ съ Франціей, и подобнаго рода статьи были признаны несообразными съ духомъ правительства. Лабзинъ оправдывался, но не могъ отстоять журнала.

Прекращеніе „Сіонскаго Вѣстника" не остановило христіанско-религіозной дѣятельности Лабзина. Онъ обращается къ масонству и устраиваетъ свое особое масонское братство. Въ то время русское масонство пришло въ большой упадокъ. Новиков-

скія традиціи были забыты, почему масонскія ложи пріобрѣли характеръ мѣстъ, гдѣ люди сходились болѣе для того, чтобы убить время. Какъ послѣдователь Новикова, Лабзинъ стремится къ возрожденію истиннаго масонства. Въ его ложѣ мы встрѣчаемъ графа Разумовскаго, князя Гагарина, Граббе, священника Сперанскаго, пастора Эвенгофа, секретаремъ братства былъ Бѣляевъ, отецъ декабриста.

Лабзинъ видѣлъ въ масонствѣ первыя ступени, которыя ведутъ человѣка къ внутреннему очищенію и нравственному усовершенствованію.

Въ 1806 году Лабзинъ былъ первымъ піонеромъ религіозно-мистическаго направленія. Тогда затѣя его нашла не мало враговъ. Но съ теченіемъ времени картина стала мѣняться. Мистическое настроеніе разливалось широкой волной, захвативъ и видныхъ членовъ Библейскаго общества и министра духовныхъ дѣлъ и самого государя. На этомъ поприщѣ Лабзинъ былъ уже не одинъ. Когда онъ теперь обратился къ тому же князю Голицыну, то нашелъ въ немъ горячую поддержку въ дѣлѣ воскрешенія „Сіонскаго Вѣстника“. Князь Голицынъ, теперь самъ мистикъ, писалъ въ своемъ представленіи государю по поводу возобновленія „Сіонскаго Вѣстника“: „Перечитавъ всѣ мѣста, на кои указано было въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ цензурой, я ужаснулся, сколько отъ невѣжества моего отяготилъ я судьбу невиннаго“.

„Сіонскій Вѣстникъ“ вновь появился въ 1816 году. Лабзинъ опять былъ въ модѣ и даже мечталъ сдѣлать изданіе „Вѣстника“ предпріятіемъ государства, мечталъ даже объ учрежденіи особеннаго департамента для изданія духовныхъ книгъ. Успѣхи Лабзина на литературномъ поприщѣ снова прервались вслѣдствіе настойчивыхъ критическихъ замѣчаній, шедшихъ изъ среды православнаго духовенства. Голицынъ, самъ цензуровавшій „Вѣстникъ“, долженъ былъ признаться, что пропустилъ мѣста, непріемлемыя съ точки зрѣнія господствующей религіи. „Вѣстникъ“ отданъ былъ для просмотра духовной цензурѣ, и это обстоятельство заставило Лабзина прекратить изданіе журнала.

Вскорѣ у Лабзина, бывшаго тогда вице-президентомъ академіи художествъ, вышли непріятности по службѣ. За неумѣстное замѣчаніе въ собраніи Академіи, что если избирать близкихъ государю въ почетные любители Академіи, то можно избрать и

государева кучера Илью, Лабзинъ былъ по высочайшему повелѣнію сосланъ въ городъ Сенгилей Симбирской губерніи.

Такъ окончилъ свою дѣятельность этотъ способный и настойчивый проводникъ мистическихъ ученій. Его мистицизмъ не выдѣлялся никакими особенностями сравнительно съ ученіемъ западно-европейскихъ мистиковъ.

Другіе мистики шли гораздо дальше въ вопросахъ вѣры во внутреннюю церковь и признанія необходимости духовнаго общенія съ божествомъ. Въ послѣднемъ отношеніи большого вниманія заслуживаетъ секта Татариновой. Е. Ф. Татаринова, урожденная Буксгевденъ, была натурой склонной къ экзальтаціи и религіозно настроенная. Брошенная въ 1815 году мужемъ, она поселилась въ Михайловскомъ замкѣ. Смерть единственнаго сына еще болѣе способствовала углубленію ея въ дѣла религіи и благотворительности. Ища религіознаго утѣшенія, она познакомилась съ семьею Ненастьевыхъ. Ненастьевы принадлежали къ обществу скопческой ереси, но не требовали отъ поступавшихъ въ это общество тѣлеснаго искаженія. Въ семьѣ Ненастьевыхъ она встрѣчалась съ знаменитымъ скопцемъ Селивановымъ. Селивановъ при Екатеринѣ былъ битъ кнутомъ и отправленъ въ Сибирь, но потомъ при Александрѣ появился въ Петербургѣ. Среди скопцевъ Селивановъ почитался „истиннымъ Христомъ“ „искупителемъ“, „вторымъ сыномъ Божіимъ“. Скопцы приписывали ему даръ предсказанія и видѣли въ немъ Петра III, скрывшагося отъ Екатерины. Вліяніе Селиванова было весьма значительно. Въ 1805 году императоръ Александръ посѣтилъ его передъ отъѣздомъ въ армію и будто бы „искупитель“ предвидѣлъ неудачный исходъ войны. Татаринова сначала посѣщала скопческія радѣнія, но потомъ окончательно разошлась съ ними изъ-за вопроса о тѣлесномъ искаженіи. Она уединилась отъ свѣтскаго общества, предалась молитвѣ и благотворительности. Только близкіе знакомые посѣщали ее. Она не отказывала имъ въ духовномъ наставленіи. Скоро кругъ ея поклонниковъ сталъ быстро возрастать и около Татариновой составилось общество подъ именемъ „братства во Христѣ“. Это общество было довольно многочисленно. Въ немъ мы на ряду съ демократическими фамиліями встрѣчаемъ тайнаго совѣтника Попова, княжну Крапоткину, княгиню Енгалычеву, министра народнаго просвѣщенія князя А. М. Голицына, знакомаго намъ Лабзина, Милорадовичей, Головиныхъ, монаха Іова и

многихъ другихъ. Общество Татариновой не было сектой въ собственномъ смыслѣ, потому что оно не имѣло никакой организаціи, и собранія заключались въ томъ, что Татаринова читала и толковала священное писаніе. Члены общества исполняли обряды православной церкви, стремясь, однако, къ духу истиннаго христіанства.

Среди поклонниковъ Татариновой мы встрѣчаемъ и нѣкоторыхъ скопцевъ, вродѣ извѣстнаго Никиты Ѳедорова (пророкъ Никитушка). Сама Татаринова, впервые прояснившаяся духомъ Божіимъ въ средѣ скопцовъ, имѣла также склонность къ нѣкоторымъ сторонамъ скопческой ереси. Неудивительно поэтому, что собранія у Татариновой вскорѣ приняли характеръ круженій или такъ называемыхъ радѣній, употребляемыхъ скопцами. На эти радѣнія собиралось довольно значительное количество поклонниковъ Татариновой. Тутъ бывали и Лабзинъ и А. М. Голицынъ. Вѣроятно, круженіе какого нибудь тайнаго совѣтника, какъ В. М. Попова, въ мундирахъ и при орденахъ (по тогдашнему обыкновенію) представляло собой любопытное зрѣлище. Во время радѣній являлись и пророки. Большею частью пророчествовала сама Татаринова или скопецъ Федоровъ. Интересно, что послѣдній, по ходатайству князя Голицына, будучи музыкантомъ, награжденъ былъ чиномъ XIV класса за свою пророческую дѣятельность.

О радѣніяхъ Татариновой въ городѣ ходили самые разнообразные слухи, но, пользуясь высокимъ заступничествомъ, она спокойно продолжала свою дѣятельность. Когда вышелъ указъ 1822 года о закрытіи тайныхъ обществъ, то и отъ Татариновой отобрали подписку о томъ, что она впредь не будетъ собирать у себя собраній и кромѣ того императоръ выселилъ ее изъ Михайловскаго замка, хотя далъ ей средства на наемъ квартиры. Поселившись въ другомъ мѣстѣ Татаринова, все-таки продолжала свои собранія, хотя онѣ не были уже столь часты и многочисленны.

Общество Татариновой, какъ мы видѣли, имѣло тѣсную связь съ мѣстнымъ сектантствомъ. Но на петербургское общество большое вліяніе оказали также и представители различныхъ мистическихъ ученій, появлявшіеся въ Петербургѣ. Серьезный интересъ для характеристики тогдашней эпохи представляетъ собою дѣятельность баронессы Крюднеръ.

Крюднеръ представляетъ собою въ высшей степени любопытную фигуру того времени. Это типичная натура, дѣятельность которой можетъ характеризовать мистическое настроеніе эпохи.

Варвара-Юлія Фитингофъ, по мужу баронесса Крюднеръ, родилась въ 1764 году и принадлежала къ крупной ливонской аристократической фамиліи; она была внучкой знаменитаго фельдмаршала Миниха. Воспитаніе ея состояло въ изученіи французскаго языка, танцевъ и свѣтскихъ манеръ. Богатая наслѣдница вышла замужъ за хорошо образованнаго, но уже не молодого барона Крюднера, быстро двигавшагося по служебной карьерѣ. Баронъ былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, позже въ Венеціи и, наконецъ, въ Берлинѣ. Молодая жена стараго дипломата была натурой страстной и увлекающейся. Молодость свою она провела очень бурно, нѣсколько разъ бросала мужа для того, чтобы всецѣло отдаться другому. Бросая барона, она впрочемъ каждый разъ мечтала, что еще успѣетъ выбрать время, дабы „усладить его жизнь, облегчить бремя лѣтъ своей нѣжностью, заставить его забыть долгое одиночество, въ которомъ онъ жилъ“. Впрочемъ, баронъ такъ и не дождался этой житейской услады, ибо умеръ тогда, когда его жена веселилась въ Парижѣ съ кавалерійскимъ офицеромъ (въ 1802 г.). И при мужѣ и оставшись вдовою, баронесса проводила бродячую жизнь. Въ Парижѣ, куда она бѣжала изъ Копенгагена съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ, она въ годъ революціи пробовала играть видную роль въ тамошнихъ салонахъ, но, сознавъ въ себѣ отсутствіе образованія, поспѣшила на югъ Франціи, на этотъ разъ уже съ ученымъ аббатомъ.

Легкомысленная жизнь и перемѣна поклонниковъ не вполнѣ удовлетворяли молодую женщину. Крюднеръ стремилась къ славѣ, ей хотѣлось быть знаменитостью. Свѣтская женщина то стремится сойтись съ кругомъ литераторовъ, то предается преувеличенной сентиментальности и мечтательной экзальтаціи. Склонность къ экзальтаціи несомнѣнно была врожденнымъ свойствомъ Крюднеръ. Мечтательность съ религіознымъ оттѣнкомъ особенно развивалась въ ней, когда она разставалась съ кѣмъ нибудь изъ своихъ поклонниковъ и по бюджетнымъ соображеніямъ удалялась въ свои ливонскія помѣстья. Такъ, разставшись съ драгунскимъ офицеромъ Фрежвилемъ, она поселяется въ своихъ помѣстьяхъ и пишетъ мечтательныя письма своей бывшей гувернанткѣ г-жѣ

Арманъ, жившей въ Швейцаріи,—мечтаетъ о томъ, какъ онѣ обѣ поселятся вмѣстѣ въ простой сельской обстановкѣ, будутъ „трудиться, какъ поселянки, дѣлать добро, съ самоотверженіемъ переносить тягости жизни и всегда благословлять Благодѣтельнаго Творца природы за то, что Онъ имъ пошлетъ". Сентиментальныя стремленія къ природѣ въ общемъ составляютъ характерную черту Крюднеръ и эти мечты представляли собою странный контрастъ съ ея свѣтской жизнью. Среди этой жизни ей воображалось, что „она любитъ только простыя и естественныя удовольствія, мирныхъ друзей, ровную жизнь, любитъ только то, что любили лучшіе изъ людей, изучаетъ жизнь достойныхъ людей, чтобы подражать имъ въ собственной жизни; любитъ только природу и себя самое—въ томъ порядкѣ какой она установила". Этой „близкой къ природѣ" женщинѣ пришлось, однако, заплатить за три мѣсяца своей жизни въ Парижѣ своей модисткѣ 20000 франковъ.

Къ 28 годамъ жизнь успѣла сильно отразиться на Крюднеръ. Ея красота стала блекнуть и это обстоятельство усиливало ея дурное расположеніе духа. „Ей хотѣлось бы остаться молодой,—говоритъ одинъ изъ ея біографовъ-почитателей,—и съ этой цѣлью она изобрѣтала моды болѣе оригинальныя и странныя, чѣмъ красивыя и граціозныя, которыя всѣмъ бросались въ глаза, ненравясь никому". Привычка первенствовать и зарождающееся сознаніе, что поклонниковъ больше не чѣмъ уже привлекать, заставляетъ эту,—во всякомъ случаѣ сильную натуру,—искать другихъ выходовъ. Она пробуетъ добиться успѣха на литературномъ поприщѣ. Она пишетъ романъ, имѣющій отчасти автобіографическій характеръ, и добивается кратковременнаго и довольно шумнаго успѣха въ Парижскихъ литературныхъ салонахъ при помощи, однако, купленныхъ литературныхъ критиковъ и восхваляющихъ поэтовъ. Этотъ успѣхъ, однако, не удовлетворилъ тщеславія Крюднеръ. „Въ госпожѣ Крюднеръ,—говоритъ ея біографъ,—слишкомъ развито было личное тщеславіе, которымъ она обманывала нерѣдко и сама себя; она слишкомъ любила рисоваться и привыкла къ аффектаціи и самохвальной выставкѣ,—чтобы эти свойства ея характера не высказались и въ новомъ направленіи ея суетливой жизни". Отъ легкомысленной жизни и кратковременныхъ литературныхъ успѣховъ Крюднеръ, со свойственной ей аффектаціей, отдается религіи. Молодое сердце она предоставляла

поклонникамъ, истрепанное отдала Богу. Такъ произошла одна изъ довольно частыхъ метаморфозъ.

Уже раньше, въ годины любовныхъ неудачъ, въ Крюднеръ проявлялось стремленіе къ близости природы; она любила говорить о небѣ, о Провидѣніи, будучи иногда готова объяснить факты собственной жизни Его вмѣшательствомъ. Все это, разумѣется, подготовляло почву для послѣдующаго „обращенія“ Крюднеръ. Она не была способна отдаться положительной религіи: послѣдняя не могла бы удовлетворить ея тщеславія, не давала бы удовлетворенія ея страстной натурѣ. Нѣсколько случайныхъ встрѣчъ направили ее на путь религіознаго мистицизма. Такой случайной встрѣчей было знакомство съ однимъ башмачникомъ въ Ливоніи, принадлежавшимъ къ сектѣ гернгутеровъ. Въ Силезіи и Лузаціи она ближе знакомится съ ученіемъ моравскихъ братьевъ. Она стремилась и въ періодъ своего просвѣтлѣнія ко всему особенному, чрезвычайному, необыкновенному. Острое чувство любопытства влекло ее къ фанатикамъ, визіонерамъ, самозваннымъ пророкамъ. Даже знакомство съ патріархомъ мистики Юнгомъ Штиллингомъ не удовлетворило Крюднеръ. Въ то время Штиллингъ уже глубокій старикъ жилъ въ Карлсруэ. Съ нимъ въ 1808 году знакомится она и является въ числѣ его поклонницъ, получаетъ отъ него наставленія.

Юнгъ Штиллингъ, патріархъ европейской мистики, пережилъ самъ, какъ и большинство учителей мистики, жизнь, полную превратностей. Началъ онъ свою дѣятельность плохимъ портнымъ въ маленькомъ нѣмецкомъ мѣстечкѣ, потомъ превратился въ легкомысленнаго студента медицины и вышелъ неудачнымъ глазнымъ врачемъ, продолжалъ свою дѣятельность невѣжественнымъ профессоромъ технологіи и сельскаго хозяйства, все время упорно ища своего настоящаго призванія. Еще въ дѣтствѣ его дѣдъ, сельскій пасторъ, сказалъ отцу, что изъ маленькаго Юнга выйдетъ великій человѣкъ, только не слѣдуетъ выпускать его изъ-подъ розги. Отецъ Юнга такъ и поступалъ, и на склонѣ лѣтъ Штиллингъ, наконецъ, сдѣлался великимъ учителемъ мистики.

Штиллингъ открываетъ Крюднеръ новый міръ мистическаго піэтизма. Но у нея скоро прошло увлеченіе Штиллингомъ, для нея онъ оказался лишь человѣкомъ „чрезвычайнымъ, достойнымъ изученія и изслѣдованія“. Большое впечатлѣніе на Крюднеръ произвелъ крестьянинъ Адамъ Мюллеръ, занимавшійся пророче-

ствомъ. Подъ его вліяніемъ она сама проникается духомъ пророчества. Затѣмъ она сходится съ пасторомъ Фонтеномъ. Фонтенъ дѣйствовалъ черезъ пророчицу Марію Куммеръ, которая еще въ 1811 году возвѣстила о побѣдѣ бѣлаго ангела надъ чернымъ. Фонтенъ и Куммеръ пользовались долгое время горячими симпатіями Крюднеръ.

При такихъ условіяхъ для Крюднеръ началась новая жизнь. Сойдясь съ пророками и проповѣдниками мистическихъ ученій, она сама превратилась въ пророчицу и проповѣдницу и сама стала пріобрѣтать поклонниковъ. Одна ея поклонница фрейлина императрицы Елизаветы Роксана Стурдза, по мужу графиня Эдлингъ, такъ характеризуетъ жизнь Крюднеръ въ Баденѣ въ первый періодъ ея обращенія: „Сюда стекались къ ней бѣдняки, несчастные, дѣти, а иногда и люди свѣтскіе, приходившіе, подобно мнѣ, подышать въ болѣе чистой атмосферѣ любви и мира. Въ эту эпоху своей жизни она искала Бога въ дѣлахъ нѣжной благотворительности, добровольной бѣдности и восторженнаго религіознаго созерцанія. Лишь впослѣдствіи эта восторженность подѣйствовала потрясающимъ образомъ на всю ея внутреннюю организацію. Тогда весь свѣтъ вокругъ нея подернулся таинственнымъ мистическимъ покровомъ; и физическая и нравственная природа населилась для нея призраками, не дававшими ей покоя. Но и среди своихъ заблужденій она оставалась всегда тою же доброю, глубоко симпатичною женщиною. Ея душа всегда была открыта для всѣхъ несчастныхъ и никогда не отказывала она въ слезѣ сочувствія къ страданіямъ и ошибкамъ себѣ подобныхъ“.

Крюднеръ съ жаромъ отдается проповѣдничеству. Она направила свою проповѣдь въ народную среду, гдѣ находила болѣе внимательныхъ слушателей. Для пролетаріевъ языкъ новой пророчицы былъ доступенъ и убѣдителенъ. Она возвѣщала скорый конецъ свѣта. Въ своихъ проповѣдяхъ она разражалась грозными тирадами противъ богачей и пламенно говорила о христіанскомъ братствѣ и равенствѣ. Въ деревушкѣ Шлухтернъ (Гессенскомъ курфюршествѣ,—гдѣ одно время поселилась Крюднеръ) крестьяне толпами стекались къ Крюднеръ, чтобы увидѣть и услышать ее. Собранія вѣрующихъ происходили подъ открытымъ небомъ. Здѣсь она изрекала свои грозныя тирады и дѣлала предсказанія.

Въ Швейцаріи она занимается организаціей помощи голодающимъ, пока не была выселена республиканскимъ правительствомъ.

Впрочемъ, ученіе Крюднеръ не можетъ быть точно и строго формулировано. Ея нравственныя и религіозныя идеи отличаются темнотою и неопредѣленностью. Крюднеръ серьезно считала себя испытавшей „въ настоящемъ смыслѣ слова чудеса“, посвященной „въ глубочайшія тайны вѣчности“. Она призывала всѣхъ, ожидающихъ блаженства, отдаться вполнѣ Христу. Христосъ соберетъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ, послѣ чего настанетъ его царство, „онъ придетъ къ намъ царствовать 1000 лѣтъ на землѣ. Отдайтесь ему и просите только вѣры и любви къ нему и къ его небесному Отцу“... Какъ всѣ мистики, она вѣрила въ близкое общеніе съ божествомъ, чувствовала Бога „совсѣмъ подлѣ себя“; и глубоко вѣрила въ получаемыя ею отъ божества внушенія. Богъ давалъ ей указанія пойти въ то или другое мѣсто, къ людямъ, которыхъ онъ ей уготовилъ. Крюднеръ серьезно считала себя пророчицей и изрекала темныя неопредѣленныя предсказанія, которыя впослѣдствіи, прокомментированныя ея поклонниками, служили къ вящей ея славѣ. Она предрекала скорую кончину міра и паденіе царства зла, представителемъ котораго для нея былъ Наполеонъ: все будетъ ниспровержено—„школы, человѣческія науки, государства, троны“; настанетъ царство дѣтей божіихъ, сыновъ Израиля, въ которомъ найдутъ утѣшеніе всѣ ищущіе блаженства. Она предсказывала даже, по ея увѣреніямъ, нѣкоторыя политическія событія, напримѣръ бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и проч.

Крюднеръ не довольствовалась одной только проповѣднической дѣятельностью среди южно-нѣмецкаго крестьянства. Она дѣлала попытки, особенно въ началѣ своего обращенія, утвердиться въ придворныхъ сферахъ. Она пробовала вліять на королеву прусскую Луизу, имѣла свиданіе съ императрицей Елизаветой Алексѣевной, но ея фанатизмъ для обѣихъ, склонныхъ къ положительной религіи, былъ мало понятенъ. Въ придворныхъ сферахъ она пріобрѣла себѣ одну лишь вѣрную поклонницу фрейлину Роксану Стурдзу, сестру извѣстнаго Александра Стурдзы. При посредствѣ послѣдней Крюднеръ сдѣлалась извѣстной императору Александру I-му. Когда императоръ въ 1814 году остановился на пути къ арміи въ Гейльброннѣ, Крюднеръ внезапно явилась вечеромъ во дворецъ и потребовала свиданія съ императоромъ. Внезапное появленіе проповѣдницы поразило Александра I. Нѣсколько часовъ они провели въ религіозной бесѣдѣ. „Въ

этомъ первомъ свиданіи,—говоритъ одинъ свидѣтель событій,—госпожа Крюднеръ старалась побудить Александра углубиться въ самаго себя, показывая ему его грѣховное состояніе, заблужденія его прежней жизни и гордость, которая руководила имъ въ его планахъ возрожденія". Свиданія императора съ Крюднеръ были довольно часты, пока государь ожидалъ армію, двигавшуюся противъ Наполеона, внезапно водворившагося во Франціи, проживая въ Гейльбронпѣ, а потомъ въ Гейдельбергѣ. Нѣкоторые изъ почитателей Крюднеръ приписывали этимъ свиданіямъ весьма большое политическое значеніе и между прочимъ идею Священнаго союза считали внушенной Крюднеръ императору. Но, кажется, въ этихъ бесѣдахъ собесѣдники не касались политики, занимаясь исключительно вопросами религіозными, и болѣе осторожные историки отрицаютъ участіе Крюднеръ въ выработкѣ идеи Священнаго союза.

Имя Крюднеръ пользовалось громкой извѣстностью, когда она появилась въ Петербургѣ. Салонъ ея сталъ быстро наполняться, ея проповѣдь стала наиболѣе модной. Но этотъ успѣхъ продолжался недолго. Крюднеръ стала вмѣшиваться въ дѣла политики. Тогда императоръ посовѣтовалъ ей удалиться въ Ливонію, гдѣ она предалась аскетизму и вскорѣ умерла.

Увлеченіе русскаго общества религіозной мистикой является очень важнымъ показателемъ тогдашняго настроенія. Религіозное вольнодумство и вольтеріанство конца XVIII в. смѣнилось другой крайностью—стремленіемъ къ мистицизму и піэтизму.

Мистицизмъ, какъ извѣстно, противорѣчитъ церковному авторитету. Сущность мистицизма заключается въ стремленіи къ достиженію богопознанія путемъ непосредственнаго, внутренняго созерцанія Бога. Онъ стремится къ постоянному духовному общенію съ божествомъ и къ духовному возрожденію силою дѣйствующаго въ человѣкѣ духа благодати. Ища откровенія въ самомъ себѣ, человѣкъ порываетъ съ внѣшними признаками церковнаго авторитета. Церковная обрядность является только символами, внѣшнею церковью, въ противоположность внутренней. Но это различіе между церковнымъ ученіемъ и внутреннею церковью было не велико тамъ, гдѣ мистицизмъ не успѣлъ прочно укрѣпиться.

По самому характеру распространенія мистицизма въ Россіи легко усмотрѣть, что онъ падалъ на крайне зыбкую почву. Об-

щество легко набрасывалось на каждую новинку. Однихъ и тѣхъ же лицъ мы видимъ благоговѣйно присутствующими и на радѣніяхъ Татариновой, и принимающими участіе въ тихой духовной молитвѣ англійскихъ квакеровъ, и слушающими экзальтированную проповѣдь Крюднеръ. И въ то же время, не довольствуясь духовнымъ самоуглубленіемъ, „внутренней церковью“ и чтеніемъ священнаго писанія, тѣ же самыя лица проявляютъ усердіе въ духѣ господствующей церкви. Князь Голицынъ, типичный представитель тогдашняго увлеченія мистицизмомъ, ищетъ поученія у всѣхъ мистиковъ и въ то же время устраиваетъ у себя домовую церковь, выполняетъ обряды и „вкушаетъ хлѣбцы духовныя“ у правовѣрнаго архимандрита Фотія. Отсюда ясно, что увлеченіе мистицизмомъ для большинства явилось временнымъ налетомъ, и послѣ краткаго его господства, общество проникается рвеніемъ въ духѣ господствующей церкви, какъ впрочемъ и въ Западной Европѣ кватковременное увлеченіе мистицизмомъ смѣняется увлеченіемъ католицизмомъ. Поворотъ къ господствующей церкви въ Россіи сталъ особенно замѣчаться около 20-го года. Онъ, несомнѣнно, былъ гораздо глубже увлеченія мистицизмомъ. Изъ столицъ это теченіе широкимъ потокомъ разнеслось по провинціямъ, чему весьма способствовало развитіе библейскихъ обществъ.

Кромѣ религіознаго и общественнаго значенія, мистицизмъ и особенно поворотъ къ господствующей церкви имѣютъ еще другое чрезвычайно важное значеніе. Религіозное воодушевленіе является реакціей по отношенію къ философской мысли, вѣра въ сверхъестественное, въ общеніе съ божествомъ, полное подчиненіе ему и его земнымъ пророкамъ является реакціей по отношенію къ періоду господства разума. Для немногихъ избранныхъ, каковы Чаадаевъ, Витбергъ, впослѣдствіи Печеринъ, мистика была средствомъ разрѣшить религіозно-философскіе вопросы, понять путемъ мистическаго прозрѣнія смыслъ жизни. Этотъ чистый мистическій идеализмъ былъ сродни тому философскому идеализму, который уже въ двадцатыхъ годахъ захватилъ нашихъ молодыхъ философовъ, такъ называемыхъ любомудровъ, и широко развился въ Николаевскую эпоху. Но въ своей обычной, популярной формѣ мистика держалась не особенно высоко отъ земли и какъ на Западѣ, такъ и у насъ, была вдохновительницей общественной и политической реакціи. Бурныя событія, послѣдовавшія за французской революціей, утомили об-

щество. Политическіе идеалы,—такъ казалось многимъ, — были разбиты. Философія конца XVIII вѣка высоко ставила разумъ, она несла съ собою просвѣщеніе и при посредствѣ просвѣщенія низвергала традиціонные авторитеты, политическіе и религіозные. Религіозная экзальтація исходитъ изъ совершенно противоположнаго начала. Въ вопросахъ философскихъ и политическихъ она ищетъ подкрѣпленія во всемъ томъ, что имѣетъ авторитетъ старины, традиціи, что покрыто неясной таинственностью; вѣра въ сверхъестественную силу подрываетъ авторитетъ просвѣщенія. Неудивительно поэтому, что возвратъ къ религіи повлекъ за собою возвратъ къ старымъ формамъ политическаго строя и къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ. Мистицизму враждебны либеральныя идеи, гдѣ проявляется человѣческій разумъ, для него революція является дѣяніемъ антихриста. Легко догадаться, что это теченіе явилось весьма подходящимъ для реакціонныхъ правительствъ. Меттернихъ очень вѣрно оцѣнилъ его и подчинилъ его реакціонной политикѣ австрійскаго правительства. И русскіе государственные люди очень скоро сдѣлали реакціонное настроеніе общества опорой своей политики. Тогда Россія пережила одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ своей исторіи.

ГЛАВА XI.

Кн. А. Н. Голицынъ и торжество правовѣрія.

Реакціонная дѣятельность правительства достигаетъ полной силы, когда во главѣ ея сталъ близкій къ императору Александру человѣкъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, и когда реакціонеры свили себѣ прочное гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ. Необходимо познакомиться, какъ съ названнымъ представителемъ реакціи, такъ и съ тѣмъ учрежденіемъ, изъ котораго она выходила.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ является такой личностью, которая окрашиваетъ цѣлый періодъ. Съ императоромъ Александромъ его связывала тѣснѣйшая дружба,—такая, которая соединяетъ людей, выросшихъ вмѣстѣ. Эти личныя искреннія отношенія никогда не нарушались. Довѣріе къ нему императора можно считать безграничнымъ. При императорѣ Павлѣ и въ первые годы вступленія на престолъ Александра князь Голицынъ занималъ только придворныя должности, видимо не имѣя честолюбія двигаться по служебной лѣстницѣ. Онъ проводилъ молодость весело, велъ разсѣянную жизнь среди вина и женщинъ, отличался веселымъ характеромъ, въ своихъ сарказмахъ не щадилъ ни людей, ни религіозныхъ истинъ. Какъ и всѣ молодые люди, выросшіе въ концѣ XVIII вѣка, онъ увлекался философіей и серьезно считалъ себя деистомъ, хотя въ сущности былъ полнымъ невѣждой, какъ въ философіи, такъ и въ религіи.

Къ 1803 году распри между синодальными членами и оберъ-прокуроромъ Яковлевымъ стали тяготить государя. Однажды, совершенно неожиданно для Голицына, за обѣдомъ, государь выразилъ настойчивое желаніе, чтобы молодой повѣса занялъ должность оберъ-прокурора. „Мнѣ бы хотѣлось,—говорилъ государь,—чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ

эту важную должность. Я никогда къ себѣ не допускалъ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работывалъ; а ты будешь непосредственно имѣть со мной дѣло, потому что вмѣстѣ съ симъ я назначаю тебя и моимъ статсъ-секретаремъ". Самъ государь понималъ, что такое занятіе покажется „дикимъ" представителю золотой петербургской молодежи, но, прибавилъ государь, „мнѣ совершенно извѣстны твои честныя правила, отъ которыхъ, равно какъ и отъ твоей добросовѣстности, я всего надѣюсь добраго". Голицынъ былъ смущенъ. Извѣстная и государю его добросовѣстность заставила его долго раздумывать надъ принятіемъ этого мѣста. Князь сознавалъ, что онъ не знаетъ дѣла, страннымъ казалось ему ѣздить въ старинное зданіе Петровскихъ коллегій на Васильевскій островъ и засѣдать среди рясъ. „Какой я оберъ-прокуроръ?—думалъ я самъ про себя. Я ничему не вѣрю". Онъ признался государю въ своихъ колебаніяхъ: при его образѣ мыслей о религіи, служба въ Синодѣ означала бы „стоять на перекоръ совѣсти и вопреки моихъ умственныхъ понятій". Голицынъ оттягивалъ окончательный отвѣтъ, государь высказывалъ неудовольствіе; Голицыну пришлось уступить.

Первые же моменты дѣятельности въ Синодѣ вызвали въ Голицынѣ веселое настроеніе, выразившееся въ сарказмахъ. Молодой оберъ-прокуроръ старался быть въ Синодѣ „важнымъ, степеннымъ", но какъ разъ первыя же дѣла, которыя ему пришлось слушать, — это были дѣла о прелюбодѣяніяхъ, изобиловавшія пикантными подробностями. „Мнѣ тогда показалось, — сдѣлалъ наблюденіе оберъ-прокуроръ—что и святые отцы вовсе не были прочь ихъ выслушивать: что же мнѣ,—молодому холостяку?" Молодой оберъ-прокуроръ подтрунивалъ надъ Синодомъ, иногда даже допускалъ „дерзновенное богохульство", въ которомъ потомъ самъ каялся. „Страсти крѣпко обуревали мою душу, и я любилъ тогда поддаваться особенно тѣмъ изъ ихъ изысканныхъ нелѣпостей, гдѣ занимаемое мною званіе, званіе по справедливости столь важное, могло служить наибольшимъ упрекомъ моего тогдашняго поведенія". Молодого оберъ-прокурора забавляло, что въ чаду молодого разгулья, „въ тѣсномъ кругу тогдашнихъ прелестницъ", онъ воображалъ, какъ удивились бы онѣ, если бы узнали, что среди нихъ находится самъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.

Но добросовѣстность была дѣйствительно замѣтной чертой въ характерѣ Голицина. Съ языческой добросовѣстностью, какъ

онъ самъ опредѣляетъ, онъ приступилъ къ занятію дѣлами Синода. Намъ впослѣдствіи еще придется говорить о дѣятельности князя Голицына, какъ синодальнаго оберъ-прокурора. Но теперь мы слѣдимъ за тѣми чертами характера князя Голицына, которыя сдѣлали его въ итогѣ ревностнѣйшимъ сыномъ всѣхъ религіозныхъ направленій.

Вскорѣ и государь замѣтилъ въ своемъ другѣ значительную перемѣну. Черезъ два года Голицыну пришлось вступить въ сильный споръ съ государемъ при докладѣ по поводу одного частнаго дѣла о разводѣ. Оберъ-прокуроръ обнаружилъ большой запасъ знаній изъ постановленій святыхъ отцовъ и вселенскихъ соборовъ и сильно настаивалъ на утвержденіи Синодской резолюціи, не допускавшей развода одного генерала, на которомъ настоять весьма хотѣлось императору. Государь смотрѣлъ съ удивленіемъ на своего друга и спросилъ его: неужели онъ начинаетъ вѣрить? „Вижу,—сказалъ въ заключеніе разговора государь,—что попы сдѣлали съ тобою свое дѣло“. Дѣйствительно, оберъ-прокуроръ сдѣлался ревностнымъ защитникомъ синодальныхъ правъ и церковныхъ постановленій. Онъ самъ все болѣе и болѣе углублялся въ область религіи. Онъ близко сходится съ представителями мистическихъ направленій. Первымъ другомъ его и наставителемъ въ этомъ отношеніи былъ извѣстный мистикъ Р. А. Кошелевъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Голицынъ самъ отмѣчаетъ этотъ переходъ: „Я добросовѣстно вѣрилъ истинамъ священнаго писанія; вѣрилъ охотно, добродушно всему, что религія ни подставляла для наружнаго наблюденія и исполненія, и сердце мое, хотя и носило въ себѣ полное ко всему убѣжденіе, но выражать это живое убѣжденіе въ словѣ, но опровергать въ полнотѣ и съ нѣкоторою методою встрѣчавшійся скептицизмъ въ людяхъ, я никакъ не могъ и не рѣшался“. Это признаніе князя Голицына чрезвычайно характерно: оно отражаетъ и его характеръ и его способности. Онъ воспринималъ всякую религію, всякую вѣру, въ которой его старались убѣдить только потому, что не умѣлъ и не могъ оспаривать то, въ чемъ его убѣждали. Правда, чтобы исправить въ себѣ этотъ недостатокъ, кн. Голицинъ ревностно изучалъ „контроверзическія разысканія“, но онѣ мало помогали ему и такъ и не научили его разбираться въ тонкостяхъ религіозныхъ истинъ.

Во всякомъ ученіи онъ прежде всего усваивалъ внѣшнюю его обрядовую сторону. Его вскорѣ стали тяготить воспоминанія о тѣхъ сарказмахъ по адресу религіи, которые онъ позволялъ себѣ въ молодости. Для того, чтобы заглушить эти воспоминанія, раскаявшійся грѣшникъ прежде всего стремится обстановку домашней жизни согласовать съ его новыми религіозными увлеченіями. Онъ началъ съ поста и умерщвленія плоти. Вмѣсто мягкаго пуховика, онъ сталъ спать на деревянной скамейкѣ, узкой и короткой, иногда совсѣмъ лишалъ себя сна, спалъ въ сырой комнатѣ, нарочито выбранной. Страсти начали улегаться. Но съ одной изъ нихъ долго боролся оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода: „самая лютая страсть“, объясняемая сангвиническимъ темпераментомъ, долго не могла улечься и доводила святошу до безумія, до рискованныхъ поступковъ; борясь съ этой страстью, князь „съ содраганіемъ“ иногда думалъ „о неотразимой невозможности навсегда оставить женщинъ“; онъ поборолъ и эту страсть, хотя и въ старости признавался, что онъ, къ его глубокому сожалѣнію, сохраняетъ „еще всю возможность паденія“, и тогда даже не рѣшался „ѣхать въ одномъ и томъ же экипажѣ или оставаться наединѣ съ какою бы то ни было молодою женщиной“.

Князь заводитъ у себя домовую церковь и является ревностнѣйшимъ выполнителемъ обрядовой стороны православной религіи. Но одновременно онъ проникается и мистическими ученіями. Письма кн. Голицына къ архимандриту Фотію, его духовному брату, исполнены текстами не только евангельскими и библейскими, но и текстами церковныхъ пѣснопѣній, что подтверждаетъ признаніе автора этихъ писемъ въ постоянномъ упражненіи въ молитвѣ. Онъ молится много и усердно, безпрестанно проситъ своего духовнаго отца молиться за него. Эти искреннія письма сохранили намъ признаніе Голицына о частыхъ слезахъ, коими онъ плакалъ „о грѣхахъ своихъ“. Въ то же время онъ ищетъ всякаго рода признаковъ присутствія и снисхожденія божества. Онъ искренне удивляется тѣмъ чудесамъ и снамъ, которые описываетъ ему Фотій, но самъ князь—человѣкъ чистый и неэкзальтированный—это спокойный религіозный человѣкъ, почему въ своей жизни онъ не находитъ признаковъ внѣшняго проявленія божества. Впрочемъ, онъ ищетъ его: влетѣли три голубя въ домовую церковь, летали въ алтарѣ, мальчикъ сталъ ловить ихъ и они улетѣли; кн. Голицынъ съ трепетомъ сообщаетъ объ этомъ событіи

своему корреспонденту, готовый въ этомъ видѣть знаменіе. Онъ тщательно подбираетъ всякаго рода церковыя реликвіи. Онъ собираетъ въ своей церкви ваіи изъ Іерусалима, іерусалимскіе крестики и т. п., охотно дѣлясь этими священными реликвіями съ своимъ корреспондентомъ. Его трогаетъ, когда Фотій прислалъ ему хлѣбъ съ выпеченнымъ на верху крестикомъ: „я не могу Вамъ описать, какъ мнѣ пріятно было вкусить сего хлѣба“,—сообщаетъ кн. Голицынъ своему духовному отцу. Въ то же время онъ пишетъ о своей привязанности къ нему и проситъ его кормить „меня духовнымъ хлѣбомъ“. Вообще, съ особенной сладостью кн. Голицынъ любитъ „вкушать хлѣбца духовныя“ у правовѣрнаго архимандрита Фотія. Оба корреспондента часто, впрочемъ, говорятъ на разныхъ языкахъ. Кн. Голицынъ говоритъ „о внутренней церкви“,—Фотій о внѣшней церкви. Проникновеніе мистицизмомъ сказывается иногда въ письмахъ кн. Голицына. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ увѣряетъ своего корреспондента въ томъ, что „Господь снизшолъ въ меня грѣшника и тѣломъ Своимъ и кровію во мнѣ пребывалъ“.

Дѣйствительно, увлеченіе правовѣріемъ, аскетическая преданность православію совмѣщались у Голицына съ чисто мистическими воззрѣніями. Онъ охотно прислушивался ко всякому мистическому теченію, онъ посѣщалъ вечера у Татариновой, бывалъ на собраніяхъ Крюднеръ, въ его лицѣ извѣстные Лабзинъ, Поповъ и другіе мистики имѣли самаго ревностнаго читателя и почитателя. Онъ проникся этимъ воззрѣніемъ и проводилъ его въ управляемомъ имъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Онъ былъ глубоко увѣренъ, какъ сообщаетъ въ письмѣ къ будущему харьковскому попечителю З. Я. Карнѣеву, что „въ нынѣшнія времена, гдѣ сраженіе тьмы со свѣтомъ удивительно какъ становится явно“, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что „сатана старѣется и чувствуетъ приближеніе кончины своего царствованія на земли, то и употребляетъ послѣднія усилія хитрѣйшія и покрывается даже личиною религіозною, наружною, но вліяетъ на внутренній ходъ“.

Голицынъ серьезно былъ увѣренъ въ томъ, что сатана дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы сохранить свое вліяніе надъ людьми; ухищренія сатаны весьма опасны, потому что „сатана старъ сталъ“ и пріобрѣлъ опытъ въ дѣлѣ совращенія людей, но Голицынъ надѣется на милость Божію.

Онъ борется противъ зловредныхъ книгъ, въ которыхъ разсѣяны ученія противъ божественности Спасителя. Итакъ, „тьма невѣрія“, „подрывъ основъ“, борьба противъ хитрѣйшихъ усилій дьявола — вотъ тотъ мистическій налетъ, которымъ съ другой стороны проникнуто міровоззрѣніе кн. Голицына. И не слѣдуетъ думать, что онъ былъ не искрененъ. Его душа стремилась къ успокоенію въ религіи, онъ искалъ вѣры, онъ былъ искрененъ и набоженъ по своему, но не умѣлъ разбираться въ тонкостяхъ ученія. Его отношеніе къ Лабзину и къ его изданіямъ очень хорошо это показываютъ: онъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое отношеніе къ „Сіонскому Вѣстнику“, въ зависимости отъ того, насколько убѣдительны были тѣ или иные доводы.

При всемъ своемъ невѣжествѣ, Голицынъ былъ человѣкъ добрый и благодушный. Будучи другомъ Александра I, онъ не искалъ милости. Это едва ли не единственная опредѣленная черта въ его характерѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ легко поддавался вліянію окружающихъ и всякій могъ направить его въ свою сторону. Окруженный святошами, Голицынъ выдвигаетъ и А. И. Тургенева, который составлялъ проэкты конституціи, занимая квартиру въ казенномъ домѣ, надъ кабинетомъ реакціонаго министра.

Незамѣтно для самого себя, направляемый пронырливой кликой реакціонеровъ, Голицынъ становится во главѣ самаго мрачнаго обскурантизма. Близкій къ государю, стоявшій во главѣ Святѣйшаго Синода, а потомъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ оказался удобнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи. Черезъ него реакція направила свои удары на народное просвѣщеніе и печать, прикрываясь религіей.

Активный походъ противъ просвѣщенія открыло Библейское Общество.

Петербургское Библейское общество явилось отпрыскомъ очень симпатичнаго по своимъ задачамъ лондонскаго Библейскаго Общества. Цѣлью послѣдняго было распространеніе книгъ священнаго Писанія, заведеніе школъ и филантропическія цѣли. Въ 1812 году, по порученію лондонскаго Общества, является въ Петербургъ Патерсонъ и открываетъ здѣсь петербургское Библейское Общество. Первоначальной цѣлью его было распространеніе книгъ священнаго писанія среди инородцевъ.

Съ 1814 года общество намѣчаетъ себѣ болѣе широкія задачи и преобразуется въ Россійское Библейское Общество. Первоначальный составъ общества является весьма пестрымъ. Во главѣ его стали очень видные вельможи, высшее духовенство. Сюда же проникли въ большомъ числѣ и мистики съ Лабзинымъ и Поповымъ во главѣ. Были и люди, цѣнившіе въ обществѣ его просвѣтительныя задачи, въ родѣ А. И. Тургенева и нѣкоторыхъ членовъ будущихъ тайныхъ обществъ, въ родѣ М. Ѳ. Орлова.

Первоначальная дѣятельность самого общества приняла весьма симпатичное направленіе: оно стремилось распространять книги священнаго писанія, издавало переводы его на русскій языкъ, заботилось о распространеніи народныхъ школъ по методу взаимнаго обученія, заботилось о составленіи учебниковъ.

Въ провинціи Библейское Общество открыло много своихъ отдѣленій, и заслуга ихъ заключалась въ томъ, что они будили провинціальную спячку, пріучали общество къ общественной дѣятельности. Правда, дѣятельность провинціальныхъ членовъ не обходилась безъ курьезовъ. Такъ какъ во главѣ центральнаго столичнаго органа стояли сильные люди, то и въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ особенное усердіе выказывали губернаторы, архіереи и другіе высшіе чиновники. Многіе изъ нихъ учреждали отдѣленія общества „по долгу званія своего“, какъ доносили они въ Петербургъ. Повсюду въ канцеляріяхъ происходили сборы пожертвованій, провинціальные чиновники писали своимъ начальникамъ—членамъ общества—длинныя реляціи о необыкновенныхъ успѣхахъ библейскихъ книгъ среди общества,—свидѣтельствовавшія о чиновничьемъ усердіи подчиненныхъ. Письма испещрены текстами священнаго писанія и благочестивыми разсужденіями. Вообще тогда промышляли текстами. Усердіе доходило, напримѣръ, до того, что калмыцкій князь Тюмень сообщаетъ Голицыну, что „соотвѣтствуя приказаній“ его, онъ читаетъ присланную книгу (Библію) и надѣется заставить читать всенародно всю свою орду. Ректоръ астраханской семинаріи въ своемъ письмѣ удивляется, что „многіе калмыки, вѣроятно, по простотѣ понятій и невѣжеству, не совсѣмъ охотно пользуются симъ даромъ Всеблагого Бога“.

Президентъ общества кн. А. Н. Голицынъ съ радостью сообщаетъ въ одномъ изъ писемъ Фотію (1822 г.) о томъ, что

бурята, идолопоклонники, собрали 12,000 рублей и прислали въ Общество для перевода Евангелія на ихъ языкъ, даже прислали двухъ бурятъ съ тѣмъ, чтобы они научились по-русски и сами перевели бы Евангеліе. Вообще въ дѣятельности Общества нельзя не замѣтить того оригинальнаго обстоятельства, что наибольшимъ усердіемъ отличались инородцы; отъ нихъ поступаютъ крупныя пожертвованія. Такъ, въ числѣ крупныхъ жертвователей встрѣчаемъ упомянутыхъ бурятъ, передающихъ свое пожертвованіе черезъ одного изъ извѣстнѣйшихъ въ то время взяточниковъ, знаменитаго Иркутскаго губернатора Трескина, встрѣчаемъ въ числѣ крупныхъ пожертвователей Бѣлорусско-Могилевское отдѣленіе комитета, Астраханское отдѣленіе и др. Видимо, губернаторы окраинъ проявляютъ наибольшее усердіе, имѣя возможность облагать по своему инородцевъ и писать за нихъ самыя трогательныя реляціи о дѣйствіи на мусульманъ, язычниковъ и католиковъ разсылки божественныхъ книгъ. Самыя трогательныя описанія, самыя широковѣщательныя, касаются отдаленныхъ окраинъ и дѣйствія Евангелія на инородцевъ, не признающихъ христіанской религіи, или на окраинныхъ христіанъ. Священникъ Ершовъ съ Кубанской линіи сообщаетъ, что благодаря дѣятельности Библейскаго Общества, быстрая Кубань „содѣлается Іорданомъ, куда и абазинецъ, и кабардинъ, и осетинецъ, и трухменецъ равно притекутъ омыться таинственнымъ образомъ кровію Іисуса Христа“. Этотъ же корреспондентъ въ поэтическихъ выраженіяхъ описываетъ, какъ христіане на Кубани получили въ библейскихъ книгахъ отраду въ своихъ несчастіяхъ. Каждый отчетъ Библейскаго Общества больше всего останавливается на переводахъ книгъ на самые разнообразные инородческіе языки. Каждый отчетъ констатируетъ факты расширенія дѣятельности Общества, открытіе новыхъ отдѣленій комитета и говоритъ о притокѣ средствъ. Для примѣра возьмемъ хотя бы отчетъ за 1821 г. Онъ съ гордостью говоритъ о широтѣ дѣятельности общества и между прочимъ сообщаетъ: „Всевышній ниспосылаетъ благословеніе Свое на дѣйствія Библейскаго Общества, даже между магометанами и язычниками. Животворные лучи Евангелія начинаютъ озарять свѣтомъ своимъ и сихъ людей, ходящихъ въ тьмѣ и сѣни смертнѣй. Общество имѣетъ по разнымъ мѣстамъ отечества нашего усердныхъ ревнителей, прелагающихъ книги Священнаго Писанія на разные языки, понятные для собраній ихъ во мракѣ духовнаго невѣдѣнія

пребывающихъ. Господь и Спаситель нашъ, хотящій всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити, благославляетъ труды и усердіе предпринявшихъ сіе благодѣтельное и спасительное дѣло. Переводы Новаго Завѣта и отдѣльно Евангелій на разные языки, продолжаются съ желаемымъ успѣхомъ. Между евреями возбуждается наклонность къ чтенію Слова Божія и къ познанію пришедшаго на землю Мессіи. Они просятъ Новыхъ Завѣтовъ на еврейскомъ языкѣ и читаютъ ихъ съ великимъ вниманіемъ даже въ Синагогахъ своихъ.—Татары, персіяне и калмыки охотно пріемлютъ книги Священнаго Писанія на ихъ языкахъ, отъ Библейскаго Общества издаваемые. Чуваши, черемисы, мордва, остяки и вогулы, неслыхавшіе доселѣ Евангелія, начинаютъ уже познавать дивныя дѣла Божіи на собственныхъ своихъ языкахъ. Многіе изъ чувашъ пожелали обучать дѣтей своихъ грамотѣ, въ надеждѣ, что въ семействахъ ихъ будутъ слушать они Глаголы живота вѣчнаго."

Въ этомъ лицемѣріи провинціальнаго чиновничества много жалкаго и комичнаго. Но провинція знала и ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

Но интересно, что само петербургское ядро Общества, состоявшее изъ ханжей и лицемѣровъ, вскорѣ мѣняетъ свою окраску. Въ своей миссіи оно видитъ великій подвигъ борьбы съ ядомъ невѣрія, разрушающаго церковь и государство. Изъ органа религіознаго, просвѣтительнаго, Общество превращается въ органъ политическій. Эти задачи общества начали отражаться въ рѣчахъ его первенствующихъ членовъ.

„Экземпляры божественной книги,—говорилъ президентъ Общества, князь Голицынъ, въ одномъ изъ годичныхъ его засѣданій,—расходясь повсюду, торжествуютъ и въ самой глуши дальнихъ степей и среди неизмѣримыхъ водъ океановъ". Столь значительные успѣхи Общества способствуютъ, по убѣжденію президента, крупнымъ перемѣнамъ въ общественномъ настроеніи, они способствуютъ борьбѣ съ мнимымъ просвѣщеніемъ: „скорымъ преобразованіямъ въ духѣ и умѣ угрожаютъ оставить далеко за собою тѣхъ горделивыхъ мнимо-просвѣщенныхъ, кои одолжены будучи всѣми преимуществами ума и познанія единственно христіанству, презрѣли оное и возымѣли приписать все это самимъ себѣ, силѣ собственнаго ума. Когда врагъ человѣковъ ищетъ тонкими спорами и истолкованіями затмить

истину, Библейское Общество не дѣлаетъ и не издаетъ никакихъ толкованій на св. писаніе, приводя книги онаго въ употребленіе безъ примѣчаній и поясненій. Посему истина Божія въ словѣ Господнемъ исходитъ изъ рукъ Общества во всей ея чистотѣ".

Въ болѣе опредѣленной формѣ велъ борьбу въ Обществѣ противъ невѣрія и просвѣщенія митрополитъ Серафимъ. Просвѣщеніе въ его представленіи связывается съ вольнодумствомъ, невѣріемъ и развратомъ. Оно — плодъ дѣятельности сатаны. „Между тѣмъ, — говорилъ онъ въ засѣданіи московскаго отдѣла Общества,—и врагъ рода человѣческаго не дремлетъ: и онъ также отъ самого начала вѣка началъ сѣять злыя и горькія слова своего сѣмени,—сперва самъ собою во образѣ змія, а потомъ черезъ подобныхъ себѣ рабовъ и служителей своихъ, черезъ коихъ и нынѣ неутомимо продолжаетъ сѣять оныя на селѣ міра сего". Результатъ дѣятельности врага рода человѣческаго ораторъ описываетъ въ такихъ чертахъ: „Онъ сѣетъ повсюду вольдумство, невѣріе, ереси, развратъ, и дабы тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе успѣть въ предпріятіи своемъ, онъ адскую тьму свою выдаетъ за просвѣщеніе, за высокую доблесть духа". Описавъ плоды дѣятельности врага рода человѣческаго, митрополитъ Серафимъ задается вопросомъ: „И какой же видимъ мы плодъ отъ сего ученія, отъ сего просвѣщенія?" И дѣлаетъ выводъ уже политическаго характера: „Мы видимъ самовольство, непокореніе власти, Самимъ Богомъ для блага обществъ установленной; видимъ крамолы, бунты, междоусобія, убійства, кровь, слезы, рѣками текущія; все сіе видимъ мы здѣсь, на земли; а тамъ, въ вѣчности?—тамъ уготовляется рабамъ и послѣдователямъ его (т.-е. просвѣщенія) червь неумирающій, огонь неугасающій, плачъ и скрежетъ зубовъ,—таковъ есть плодъ ученія и мудрости бѣсовскія!" Итакъ, самый мрачный обскурантизмъ въ самой грубой формѣ свилъ себѣ гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ. Въ понятіяхъ его заправилъ религія является лишь средствомъ политической борьбы.

Между тѣмъ Россійское Библейское Общество по составу своему представляло собою цвѣтъ тогдашней реакціи. Предсѣдательствованіе въ немъ вліятельнѣйшаго вельможи, интимнаго друга императора, привлекло къ нему всѣхъ, кто хотѣлъ себѣ составить карьеру. И этимъ путемъ дѣйствительно составляли карьеру. Магницкій изъ опальнаго ссыльнаго занялъ видное мѣсто члена главнаго правленія училищъ, благодаря своей дѣятель-

ности въ Воронежскомъ отдѣленіи Библейскаго Общества. З. Я. Карнѣевъ получилъ мѣсто Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, Поповъ, какъ и многіе другіе, двигался по службѣ, благодаря тѣмъ же качествамъ. Мягкій и любвеобильный Голицынъ прикрывалъ всѣхъ, ему помогавшихъ—и мистиковъ и правовѣровъ; и тѣ и другіе объединились въ Библейскомъ Обществѣ. За недостатокъ увлеченія мистицизмомъ С. С. Уваровъ потерялъ свое мѣсто Попечителя Петербургскаго Учебнаго Округа, которое получилъ промышлявшій библейскими текстами Руничъ. Маленькіе люди, вслѣдъ за большими, двигались по служебной лѣстницѣ тѣми же путями. Голицынъ въ качествѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода поставилъ въ зависимость отъ себя все духовенство, и почти всю высшую іерархію мы видимъ дѣйствующей на поприщѣ Библейскаго Общества. Дѣло дошло до того, что въ лицѣ кн. Голицына соединено было кромѣ Святѣйшаго Синода и управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго тогда была и цензура, управленіе дѣлами инославныхъ исповѣданій и даже Почтовый Департаментъ, т. е. Министерство Путей Сообщенія. Такъ, половина управленія всей обширной имперіи сосредоточилась въ рукахъ представителя реакціи, направляемаго тѣми или иными религіозными теченіями.

Но ростъ и расширеніе Библейскаго Общества, направляемаго въ сильнѣйшей мѣрѣ представителями господствующей церкви, означалъ еще и другое чрезвычайно важное явленіе. Это былъ моментъ оживленія правовѣрія, постепенный захватъ господствующей церковью своихъ заблудшихъ овецъ. Въ средѣ православнаго духовенства наблюдается оживленіе, оно стремится къ активной дѣятельности, къ борьбѣ съ иновѣріемъ и всякаго рода мистическими ученіями. Борцы правовѣрія вышли также изъ лона Библейскаго Общества. Знаменитый Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, оживляетъ дѣятельность церковнаго учительства,—правда безъ того сильнаго налета обскурантизма, который отличалъ другихъ его соратниковъ. Выступаетъ въ борьбу за возстановленіе старой вѣры Иннокентій, епископъ Саратовскій и Пензенскій, наконецъ, наиболѣе мощнымъ двигателемъ является Серафимъ, митрополитъ Московскій, впослѣдствіи Петербургскій. Все это высшее духовенство съ негодованіемъ наблюдаетъ захватъ православныхъ чадъ со стороны представителей мистическихъ ученій и собирается бороться съ ними своими домашни-

ми средствами, т. е. стремится сдѣлать правительство орудіемъ борьбы. Съ другой стороны многолѣтнее правленіе кн. Голицына Синодомъ въ средѣ духовенста, не привыкшаго тогда еще къ господству оберъ-прокурора, вызвало крайнее раздраженіе. Успѣхъ мистическихъ и иныхъ ученій явно сочетался въ ихъ представленіи съ ростомъ оберъ-прокурорской власти и съ паденіемъ значенія Синода въ церковныхъ дѣлахъ, съ превращеніемъ его въ комитетъ при оберъ-прокурорѣ.

Такъ постепенно все болѣе и болѣе явственно сталъ намѣчаться поворотъ въ русскомъ обществѣ къ правовѣрію, къ родной религіи, и господствующая религія постепенно пріобрѣтала убѣжденныхъ борцовъ.

Русское общество отпадало отъ вѣры своихъ отцовъ вовсе не потому, что въ немъ не была достаточно развита религіозность. Легкость, съ которой имѣли успѣхъ всѣ религіи въ Петербургскомъ обществѣ, въ средѣ чадъ православной церкви, объясняется полнѣйшими незнакомствомъ этого общества съ основами родной религіи. Между тѣмъ съ дѣтства нѣкоторыя стороны стараго православія такъ внѣдрялись въ умы его чадъ, что русскіе религіозные вольнодумцы никогда окончательно не разрывали съ родной религіей, охотно переходя въ двоевѣріе. Наши мистики, масоны, ища для ума успокоенія во внутренней церкви, никогда не разрывали съ обрядовой стороной родной религіи. Они не знали, не понимали истины этой религіи, но строго соблюдали обрядовую ея сторону. Это понятно. Русскихъ, по словамъ Державина, учили языкамъ безъ грамматики, числамъ и измѣреніямъ—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ, и вѣрѣ—безъ катехизиса. Въ самомъ дѣлѣ, до появленія катехизиса Филарета, наша церковь совсѣмъ не имѣла подобнаго рода руководствъ, если не считать устарѣлаго катехизиса Петра Могилы. Отсюда и оригинальное стремленіе успокоить испытующій духъ сектантскими ученіями и соблюсти старую религію выполненіемъ ея обрядовъ. И обряды соблюдались строго. „Чистый понедѣльникъ, сочельникъ, великій пятокъ,—вспоминаетъ объ этомъ времени знаменитый Пироговъ,—считались такими днями, въ которые не только ѣсть, но и подумать о чемъ нибудь не очень постномъ считалось грѣхомъ. Мясо въ великій постъ не получала даже моя любимица кошка-Машка“. Среди русскихъ помѣщиковъ можно было тогда встрѣтить такихъ, какъ напр. А. С.

Сербинъ, который считалъ себя атеистомъ, но все же ежегодно исповѣдывался и причащался, ходилъ каждый праздникъ въ церковь, служилъ у себя на дому молебны, читалъ во время службы и подтягивалъ дьячку. Непониманіе церковно-славянскаго языка служило серьезнымъ препятствіемъ къ пониманію богослуженія и даже Евангелія. До насъ сохранились свѣдѣнія о многихъ лицахъ, искренне считавшихъ себя хорошими христіанами въ православномъ духѣ, и тѣмъ не менѣе по недоразумѣнію, по непониманію церковно-славянскихъ текстовъ твердо увѣровавшихъ въ тѣ или другія теоретическія мнѣнія. Кн. А. Ширинскій-Шихматовъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что многіе считали въ его время Божію Матерь больше Спасителя, по аналогіи о высшемъ значеніи матери въ семьѣ, въ сравненіи съ сыномъ. Итакъ, и правовѣрные и отпавшіе отъ вѣры одинаково соблюдали обрядовую сторону православія. Соблюдали такъ, какъ это дѣлали еще дѣды и прадѣды ихъ въ XVI –XVII в. в. Чтеніе молитвъ и знаніе ихъ было обязательнымъ, но оно было прерываемо, какъ и богослуженіе въ церкви, житейскими дѣлами. Вотъ какъ описываетъ одинъ современникъ религіозное настроеніе своей бабушки. Она знала всѣ молитвы, аккуратно читала ихъ, но молитву прерывала распоряженіями по дѣламъ хозяйства: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“, читала бабушка, и вдругъ, взглянувъ въ окно, кричала: дѣвка! посмотри: кто тамъ пріѣхалъ? „Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей“—дѣвка, бѣги скорѣе въ садъ, выгони корову!“ Во время богослуженія вовсе не соблюдалось благолѣпіе. Многіе входиди въ алтарь, громко разговаривали, молящіеся совершенно не соблюдали святости мѣста, такъ что Синоду приходилось издавать грозные указы, направленные къ поддержанію благочинія въ церквахъ.

Отсюда понятно, что наше невѣріе не имѣло твердой почвы, было налетомъ, который сталъ быстро разсѣиваться, какъ только началась дѣятельность православнаго духовенства.

Представители православія въ лицѣ митрополита Серафима и другихъ начали весьма сильно дѣйствовать въ защиту его, какъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, такъ и нѣсколько укрѣпившись въ немъ, вступили въ борьбу съ человѣкомъ, казавшимся имъ покровителемъ сектантства, кн. А. Н. Голицынымъ. Борьба противъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода тѣсно переплелась съ борьбой за возстановленіе религіи, борьба личная, интрига, борь-

ба за власть и вліяніе,—все неразрывно сплелось въ этомъ замѣчательнѣйшемъ эпизодѣ изъ исторіи русской общественности и государственности.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явился здѣсь знаменитый архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря Фотій—замѣчательнѣйшая личность этого времени, съ которой намъ надо прежде всего познакомиться.

Архимандритъ Фотій, въ мірѣ Петръ Спасскій, вышелъ изъ бѣдной земледѣльческой семьи. Онъ былъ сынъ церковнаго чтеца. Съ великимъ трудомъ и лишеніями отецъ отдалъ Фотія и его брата въ Новгородскую Духовную Семинарію, откуда онъ потомъ перешелъ въ Александро-Невскую Академію. По собственному признанію, мальчикъ учился хорошо—все выучивалъ, но, видимо, съ дѣтства это уже былъ характеръ, которымъ двигало самолюбіе и честолюбіе. Фотій самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи о томъ, что лѣтомъ онъ занимался работами въ полѣ и всегда избѣгалъ общенія съ деревенской молодежью: возвращаясь съ полевыхъ работъ, онъ обходилъ родную усадьбу для того, чтобы не оказаться въ толпѣ сельской молодежи, которая собиралась на игрище передъ домомъ отца. Будущій архимандритъ богатѣйшаго монастыря теперь уже стѣснялся того рода работъ, которыя ему приходилось дѣлать.

Въ академіи онъ нашелъ себѣ сильныхъ покровителей въ лицѣ ректора Иннокентія, впослѣдствіи епископа Саратовскаго и Пензенскаго, Филарета, впослѣдствіи митрополита Московскаго, митрополита Серафима и въ началѣ къ нему, очевидно, хорошо относился Петербургскій митрополитъ Михаилъ. Студентъ отличался прилежаніемъ, искреннимъ отношеніемъ къ религіи и аскетизмомъ, дававшимъ поводъ видѣть въ немъ будущаго монаха. Покровители Петра Спасскаго возлагали на него неодинаковыя надежды. Ректоръ Иннокентій, повидимому, совершенно сознательно подготовлялъ въ будущемъ монахѣ борца съ сектантскими ученіями и съ преобладаніемъ свѣтской власти въ дѣлахъ духовныхъ. Вѣроятно, ректоръ замѣтилъ тогда уже въ молодомъ постникѣ въ высшей степени развитое честолюбіе и черты, обличавшія въ немъ будущаго борца за правовѣріе, смѣлость и рѣзкость глаголанія о Богѣ. По болѣзненности Петръ Спасскій не окончилъ академіи. Покровители направили его въ монашество, написали въ прошеніи его вмѣсто 24 лѣтъ—30 лѣтъ, а потомъ даже 32 года, по-

стригли въ монахи и опредѣлили на очень важную должность законоучителя въ кадетскомъ корпусѣ.

Тутъ молодой монахъ вышелъ уже сразу на довольно широкое поприще религіозной дѣятельности. Законоучительство и настоятельство въ корпусѣ его не удовлетворяли и онъ началъ борьбу съ сектанствомъ и по своему старался поднять престижъ правовѣрія. Директоромъ корпуса тогда былъ генералъ Марченко, человѣкъ спокойный, старавшійся предотвратить всякаго рода экзальтацію въ дѣлѣ вѣры. Онъ съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на дѣятельность новаго законоучителя, но долженъ былъ терпѣть изъ угожденія къ тѣмъ сильнымъ протекціямъ, при помощи которыхъ былъ опредѣленъ Фотій.

Для того, чтобы уяснить себя многія черты въ дѣятельности Фотія и въ его характерѣ, надо прежде всего замѣтить, что это былъ человѣкъ болѣзненнаго склада. Онъ съ дѣтства отличался физической слабостью. Въ своей автобіографіи онъ самъ говоритъ, что его дѣдъ мучимъ былъ бѣсами—болѣзнь, которую люди по невѣдѣнію своему называютъ падучей. Нервность составляла отличительную черту Фотія, будучи иногда, быть можетъ, болѣзненнаго происхожденія. Въ началѣ его законоучительства въ корпусѣ былъ даже моментъ, когда Фотій былъ, повидимому, психически больнымъ; онъ самъ разсказываетъ, что его считали нѣкоторое время сумашедшимъ, но, къ огорченію и удивленію своихъ враговъ, онъ выздоровѣлъ и болѣе прежняго сталъ работать противъ мистицизма. На окружающихъ Фотій производилъ сильное впечатлѣніе. Это былъ блѣдный монахъ съ изможденнымъ лицомъ. Всѣмъ извѣстно было о его постническихъ подвигахъ. Впрочемъ, эта способность къ воздержанію отъ пищи поддерживалась у Фотія чисто физіологическими причинами. Въ его автобіографіи болѣзни его желудка занимаютъ довольно видное мѣсто. Онъ часто не могъ ничего вкушать, кромѣ чернаго хлѣба: „все извергалось изъ чрева, что иное принимать хотѣлъ“, разсказываетъ онъ о разстройствѣ своихъ органовъ пищеваренія.

Но во всякомъ случаѣ видъ постника производилъ сильное впечатѣніе. Впрочемъ, съ нѣкоторыми грѣховными побужденіями Фотій боролся сознательно. Обладая сангвиническимъ темпераментомъ, Фотій принужденъ былъ часто бороться съ бѣсами въ образѣ женщинъ. Уже въ ранней молодости онъ предается этого рода аскетизму и однажды принужденъ былъ даже жаловаться

отцу на свою мачеху, чтобы избѣжать соблазнительныхъ ея разсказовъ. Не разъ приходилось ему бороться съ искушеніями и при другихъ условіяхъ. Даже въ то время, когда на старости лѣтъ онъ диктовалъ свою автобіографію, картинки прошлаго, воспоминанія о моментахъ плотскаго искушенія, съ большимъ вкусомъ описаны инокомъ, часто въ весьма поэтическихъ очертаніяхъ: инокъ какъ бы переживаетъ прошлое. Въ родномъ домѣ отца, вспоминаетъ монахъ, жила одна дѣвица, дальняя ихъ родственница. Разъ случилось такъ, что когда всѣ легли на полъ спать, между юношей Петромъ и ею никого не было; и ему и ей не спалось: „Петръ чувствуетъ, что она тихо приближается къ нему; слышитъ же, чувствуя по дыханію, что оная дѣвица мало-по-малу молча вся къ нему приближалась лицомъ, грудью, отъ ногъ до головы такъ, что подлѣ его вся была; понималъ отрокъ, что она сожигается отъ огня страсти... Дѣвица тихо, скромно лежа подлѣ него, горѣла огнемъ плоти, дышала какъ отъ усталости, горячести, рвеніемъ... вся въ безмолвіи силилась пріютиться всѣмъ тѣломъ къ нему, дабы его воспалить“. Юноша старался быть хладнымъ и удержался отъ искушенія, потому что во время сообразилъ, „что отъ лукаваго есть сѣть сія въ дѣвицѣ безпорочной“. Боролся Петръ Спасскій и тогда, когда его задѣвали деревенскія дѣвушки. Онѣ подтрунивали надъ нимъ, что онъ— „гнилой юноша, худой, безсильный“, иногда онѣ старались схватить его съ свои объятія. Петръ не зналъ, что дѣлать отъ нападенія „дѣвицъ въ однѣхъ срачицахъ“, какъ онѣ бывали въ лѣтнее жаркое время. Онъ оборонялся отъ нихъ серпомъ, руками, боясь прикоснуться къ тѣлу, къ груди, иногда сильнымъ ударомъ отталкивалъ отъ себя дѣвушекъ. Все это помогало семинаристу и академическому студенту. Иногда наступали для него и трудныя времена. Бывало и такъ что онъ „чувствовалъ себя въ огнѣ блудныя страсти, огонь бѣсовскій отъ головы до ногъ жегъ его, всѣ силы отъ него были взяты, мыслить, разсуждать и сномъ почить онъ не могъ“. Когда однажды приходилось ему спать въ одной горницѣ съ дѣвицей, огонь жестокій палилъ его, разслабилъ всю плоть, онъ не смѣлъ встать на молитву, видя, что нѣтъ ни откуда помощи, что окончательно дьяволъ побораетъ его, онъ обращается къ дьяволу съ цѣлыми монологами, заявляя, что онъ своей волей не отдастся ему. Такъ боялся Петръ, чтобы духъ нечистый „не восхитилъ къ нему дѣвицу и ему ее не подложилъ“. И такъ

было въ теченіе многихъ дней и ночей. Петръ, уходя отъ дѣвицы, избѣгая духа злобы, самъ весь въ пламени каждую ночь уходилъ на горячую печь и тѣмъ спасался отъ дьявольскаго навожденія.

Впрочемъ, не всегда такъ удачно, особенно въ зрѣлые годы, избѣгалъ Фотій навожденія дьявола въ образѣ женщинъ. Не будемъ вдаваться въ догадки о его отношеніяхъ къ его духовной дщери графинѣ Аннѣ Орловой-Чесменской. Но когда, въ бытность его уже архимандритомъ Юрьевскаго монастыря, въ монастырѣ появилась красивая фигурантка петербургскихъ театровъ Фотина, то архимандритъ Фотій такъ усердно занялся изгнаніемъ изъ нея бѣсовъ, что произошелъ превеликій соблазнъ, такъ что графиня Орлова, какъ разсказываютъ, хотѣла дать ей половину своего состоянія за то, чтобы она ушла изъ монастыря и не дѣлала бы безчестія Фотію. Фотина стала собирать около себя окрестныхъ дѣвушекъ, которыя во множествѣ сходились на молитву въ монастырь, одѣтыя въ хитоны. Молодой послушникъ, который былъ приставленъ Фотіемъ для ближайшаго наблюденія за Фотиной, сошелся съ ней и вмѣстѣ они обманывали архимандрита. Въ дѣло пришлось вмѣшаться губернатору, архіерею и съ щедрымъ запасомъ денегъ отъ Фотія Фотина ушла изъ Юрьевскаго монастыря. Впрочемъ, Фотій написалъ по этому поводу „Повѣсть чудну о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа“.

Вообще надо замѣтить, что бѣсы еще въ молодости играли въ біографіи Фотія весьма видную роль. Идетъ онъ изъ семинаріи домой по берегу Волхова, за нимъ гонится бѣсъ во образѣ человѣка. Полѣзъ онъ дома на чердакъ, чтобы посадить курицу на гнѣздо, явился бѣсъ, убѣгая отъ котораго, Фотій упалъ съ чердака и сильно разбился. Въ годины монашескихъ подвиговъ дьяволъ не разъ являлся ему „ощутительно“, особенно по ночамъ. Онъ самъ разсказываетъ, что сначала всякаго рода „сумнѣнія“ приходили на него по вопросу о реальности евангельскихъ бѣсовъ. Но потомъ онъ пересталъ сомнѣваться, потому что ему собственными глазами доводилось видѣть бѣсовъ. Однажды, напр., онъ „увидѣлъ явно четырехъ бѣсовъ, человѣкообразно пришедшихъ, безобразныхъ въ сѣромъ видѣ, не великихъ по виду“. Они набросились на него и одинъ изъ бѣсовъ ощутительно даже ударилъ инока въ грудь. Тогда инокъ укрылся одѣяломъ и легъ на одръ свой и заснулъ. Въ другой разъ въ

ночи явился къ нему бѣсъ и сказалъ ему: „ты желалъ меня видѣть, якоже я есмь, пріиди ко мнѣ и видь меня“. И сталъ Фотій тѣлесно бороться съ бѣсомъ, даже началъ было его душить, но вдругъ явилась Божественная сила „и восхитила его отъ нападенія діавольскаго въ то мгновеніе, какъ хотѣлъ бѣсъ совсѣмъ удавить его“. Всталъ тогда Фотій и „возопилъ сильнымъ ревомъ“.

Такъ передъ нами является человѣкъ, который отличался незаурядными качествами. Фотій, безъ сомнѣнія, одинъ изъ сильныхъ характеровъ. Онъ отличался рѣдкой настойчивостью. Честолюбіе побуждало его выработать въ себѣ типъ инока, который былъ бы способенъ производить сильное впечатлѣніе на окружающихъ. Аскетизмъ, борьба съ бѣсами, извѣстнаго рода фанатизмъ—все это такія черты, которыя всегда способны производить впечатлѣніе, но особенно въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Всѣ мистики отличались тѣми же качествами въ той или иной мѣрѣ. При всемъ томъ въ характерѣ Фотія чувствуется сильный темпераментъ. Нѣтъ нужды вдаваться въ изысканіе того, насколько онъ былъ искрененъ въ своемъ аскетизмѣ, въ своей вѣрѣ въ бѣсовъ и т. п. Важно то, что онъ умѣлъ заставлять окружающихъ вѣрить въ его искренность. Сильная склонность къ аффектаціи выражалась у Фотія въ его рѣчахъ, въ его поступкахъ. Для того чтобы произвести впечатлѣніе на людей, онъ прибѣгалъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, доходя иногда до игры, свойственной актерамъ.

Онъ очень любилъ красивыя одѣянія, богато и нарядно одѣвался. Но когда нужно было, онъ возлагалъ на себя власяницу и вериги и умѣлъ незамѣтно, нечаянно показать ихъ собесѣднику. Вотъ какъ, напр., собирается на первое свиданіе къ графинѣ Орловой этотъ любитель шелковыхъ и бархатныхъ рясъ. Фотій облекается „во вся оружія Божія обычная, въ хитонъ власянъ, вериги“, возсѣдаетъ на богатую графскую колесницу и ѣдетъ къ своей будущей духовной дщери. Вѣроятно, во время сладостной бесѣды онъ какъ-нибудь далъ понять ей, что онъ носитъ вериги, въ дѣйствительности возложенныя только на этотъ разъ. Такъ онъ сдѣлалъ, напр., чтобы поразить Александра I, о чемъ наивно разсказываетъ въ своей автобіографіи. Когда уже послѣ произнесенія имъ анаѳемы на князя Голицына, Александръ призвалъ къ себѣ тайно Фотія и сталъ рѣзко высказывать ему неудовольствіе, Фотій, слушая гнѣвнаго царя, учащенно крестился

и смотрѣлъ въ окно, избѣгая царскаго взгяда. Молчащій монахъ, вперившій свой взглядъ въ небеса и истово крестившійся—вмѣсто возраженій и объясненій, видимо, произвелъ на самодержца охлаждающее впечатлѣніе. Начавъ возражать, Фотій сталъ вытаскивать изъ-за сапоговъ и изъ-за пазухи разнаго рода листы и книги, принесенныя имъ для доказательства. Онъ сталъ рыться у себя за пазухой такъ ловко, что незамѣтно открылъ власяницу и вериги подъ рясой, одѣтыя на нагую грудь. Царь замѣтилъ и былъ пораженъ и устыдился, по словамъ Фотія, рѣзкости своего выговора.

Иногда Фотій прибѣгалъ къ другимъ способамъ воздѣйствія на слушателей. Онъ прибѣгалъ къ таинственнымъ знакамъ. Вотъ, напр., какъ описываютъ его первую встрѣчу со своимъ союзникомъ знаменитымъ Магницкимъ. Встрѣча обоихъ союзниковъ произошла въ домѣ графини Орловой въ присутствіи почетныхъ дамъ. Фотій держа въ рукахъ двѣ восковыя свѣчи, съ нѣмою торжественностью встрѣтилъ Магницкаго и провожалъ его до креселъ. Сѣвъ рядомъ съ Магницкимъ и промолчавъ нѣсколько минутъ, Фотій схватилъ стоявшій на столѣ колокольчикъ и принялся имъ звонить изо всей силы, не произнося ни одного слова. Затѣмъ Магницкій и Фотій только обмѣнялись взглядомъ.

Всѣ свойства Фотія, конкретно описанныя нами, дѣлали его во всякомъ случаѣ человѣкомъ незаурядным въ средѣ тогдашняго духовенства. Неудивительно поэтому, что епископъ Серафимъ и ректоръ Иннокентій, поддерживаемые обширнымъ кругомъ великосвѣтскихъ ханжей, сознательно выдвигали Фотія на широкій путь—на борьбу съ мистицизмомъ, масонствомъ и главнымъ образомъ для того, чтобы произвести сложную придворную интригу и уничтожить при государѣ вліяніе Голицына. Всѣ противники Голицына сошлись на Фотіи. Уже во время законоучительства въ корпусѣ (съ 1817 г.) онъ началъ дѣйствовать въ этомъ направленіи и занялъ настолько видное положеніе, что сторонники Голицына начали его опасаться. Честолюбивый монахъ самъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ готовился къ борьбѣ съ врагами церкви. Онъ ходилъ по всему городу, „возвысилъ гласъ свой и вопль свой яко трубу и яко городъ ходилъ всюду“, возставая противъ „злочестивыхъ собраній тайныхъ обществъ“. Это значитъ, что тогда уже Фотій являлся ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ съ доносами на мистиковъ. Особенно помогло

ему одно важное обстоятельство. Одинъ изъ іеромонаховъ, занимавшій довольно видный постъ, и посѣщавшій мистическія собранія, допустилъ кощунственный проступокъ. Это дало поводъ Фотію съ еще большей рѣзкостью нападать на мистиковъ. Въ 1820 г. онъ произноситъ въ Казанскомъ Соборѣ проповѣдь, послѣ которой онъ былъ удаленъ изъ Петербурга и черезъ нѣкоторое время назначенъ настоятелемъ бѣднаго Деревяницкаго монастыря подъ Новгородомъ. Это была по существу ссылка для Фотія. Потомъ онъ одно время былъ настоятелемъ такого же бѣднаго Сковородскаго монастыря и, наконецъ, былъ сдѣланъ архимандритомъ древняго Юрьевскаго монастыря подъ Новгородомъ. Несмотря на свое удаленіе, Фотій уже имѣлъ много приверженцевъ и особенно много поклонницъ, которыя не оставляли Фотія своими доброхотными даяніями. Оба монастыря вскорѣ поправились, а затѣмъ всѣ даянія послужили для украшенія и расширенія Юрьевскаго монастыря.

Въ Петербургѣ Фотій имѣлъ сильныхъ покровителей, особенно въ лицѣ митрополита Серафима, занявшаго мѣсто послѣ смерти митрополита Михаила, не одобрявшаго рѣзкостей поведенія Фотія. Во время своихъ неоднократныхъ пріѣздовъ изъ Новгорода въ Петербургъ, Фотій все болѣе и болѣе распространялъ кругъ своего вліянія. Со вниманіемъ къ нему сталъ прислушиваться императоръ и особенно императрица Марія Ѳеодоровна.

Проповѣдуя борьбу съ мистиками, Фотій по своему характеризуетъ ихъ ученіе. Онъ самъ признается что къ выступленію противъ "Сіонскаго Вѣстника" его побудило то обстоятельство, что Лабзинъ писалъ „о магнитизмѣ" и другія еретическія статьи. Фотій видѣлъ въ дѣятельности Лабзина явный вредъ, почему и „вопіялъ" „явно предъ человѣками всѣхъ званій, что не подобаетъ учить Лабзину, яко мірянину", потому что для этого существуютъ „просвѣщенные пастыри". Между тѣмъ Лабзинъ множитъ „невѣріе и нечестіе". У Лабзина — премудрость „земная, бѣсовская" и его магнитизмъ — „сущее бѣсовское дѣло и упражненіе постыднѣйшее для христіанъ". Лабзинъ чинитъ „пакости" церкви и православной вѣрѣ, совращаетъ христіанъ на путь нечестія и святотатства. Однимъ словомъ—Лабзинъ это пророкъ и апостолъ сатаны, который разныя хулы „изблевывалъ" на вѣру Христову.

И другихъ мистиковъ приблизительно въ такихъ же очертаніяхъ представлялъ себѣ Фотій. Крюднеръ—это „женка“ „отъ бѣса вдыхаемая“. Фотій въ ужасъ приходитъ отъ того, что нѣкоторые, по слѣпотѣ, имѣли даже портреты Крюднеръ. Татаринову онъ обвиняетъ въ „бѣсовскомъ дѣлѣ“, въ скопчествѣ. Съ особенной ненавистью онъ говоритъ о томъ, что обѣ учительницы мистики были весьма почитаемы сильными людьми,—Татариновой даже покровительствовалъ государь. По его словамъ, обѣ онѣ—„жабы клокотавшія во время оно, дщери діавола явныя, его все ученіе имѣли и прельщали многихъ“. Фотій, какъ самъ онъ заявляетъ съ гордостью, воздвигъ гоненіе не только противъ лицъ, но и противъ книгъ. Съ его точки зрѣнія, всѣ книги отличались какимъ либо ядомъ. Онъ увѣряетъ, что книги, изданныя тогда на русскомъ языкѣ, раздѣлялись на книги, наполненныя англійскаго матеріализма, сквернословія и французскаго вольнодумства; онъ признаетъ безусловно вредными всѣ книги масонскія и „магическія“, всѣ книги, приправленныя „ядомъ германской философіи“ и т. д.

Въ возвышеніи Фотія огромное значеніе имѣло его сближеніе съ графиней Анной Орловой-Чесменской. Это была богатѣйшая наслѣдница огромнаго состоянія. Ежегодный доходъ ея простирался до 1,000,000 рублей ассигнаціями, а все ея имущество оцѣнивалось до 45,000,000 рублей. Она отличалась набожностью, даже въ извѣстной мѣрѣ склонностью къ отшельничеству и медлила выходомъ замужъ. Во время проѣзда черезъ Москву покровителя Фотія, епископа Иннокентія, Орлова обратилась къ нему за совѣтомъ объ избраніи ей духовнаго руководителя. Иннокентій указалъ на Фотія. Орлова прибыла въ Петербургъ и здѣсь познакомилась съ старцемъ, который сразу учелъ возможные результаты подобнаго рода знакомства.

Очень любопытно первое свиданіе 28-ми лѣтняго старца Фотія съ его духовной дщерью, которая была года на два старше его. Оба сѣли рядомъ на диванъ, но по обычаю иноческому Фотій избѣгалъ зрѣть лицо дѣвицы. Послѣ краткаго молчанія, Орлова заговорила первая. Она спрашивала духовнаго наставника своего, какъ ей избѣжать многихъ неподобныхъ помысловъ: дѣвица Анна очень интересовалась вопросомъ о томъ, какъ ей соблюсти „духовное дѣвство“. На это Фотій ей возразилъ, что напрасно она такъ много объ этомъ говоритъ, потому что главнымъ

образомъ необходимо блюсти дѣвство тѣлесное, ибо душа съ тѣломъ находится въ неразлучномъ союзѣ. При цѣлости тѣлеснаго дѣвства, Господь Богъ дастъ и духовное. Если дѣвица потеряетъ плотское дѣвство, то она уже никакъ не можетъ себя увѣрить въ томъ, что она его не потеряла, подобно тому, какъ если „стклянница диру будетъ имѣть и повержена будетъ“, то никакъ себя нельзя увѣрить въ томъ, что „цѣлость есть въ стклянницѣ“, и что влитое въ стклянницу масло не прольется. Поговоривъ о соблюденіи дѣвства, духовный отецъ и его дщерь вошли въ опочивальню дѣвицы, гдѣ отецъ благословилъ одръ своей дщери и оба они помолились. Дѣвица была вся въ бѣломъ одѣяніи, какъ ангелъ. Фотій продолжалъ съ этого времени часто бывать у Орловой. Ихъ бесѣды были посвящены вопросамъ о соблюденіи дѣвства, кознямъ дьявола, вопросамъ о почитаніи иконъ и т. п. Много говорилось о постѣ. Орлова приготовляла для встрѣчъ Фотія богатыя брашна. Но Фотій, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, „по болѣзни ничего не могъ употреблять“, онъ только благославлялъ пищу и внушалъ своей дщери о пользѣ поста. Дѣвица уже во второе свиданіе намекала ему, что она желала бы что нибудь для него сдѣлать, чтобы онъ не былъ такъ бѣденъ; но, говоритъ о себѣ Фотій, „онъ не обратилъ вниманія и на сіе“, очевидно, считая пока преждевременнымъ принимать доброхотныя даянія.

Фотій самъ признаетъ, что уже послѣ перваго свиданія съ графиней онъ въ этомъ земномъ ангелѣ сразу оцѣнилъ „орудіе“ для борьбы съ врагами церкви, онъ увидѣлъ въ ней „избранъ сосудъ“: „во всемъ тебѣ слуга будетъ сія дѣвица“,—обращается самъ къ себѣ инокъ. Уже во второе посѣщеніе онъ замѣтилъ перемѣну въ нарядѣ графини и въ обстановкѣ комнатъ. Орлова встрѣтила его во всемъ черномъ, во всѣхъ комнатахъ онъ нашелъ иконы, чего раньше не было. Постепенно „дѣва предадеся ему вся“; вскорѣ и „вся благая“ Орловой, по собственному признанію Фотія, оказались въ его распоряженіи. Милліоны Орловой пошли на украшенія Юрьевскаго монастыря, на монастырскія постройки, на дорогія рясы, митры и т. п. На одну только серебряную раку для мощей Св. Θеоктиста она израсходовала 500 тысячъ рублей, 700 тысячъ рублей она израсходовала на постройки въ монастырѣ, десятки тысячъ завѣщала на поминовеніе своей и Фотіевой души, на ладанъ и на многое другое. Съ тѣхъ поръ

и по настоящее время, обладая огромными завѣщанными Орловой капиталами, Юрьевскій монастырь является богатѣйшимъ въ Россіи. Иконостасъ монастыря представляетъ собою едва-ли не единственное собраніе по богатству и отдѣлкѣ иконъ: онъ блеститъ золотомъ или позолоченнымъ серебромъ и массой драгоцѣнныхъ каменьевъ; въ рукояткѣ меча св. Георгія вставлена жемчужина въ куриное яйцо, а Панагія на образѣ Богоматери вырѣзана изъ изумруда; ризница монастыря представляетъ собой богатѣйшую сокровищницу золотыхъ и серебряныхъ вещей, разукрашенныхъ драгоцѣнными камнями. И сейчасъ все здѣсь проникнуто воспоминаніями о Фотіи и Орловой. И гробницы обоихъ стоятъ рядомъ въ одномъ изъ мрачныхъ храмовъ, надъ ними денно и нощно монахъ читаетъ молитвы, прося Господа Бога о прощеніи имъ грѣховъ.

Независимый въ средствахъ, Фотій по своему сталъ устраивать монастырь. Онъ устанавливаетъ общежитіе и въ особенныхъ письменныхъ внушеніяхъ дѣлаетъ наставленіе свой братіи. Настоятель меньше всего заботится о духовномъ поученіи своей братіи. Онъ больше поучаетъ ее о томъ, какъ они должны между собою дѣлить пищу, не расхватывать у служекъ, вносящихъ пищу въ трапезную, а ждать покамѣстъ ее поставятъ на столъ; онъ требуетъ, чтобы монахи не слишкомъ много „жрали“, „дабы мамонъ свой набить“. Вообще предписаніе о пищѣ составляетъ почти исключительную тему настоятельскихъ поученій. Фотій и наказывалъ монаховъ тѣмъ, что не давалъ имъ ѣсть за ихъ провинность. Иногда онъ, впрочемъ, поучаетъ монаховъ въ томъ, что они должны выказывать смиреніе, кланяться высшимъ и тому подобное. И вообще всѣ его заботы о монастырѣ и монастырской братіи носятъ чисто хозяйственный характеръ. Это все забота добраго хозяина, но строгаго, менѣе всего заботящагося о душахъ пасомыхъ. Вообще Фотій учительствовалъ только тогда, когда онъ сталкивался съ людьми чиновными или аристократическаго происхожденія. Въ сношеніи съ другими лицами—это былъ добрый хозяинъ, вовсе не затрагивавшій духовныхъ вопросовъ. Въ его монастырь какъ то заѣхалъ его знакомый академическій студентъ. Проникнутое величайшимъ благоговѣніемъ къ Фотію описаніе посѣщенія этого монастыря производитъ, однако, тяжелое впечатлѣніе. Фотій все показалъ своему собесѣднику въ монастырѣ и это былъ простой перечень того, сколько какая вещь стоитъ:

митра стоитъ 250 тысячъ, жемчужина—полтора милліона, риза двадцать тысячъ и т. п.

Вскорѣ послѣ своего сближенія съ Фотіемъ, графиня купила за очень большую цѣну небольшое имѣніе, находившееся подъ самымъ монастыремъ, гдѣ когда то былъ монастырь Св. Пантелеймона, и почти безвыѣздно жила въ этомъ имѣніи, постоянно находясь въ общеніи со своимъ духовнымъ отцомъ. Прекрасно отдѣланная дорога среди топкой и болотистой мѣстности и сейчасъ ведетъ отъ бывшаго дома графини, нынѣ принадлежащаго монастырю, къ стѣнамъ древней обители. Сближеніе графини Орловой и Фотія въ свое время вызывало немалый соблазнъ. Одно произведеніе того времени, которое имѣетъ характеръ письма графинѣ отъ какой то группы отпущенныхъ на волю ею крестьянъ, рисуетъ эти отношенія въ весьма неблагопріятномъ для обоихъ свѣтѣ. Трудно сказать, дѣйствительно ли это письмо написано крестьянами,—можетъ быть это памфлетъ, ходившій въ рукописи, но во всякомъ случаѣ онъ передаетъ то, что очень многіе думали объ этихъ отношеніяхъ. „Сердцу рабскому“ пищущихъ это письмо весьма больно, что „наша мать впала въ руки волка хищнаго, волка хитраго и неумнаго“. Онъ проводитъ у графини дни и ночи, вопреки правилъ святыхъ отцовъ и къ великому соблазну православныхъ. „Ты готова для него всѣмъ на свѣтѣ жертвовать, ты унизила себя передъ нимъ до самой низкой подлости“, а онъ грабитъ и разоряетъ. И посланіе задается вопросомъ о томъ: „станетъ-ли истинный подвижникъ, обрекшійся на нищету и власяницу, гоняться за плотскими украшеніями, за убранствами богатыми, за отличіями брилліантовыми, за шубами собольими и чернобурыхъ лисицъ? Станетъ ли носить рубахи фландскаго полотна, разъѣзжать четверкой въ великолѣпной колесницѣ съ лакеями въ богатой ливреѣ, пренебрегать ихъ и считать за скотовъ“. Посланіе далѣе пересчитываетъ тѣ кушанія изысканныя, которыя идутъ къ столу настоятеля. Кто бы ни писалъ это посланіе, во всякомъ случаѣ оно написано лицомъ, близко знавшимъ образъ жизни Фотія и Орловой, и наблюдавшимъ внѣшнюю сторону ихъ отношеній.

Трудно сказать, чѣмъ объясняется эта въ высшей степени рѣдкая преданность духовной дщери своему отцу. До насъ дошли посланія, которыя Фотій писалъ Орловой, дошли письма. Нельзя сказать, чтобы проповѣдникъ былъ на высотѣ своего призванія

и по настоящее время, обладая огромными завѣщанными Орловой капиталами, Юрьевскій монастырь является богатѣйшимъ въ Россіи. Иконостасъ монастыря представляетъ собою едва-ли не единственное собраніе по богатству и отдѣлкѣ иконъ: онъ блеститъ золотомъ или позолоченнымъ серебромъ и массой драгоцѣнныхъ каменьевъ; въ рукояткѣ меча св. Георгія вставлена жемчужина въ куриное яйцо, а Панагія на образѣ Богоматери вырѣзана изъ изумруда; ризница монастыря представляетъ собой богатѣйшую сокровищницу золотыхъ и серебряныхъ вещей, разукрашенныхъ драгоцѣнными камнями. И сейчасъ все здѣсь проникнуто воспоминаніями о Фотіи и Орловой. И гробницы обоихъ стоятъ рядомъ въ одномъ изъ мрачныхъ храмовъ, надъ ними денно и нощно монахъ читаетъ молитвы, прося Господа Бога о прощеніи имъ грѣховъ.

Независимый въ средствахъ, Фотій по своему сталъ устраивать монастырь. Онъ устанавливаетъ общежитіе и въ особенныхъ письменныхъ внушеніяхъ дѣлаетъ наставленіе свой братіи. Настоятель меньше всего заботится о духовномъ поученіи своей братіи. Онъ больше поучаетъ ее о томъ, какъ они должны между собою дѣлить пищу, не расхватывать у служекъ, вносящихъ пищу въ трапезную, а ждать покамѣстъ ее поставятъ на столъ; онъ требуетъ, чтобы монахи не слишкомъ много „жрали“, „дабы мамонъ свой набить“. Вообще предписаніе о пищѣ составляетъ почти исключительную тему настоятельскихъ поученій. Фотій и наказывалъ монаховъ тѣмъ, что не давалъ имъ ѣсть за ихъ провинность. Иногда онъ, впрочемъ, поучаетъ монаховъ въ томъ, что они должны выказывать смиреніе, кланяться высшимъ и тому подобное. И вообще всѣ его заботы о монастырѣ и монастырской братіи носятъ чисто хозяйственный характеръ. Это все забота добраго хозяина, но строгаго, менѣе всего заботящагося о душахъ пасомыхъ. Вообще Фотій учительствовалъ только тогда, когда онъ сталкивался съ людьми чиновными или аристократическаго происхожденія. Въ сношеніи съ другими лицами—это былъ добрый хозяинъ, вовсе не затрагивавшій духовныхъ вопросовъ. Въ его монастырь какъ то заѣхалъ его знакомый академическій студентъ. Проникнутое величайшимъ благоговѣніемъ къ Фотію описаніе посѣщенія этого монастыря производитъ, однако, тяжелое впечатлѣніе. Фотій все показалъ своему собесѣднику въ монастырѣ и это былъ простой перечень того, сколько какая вещь стоитъ:

митра стоитъ 250 тысячъ, жемчужина—полтора милліона, риза двадцать тысячъ и т. п.

Вскорѣ послѣ своего сближенія съ Фотіемъ, графиня купила за очень большую цѣну небольшое имѣніе, находившееся подъ самымъ монастыремъ, гдѣ когда то былъ монастырь Св. Пантелеймона, и почти безвыѣздно жила въ этомъ имѣніи, постоянно находясь въ общеніи со своимъ духовнымъ отцомъ. Прекрасно отдѣланная дорога среди топкой и болотистой мѣстности и сейчасъ ведетъ отъ бывшаго дома графини, нынѣ принадлежащаго монастырю, къ стѣнамъ древней обители. Сближеніе графини Орловой и Фотія въ свое время вызывало немалый соблазнъ. Одно произведеніе того времени, которое имѣетъ характеръ письма графинѣ отъ какой то группы отпущенныхъ на волю ею крестьянъ, рисуетъ эти отношенія въ весьма неблагопріятномъ для обоихъ свѣтѣ. Трудно сказать, дѣйствительно ли это письмо написано крестьянами,—можетъ быть это памфлетъ, ходившій въ рукописи, но во всякомъ случаѣ онъ передаетъ то, что очень многіе думали объ этихъ отношеніяхъ. „Сердцу рабскому“ пищущихъ это письмо весьма больно, что „наша мать впала въ руки волка хищнаго, волка хитраго и неумнаго“. Онъ проводитъ у графини дни и ночи, вопреки правилъ святыхъ отцовъ и къ великому соблазну православныхъ. „Ты готова для него всѣмъ на свѣтѣ жертвовать, ты унизила себя передъ нимъ до самой низкой подлости“, а онъ грабитъ и разоряетъ. И посланіе задается вопросомъ о томъ: „станетъ-ли истинный подвижникъ, обрекшійся на нищету и власяницу, гоняться за плотскими украшеніями, за убранствами богатыми, за отличіями брилліантовыми, за шубами собольими и чернобурыхъ лисицъ? Станетъ ли носить рубахи фландскаго полотна, разъѣзжать четверкой въ великолѣпной колесницѣ съ лакеями въ богатой ливреѣ, пренебрегать ихъ и считать за скотовъ“. Посланіе далѣе пересчитываетъ тѣ кушанія изысканныя, которыя идутъ къ столу настоятеля. Кто бы ни писалъ это посланіе, во всякомъ случаѣ оно написано лицомъ, близко знавшимъ образъ жизни Фотія и Орловой, и наблюдавшимъ внѣшнюю сторону ихъ отношеній.

Трудно сказать, чѣмъ объясняется эта въ высшей степени рѣдкая преданность духовной дщери своему отцу. До насъ дошли посланія, которыя Фотій писалъ Орловой, дошли письма. Нельзя сказать, чтобы проповѣдникъ былъ на высотѣ своего призванія

и по настоящее время, обладая огромными завѣщанными Орловой капиталами, Юрьевскій монастырь является богатѣйшимъ въ Россіи. Иконостасъ монастыря представляетъ собою едва-ли не единственное собраніе по богатству и отдѣлкѣ иконъ: онъ блеститъ золотомъ или позолоченнымъ серебромъ и массой драгоцѣнныхъ каменьевъ; въ рукояткѣ меча св. Георгія вставлена жемчужина въ куриное яйцо, а Панагія на образѣ Богоматери вырѣзана изъ изумруда; ризница монастыря представляетъ собой богатѣйшую сокровищницу золотыхъ и серебряныхъ вещей, разукрашенныхъ драгоцѣнными камнями. И сейчасъ все здѣсь проникнуто воспоминаніями о Фотіи и Орловой. И гробницы обоихъ стоятъ рядомъ въ одномъ изъ мрачныхъ храмовъ, надъ ними денно и нощно монахъ читаетъ молитвы, прося Господа Бога о прощеніи имъ грѣховъ.

Независимый въ средствахъ, Фотій по своему сталъ устраивать монастырь. Онъ устанавливаетъ общежитіе и въ особенныхъ письменныхъ внушеніяхъ дѣлаетъ наставленіе свой братіи. Настоятель меньше всего заботится о духовномъ поученіи своей братіи. Онъ больше поучаетъ ее о томъ, какъ они должны между собою дѣлить пищу, не расхватывать у служекъ, вносящихъ пищу въ трапезную, а ждать покамѣстъ ее поставятъ на столъ; онъ требуетъ, чтобы монахи не слишкомъ много „жрали“, „дабы мамонъ свой набить“. Вообще предписаніе о пищѣ составляетъ почти исключительную тему настоятельскихъ поученій. Фотій и наказывалъ монаховъ тѣмъ, что не давалъ имъ ѣсть за ихъ провинность. Иногда онъ, впрочемъ, поучаетъ монаховъ въ томъ, что они должны выказывать смиреніе, кланяться высшимъ и тому подобное. И вообще всѣ его заботы о монастырѣ и монастырской братіи носятъ чисто хозяйственный характеръ. Это все забота добраго хозяина, но строгаго, менѣе всего заботящагося о душахъ пасомыхъ. Вообще Фотій учительствовалъ только тогда, когда онъ сталкивался съ людьми чиновными или аристократическаго происхожденія. Въ сношеніи съ другими лицами—это былъ добрый хозяинъ, вовсе не затрагивавшій духовныхъ вопросовъ. Въ его монастырь какъ то заѣхалъ его знакомый академическій студентъ. Проникнутое величайшимъ благоговѣніемъ къ Фотію описаніе посѣщенія этого монастыря производитъ, однако, тяжелое впечатлѣніе. Фотій все показалъ своему собесѣднику въ монастырѣ и это былъ простой перечень того, сколько какая вещь стоитъ:

митра стоитъ 250 тысячъ, жемчужина—полтора милліона, риза двадцать тысячъ и т. п.

Вскорѣ послѣ своего сближенія съ Фотіемъ, графиня купила за очень большую цѣну небольшое имѣніе, находившееся подъ самымъ монастыремъ, гдѣ когда то былъ монастырь Св. Пантелеймона, и почти безвыѣздно жила въ этомъ имѣніи, постоянно находясь въ общеніи со своимъ духовнымъ отцомъ. Прекрасно отдѣланная дорога среди топкой и болотистой мѣстности и сейчасъ ведетъ отъ бывшаго дома графини, нынѣ принадлежащаго монастырю, къ стѣнамъ древней обители. Сближеніе графини Орловой и Фотія въ свое время вызывало немалый соблазнъ. Одно произведеніе того времени, которое имѣетъ характеръ письма графинѣ отъ какой то группы отпущенныхъ на волю ею крестьянъ, рисуетъ эти отношенія въ весьма неблагопріятномъ для обоихъ свѣтѣ. Трудно сказать, дѣйствительно ли это письмо написано крестьянами,—можетъ быть это памфлетъ, ходившій въ рукописи, но во всякомъ случаѣ онъ передаетъ то, что очень многіе думали объ этихъ отношеніяхъ. „Сердцу рабскому“ пищущихъ это письмо весьма больно, что „наша мать впала въ руки волка хищнаго, волка хитраго и неумнаго“. Онъ проводитъ у графини дни и ночи, вопреки правилъ святыхъ отцовъ и къ великому соблазну православныхъ. „Ты готова для него всѣмъ на свѣтѣ жертвовать, ты унизила себя передъ нимъ до самой низкой подлости“, а онъ грабитъ и разоряетъ. И посланіе задается вопросомъ о томъ: „станетъ-ли истинный подвижникъ, обрекшійся на нищету и власяницу, гоняться за плотскими украшеніями, за убранствами богатыми, за отличіями брилліантовыми, за шубами собольими и чернобурыхъ лисицъ? Станетъ ли носить рубахи фландскаго полотна, разъѣзжать четверкой въ великолѣпной колесницѣ съ лакеями въ богатой ливреѣ, пренебрегать ихъ и считать за скотовъ“. Посланіе далѣе пересчитываетъ тѣ кушанія изысканныя, которыя идутъ къ столу настоятеля. Кто бы ни писалъ это посланіе, во всякомъ случаѣ оно написано лицомъ, близко знавшимъ образъ жизни Фотія и Орловой, и наблюдавшимъ внѣшнюю сторону ихъ отношеній.

Трудно сказать, чѣмъ объясняется эта въ высшей степени рѣдкая преданность духовной дщери своему отцу. До насъ дошли посланія, которыя Фотій писалъ Орловой, дошли письма. Нельзя сказать, чтобы проповѣдникъ былъ на высотѣ своего призванія

въ этихъ посланіяхъ. Въ нихъ не видно ни ума, ни образованности даже въ церковномъ смыслѣ. Эти посланія, которыя Орлова считала „апостольскими“, которыя она переписывала для князя Голицына и другихъ почитателей архимандрита, бѣдны содержаніемъ. Они изложены плохой рѣчью, очень неумѣлымъ подражаніемъ церковно-славянскому языку. Начетчикъ, хорошо начитанный въ этомъ языкѣ, писалъ бы лучше. Содержаніе блѣдно, безцвѣтно. Дьяволъ, сатана, бѣсы, сновидѣнія самого Фотія и особенно вопросъ о сохраненіи плотскаго дѣвства—вотъ та духовная пища, которую преподносилъ Фотій. Корреспондентка часто задаетъ умные вопросы, выказывающіе ея пытливость. Фотій отвѣчаетъ шаблонными совѣтами—соблюдать заповѣди и читать житія святыхъ. Когда Фотій хочетъ пояснить, отчего въ человѣкѣ появляется духъ печали и уныніе, онъ не умѣетъ дать другого объясненія, какъ только разсказать о томъ, что къ нему самому являлся духъ лукавый и объяснилъ, что это онъ посылаетъ духовъ уныніе и печали. Всѣ бѣды происходятъ отъ этихъ козней дьявола: сатана бываетъ причиной самоубійства, онъ изобрѣлъ театры, маскарады, пѣсни, гульбища, бесѣды, трагедіи, комедіи, романы и всякаго рода вообще сатанинскія дѣла. Или Фотій описываетъ тѣ видѣнія, которыя ему были. Онъ доходилъ до увѣренія, что онъ видѣлъ начертаніе Славы Трисвятого Бога, видѣлъ Сына Человѣческаго въ образѣ человѣка, видѣлъ какихъ то звѣрей на подобіе апокалипсическихъ, чувствовалъ свѣтъ и благоуханіе. И „христолюбивая дѣвица“ съ вниманіемъ и вѣрою воспринимала всѣ эти посланія и разсказы. Въ отвѣтныхъ письмахъ къ Фотію Орлова въ своей по существу невинной жизни хочетъ найти вины: то она лѣнива къ молитвѣ, то въ сердцѣ ея невольно „восходятъ соблазны и помыслы нечистые“. Но вездѣ она признается, что ей очень тяжела даже кратковременная разлука съ Фотіемъ. Она въ отсутствіе Фотія вспоминаетъ его голосъ, для нея нужны его письма, „какъ воздухъ для дыханія“.

Орлова въ дѣятельности Фотія и въ его возвышеніи сыграла наиболѣе видную роль. Имъ заинтересовались многіе другіе лица. Она познакомила его съ княземъ Голицынымъ, который устроилъ свиданіе Фотія съ государемъ, Фотій получилъ извѣстное вліяніе при дворѣ и вообще среди петербургской аристократіи. Его голосъ теперь дѣйствительно сдѣлался мощнымъ, къ нему прислушивались. Теперь, опираясь на Орлову, Фотій начинаетъ дѣйство-

вать болѣе увѣренно. Дружественно переписываясь съ Голицынымъ, преподавая ему утѣшеніе и наставленіе, онъ въ то же время слѣдилъ за нимъ, устроилъ въ буквальномъ смыслѣ сыскъ для того, чтобы найти поводъ для открытой войны противъ всесильнаго министра.

Фотій, правда, много говоритъ о томъ, что онъ изъ чисто религіозныхъ побужденій вступилъ въ борьбу съ мистиками и съ княземъ Голицынымъ. Но въ то же время онъ самъ довольно наивно разсказываетъ о тѣхъ мірскихъ побужденіяхъ, которыя воздвигали его и стоявшій за нимъ кругъ высшихъ іерарховъ къ борьбѣ съ Голицынымъ. Фотій заранѣе готовился къ борьбѣ и когда популярность его уже въ достаточной мѣрѣ окрѣпла, митрополитъ Серафимъ, посовѣтовавшись съ епископомъ Владиміромъ и со всѣми своими союзниками, вызвалъ Фотія въ Петербургъ. „Потрясется весь градъ Св. Петра“, говорилъ епископъ Владиміръ по поводу пріѣзда Фотія. Въ извѣстной мѣрѣ это и случилось.

Фотій уже и раньше, какъ мы видѣли, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Голицынымъ. Подобно Орловой, князь Голицынъ былъ духовнымъ „братцемъ“ Фотія. Онъ посылаетъ своему духовному сыну благословеніе, наставляя его, сообщая ему въ письмахъ о знаменіяхъ, въ которыхъ самъ Господь Богъ признавалъ Голицына вѣрнѣйшимъ сыномъ православной церкви. Но эта духовная дружба нужна была для испытанія, для того, чтобы найти слабыя стороны въ мнѣніяхъ и дѣятельности Голицына. Фотій самъ разсказываетъ, что, когда его вытребовали въ Петербургъ, онъ каждодневно бывалъ на бесѣдахъ у разныхъ „бояръ и боярынь“, гдѣ все время рѣчь шла, „како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать пособіе“. Въ то же время онъ, „нужное испытуя у князя Голицына“, т. е. учинилъ надъ нимъ сыскъ, подошелъ къ нему съ пріемами незамѣтнаго слѣдователя. Фотію и всѣмъ его соратникамъ въ Голицынѣ не нравилось покровительство, оказываемое имъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ извѣстному пастору Госнеру. Фотій утверждаетъ, что императоръ пожаловалъ пастору Госнеру на содержаніе дома 18 тысячъ рублей, что Госнера поддерживаетъ императрица Марія, Голицынская канцелярія и „прочая сволочь зловредная“, а всему этому „кн. Голицынъ есть первая вина“. Баварскій пасторъ и профессоръ Госнеръ, прекрасный проповѣдникъ, мирный христіанинъ съ легкимъ мистическимъ оттѣнкомъ, въ представленіи Фотія превратился въ опаснѣйшаго ре-

волюціонера; Госнеръ учитъ „всему, что ближе къ готовляемой втайнѣ революціи церковной и правительства“. „Кн. Голицынъ, клятвенные враги вѣры, благочестія, церкви и государства возносятъ Госнера къ небесамъ“. Такимъ образомъ личная ненависть къ преуспѣвающему иностранному проповѣднику является для Фотія и его соратниковъ первѣйшимъ стимуломъ къ борьбѣ. Но были и другіе болѣе сложные поводы къ ней.

Голицынъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, подчинилъ свѣтской власти дѣятельность Синода. Въ этомъ фактѣ и кроется основная причина ненависти къ нему нѣкоторой части синодальныхъ членовъ. Фотій дѣлаетъ даже какой то темный намекъ на изгнаніе кн. Голицынымъ и „положеніе въ гробъ“ нѣкоторыхъ избранныхъ Богомъ іерарховъ церкви.

Порабощеніе свѣтской властью духовной весьма сильно задѣло высшую церковную іерархію, тогда еще не привыкшую къ такому порядку вещей. Фотій очень наивно передаетъ это настроеніе. Кн. Голицынъ „неполный еще генералъ“, а только тайный совѣтникъ, т. е. будучи младшимъ по чину сравнительно съ митрополитами, предсѣдательствовалъ въ „собраніи“ въ томъ числѣ и въ Библейскомъ Обществѣ, оказываясь такимъ образомъ выше митрополита и архіерея. Онъ „яко патріархъ“ сидѣлъ окруженный высшими церковными іерархами: „стыдъ и срамъ было слышать и видѣть сіе неслыханное въ Россіи кознодѣйство и посмѣяніе вѣрѣ святой въ лицѣ пастырей и учителей“. Вотъ въ чемъ была основная причина ненависти духовенства къ министру: даже Библейское Общество было не столь вредно само по себѣ, какъ то, что въ немъ предсѣдательствовалъ князь.

Князь Голицынъ окружилъ себя надменными свѣтскими людьми, которые вмѣстѣ съ нимъ вершатъ церковныя дѣла. Таковъ „надменный комаръ“ А. И. Тургеневъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, который много „пакостей“ надѣлалъ самому Фотію. Вотъ тотъ рядъ причинъ, въ силу которыхъ Фотій отъ имени духовенства возсталъ противъ Голицына—противъ „овцы непотребной“, какъ онъ называлъ князя.

Митрополитъ Серафимъ выступилъ борцомъ за возстановленіе синодальныхъ правъ, имѣя цѣлью „исторгнуть святую церковь изъ рукъ мірского человѣка, при томъ врага ея, избавить отъ неправильнаго насилія духовенство, отдѣлить пшеницу отъ плевеловъ, уничтожить власть министра, прекратить дѣйствія

зловѣрія, заградить уста еретика". Ему особенно хотѣлось открыть „зло тайное княземъ и его партіею содѣлываемое". Интересно, что самъ Фотій выпытывалъ у князя о его намѣреніи. „Отецъ Фотій все примѣчалъ, и искушая сердце князя, отъ него узнавалъ самого". Отъ него онъ узналъ, что кн. Голицынъ намѣренъ низложить митрополита Серафима и на его мѣсто возвести епископа Филарета. Такъ, самымъ главнымъ лицомъ всей этой драмы весьма наивно разсказана основная причина борьбы: митрополиту Серафиму совсѣмъ не хотѣлось оставлять свое мѣсто изъ-за несогласія съ министромъ. И этотъ архипастырь—по характеристикѣ одного современника,—„мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ къ дѣлу Божію," рѣшился вступить въ борьбу съ всесильнымъ министромъ. У князя Голицына оказалось много враговъ. Не менѣе всесильному графу Аракчееву, совмѣстное вліяніе его и князя Голицына на императора не нравилось. Онъ хотѣлъ быть единственнымъ руководителемъ государя. Другъ кн. Голицына, извѣстный Магницкій, мѣтилъ попасть самъ въ министры и старательнѣе другихъ выслѣживалъ своего министра для того, чтобы его низвергнуть. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода князь Мещерскій, подчиненный теперь министру духовныхъ дѣлъ кн. Голицыну, тяготился своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Князь Сергѣй Шахматовъ, въ иночествѣ Аникита, сенаторъ Штеръ, и много дамъ вмѣстѣ съ графиней Орловой, княгиней С. С Мещерской, женой оберъ-прокурора, и многіе другіе—вотъ тотъ кругъ лицъ, для котораго нужно было паденіе кн. Голицына.

Этотъ кругъ лицъ насчиталъ цѣлый рядъ винъ за княземъ Голицынымъ. Онъ оказывалъ покровительство мистикамъ и другимъ сектантамъ. Онъ былъ предсѣдателемъ вреднѣйшаго и революціоннаго Библейскаго Общества. Подъ его покровительствомъ переведенъ Новый Завѣтъ на русскій языкъ, хотя въ этомъ переводѣ принималъ участіе и митрополитъ Серафимъ, въ покояхъ котораго собирались „перелагатели священнаго писанія". Своимъ вліяніемъ на царя князь достигъ того, что самъ царь одобрялъ и мистическія сочиненія и переводъ евангелія на русскій языкъ и разныя вредныя книги. Въ одной анонимной запискѣ того времени—„Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи", вышедшей изъ круга близкаго къ митрополиту Серафиму, пущенной по рукамъ и доведенной до свѣдѣнія Александра I, перечисляются всѣ тогдашніе враги Россіи, жаждущіе ее погубить; это были всякаго рода

иновѣрцы, масоны, вольтерьянцы, русскіе раскольники, члены Библейскаго Общества и тому под. которые „на удивленіе самому аду“ придумывали способы къ погубленію Россіи. Эта Записка увѣряетъ, будто бы всѣ эти враги Россіи издали массу книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства, они сѣютъ зловредное ученіе въ университетахъ, чего не замѣчаетъ министръ народнаго просвѣщенія. Они унизили религію тѣмъ, что стали продавать библію по самой низкой цѣнѣ, что священная библія попала въ лавки книгопродавцевъ, на лари, въ переднюю и кухню. Записка предваряетъ обо всѣхъ этихъ врагахъ, намекая на то, что всѣ эти козни имѣютъ въ виду главу государства.

Когда враги Голицына почувствовали себя довольно сильными, они начали на него открытое нападеніе. Между митрополитомъ Серафимомъ и министромъ духовныхъ дѣлъ происходитъ рѣзкій разговоръ въ Святѣйшемъ Синодѣ, такъ что Голицынъ, схвативши шляпу „во гнѣвѣ и ярости“ бѣжалъ изъ Синода. Фотій добивается свиданія съ государемъ и открыто выступаетъ противъ министра. Онъ пишетъ государю посланіе такого же характера. Но особенно усилило противника Голицына слѣдующее обстоятельство. Извѣстный уже намъ пасторъ Госнеръ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ книгу о послѣдованіи Христу. Это совершенно невинная мистическая книга. Нашелся переводчикъ этой книги, человѣкъ близкій къ Попову и кн. Голицыну. Кн. Голицынъ, какъ министръ и начальникъ цензуры взялъ на себя цензурованіе этой книги, а Поповъ сдѣлалъ нѣкоторыя поправки въ переводѣ. Магницкій узнавъ о томъ, гдѣ книга эта печатается, выкралъ всѣ корректурные листы ея и немедленно представилъ Аракчееву и митрополиту Серафиму. Всѣ противники министра забили тревогу. Прежде всего отправленъ былъ къ государю митрополитъ Серафимъ. Митрополитъ боялся ѣхать. Но графиня Орлова, Фотій и Магницкій усадили почти насильно старика въ карету и приказали кучеру не останавливаясь ѣхать въ Зимній дворецъ. За каретой слѣдилъ Магницкій, заставившій митрополита войти къ государю. Митрополитъ, поставивъ къ ногамъ императора свой бѣлый клобукъ, заявилъ, что онъ до тѣхъ поръ не возьметъ его обратно, если ему не будетъ обѣщано уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ и возвращеніе Синоду его прежнихъ правъ. Государь былъ смущенъ и по обычаю старался быть любезнымъ и

все обѣщающимъ. Фотій пишетъ разборъ книги Госнера. Онъ старается доказать, что эта книга является воззваніемъ къ революціи, что она заключаетъ въ себѣ всѣ замыслы злодѣйскіе, революціонные, это—„пароль тайныхъ обществъ“. Вездѣ, гдѣ книга говоритъ о необходимости слѣдованія Христову ученію, Фотій видитъ воззваніе къ революціи, „обновленіе, измѣненіе временъ“ въ смыслѣ поворота въ христіанствѣ представляется ему воззваніемъ къ измѣненію государственнаго порядка; даже слово „израиль“ онъ понимаетъ, какъ замѣну слова „бунтующій народъ“. Однимъ словомъ, какъ „кратко“ суммируетъ самъ Фотій „Книга Воззваніе есть вѣсть къ отступленію отъ вѣры Христовой и къ перемѣнѣ гражданскаго порядка по всѣмъ частямъ“. Фотій встрѣчаетъ въ книгѣ обычное мистическое выраженіе—„се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая“ и комментируетъ эти слова такъ: „скрывайте все до времени, молчите“, готовясь къ революціи. Но этотъ доносъ, переданный государю немедленно Аракчеевымъ, былъ слишкомъ наивенъ для того, чтобы могъ воздѣйствовать на императора. Тогда Фотій пишетъ императору посланіе. Доказывая вредъ книги Госнера, онъ сообщаетъ императору о тѣхъ видѣніяхъ, которыя ему были: 30-го марта въ Вербное воскресеніе предсталъ предъ Фотіемъ ангелъ Божій во время дреманія, разогнувъ книгу и показывая ее Фотію, сказалъ: „зри и разумѣй!“. Эта книга была составлена для революціи и Фотій узналъ ее: это была зловредная книга Госнера. Фотій увѣряетъ своего высокаго читателя, что самъ Господь Богъ открываетъ черезъ его посредство путь къ спасенію: „что же дѣлать,—мнѣ все открыто:—... графъ Аракчеевъ все можетъ исполнить, онъ вѣренъ,—и объ немъ мнѣ открыто тогда, когда я тебя видѣлъ въ видѣніи“. И онъ предупреждаетъ государя: „знай, о великій царь, что Господь все мнѣ открывалъ прежде и все впредь заранѣе откроетъ: никакой бѣды не будетъ, если ты послушаешь Господа, чрезъ меня тебѣ глаголющаго“. Но и это наивное посланіе, отправленное 12 апрѣля 1824 года, не подѣйствовало на государя. Тогда Фотій добивается свиданія съ государемъ. Онъ требуетъ закрытія всѣхъ тайныхъ обществъ, закрытія Библейскаго Общества, возвращенія прежней власти Святѣйшему Синоду, отставки кн. Голицына. Нѣсколько позже Фотій пишетъ государю новое посланіе, отправленное 29-го апрѣля того же года. Инокъ молился Господу Богу и вотъ, что Господь открылъ ему: необходимо

министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, удалить кн. Голицына, закрыть Библейское Общество подъ предлогомъ, что теперь библіи не нужны больше, Синоду быть по прежнему, Кошелева, Госнера, Феслера изгнать. „Провидѣніе Божіе теперь болѣе ничего дѣлать не открыло“,—скромно заявляетъ авторъ посланія; затѣмъ тутъ же онъ прилагаетъ планъ, который будто бы хотятъ провести члены тайныхъ обществъ.

Вся эта интрига была настолько наивна, что все же не могла воздѣйствовать на государя. Тогда по совѣту Аракчеева, царь поручаетъ разборъ книги Госнера извѣстному уже намъ адмиралу Шишкову. Онъ надѣялся на честность и добросовѣстность стараго адмирала, но послѣдній, какъ мы знаемъ, былъ самъ добросовѣстно убѣжденъ въ дѣятельности крамольныхъ враговъ Россіи и затѣмъ слишкомъ зависѣлъ отъ Аракчеева, слишкомъ самъ стремился занять мѣсто Голицына въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія для того, чтобы хладнокровно отнестись къ книгѣ Госнера.

Шишковъ съ жаромъ принялся за разборъ книги пастора Госнера, онъ написалъ довольно объемистое произведеніе, въ которомъ пытается раскрыть „скрытный“ языкъ автора этого сочиненія. Критика изобилуетъ цѣлымъ рядомъ въ высшей степени курьезныхъ замѣчаній, характеризующихъ какъ автора ихъ, такъ и всю эту замѣчательную эпоху. Шишковъ встрѣтилъ у Госнера фразу: „предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ, нерѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямого пути“. Эта фраза уже кажется Шишкову опасной: „Зачѣмъ говорить такими скрытными и двусмысленными словами?, что такое предубѣжденіе къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ?“ Шишковъ боится и не понимаетъ выраженія „искать Христа“, хотя авторъ книги говоритъ объ исканіи Христа волхвами въ ясляхъ. Съ точки зрѣнія Шишкова, христіане знаютъ Христа, имъ не надо искать Христа. Проповѣдникъ говоритъ о звѣздѣ Христа, приведшей волхвовъ въ Виѳлеемъ, и говоритъ, что это великая звѣзда, которую „не можно было носить на одеждѣ“—это была небесная звѣзда. Шишковъ приходитъ въ смущеніе: ему кажется страннымъ, что проповѣдникъ увѣряетъ своихъ слушателей въ томъ, что небесныхъ звѣздъ не носятъ на одеждѣ, „и кому придетъ въ голову свѣтъ евангельскаго откровенія сравнивать съ кавалерской звѣздой?“. Проповѣдникъ приглашаетъ слушателей по-

слѣдовать за „звѣздою слова Божія“. Критикъ съ испугомъ замѣчаетъ, что это значитъ призывъ идти за тѣмъ, „кто насъ освободитъ“. Вообще въ призывахъ проповѣдника слѣдовать за Христомъ и его ученіемъ реакціонноиу критику чудится призывъ къ поискамъ свободы. По мнѣнію Шишкова, проповѣдникъ подъ Христомъ и евангеліемъ разумѣетъ не того Христа, въ котораго всѣ вѣруютъ, но другого, котораго еще надо искать.

Съ другой стороны критикъ очень внимательно слѣдитъ за всѣми тѣми выраженіями проповѣдника, въ которыхъ упоминается имя Ирода царя. Ему все кажется, что подъ именемъ царя іудейскаго проповѣдникъ разумѣетъ современныхъ царей. Такъ къ разсказу Госнера о попыткахъ Ирода найти божественнаго младенца, Шишковъ съ испугомъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Иродъ помышлялъ сіе; но почему же, указуя на тѣ времена, говоритъ (авторъ) такъ, какъ будто бы всѣ нынѣшніе цари были Ироды.“ Въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ съ пафосомъ говоритъ о томъ, что скоро кончится гоненіе божественнаго младенца—„ожидай еще нѣсколько и твой Иродъ умретъ“. Эта фраза приводитъ въ содроганіе Шишкова: „кого разумѣетъ подъ именемъ Ирода и почему пророчитъ ему скорую смерть? Темныя загадки! но кто просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ евангелія, чья душа чиста и не злоказненна, тому не трудно угадать ихъ, и отъ нихъ содрогнуться“.

Получивъ черезъ Аракчеева докладъ Шишкова, императоръ былъ въ совершенномъ недоумѣніи. Тогда Фотій рѣшается на крайнія мѣры. Князь Голицынъ былъ вызванъ въ домъ графини Орловой. Окруженный театральной обстановкой, здѣсь встрѣтилъ его духовный отецъ и рѣзко потребовалъ отреченія отъ всѣхъ побужденій и покаянія. Кн. Голицынъ вспылилъ. Тогда Фотій торжественно предалъ его анаѳемѣ, немедленно утвержденной митрополитомъ Серафимомъ. Вѣсть разнеслась по всему городу. Получился грандіозный скандалъ: министръ духовныхъ дѣлъ, извѣстнѣйшій святоша, отлученъ отъ церкви. Сохранять портфель министра при такихъ условіяхъ было дѣломъ труднымъ, и Голицынъ вышелъ въ отставку, сохранивъ за собою лишь управленіе почтовымъ департаментомъ. Государь былъ возмущенъ и недоволенъ и на тайномъ свиданіи съ Фотіемъ старался доказать ему неправоту его дѣйствій. Но это было безполезное увѣщаніе. Фотій и его приверженцы ликовали: „паде адъ, діаволъ ратоборецъ побѣжденъ, бѣсы и вражіи духу потреблены въ начинаніяхъ сво-

ихъ.... Всѣ духовныя лица, всѣ грады, всѣ церкви, святыя обители, домы духовны и мѣста оживляются отъ радости. Ибо сіе дѣло было таково, что во власти бывъ церковь вся у князя Голицына, была яко въ плѣнѣ у князя тьмы".

Министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Шишковъ, а Фотій и Магницкій окончательно впали въ немилость государя. Фотій сошелъ со сцены и продолжалъ заниматься хозяйствомъ въ Юрьевскомъ монастрѣ, используя огромныя средства графини Орловой.

Такъ разыгрался одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ этого періода. Правовѣріе окончательно укрѣпилось. Оно выставило свою государственную программу, которую въ лицѣ Шишкова пыталось проводить въ дѣлахъ государственныхъ.

ГЛАВА XII.

Правительственная политика и народное образованіе.

Мы только что прослѣдили разнообразныя струи общественнаго настроенія. Весьма значительная часть общества, при томъ такая, которая стояла у власти или близко къ ней, была проникнута мрачнымъ реакціоннымъ направленіемъ. Эта часть общества была глубоко увѣрена въ томъ, что религія и государство находятся въ крайней опасности, все разлагается. Она потеряла вѣру въ прежніе идеалы, или даже выросла и созрѣла уже въ періодъ господства реакціи. Эта часть общества ищетъ выхода сначала въ различныхъ религіозныхъ ученіяхъ, а потомъ обращается къ старой вѣрѣ своихъ предковъ. Она съ боязнью и ненавистью смотритъ на тѣ великіе идеалы, которые были выработаны вѣкомъ просвѣщенной философіи и революціи, и ищетъ успокоенія и отвѣта въ родномъ достояніи, ищетъ идеаловъ въ исторіи, или въ специфическомъ, особо понимаемомъ, народномъ русскомъ духѣ. Національнизмъ, который теперь господствуетъ, является весьма своеобразнымъ: онъ беретъ изъ прошлаго и настоящаго или несуществующія цѣли, или идеалы, въ которыхъ на первый планъ ставится сохраненіе существующаго порядка вещей. Борьба съ просвѣщеніемъ, борьба съ малѣйшими проявленіями мысли о свободѣ крестьянъ, усиленіе дворянства—вотъ тѣ основные принципы, которые господствуютъ въ этой идеологіи. Въ этомъ омутѣ притупленной человѣческой мысли темная интрига, своекорыстные личные интересы находятъ себѣ мощное подкрѣпленіе. Эти послѣдніе недостатки человѣческой натуры какъ то всегда плотно сплетаются съ воплями о гибели отечества.

Реакціонное настроеніе въ обществѣ весьма облегчило задачу правительственной власти. Мы уже знаемъ, что во главѣ правительства стоялъ человѣкъ, обладавшій многими замѣчатель-

ными качествами, но среди нихъ было одно, которое императоръ проявлялъ съ особенной осторожностью въ первую половину своего управленія. Оно заключалось въ упорномъ стремленіи государя сохранить власть на той высотѣ, на которой она стояла при его предкахъ, и даже усилить ее, развить. Настроеніе въ обществѣ второго періода царствованія весьма облегчило проведеніе государственной идеи такого порядка. Правительство примкнуло къ реакціи, оперлось на нее.

Наступленіе эпохи реакціи стало выражаться или въ крутомъ измѣненіи правительственной политики, сравнительно съ первымъ десятилѣтіемъ, или въ усиленіи тѣхъ мрачныхъ ея сторонъ, которыя въ зародышѣ видны были раньше. Кромѣ того, политическое положеніе Россіи настолько осложнилось, что государь много времени долженъ былъ проводить внѣ Россіи, и это обстоятельство, казалось, оправдывало отсутствіе движенія впередъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Самъ Александръ I значительно измѣнился: съ годами онъ пріобрѣлъ увѣренность и могъ свободнѣе отдаться тѣмъ дѣламъ, къ которымъ онъ всегда питалъ сильное влеченіе, именно, дипломатіи и военному дѣлу. Когда ему напоминали о томъ, что съ прекращеніемъ періода войнъ слѣдуетъ перейти къ реформамъ въ гражданскомъ управленіи, Александръ I, растроганный, убѣдительно доказывалъ своимъ собесѣдникамъ, что у него нѣтъ людей, на которыхъ онъ могъ бы опереться. Впрочемъ, за границей, во Франціи, Англіи и Польшѣ, Александръ продолжалъ еще завѣрять слушателей въ своемъ желаніи ввести въ Россіи либеральныя учрежденія, но для болѣе опытныхъ и близкихъ наблюдателей было ясно, что въ Россіи все болѣе и болѣе сгущается реакціонная политика. Съ годами Александръ I болѣе откровенно сталъ отрицательно выражать свое отношеніе къ Россіи, ко всему русскому и предпочитать все иностранное. Наблюдая отношенія государя къ Россіи, многіе современники полагали, что государь „удалился отъ дѣлъ“. Но въ дѣйствительности это было не совсѣмъ такъ. Для внутренняго управленія Александръ I послѣ долгихъ поисковъ нашелъ, наконецъ, такія орудія, которыя явились послушнымъ выраженіемъ его воли, которымъ крайне недовѣрчивый и подозрительный государь могъ вполнѣ довѣриться: это были Аракчеевъ и кн. Голицынъ. Въ эпоху реакціи ихъ фигуры закрыли собою въ глазахъ общества государя, котораго многіе продолжали считать добрымъ и склон-

нымъ къ либерализму, но недостаточно самостоятельнымъ. Въ дѣйствительности удаленіе государя даже и отъ дѣлъ внутренняго управленія было далеко не столь рѣшительнымъ. Во всѣхъ актахъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, руководимаго кн. Голицынымъ, государь принималъ дѣятельное участіе. Дѣла Комитета Министровъ показываютъ, что государь стремился услѣдить за всѣми мелочами внутренняго управленія. Еще въ 1806 году, въ либеральную эпоху, кн. Чарторыйскій уже откровенно заявлялъ государю, что онъ больше вниманія удѣляетъ мелочамъ, нежели болѣе серьезнымъ вопросамъ государственной жизни. Замѣчанія государя на протоколахъ Комитета Министровъ были руководящими для дѣятельности его министровъ. Съ другой стороны, Аракчеевъ и Голицынъ, какъ люди близкіе къ государю и совершенно ему преданные, являются вѣрными исполнителями предписаній ихъ царственнаго друга, можетъ быть, даже слишкомъ усердными исполнителями.

Обзоръ правительственной политики мы начнемъ съ той области ея, которая ближе всего къ тому роду общественныхъ явленій, которыя мы только что разсмотрѣли—съ политики въ области просвѣщенія и печати.

Отношеніе правительства къ вопросамъ просвѣщенія въ оба періода царствованія было неодинаково. Въ первую половину правительство шло по пути, указанному Екатериной II, и не мало сдѣлало для развитія науки и просвѣщенія. Во второй періодъ оно стало на почву реакціи и начался одинъ изъ самыхъ грустныхъ періодовъ исторіи нашей школы.

Нужно замѣтить, что XVIII вѣкъ былъ проникнутъ посильными попытками наладить дѣло образованія. Петровскія традиціи были прочны. Петръ Великій указалъ программу обученія, въ которой государственныя надобности были поставлены на первый планъ. Это были знанія военныя и техническія. Эпоха Анны Іоанновны выдвигаетъ идею образованія для гражданскихъ надобностей: этому удовлетворяло обученіе юнкеровъ при коллегіяхъ. Эпоха императрицы Елизаветы выдвигаетъ идею спеціальнаго сословнаго образованія, обученіе шляхетскимъ наукамъ. При Петрѣ I государство смотритъ на ученіе, какъ на службу. Поэтому тотъ, кто не учится, совершаетъ преступленіе уголовнаго и противо-государственнаго характера. Петровскіе регламенты вводили въ школу дисциплину, которая смотрѣла на школьника, какъ на преступ-

ника. Ребенокъ, при вступленіи въ ученье, приносилъ присягу государю. Разъ онъ находился на службѣ, то государство считало совершенно излишнимъ авторитетъ учителя, его воспитательное вліяніе на ученика: передъ послѣднимъ былъ авторитетъ закона; по Петровскому указу 1715 г. дисциплина водворяется въ классѣ при посредствѣ „добрыхъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ“, которые должны имѣть „хлыстъ въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи не былъ“. Въ морскомъ корпусѣ за всякія продерзости приказано было бить батогами, коллежскіе юнкера за крупные проступки отдавались въ солдаты „безъ производженія“. Въ инструкціи духовнымъ школамъ говорилось, что „за легкія вины, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, наказать въ первый и во второй разъ словесно; а за третью вину при собраніи учениковъ смирить шелепами; а за четвертую и пятую плетьми и тюремнымъ арестомъ на недѣлю“. Если преступникъ не исправляется, то доносить духовному судьѣ, а послѣдній „сыскавъ такового преступника и сковавъ въ ножныя желѣза“ для вящшаго наказанія, „долженъ прислать въ канцелярію“.

Отсюда и взглядъ на образованіе, какъ на государственную повинность. Общество такъ и смотритъ на школьное ученіе, какъ на повинность, и старается избѣгать новой тяготы. Отсюда и въ школѣ учатъ не тому, чему хотятъ учащіеся и ихъ родители, но тому, что нужно для государственной службы. Отсюда установился такой порядокъ вещей: мальчикъ 7 - 10 лѣтъ отрывался отъ семьи, большею частью насильно, и подъ карауломъ доставлялся въ училище; это былъ почти такой же наборъ, какъ и рекрутскій, сопровождавшійся слезами и побѣгами. „Предложено мнѣ,—писалъ устюжскій городской голова губернатору,—о наборѣ въ мореходную школу учениковъ, а коликое число и изъ какихъ дѣтей... и при наборѣ какъ ихъ содержать, того не изъяснено... подъ стражею ли, а буде безъ стражи, то уповательно разбредутся“.

Чтобы избѣжать ученія въ цыфирныхъ школахъ, посадскіе люди, т. е. городское сословіе, подали Петру В. челобитную, въ которой жаловались: „принуждаютъ (воеводы—горожанъ) для того ученія высылкою (дѣтей) къ Москвѣ и въ томъ держатъ людей въ городахъ за карауломъ“. Купеческія дѣти „безъ школы обучаются своему ремеслу“ за прилавками отцовъ своихъ, почему

посадскіе просятъ государя: „для многолѣтняго Вашего Царскаго Величества здравія не вели, государь, для означенной науки, во учиненные въ Москвѣ школы съ городовъ дѣтей нашихъ брать, и о томъ свой милостивый указъ учинить".

И, дѣйствительно, ученики бѣжали изъ школъ цѣлыми толпами, спѣшили жениться, уходили въ монастыри, даже увѣчили себя, а дѣти церковныхъ причетниковъ иногда записывались въ крѣпостные крестьяне,—только бы избѣжать службы.

Правительство принимало съ своей стороны самыя разнообразныя мѣры, чтобы прекратить такое бѣгство и дѣйствительно услѣдить за обученіемъ. Такъ, еще Петръ В. учредилъ особые смотры для экзамена и разбора недорослей. Чтобы заставить учениковъ оканчивать навигацкія школы, былъ изданъ указъ, запрещавшій вѣнчать молодыхъ людей безъ предъявленія свидѣтельства объ окончаніи ученія. Но и эти, повидимому, радикальныя мѣры не помогли: цыфирныя школы дали на всю Россію всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Указы мало дѣйствовали. Поэтому правительство и мѣстное начальство изобрѣтали самыя разнообразныя средства, чтобы уловить въ школу всѣхъ уклоняющихся отъ нея или возвратить въ нее бѣглецовъ.

Такъ, съ дѣтей берутъ подписки, что они не убѣгутъ; указомъ 1719 г. назначается даже конфискація всего движимаго имущества тѣхъ, кто убѣжитъ изъ школы. Держатъ подъ арестомъ родителей укрывающихъ дѣтей и т. п.

Учителя сами должны были развѣдывать, нѣтъ ли гдѣ укрывающихся отъ школы дѣтей. Если „гдѣ отъ священнослужителей въ отдачѣ дѣтей ихъ учинится какое-либо непослушаніе, учитель долженъ о томъ донести, куда слѣдуетъ, а пристойнымъ образомъ требовать команды и тѣхъ ихъ дѣтей брать, не пріемля никакихъ отговорокъ, и потому жъ отсылать ихъ къ опредѣленію въ семинаріи".

Но самымъ радикальнымъ средствомъ духовное начальство считало разсылку по епархіямъ солдатъ, которые обязаны были слѣдить, не укрывается ли кто изъ учениковъ и не подросли ли у кого изъ церковнаго причта дѣти до школьнаго возраста. Сколько горькихъ слезъ, разсказываютъ современники, проливалось въ семьяхъ, когда являлся такой соглядатай.

Понятное дѣло, что съ бѣглыми учениками не церемонились: возвращенныхъ били батогами и часто сдавали въ рядовые солдаты.

Уже при Петрѣ Великомъ установился взглядъ, по которому обучившіеся въ школахъ получаютъ извѣстнаго рода привиллегіи на государственной службѣ. Для привлеченія учениковъ Ломоносовъ проэктировалъ давать ученикамъ гимназіи изъ дворянъ большіе „ранги“ или чины; при Елизаветѣ столы для дворянъ-учениковъ сдѣланы были особые, лучше чѣмъ для разночинцевъ, и поставлены отдѣльно отъ послѣднихъ. Но все-таки „шляхетные юноши“ не шли въ академическую гимназію. При Елизаветѣ учреждается Московскій университетъ, при немъ гимназія и такая же гимназія основана въ Казани. Но этихъ гимназій было мало, да и учили въ нихъ плохо.

Но къ концу XVIII столѣтія картина въ сильной мѣрѣ измѣняется. Уже въ самомъ обществѣ замѣчается стремленіе къ образованію. Измѣнились и педагогическіе взгляды. Императрица Екатерина II много сдѣлала для установленія новыхъ принциповъ въ дѣлѣ школьнаго обученія. Съ самаго начала царствованія этотъ вопросъ ее весьма озабочивалъ, и уже въ своемъ знаменитомъ Наказѣ она высказываетъ нѣкоторыя здоровыя мысли о характерѣ воспитанія и его назначеніи. Она долго и внимательно изучала вопросъ о постановкѣ школы въ государствѣ, пока, наконецъ, не остановилась на томъ типѣ школы, который въ ея время былъ введенъ въ Австріи подъ руководствомъ гуманнаго императора Іосифа II. Она сама изучила вопросъ, привлекла людей, которые горячо взялись за установленіе школы новаго типа. Появляется знаменитая Комиссія народныхъ училищъ съ Завадовскимъ во главѣ. Новой Комиссіи предстояло нелегкое дѣло: ей нужно было составить учебники, выработать, наконецъ, планы преподаванія и уставы. Хотя у нея и были готовые образцы, но даже примѣненіе сдѣланнаго въ Австріи, составленіе такихъ учебниковъ, которыхъ нельзя было перевести, а главнымъ образомъ, пріисканіе учителей для цѣлой сѣти училищъ—было нелегко. И Комиссія дѣйствовала весьма интенсивно: въ теченіе 4 лѣтъ она не только успѣла почти все подготовить, но даже и открыть около 10 училищъ въ самомъ Петербургѣ и ближайшихъ къ нему городахъ.

Такимъ образомъ, 5-го августа 1786 г. уже былъ утвержденъ императрицей уставъ народныхъ училищъ, а 22 сентября предположено открыть главныя народныя училища въ 25 губернскихъ городахъ. Въ томъ же 1786 г. Комиссія получаетъ указъ о представленіи на утвержденіе императорской власти устава университета.

Изданное въ 1786 г. новое положеніе объ училищахъ вводило въ Россіи впервые среднюю общеобразовательную школу, безсословную и безплатную, взамѣнъ прежней узкосословной и профессіональной.

По уставу 1786 года въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждается одно главное училище съ пятилѣтнимъ курсомъ, въ уѣздныхъ городахъ народныя училища; предполагалось открытіе училищъ и въ селахъ. Директоръ главнаго народнаго училища является въ то же время ближайшимъ административнымъ органомъ всѣхъ училищъ въ губерніи, губернаторъ—попечителемъ ихъ. Училища преслѣдуютъ общеобразовательныя цѣли. Но такая мысль не препятствовала преподаванію профессіональныхъ знаній въ качествѣ дополнительныхъ предметовъ тамъ, гдѣ это было нужнымъ. Главное народное училище было среднимъ учебнымъ заведеніемъ, дававшимъ законченное образованіе и въ то же время подготовлявшимъ къ университету. Двери училища широко были открыты для всѣхъ желающихъ безъ различія сословій и пола; ученіе было объявлено безплатнымъ. Новая школа долженствовала быть тѣсно связанной съ обществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, екатерининская школа должна была быть тѣснѣйшимъ образомъ связана съ обществомъ; ея попечитель—самая высокая персона въ губерніи—губернаторъ, связывающій ее съ бюрократіей и дворянствомъ; смотритель школы—избирается изъ лучшихъ гражданъ—связь съ городскимъ сословіемъ. Общество даетъ деньги на школу, но оно же ее и провѣряетъ: для послѣдней цѣли служатъ парадные акты, экзамены и уроки преподавателей. Чтобы привлечь къ училищу симпатіи общества, Комиссія помѣщаетъ статьи въ газетахъ, обращается къ содѣйствію губернаторовъ и проч.

Школа ставила себѣ высокую задачу.

Общая цѣль школы—приготовить изъ учащагося *человѣка и гражданина*, развить его умственныя и нравственныя способности *всѣми* зависящими отъ школы средствами. Для утвержденія въ ученикахъ гражданскихъ и общественныхъ по-

нятій была составлена даже особая книга о должностяхъ человѣка и гражданина, на чтеніе въ классахъ которой предназначались отдѣльные часы. Эта книга, по авторитетному утвержденію адмирала Шишкова, составлена или самой Екатериной II, или при ея ближайшемъ сотрудничествѣ.

Въ видахъ развитія нравственныхъ и умственныхъ силъ учащагося, Комиссія предъявляетъ новыя и весьма раціональныя требованія въ вопросахъ педагогики и методики. Отъ учителя требуется мягкость въ обращеніи съ учениками; всякаго рода тѣлесныя наказанія строго воспрещаются. Собственный примѣръ наставника долженъ воспитывать въ учащемся добрую нравственность и правила общежитія.

Рядомъ съ заботами о воспитательномъ вліяніи школы идутъ заботы объ умственномъ развитіи дѣтей. Тутъ большое предпочтеніе отдается наглядности преподаванія, перекреснымъ вопросамъ, занятіямъ съ цѣлымъ классомъ и проч. Приписывается большое значеніе объясненіямъ учителя; ученики должны отвѣчать не по книгѣ, а своими словами и т. д. Наконецъ, вводится впервые правильное раздѣленіе учащихся по классамъ, соотвѣтственно ихъ знаніямъ, и въ младшихъ классахъ—система такъ называемаго класснаго обученія, т. е. преподаваніе всѣхъ предметовъ поручается одному учителю.

Наставленія отличались большою подробностью: предвидѣлось чему и какъ учить и проч. Среди наставленій—много дѣльныхъ педагогическихъ указаній. Комиссія старалась предвидѣть все и даже рекомендовала почему-то только учителямъ иностранныхъ языковъ: „больше всего остерегаться, чтобы не дѣлать передъ учениками смѣшныхъ тѣлодвиженій, какъ-то: не показывать, какъ птицы летаютъ, и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу, чѣмъ, смѣша учениковъ, теряетъ учитель почтеніе и возмущаетъ ихъ вниманіе, которое сохранять и безъ того трудно“.

Но, повторяю, среди наставленій о томъ, какъ надо преподавать, есть не мало весьма дѣльныхъ замѣчаній. Такъ, напримѣръ, учителю географіи рекомендуется обучать учениковъ черченію картъ и давать учащимся понятія „объ естественномъ состояніи и выгодахъ каждой земли, объ упражненіяхъ въ купечествѣ народа, образѣ правленія и силѣ государства, дабы ученики не одни только имена земель и водъ учили, что было

бы для нихъ сухо и дѣйствительной пользы мало въ себѣ заключало".

Но одно изъ самыхъ любопытныхъ наставленій, составленное уже для учащихся, это книга о должностяхъ человѣка и гражданина. По содержанію своему книга о должностяхъ человѣка и гражданина должна была служить Домостроемъ для тогдашняго общества. Въ ней находятся разсужденія объ обязанностяхъ человѣка личныхъ и общественныхъ, о душѣ, о воспитаніи, любви къ отечеству, наконецъ, правила домашняго хозяйства. Говоря о любви къ отечеству, авторъ полемизируетъ съ тѣми, кто считаетъ республиканское правленіе наилучшимъ. Особенно много вниманія удѣляется описанію свойствъ добродѣтельнаго человѣка.

Комиссія задавалась цѣлью изданія популярныхъ книгъ. Наконецъ, она выработала замѣчательный уставъ университетовъ, предполагая открыть ихъ нѣсколько въ Россіи. И здѣсь принципы, высказанные Комиссіей, заставляютъ съ большимъ уваженіемъ отнестись къ ея дѣятельности. Свобода преподаванія и свобода слушанія лекцій поставлены Комиссіей на первомъ планѣ. Университетская коллегія поставлена на должную высоту; ей предоставлено право избранія преподавателей, ректоровъ и надзирателей факультета. Для того, чтобы сдѣлать образованіе доступнымъ, Комиссія проэктируетъ установить „самую малую" плату, безъ „притѣсненія" по отношенію къ бѣднымъ, которые и совсѣмъ могутъ освобождаться отъ платы. Университетъ доступенъ какъ тѣмъ, которые имѣютъ свидѣтельство средней школы, такъ и выдержавшимъ экзаменъ изъ нея при университетѣ, наконецъ, и не имѣющимъ диплома, но стремящимся къ образованію: „каждому въ качествѣ посѣтителя храмины философскаго ученія отворены",—говоритъ проэктъ устава. Съ особеннымъ вниманіемъ проэктъ отнесся къ вопросу о томъ, могутъ ли несвободные классы общества обучаться въ университетахъ, и рѣшилъ, что необходимо предоставить доступъ и рабамъ, т. е. крѣпостному крестьянству.

Широта и смѣлость взглядовъ (по обстоятельствамъ того времени) Комиссіи на задачи и устройство университетовъ, составляютъ черту, достойную полнаго вниманія къ ея проэктамъ и въ наше время. Къ сожалѣнію, университетскій проэктъ Комиссіи такъ и остался проэктомъ и введенъ не былъ. Такимъ же проэк-

томъ остались и желанія Комиссіи ввести систему низшаго образованія, сельскія или земскія школы.

Планъ университетовъ и земскихъ школъ не осуществился, потому что послѣдовавшая затѣмъ перемѣна во внутренней политикѣ Екатерины II, подъ вліяніемъ разразившейся на Западѣ революціи, охладила императрицу къ дѣлу народнаго образованія. Въ царствованіе Павла объ осуществленіи проэкта Комиссіи и рѣчи быть не могло.

Такимъ образомъ, Комиссія съ 1786 г. всю свою дѣятельность направила на расширеніе сѣти большихъ и малыхъ училищъ (или городскихъ, такъ какъ они и проектированы собственно для городовъ) и на управленіе ими.

Легко догадаться, что въ короткое время своего существованія Комиссія не могла сдѣлать многаго. Впрочемъ, къ 1800 году въ вѣдѣніи Комиссіи было уже 315 школъ съ 20,000 учащихся, при чемъ значительный процентъ школьниковъ относится къ крестьянскому и мѣщанскому сословіямъ. Одинъ этотъ результатъ уже можно бы считать удовлетворительнымъ. Вѣдь надо вспомнить, что Комиссія, начиная свое дѣло, не имѣла средствъ, и средства ей приходилось добывать въ качествѣ пожертвованій. Комиссія не имѣла подготовленныхъ учителей, особенно такихъ, которые бы могли соотвѣтствовать ея цѣлямъ и требованіямъ. Комиссія, наконецъ, столкнулась съ невѣжественнымъ обществомъ, которому нужно было еще объяснять все значеніе школы и т. д. Но кромѣ открытія школъ, Комиссія издала рядъ учебниковъ въ духѣ тѣхъ высокихъ правилъ, которыя ею были установлены, она умѣла воздѣйствовать на общество и успѣла заслужить его вниманіе. Къ сожалѣнію, надвинувшаяся французская революція, а затѣмъ царствованіе Павла пріостановили дѣйствія Комиссіи, которая стала теперь влачить грустное существованіе.

Мы остановились на дѣятельности и принципахъ Комиссіи народныхъ училищъ между прочимъ съ той цѣлью, чтобы показать ошибочность взглядовъ многихъ историковъ школы, которые, отрицательно относясь къ результатамъ дѣятельности Екатерининской Комиссіи, указываютъ на высокое значеніе реформъ въ школьномъ дѣлѣ въ періодъ учрежденія министерствъ, говорятъ иногда даже о „коренной переработкѣ“ русской школы при Александрѣ I-омъ.

Такіе отзывы не совсѣмъ вѣрны. Дѣйствительно, въ 1802 г. въ Россіи учреждаются министерства, въ томъ числѣ и народнаго просвѣщенія; составъ Комиссіи народнаго просвѣщенія значительно расширяется введеніемъ новыхъ членовъ—попечителей учебныхъ округовъ; сама Комиссія—только органъ министерства, наконецъ, въ 1803 г. издаются предварительныя правила министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1804 г. и новый уставъ университетовъ и подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній. Но законодательная ломка болѣе коснулась внѣшняго строя учебныхъ заведеній, чѣмъ основныхъ началъ народнаго образованія.

Сравненіе уставовъ 1804 г. и 1786 г. приводитъ къ тому заключенію, что Министерство Народнаго Просвѣщенія отчасти провело въ жизнь то, что было предложено Комиссіей, въ значительной мѣрѣ воспользовалось уставомъ 1786 г. и, наконецъ, ввело новый механизмъ въ администрацію учебнаго дѣла, исправивъ ошибки, допущенныя Комиссіей.

Такъ, въ 1804 г. данъ былъ новый уставъ Московскому университету (также Виленскому и Дерптскому) и учреждены на тѣхъ же основаніяхъ университеты въ Казани и въ Харьковѣ, предположено къ открытію и нѣсколько другихъ. Основныя начала университетской жизни, какъ свобода преподаванія, самоуправленія и др. черты новаго университета уже находились въ проэктѣ 1786 г. Проэктъ этотъ не могъ быть неизвѣстенъ составителямъ уставовъ 1804 г., такъ какъ одно и то же лицо (графъ Завадовскій) стояло во главѣ и Комиссіи, и было министромъ въ 1804 г. Далѣе, уставомъ 1804 г. учреждаются въ губернскихъ городахъ гимназіи, вмѣсто главныхъ народныхъ училищъ. Это новый типъ учебнаго заведенія, но заботы о немъ мы видимъ еще въ уставахъ Комиссіи; впрочемъ, въ уставѣ гимназій нельзя не замѣтить вліянія одной части университетскаго проэкта 1786 г.: философскій факультетъ его превратился въ губернскую гимназію Александровскаго времени.

Но самое очевидное вліяніе Комиссіи сказалось на той части устава 1804 г., которая касается образованія городского населенія. Народныя училища были превращены теперь въ уѣздныя, низшую ступень ихъ должны составлять приходскія школы. Но уставъ уѣздныхъ училищъ и гимназій во всемъ томъ, что касается основныхъ принциповъ образованія и педагогическихъ пріемовъ, почти

буквально списанъ съ устава 1786 года; прибавлены только статьи, касающіяся администраціи и введенія новыхъ предметовъ [1]).

Даже и названіе уѣздныхъ училищъ взято изъ общежитія и отчасти изъ предшествующихъ узаконеній. Учебники остались тѣ же. Наконецъ, въ 1804 г. введены были приходскія сельскія училища, но они предвидѣлись уставомъ 1786 г., да и послѣ 1804 года остались только на бумагѣ: мудрено было заводить школы у крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости; нечего и говорить, что основные законодательные принципы 1786 г. были повторены въ 1804 г., какъ-то: признаніе со стороны государства права населенія на начальное образованіе, безплатность его, безсословность, назначеніе его для образованія человѣка и гражданина и пр.

Новое въ уставѣ 1804 г.—повторяю—это появленіе въ курсѣ народныхъ училищъ нѣсколькихъ новыхъ предметовъ и стройная учебная и административная послѣдовательность учебныхъ заведеній: каждая низшая школа является ступенью къ высшей, отъ приходского училища до университета, и въ такомъ же порядкѣ низшія училища административно зависятъ отъ высшихъ. Установленіе правильной системы въ управленіи училищами подсказано опытомъ самой Комиссіи; такъ, неопредѣленная зависимость школы по уставу 1786 г. отъ самой Комиссіи, губернаторовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія на практикѣ внесла не мало путаницы въ дѣло. Нарушеніе же концентраціи въ преподаваніи является коренной ошибкой министерскаго устава, которая была исправлена только уставомъ 1872 г.

Итакъ, развитіе народнаго образованія въ первую половину царствованія императора Александра I, которой такъ много приписываютъ значенія въ исторіи русскаго просвѣщенія, въ свою очередь, находится въ ближайшей зависимости отъ дѣятельности Екатерининской Комиссіи.

---

[1]) Въ уставъ 1804 г., напр., вошли изъ устава 1786 г. слѣд. статьи:

Изъ гл. III о должностяхъ учительскихъ: § 27 (=§ 35 уст. 1804 г.), § 28 (=§ 38), § 30 (=§ 36, съ изм.), § 31 (=§ 39), § 32 (=§ 40 съ изм.), § 35 (=§ 32 и § 33), § 36 (=§ 45), § 38 (=§ 46, 47, 48), § 39 (=§ 60 съ изм.), § 40 (=§ 60 съ изм.), § 46 (=§ 51 и 52), § 48 (=97 съ изм.), § 51 (=§ 34 съ изм).

Изъ гл IV объ ученикахъ: § 57 (=§ 54), § 58 (=§ 55), § 59 (=§ 56), § 60 (=§ 59 съ изм.), § 61 (=§ 62 съ изм.), § 62 (=§ 63) и т. д.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ сторонамъ устава 1804 г. и предшествовавшимъ ему предварительнымъ правиламъ.

Все государство было разбито на слѣдующіе учебные округа: Петербургскій, Московскій, Дерптскій, Виленскій, Харьковскій и Казанскій. Попечители округовъ, состоя членами главнаго правленія училищъ, живутъ въ Петербургѣ. Уставъ въ лицѣ ихъ видитъ высокихъ покровителей науки, удаленныхъ отъ мелочныхъ дѣлъ текущаго управленія. Фактически округомъ управляли университетскіе совѣты, отъ которыхъ зависѣло назначеніе учителей въ гимназіи и другія училища, ревизія хозяйственной и учебной частей училищъ. Директоръ губернской гимназіи былъ въ то же время завѣдывающимъ учебными заведеніями всей губерніи.

Общій планъ учебныхъ заведеній состоялъ въ томъ, что гимназіи готовили къ университету, уѣздныя же училища должны были давать законченное, подготовляющее къ жизни образованіе. Впрочемъ, и гимназія преслѣдуетъ такую же цѣль. Ниже уѣздныхъ училищъ предполагались приходскія училища, которыя должны были „доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія, имъ приличныя“. Курсъ гимназій разсчитанъ на четыре годичные класса, курсъ уѣздныхъ училищъ—на два класса.

Схема преподаванія въ училищахъ, впрочемъ, отличалась большимъ энциклопедизмомъ. Такъ, въ уѣздныхъ училищахъ преподавались слѣдующія науки: Законъ Божій, о должностяхъ человѣка, русская грамматика, правила слога, всеобщая географія и начала математики, географія Россіи, всеобщая и русская исторія, ариѳметика, начальныя правила геометріи, физика, естественная исторія, чистописаніе, рисованіе. Въ гимназіяхъ: чистая и прикладная математика, опытная физика, исторія, географія, миѳологія, статистика, философія, политическая экономія, естественная исторія, технологія, наука о торговлѣ, изящныя науки и рисованіе, латинскій, французскій и нѣмецкій языки. Недостатокъ такого нагроможденія предметовъ былъ вскорѣ замѣченъ и уже въ 1811 году петербургскій попечитель С. С. Уваровъ внесъ проэктъ новаго учебнаго плана гимназій, по которому науки философскія и политикоэкономическія исключались изъ предметовъ гимназическаго обученія, усиливалось преподаваніе русскаго и латинскаго языковъ. Впрочемъ, эта новая программа была введена въ видѣ опыта только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ.

Университетскій уставъ 1804 года надѣлилъ университеты широкой автономіей и свободой преподаванія. Между прочимъ, тогда для полноты университетской автономіи считалось необходимымъ даже, чтобы попечитель жилъ внѣ провинціальнаго города для того, чтобы онъ не могъ подвергнуться вліянію какого-нибудь кружка или партіи и не уклонился бы отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета. Университетскій совѣтъ является высшей инстанціей по дѣламъ учебнымъ и дѣламъ судебнымъ. Онъ самъ выбираетъ ректора, всѣхъ профессоровъ и почетныхъ членовъ, назначаетъ учителей гимназіи и т. п.

„Ученое сословіе“ университета раздѣляется на четыре факультета: нравственныхъ и политическихъ наукъ, физико-математическихъ, медицинскихъ, словесныхъ. Уставъ предоставляетъ полную свободу преподаванія и даже совѣтуетъ профессорамъ, кромѣ лекцій, устраивать со студентами бесѣды. Уставъ не знаетъ сословныхъ ограниченій при поступленіи въ университетъ. Въ университетъ принимаются студенты въ качествѣ своекошныхъ или казенныхъ. Сверхъ того, какъ мы знаемъ, университетъ былъ снабженъ функціями административными.

Развитіе новой школы вообще шло довольно медленно. По-видимому, многія школы, возникшія при Екатеринѣ, успѣли закрыться. По даннымъ 1808 года числилось открытыми 32 гимназіи съ 2838 учениками. Но почти половина учащихся приходилась на Виленскій учебный округъ съ его шестью гимназіями. Число уѣздныхъ училищъ въ это время сводилось къ небольшой цифрѣ 126 съ 12839 учащимися, но изъ нихъ 54 училища приходились на Виленскій округъ съ 7422 учащимся. Въ этихъ данныхъ отсутствуютъ свѣдѣнія о Дерптскомъ округѣ, но онѣ были бы не характерны для развитія учебнаго дѣла во всей Россіи, такъ какъ здѣсь была старая налаженная школа. Точно также и Виленскій округъ заключалъ въ себѣ такія мѣстности, въ которыхъ образованіе было давно налаженнымъ дѣломъ, гдѣ оно, наконецъ, двигалось болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ въ другихъ округахъ. На ряду съ гимназіями новаго типа появляется нѣсколько учебныхъ заведеній, которыя представляютъ собой гимназію высшаго типа, въ извѣстной мѣрѣ съ университетскимъ образованіемъ. Таковъ Царскосельскій лицей, такова гимназія высшихъ наукъ, основанная въ Нѣжинѣ на средства графа Кушелева-Безбородко, и Ришельевскій лицей въ Одессѣ. Къ той же эпохѣ относится

основаніе Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ и Лазаревскаго училища въ Москвѣ, потомъ преобразовавшагося въ Институтъ восточныхъ языковъ. Эти крупныя пожертвованія на лицеи и высшія гимназіи, равно и нѣкоторыя другія пожертвованія, указываютъ на то, что общество охотно шло своею помощью на дѣло устроенія школы.

Но надо замѣтить, что въ дѣятельности самого министерства по отношенію къ средней и особенно низшей школѣ незамѣтно сильной энергіи. Низшія сельскія училища остались только на бумагѣ. Вначалѣ онѣ стали открываться, чему особенно способствовала дѣятельность духовенства, стали притекать пожертвованія частныхъ лицъ, но оффиціальные историки нашей школы, А. С. Вороновъ, историкъ Петербургскаго учебнаго округа, и историкъ Министерства Народнаго Просвѣщенія профессоръ Рождественскій свидѣтельствуютъ, что эти училища закрывались большей частью сейчасъ по возникновеніи. Главное правленіе училищъ послѣ изданія устава 1804 года не принимало никакихъ мѣръ для скорѣйшаго осуществленія системы первоначальнаго образованія и ограничивалось обсужденіемъ частныхъ вопросовъ.

Правда, и положеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было не изъ легкихъ. Оно натолкнулось на цѣлый рядъ препятствій, съ которыми сталкивалась и Екатерининская Комиссія. Первымъ такимъ препятствіемъ было отсутствіе средствъ. Государство мало отпускало средствъ изъ казначейства. Но даже такія публикаціи въ газетахъ, какъ обѣщаніе ставить жертвователямъ „монументы“, вписывать ихъ имена золотыми буквами и проч., мало содѣйствовали приливу средствъ. Тогдашній префектъ Александро-Невской Академіи, знаменитый впослѣдствіи митрополитъ Евгеній, въ одномъ письмѣ очень хвалитъ изданныя правила, касающіяся просвѣщенія, но—замѣчаетъ онъ—„бездѣлицы не достаетъ,—людей, могущихъ учить, да денегъ, могущихъ ободрить людей“. Учителя первыхъ школъ были прежде всего поставлены въ весьма невыгодное матеріальное и чиновное положеніе среди тогдашняго общества, жалованіе было назначено весьма скудное, чинъ небольшой, что въ то время весьма цѣнилось. Министръ народнаго просвѣщенія, испрашивая въ 1815 году разрѣшеніе исполнять учителямъ и профессорамъ нѣсколько платныхъ должностей, указываетъ на крайній недостатокъ въ учителяхъ вслѣдствіе матеріальной необезпеченности

ихъ службы и крайне низкаго соціальнаго положенія: „чего можно ожидать отъ людей, находящихся въ столь бѣдственномъ положеніи?... Никто не избираетъ добровольно сего рода службы; всѣ стремятся къ другимъ выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ“. Отзывы попечителей округовъ подтверждаютъ слова министра. Харьковскій попечитель графъ С. О. Потоцкій въ одномъ изъ своихъ докладовъ характеризуетъ учительскій персоналъ, какъ людей, не получающихъ достаточно средствъ для содержанія себя и своего семейства, такіе люди „должны, наконецъ, возненавидѣть носимое ими званіе и искать случая перейти въ другой родъ службы“, и иностранцы и русскіе избѣгаютъ учительскихъ мѣстъ и только „изъ одной крайности“ поступаютъ въ учителя. Правда, при гимназіяхъ учреждаются особыя стипендіи для будущихъ учителей низшихъ школъ. Университетскіе казеннокошные студенты обязуются отбывать за стипендію учительскую службу. Но и эти льготы мало привлекали молодыхъ людей къ учительскому званію.

Отсюда понятно, что учителей приходилось набирать кое-какъ и кое-кого. Небольшое количество университетскихъ питомцевъ избѣгало учительской службы, такъ что совѣтамъ университетовъ приходилось назначать учителями неокончившихъ студентовъ. Въ совѣтскихъ опредѣленіяхъ того времени встрѣчаются иногда, напримѣръ, такія характерныя опредѣленія: „Отъ студентовъ казеннаго содержанія Концевича, Галкина, Щелкунова и Степуровскаго нельзя надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ“, почему совѣтъ рѣшилъ: „опредѣлить ихъ учителями въ уѣздныя училища“. Собранный кое-какъ учительскій персоналъ былъ мало образованъ и отличался обычнымъ въ то время порокомъ—пьянствомъ. Не только совѣтамъ университетовъ приходилось разсылать по округу циркуляры „О подтвержденіи учителямъ, дабы они не обращались въ пьянствѣ“, но даже и министръ народнаго просвѣщенія, въ циркулярной бумагѣ 1814 года, заявлялъ: „Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній, къ крайнему прискорбію моему, усматриваю, что учителя, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности“.

Пьяныя оргіи часто приводили учителей къ буйству, къ дракамъ, что приходилось разбирать университетскимъ совѣтамъ.

Невѣжество и безграмотность преподавательскаго персонала приводили въ смущеніе само начальство. Такъ встрѣчаются цир-

куляры, совѣтующіе учителямъ всемѣрно стараться объ усовершенствованіи въ правописаніи, потому что учителя „не только наставники юношества, но и выдаютъ свидѣтельства на поступленіе въ гражданскую службу“, объясняетъ официальная бумага. Одинъ гимназическій директоръ прямодушно заявлялъ училищному совѣту, что онъ не можетъ вести журналовъ совѣтскихъ засѣданій: онъ „никогда не былъ знающъ въ наукахъ и встрѣчаетъ большое затрудненіе въ отношеніи всѣхъ бывающихъ въ засѣданіи разговоровъ и преній“.

Недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ отражался на преподаваніи. Визитаторъ училищъ Харьковскаго Учебнаго Округа извѣстный педагогъ Тимковскій въ своихъ отчетахъ университету въ довольно безотрадномъ свѣтѣ представляетъ дѣло преподаванія. Дѣти затверживаютъ все наизусть, не понимая выученнаго. Учителя мало подготовлены. „По большей части учитель, пришедшій въ классъ, вызывалъ лучшихъ учениковъ и заставлялъ ихъ спрашивать уроки своихъ товарищей, самъ же въ то время или исправлялъ упражненія ученическія, или читалъ книгу, или проводилъ время, ничего не дѣлая“,—разсказываетъ о тогдашнемъ способѣ обученія историкъ дирекціи черниговскихъ народныхъ училищъ Андріяшевъ.

Въ такую школу общество неохотно отдавало дѣтей, тѣмъ болѣе, что это самое общество само еще очень плохо сознавало значеніе школы. Попечитель Харьковскаго округа графъ Потоцкій въ одномъ изъ своихъ докладовъ заявляетъ, что тогдашніе дворяне неохотно отдавали дѣтей въ школу, даже въ университеты, которые давали большія служебныя преимущества: дворяне предпочитали записывать своихъ дѣтей въ военную службу и ни въ коемъ случаѣ не рѣшались разрѣшать дѣтямъ старше 14 лѣтняго возраста посѣщать гимназію. Роммель, одинъ изъ наиболѣе видныхъ харьковскихъ профессоровъ, указываетъ на цѣлый рядъ недостатковъ тогдашней школы: ученики были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, директора гимназій отличались самоуправствомъ, среди учениковъ было распространено нехожденіе въ классъ, бродяжничество и всевозможные пороки. Желая привлечь учениковъ изъ числа дворянъ въ школу, нѣкоторые директоры училищъ принимали даже особыя мѣры: Черниговскій директоръ требовалъ отъ учителей, чтобы они, восклицая имя благороднаго ученика, прибавляли слово „господинъ“. Тотъ же

директоръ особенно усердно подчеркивалъ то обстоятельство, что гимназія даетъ чинъ 14-го класса, чѣмъ онъ и объяснялъ преимущество гимназическаго образованія. Безсословная гимназія вскорѣ однако, сдѣлалась училищемъ, куда крестьянъ перестали допускать (съ 1813 года); но это мало повліяло на приливъ въ гимназіи учащихся изъ высшихъ классовъ.

Приведенныя здѣсь черты указываютъ на то, что тогдашняя средняя школа едва зарождалась. Въ ней было много недостатковъ, но, разумѣется, эти недостатки могли бы постепенно стираться.

Не безъ недостатковъ была и высшая школа,—тогдашніе юные университеты.

Сверхъ стараго Московскаго и Дерптскаго, открытаго при Павлѣ, въ первые годы Александровскаго царствованія были открыты университеты: въ Харьковѣ, Казани, Вильнѣ (преобразованъ изъ мѣстнаго коллегіума); въ Петербургѣ былъ основанъ педагогическій институтъ, впослѣдствіи преобразованный (съ 1819 года) въ университетъ. Университетамъ дана была широкая автономія и они привлечены были къ административной дѣятельности, такъ какъ университетамъ передана была цензура и завѣдываніе училищами.

Среди первыхъ попечителей мы встрѣчаемъ людей просвѣщенныхъ, много сдѣлавшихъ для привлеченія изъ-за границы солидныхъ ученыхъ силъ. Такъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ попечителемъ былъ извѣстный Муравьевъ, появляются такіе профессора, как Шлецеръ, Буле, Гоффманъ, Байе и другіе. Въ Харьковѣ рядомъ съ видными иностранцами, въ родѣ философа Шада, встрѣчаемъ и выдающихся русскихъ профессоровъ, въ родѣ Рижскаго, Успенскаго и др.; попечителемъ Харьковскаго округа былъ просвѣщенный графъ Северинъ-Потоцкій. Школа казанскихъ математиковъ обязана своимъ происхожденіемъ попечителю Румовскому, который пригласилъ въ Казань знаменитаго Бартельса, Литрова, Броннера. Въ Петербургѣ славились въ то время философы Галичъ, Велланскій, правовѣды Раупахъ, Германъ, Куницынъ.

Наибольшимъ вниманіемъ въ то время пользовалась философія. Какъ она вліяла на молодые умы, можно видѣть изъ тѣхъ панегириковъ, которые встрѣчаются въ студенческихъ сочиненіяхъ того времени: „О философія, божественная наука (пишетъ одинъ юный авторъ), ты имѣешь благодѣтельное вліяніе на развитіе да-

рованій и познаній человѣческихъ... Ты усугубляешь наши удовольствія, притупляешь остріе скорби; одна ты сильна даровать смертныхъ роду истинное счастіе и чистое удовольствіе!"

При университетахъ основываются ученыя общества и вообще дѣло налаживается вполнѣ благопріятнымъ образомъ.

Если съ точки зрѣнія научной наши университеты въ первое десятилѣтіе своего существованія для того времени могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными, то въ нихъ была и обратная сторона. Общество было еще мало подготовлено. Отсутствіе среднихъ школъ сказывалось въ томъ, что юные университеты (Харьковскій и Казанскій) съ трудомъ могли собрать незначительное количество слушателей. Да и это число приходилось набирать нерѣдко изъ неокончившихъ семинаріи студентовъ. Приходилось задабривать молодыхъ людей казеннокошнымъ содержаніемъ въ университетѣ и чиновничьими благами по окончаніи высшаго образованія. Такъ, напримѣръ, въ Харьковскомъ, университетѣ въ 1805 году было всего 57 студентовъ, а въ 1812—всего 118. Въ Казани въ 1805 году было 33 студента, въ 1812 году—44.

Профессора не могли быть приглашены сразу въ достаточномъ количествѣ, отчего факультеты были не полны. Особенно страдалъ неполнотою преподаванія Казанскій университетъ, гдѣ, напримѣръ, бывали такіе случаи, что единственному медицинскому профессору Брауну приходилось читать „матерію медику" единственному своему слушателю. Указанное обстоятельство было причиной того, что въ Казани университетъ существовалъ безъ раздѣленія на факультеты до 1814 года, когда, наконецъ, онъ былъ открытъ въ полномъ составѣ. Вообще Казанскій университетъ за первый 10-лѣтній періодъ претерпѣлъ не мало тягостныхъ перипетій еще и по другому случайному поводу. Благодаря слабости и довѣрчивости престарѣлаго попечителя Румовскаго, вся власть въ университетѣ перешла къ директору казанской гимназіи и профессору Яковкину (въ Казани гимназія до 1814 года была соединена съ университетомъ). Яковкинъ фактически упразднилъ автономію университетскаго совѣта. Господство Яковкина сопровождалось безпрерывной борьбой съ университетскимъ совѣтомъ, взаимными жалобами и доносами. Самъ попечитель Румовскій подъ вліяніемъ Яковкина старался выбирать профессоровъ изъ числа „тихихъ". Впрочемъ, дѣятельность этого оригинальнаго

директора не осталась безъ оппозиціи. Профессора-иностранцы не могли примириться со своимъ зависимымъ положеніемъ; къ нимъ примкнула часть русскихъ профессоровъ. Отсюда происходилъ цѣлый рядъ споровъ въ университетскомъ совѣтѣ, иногда тормозившихъ правильный ходъ университетскаго преподаванія.

Были и другія препятствія успѣшному теченію научныхъ занятій. Иностранные профессора читали лекціи на своихъ родныхъ языкахъ или на латинскомъ. Слушатели часто не были подготовлены для пониманія лекцій на этихъ языкахъ, отчего аудиторіи иностранцевъ часто оставились пустыми. Встрѣчаемъ мы иногда любопытныя жалобы профессоровъ совѣтамъ: въ 1813 году даже такая знаменитость, какъ казанскій проф. Литровъ, докладывалъ совѣту, что онъ тщетно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ожидаетъ въ свою аудиторію двоихъ своихъ слушателей. Впрочемъ, если одни изъ студентовъ проявляли мало интереса къ наукамъ, то другіе работали хорошо и усердно: вѣдь въ тотъ же періодъ въ Казани складывалась математическая школа и знаменитый родоначальникъ ея Лобачевскій, успѣвалъ слушать по сорока часовъ въ недѣлю.

Не всегда университетамъ удавалось удерживать своихъ питомцевъ до окончанія курса: они уходили въ гражданскую или военную службу. Наконецъ, и составъ слушателей, кромѣ малоподготовленности, имѣлъ еще и другіе недостатки. Возрастъ слушателей—отъ 12 до 20 лѣтъ. Этотъ возрастъ отражался на ихъ отношеніяхъ къ занятіямъ. Даже такому замѣчательному лектору, какъ профессоръ Рижскій, приходилось прерывать свою лекцію замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: „А зачѣмъ пеструшками-то забавляетесь?“ (картами).

Впрочемъ, шалости харьковскихъ и московскихъ студентовъ носили въ общемъ невинный, дѣтскій характеръ. Нравы казанскихъ ихъ сотоварищей носили иной колоритъ. Тутъ нерѣдко встрѣчаемъ жалобы на шумъ во время чтенія лекцій, на такія шалости, какъ бросанье шариками, „выдавливаніе“ кого-либо изъ сотоварищей со скамьи, хожденіе по аудиторіи, хохотъ. Но не рѣдки эпизоды и другого характера: студентовъ нельзя собрать на лекцію, они бродятъ въ саду „въ сомнительномъ состояніи“, „въ предосудительномъ видѣ“. Вообще пьянство здѣсь было довольно развито. Инспекторы провѣряли жизнь въ интернатѣ по ночамъ: но это имъ не всегда благополучно сходило, потому что студенты встрѣчали ихъ изъ-за засады брусьями и каменьями.

Всѣ эти дефекты тогдашней университетской жизни находятъ себѣ объясненіе въ малолѣтствѣ и недостаточной подготовкѣ слушателей. Но, разумѣется, эти недостатки, иногда присущіе всякой школѣ во всѣ времена, не имѣютъ серьезнаго значенія и съ избыткомъ покрывались здоровыми началами, несомнѣнно утверждавшимися въ тогдашнихъ университетахъ. Во всякомъ случаѣ, раціональная политика и благо государства требовали бы поддержки этихъ началъ. Этого-то въ дѣйствительности и не случилось.

Уже изъ предыдущаго ясно, что реакція направляла свои силы на борьбу съ просвѣщеніемъ. Просвѣщеніе представлялось обскурантамъ продуктомъ революціонной язвы, подрывающей основы государства и религіи. Въ этомъ направленіи для борьбы съ просвѣщеніемъ многое подготовлялось въ реакціонныхъ сферахъ, но открытому нападенію на университеты помогли обстоятельства, совершившіяся въ это время въ Германіи: они то послужили оправданіемъ для дѣятельности русскихъ реакціонеровъ.

Въ Германіи реакціонное направленіе нѣмецкихъ правительствъ начало встрѣчать сильный отпоръ въ средѣ либерально настроеннаго общества. Въ 1817 году нѣмецкіе студенты и профессора собрались въ Вартбургѣ, чтобы отпраздновать 300-ній юбилей начала реформаціи и годовщину Лейпцигской битвы. Тутъ говорились горячія либеральныя рѣчи въ высоко патріотическомъ духѣ. При этомъ были торжественно сожжены книги, напоминавшія либераламъ время Наполеоновскаго господства и сочиненія реакціоннаго направленія, въ томъ числѣ и нѣмецкая исторія извѣстнаго Коцебу. Коцебу былъ русскимъ агентомъ въ Германіи и извѣстенъ, какъ писатель крайняго реакціоннаго направленія. Черезъ два года послѣ вартбургской годовщины Коцебу былъ убитъ студентомъ Зандомъ. Зандъ нашелъ себѣ подражателей, и аптекарь Ленингъ пытался умертвить президента Ибелля.

Вартбургскія событія съ ихъ послѣдствіями поставили на ноги нѣмецкихъ реакціонеровъ. Начались преслѣдованія, направленныя уже прямо противъ университетовъ. Меттернихъ въ 1819 году собираетъ въ Карлсбадѣ конференцію представителей нѣмецкихъ государствъ, гдѣ приняты жестокія мѣры противъ университетскаго преподаванія и свободы слова. Начинаетъ преобладать мысль, проводимая въ дѣйствіе, что образованіе должно быть основано на началахъ Священнаго Союза. На выраженіи

акта Священнаго Союза о томъ, что Христосъ есть единственный источникъ знанія и мудрости, была построена цѣлая система, по которой религія должна была явиться единственнымъ источникомъ познанія.

Карлсбадская конференція нанесла не малый вредъ нѣмецкой наукѣ, но не могла ее подавить. Не то было въ Россіи. Малочисленные русскіе университеты не имѣли, конечно, такого политическаго значенія, какъ германскіе. Университетская наука была лишь въ зародышѣ. Вотъ почему примѣненіе реакціонныхъ мѣръ въ Россіи принесло страшныя и непоправимыя опустошенія

Мы уже знаемъ, что походъ противъ просвѣщенія въ Россіи начался даже нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ Германіи,—именно съ момента назначенія князя Голицына министромъ народнаго просвѣщенія, съ 10 августа 1816 года, но дѣйствія нѣмецкихъ правительствъ послужили прочнымъ авторитетомъ для русскаго.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ вступленія князя Голицына въ правленіе министерствомъ, пришли къ мысли о соединеніи въ одно учрежденіе духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Это была замѣчательная реформа, результатомъ которой явилось оригинальное „Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія“ съ княземъ Голицынымъ во главѣ. Указъ опредѣлялъ характеръ новаго министерства: „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“. Обскуранты могли осуществить свои мечты.

Въ устройствѣ новаго министерства рельефно выказались государственныя задачи данной эпохи. Министерство было раздѣлено на два департамента — духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Во главѣ перваго департамента былъ поставленъ А. И. Тургеневъ, человѣкъ хорошо образованный, большой ловеласъ и едва ли склонный признавать какую-нибудь религію, во главѣ второго—извѣстный мистикъ Поповъ, религіозный изувѣръ и полный невѣжда.

При новомъ министерствѣ зарождается весьма важное учрежденіе, имѣющее печальную извѣстность до настоящаго времени. Это былъ ученый комитетъ. Онъ имѣлъ цѣлью разсмотрѣніе учебныхъ книгъ, предназначаемыхъ для школъ. Была составлена инструкція, опредѣляющая дѣятельность комитета. Основной цѣлью ея полагалось, чтобы „народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ

10. МАЯ 1912

лучшихъ учебныхъ книгъ, направить къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ".

Въ этой задачѣ ясно сказалась основная цѣль комитета—поддерживать самодержавіе при помощи религіи и подчиненнаго ей просвѣщенія. Комитетъ обязанъ просматривать всѣ „стихійныя книги" и истреблять въ нихъ все то, что не соотвѣтствуетъ его основному плану. При пересмотрѣ книгъ комитету вмѣняется въ обязанность въ учебныхъ книгахъ о вѣрѣ „отметать все то, что могло бы внушить отвращеніе къ семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ и къ дѣятельной жизни, а также всѣ произвольныя умствованія, несовмѣстимыя съ повиновеніемъ верховной и духовной власти". Въ области нравственной философіи и законодательства комитетъ обязанъ отвергать всѣ книги, которыя не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры, равно и книги, учащія „мнимой добродѣтели, безъ всякаго указанія на единственный ея источникъ", теоріи естественнаго права и первобытнаго состоянія. Впрочемъ, ученіе о первобытномъ состояніи человѣка можетъ излагаться только въ видѣ „гипотезы, неосновательность которой надлежитъ сдѣлать очевидною". „Ложныя ученія о происхожденіи верховной власти не отъ Бога, а отъ условія между людьми, подлежатъ тому же отверженію". Въ особенности комитетъ будетъ заботиться о книгахъ историческихъ. Послѣднія должны „возвѣщать о единствѣ исторіи, столь поучительномъ для ума и сердца учащихся; частое указаніе на дивный и постепенный ходъ богопознанія въ человѣческомъ родѣ и вѣрная синхронистика съ священнымъ бытописаніемъ и эпохами церкви, должны напоминать учащимся высокое значеніе и спасительную цѣль науки". Въ естественныхъ наукахъ устраняются „всѣ суетныя догадки о происхожденіяхъ и переворотахъ земного шара". Въ физическихъ и химическихъ книгахъ должны содержаться полезныя свѣдѣнія „безъ всякой примѣси надменныхъ умствованій, порождаемыхъ во вредъ истинамъ, не подлежащимъ опыту и раздробленію". Въ руководствахъ по физіологіи, патологіи и сравнительной анатоміи комитетъ наблюдаетъ, чтобы „не вкрадывалось ученіе, низвергающее духовный санъ человѣка, внутреннюю его свободу и высшее предопредѣленіе въ будущей жизни". Сказан-

наго достаточно для характеристики направленія ученаго комитета и его будущей роли. Для внѣдренія въ русское юношество истинныхъ началъ православной вѣры, самодержавія и народности, учебный комитетъ былъ составленъ изъ трехъ... иностранцевъ. Въ него вошли капитанъ прусской службы, церемоніймейстеръ графъ Лаваль, котораго еще въ Пруссіи ненавидѣли нѣмецкіе студенты за его реакціонное направленіе, авторъ реакціонной брошюры, выпущенной на французскомъ языкѣ въ Германіи, камеръ-юнкеръ Стурдза, полу-грекъ, полу-молдаванинъ по происхожденію, мечтавшій объ освобожденіи Греціи и писавшій для нея конституцію; наконецъ, ученый академикъ Фусъ; неизвѣстно владѣлъ ли онъ русскимъ язкомъ, потому что всѣ представленія его, присланныя въ комитетъ, писаны по-французски.

Комитетъ занялся пересмотромъ прежде изданныхъ книгъ, или вторичнымъ разсмотрѣніемъ послѣ цензуры только что изданныхъ. Членъ правленія Руничъ отражалъ направленіе комитета въ своемъ разборѣ извѣстной книги Куницына о естественномъ правѣ. Онъ приходитъ въ ужасъ, что въ этой книгѣ повѣркою побужденій и вліяній человѣческихъ считаются какія то начала непогрѣшающаго разума, здѣсь говорится о какомъ то внутреннемъ чувствѣ, похожемъ на совѣсть, здѣсь говорится о какой-то нравственной природѣ человѣка; нельзя ожидать укорененія покорности властямъ тамъ, гдѣ юные умы вперяются въ безбожныя теоріи, умозрительныя системы. На основаніи этого разбора книга профессора Куницына была запрещена. Впрочемъ, Руничъ и Магницкій стремились совершенно изъять предметъ естественнаго права изъ университетскаго преподаванія. Въ томъ же духѣ дѣлались комитетомъ и разборы другихъ книгъ.

Нѣмецкіе университеты подверглись безпощадному осужденію. Рѣшено было всѣхъ русскихъ студентовъ, находящихся въ нѣмецкихъ университетахъ, отозвать.

Вообще настроеніе главнаго правленія училищъ становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ просвѣщенію. Выразительнымъ показателемъ этого настроенія является знаменитый докладъ 1820 года члена правленія училищъ Магницкаго. Это—гимнъ затменію.

Либеральныя вспышки на Западѣ даютъ поводъ автору доклада указать на страшную опасность, угрожающую отечеству.

Европу охватилъ „растлѣвающій духъ“, который грозитъ проникнуть и въ Россію. Это тотъ самый духъ, который скры-

вался у Іосифа II подъ личиною филантропіи, у Фридриха, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ—подъ скромнымъ плащемъ философизма; въ царствованіе Робеспьера—подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте—подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула, и, наконецъ, въ коронѣ императорской. „Этотъ духъ съ трактатами философіи и хартіей конституціи въ рукѣ поставилъ престолъ свой на Западѣ и хочетъ быть равнымъ Богу".

„Европа успокоилась подъ эгидой Священнаго Союза,—говоритъ Магницкій,—но вдругъ взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада. Что значитъ сіе неслыханное въ исторіи явленіе? Чего хотятъ народы посреди общаго спокойствія, подъ властью кроткихъ государей, среди всѣхъ благъ законной свободы? Чего хотѣли Зандъ, Тистельвудъ, Лебель"? Авторъ записки отвѣчаетъ, поясняя цѣли людей, не помирившихся со всѣми благами „законной свободы". Вотъ чего они хотятъ: „прочь алтари, прочь государей, смерть и адъ надобны", вопіютъ уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это голосъ? *Самъ князь тьмы*, видимо, подступилъ къ намъ, рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и вѣроятно уже скоро расторгнется". Итакъ, согласно воззрѣніямъ членовъ Библейскаго Общества, въ глазахъ Магницкаго самъ сатана является главнымъ двигателемъ волненій противъ алтарей и троновъ. Князь тьмы нашелъ себѣ орудіе для проведенія своихъ намѣреній: „Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы; книгопечатаніе—орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ подаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ". Изъ такого пониманія вещей ясно вытекала и программа Магницкаго, и онъ предлагаетъ объявить войну университетамъ и литературѣ. „Настоящую войну духа злобы не могутъ остановить арміи, ибо противъ духовныхъ нападеній нужна и оборона духовная. Благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затапливающей Европу невѣріемъ и развратомъ".

Цитированная записка Магницкаго является программою для дѣятельности министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ. Самъ Магницкій и его послѣдователь Руничъ были проводниками предложенныхъ имъ же началъ борьбы съ просвѣщеніемъ.

ГЛАВА XIII.

Магницкій и университеты.

Л. М. Магницкій—чрезвычайно любопытная личность изучаемой эпохи. Это — человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, обладавшій чарующей внѣшностью и блестящимъ даромъ рѣчи. Его сарказмы и эпиграммы въ свое время доставляли большую непріятность даже императору Наполеону, по желанію котораго Магницкій, бывшій членомъ русскаго посольства въ Парижѣ, былъ оттуда отозванъ. Магницкій былъ другомъ Сперанскаго и его главнымъ помощникомъ по организаціоннымъ работамъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ ссылкѣ Магницкаго одновременно со Сперанскимъ. Но Магницкій не выработалъ въ себѣ ни серьезныхъ политическихъ убѣжденій, ни гражданскихъ чувствъ. Непомѣрное честолюбіе влекло его въ ту сторону, которая могла его выдвинуть. Въ дѣлахъ чисто личныхъ онъ кощунственно относился ко всякаго рода политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ.

Убѣдившись на опытѣ, сколь неудобно исповѣданіе либеральныхъ убѣжденій, Магницкій быстро переходитъ на противоположную сторону. Онъ былъ помилованъ одновременно со Сперанскимъ и назначенъ симбирскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ какъ будто сначала продолжалъ въ прежнемъ духѣ. Міръ провинціальнаго чиновничества представился Магницкому въ весьма непривлекательномъ видѣ. По его словамъ, это была „коллекція, какой я сроду не видалъ, точно четвероногіе стали на заднія лапы и надѣли шитые ошейники, на которыхъ виднѣлись ленты и звѣзды, изображеніемъ страха и ожиданіемъ наказанія, словно повѣшанныя собаки; на всѣхъ лицахъ были видны пошлость и страхъ“. При первомъ же представленіи симбирскіе чиновники просили новаго губернатора не быть строгимъ къ ихъ грѣхамъ, на что Магницкій отвѣтилъ коротко: „Берите, но не дерите“.

Внимательное отношеніе Магницкаго къ крестьянамъ, и его борьба съ дикими проявленіями рабовладѣльческихъ инстинктовъ мѣстныхъ помѣщиковъ вызвали противъ него негодованіе всего дворянства Симбирской губерніи; стали жаловаться, что Магницкій „притѣсняетъ помѣщиковъ и бунтуетъ крестьянъ". Магницкому приходилось уходить со своего губернаторскаго поста. Но онъ успѣлъ подготовить себѣ путь къ отступленію, заручившись благосклонностью А. Н. Голицына. Этого нетрудно было достигнуть бойкому предсѣдателю симбирскаго отдѣленія Библейскаго Общества.

Магницкій безспорно былъ человѣкъ умный. Дочь Сперанскаго разсказываетъ о томъ, что онъ отличался замѣчательнымъ остроуміемъ. Но это былъ человѣкъ, лишенный самыхъ элементарныхъ моральныхъ основъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ соображеній онъ мѣнялъ свои убѣжденія—личная выгода была у него на первомъ планѣ. Его страсть къ доносу, къ сыску носитъ такой устойчивый характеръ, что иногда представляется чѣмъ то болѣзненнымъ. Когда Голицынъ представлялъ Магницкаго къ должности члена главнаго правленія училищъ, императоръ Александръ съ большимъ удивленіемъ спрашивалъ министра, знаетъ ли онъ Магницкаго. Уступивъ настояніямъ министра, императоръ предупредилъ его, что Магницкій будетъ первымъ на него доносчикомъ. Дѣйствительно, гдѣ бы ни былъ Магницкій, онъ вездѣ проявлялъ свою доносительную дѣятельность. Будучи губернаторомъ въ Симбирскѣ, онъ слѣдитъ за Казанскимъ университетомъ и спѣшитъ съ доносомъ министру. Заискивая у Голицына, онъ набираетъ матеріалъ для доноса о немъ. Будучи ревностнымъ приверженцемъ Библейскаго Общества, онъ пишетъ доносы о вредной дѣятельности этого Общества. Онъ былъ ревностнымъ поборникомъ ланкастерскихъ школъ, а затѣмъ самъ же доносилъ на нихъ. Преклоняясь предъ Шишковымъ, когда тотъ былъ министромъ, онъ въ то же время пишетъ на него доносъ. Впослѣдствіи, удаленный со службы, Магницкій не былъ терпимъ почти ни въ одномъ городѣ, потому что вездѣ сначала входилъ въ ближайшее отношеніе къ мѣстному начальству, а затѣмъ писалъ на него же доносы. За это нѣкоторые изъ губернаторовъ принуждены были удалять Магницкаго изъ предѣловъ губерніи.

Таковъ былъ вновь назначенный членъ главнаго правленія училищъ. Назначеніе его состоялось въ 1819 году, и тогда же онъ получилъ назначеніе произвести ревизію Казанскаго университета.

Бывшій симбирскій губернаторъ уже имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ университетѣ по навѣтамъ врача Владимирскаго, безуспѣшно пытавшагося получить каѳедру въ Казани. Нетрудно догадаться, что самая мысль о ревизіи принадлежала самому Магницкому, подъ вліяніемъ котораго всецѣло оказался князь Голицынъ.

Ревизоръ немедленно отправился въ Казань, и здѣсь произошла жалкая комедія ревизіи университета. Весь университетъ найденъ былъ въ неисправности. Хозяйственная часть университета, по словамъ отчета Магницкаго, была поставлена весьма плохо. Профессорская коллегія оказалась неудовлетворяющей ни условіямъ благонадежности, ни научнымъ. Интересно, что научное достоинство цѣлаго университета Магницкій опредѣлилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней своей ревизіи. Изъ двадцати пяти профессоровъ и адъюнктовъ Магницкій нашелъ только пять человѣкъ дѣйствительно „достойныхъ“, всѣ остальные оказались людьми неблагонадежными и запутанными въ долгахъ. Магницкій не стѣсняется дѣлить профессоровъ на знающихъ и незнающихъ, не приводя, конечно, основаній такого раздѣленія. Про извѣстнаго профессора Бартельса, напримѣръ, онъ говоритъ, что Бартельсъ „лучше могъ бы быть академикомъ, нежели преподавателемъ“. Профессоръ хирургіи Аргольдъ, по словамъ Магницкаго, „человѣкъ, незнающій латинскаго языка и неумѣющій доселѣ собрать остовъ тѣла человѣческаго, человѣкъ, коего незнаніе хирургіи обличается представляемымъ у сего спискомъ сдѣланныхъ имъ операцій“. Въ этомъ родѣ отзывы и о другихъ профессорахъ. Зато о „достойныхъ“ съ точки зрѣнія Магницкаго профессорахъ встрѣчаемъ обыкновенно отзывы, что этотъ профессоръ „доброй нравственности“, „отличный познаніями и поведеніемъ“. Учебно-вспомогательныя учрежденія совсѣмъ плохи. Библіотека плохо устроена. Въ естественно-историческомъ кабинетѣ коллекція представляетъ случайный подборъ, и чучела съѣдены молью. Анатомическій театръ представляетъ нѣчто „постыдное для публичнаго заведенія“. Здѣсь Магницкій только и нашелъ „небольшой шкапъ съ набранными какъ бы по случаю человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторые объѣдены крысами; одинъ полный скелетъ четвероногаго пѣтуха (sic) и двухъ утокъ“.

Но особенно былъ возмущенъ Магницкій своими наблюденіями надъ учащимися. Каѳедра Закона Божьяго въ университетѣ оказалась незанятой. Студенты оказались несвѣдущими въ Законѣ Божіемъ: „Какимъ образомъ,—возмущается Магницкій,—могъ студентъ, не имѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ“?

Общее заключеніе Магницкаго весьма печально для всего Казанскаго университета. Университетъ не можетъ выполнить возложеныхъ на него обязанностей, даже „причиняетъ общественный вредъ“, выпуская воспитанниковъ, зараженныхъ, „противнымъ религіи духомъ деизма“. Наконецъ, университетъ очень дорого стоитъ государству. На этихъ основаніяхъ Магницкій не задумывается подписать смертную казнь цѣлому университету „въ видѣ публичнаго его разрушенія“. На мѣстѣ университета должны быть воздвигнуты новыя учрежденія, проектированныя Магницкимъ, а весь округъ долженъ быть подчиненъ „надежному попечителю“ съ особенной инструкціей.

Теперь легко догадаться, куда мѣтилъ Магницкій. Главное правленіе училищъ представило отчетъ Магницкаго на усмотрѣніе государю, который, однако, не согласился на публичное разрушеніе университета. Но Магницкій достигъ того, чего желалъ: онъ былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа съ неограниченными полномочіями. „Je vous donne carte blanche“, сказалъ ему государь при назначеніи его на эту должность.

Немедленно часть профессоровъ была уволена, и Магницкій сталъ проводить свои идеи очищенія университета. Рядомъ съ выборнымъ ректоромъ (впрочемъ, при Магницкомъ свобода избранія ректора была пустой комедіей) появляется директоръ университета. По отношенію къ университету, „директоръ есть первое лицо“. Въ дѣйствительности директоръ является полицейской властью въ университетѣ, какъ по отношенію къ профессорамъ, такъ и по отношенію къ студентамъ.

Магницкій увѣряетъ министра, что его цѣлью является основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза. Съ этой цѣлью Магницкимъ были изданы инструкціи директору и ректору университета. По этимъ инструкціямъ основною задачей университетскаго „воспитанія“ является „воспитаніе вѣрныхъ сыновъ православной Церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству“.

Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть „покорность“. Поэтому юноши должны „упражняться въ покорности“, а директоръ наблюдаетъ, „чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ“; для этого воспитанники должны постоянно видѣть „вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія“. Директоръ долженъ наблюдать, чтобы „духъ вольнодумства“ не могъ проявиться въ студентахъ, для чего онъ обязанъ имѣть „достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей“. Въ студентахъ выше всего должны цѣниться „христіанскія добродѣтели“, и такимъ студентамъ университетъ обязанъ исхлопатывать лучшія мѣста. Награды за науки не выдаются студентамъ, поведеніе коихъ не одобрено директоромъ. Установлены правила чтенія молитвъ въ университетѣ и посѣщенія церкви. Инструкція Магницкаго требуетъ, „чтобы самая наружность и выраженіе ихъ (т.-е. студентовъ) были пріятны и благоприличны“. Студенты находятся подъ неослабнымъ надзоромъ „честныхъ и богобоязненныхъ надзирателей“, которые непрестанно находятся въ комнатахъ студентовъ (въ интернатахъ); а внѣ стѣнъ университета студентъ состоитъ подъ надзоромъ полиціи. При всемъ томъ студенты должны покоряться властямъ не изъ страха, но изъ любви. Директоръ обязанъ наблюдать и за преподавателями, отъ которыхъ требуются тѣ же качества, что и отъ студентовъ; неудовлетворяющіе этимъ требованіямъ должны быть представляемы къ немедленному увольненію.

Самый ходъ университетскаго преподаванія былъ опредѣленъ попечительскою инструкціей; цѣль ея, „чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства, не проникнулъ“ въ стѣны университета. Вообще, профессоры должны работать „во славу Божію, для спасенія ввѣренныхъ имъ душъ“.

Преподаваніе всѣхъ наукъ должно быть проникнуто единымъ духомъ Евангелія. Профессоръ философіи долженъ прежде всего внушить слушателямъ различіе между мудростью земной и небесною. „Слушатели должны удостовѣриться, что все то, что не согласно съ разумомъ священнаго писанія, есть заблужденіе и ложь, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо. Положительныя начала философіи должны быть извлекаемы изъ Платона и Посланій апостола Павла. Науки политическія должны служить къ утвержденію принципа, что правленіе монархическое установлено Самимъ Богомъ, оно должно клонить мысль къ по-

корности и почтенію къ государю. Преподаватель этихъ наукъ „долженъ съ отвращеніемъ указать на правила Макіавеля“.

Положительныя начала наукъ политическихъ должны опираться на ученіе Платона и Аристотеля, и „источникъ сихъ началъ“ преподавателъ обязанъ показать въ „Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ пророкахъ и апостолахъ“. Каѳедра математики и естественныхъ наукъ служитъ той же цѣли,—указанію на премудрость Божію и ограниченность человѣческаго разума. Профессоры медицины должны внушать студентамъ, что „святое писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ“. Съ большимъ вниманіемъ инструкція Магницкаго останавливается на наукахъ историческихъ и словесныхъ. Профессоры древнихъ языковъ должны изучать Іоанна Златоустаго и другихъ отцовъ Церкви. Профессоръ россійской словесности долженъ заниматься разборомъ священныхъ писателей, а образцы истиннаго краснорѣчія „покажетъ онъ въ Библіи и докажетъ, сравненіемъ съ ней лучшихъ авторовъ древнихъ, ея надъ всѣми ими превосходство“. Профессоръ восточныхъ языковъ обязанъ предостерегать слушателей отъ увлеченія арабской наукой и поэзіей. Преподаваніе исторіи поставлено въ тѣсныя рамки. Профессоръ долженъ отвергнуть древнее баснословіе. На чтеніи Геродота и другихъ писателей профессоръ покажетъ, что въ основаніи Рима нѣтъ ничего положительнаго. Отъ Рождества Христова онъ займется древностями христіанскими, а новую исторію пройдетъ кратко. Профессоръ россійской исторіи покажетъ, „что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упередило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по учебной части (т.-е. конечно, распоряженіями самого Магницкаго) и духовною Владимира Мономаха“.

Магницкій уничтожилъ преподаваніе науки римскаго права и ввелъ вмѣсто него византійское право. Но на вопросы главнаго правленія училищъ о томъ, что онъ разумѣетъ подъ византійскимъ правомъ попечитель такъ и не далъ отвѣта. Когда назначенный имъ преподаватель этого права просилъ отложить преподаваніе для того, чтобы выписать необходимыя книги, равно и просилъ разъясненія о существѣ новаго предмета преподаванія, Магницкій приказалъ ему немедленно приступить къ чтенію, а какъ на единственное пособіе указалъ на Кормчую Книгу.

Сообразно идеямъ обновителя университета измѣненъ былъ и весь строй его. Университетъ превращенъ былъ въ монастырь. Студенты были раздѣлены на разряды, къ первому изъ которыхъ отнесены отличные, весьма хорошіе, ко второму—испытуемые и къ третьему—подъ особымъ надзоромъ состоящіе. Всякое дѣйствіе начиналось молитвою. Наказуемые назывались грѣшниками и отбывали наказаніе „въ комнатѣ уединенія“, гдѣ находились картины Распятія и Страшнаго суда.

Преподаваніе богословія стояло на первомъ мѣстѣ, и хорошіе успѣхи въ немъ вознаграждали вполнѣ за недостаточныя свѣдѣнія въ другихъ наукахъ; золотая и четыре серебряныя медали, съ изображеніемъ девиза университета и креста съ надписью вокругъ: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“, выдаваемы были, по распоряженію Магницкаго, исключительно за благонравіе и отличное знаніе богословія. Надъ всѣми каѳедрами начертана была огромными буквами надпись: „въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ телѣси повинномъ грѣху“. Науки философскія преподавались, какъ доноситъ попечитель министру, въ смыслѣ обличительномъ.

На мѣсто одиннадцати уволенныхъ профессоровъ Магницкій назначилъ своихъ избранниковъ; среди нихъ встрѣчаемъ, напр., профессора греческой словесности Мистаки, о предшествующей дѣятельности котораго было только извѣстно, что онъ былъ домашнимъ учителемъ у Ипсиланти и „въ награду получилъ табакерку“. Французъ Жобаръ былъ назначенъ профессоромъ греческой и латинской словесности „за благочестивый образъ мыслей“.

Этотъ Жобаръ потомъ доставилъ Магницкому довольно много непріятностей, такъ какъ оказался человѣкомъ строптивымъ. Въ ссорахъ съ другими онъ для доказательства своей учености постоянно ссылался на подаренную ему императрицей табакерку, такъ что профессоръ Сергѣевъ, самъ читавшій философію по назначенію Магницкаго, не имѣя никакой ученой степени, даже публично заявлялъ Жобару о томъ, что не хорошо „употреблять во зло монаршее благоволеніе и даже оскорбительно для высокаго лица монархини выставлять милость ея величества, вмѣсто доказательствъ при ученыхъ спорахъ“. Чтобы отдѣлаться отъ Жобара, Магницкій воспользовался его горячностью въ спорахъ, сдѣлалъ представленіе министру о томъ, что онъ сошелъ съ ума, и представилъ къ увольненію.

„Обновленный“ университетъ, какъ любилъ выражаться Магницкій, даже началъ свое лѣтоисчисленіе съ года обновленія университета. Профессорская коллегія съежилась, хотя часть ея сочла для себя выгоднымъ поддерживать новаго попечителя. Профессоры должны были представлять конспекты преподаваемыхъ наукъ, и эти конспекты отражаютъ на себѣ тотъ гнетъ, которому подверглась университетская наука. Вотъ, напр., опредѣленія наукъ анатоміи и физіологіи, сдѣланныя даже такимъ почтеннымъ ученымъ, какимъ былъ профессоръ Фуксъ: „Анатомія показываетъ строеніе человѣческаго тѣла, а физіологія объясняетъ дѣйствіе органовъ въ соединеніи безсмертной души съ тѣломъ. Цѣль анатоміи—находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію Своему. Тѣло наше—храмъ души. При тѣсной связи тѣла и души, надо всячески остерегаться, чтобы не впасть въ ужасный матеріализмъ, подобно нѣкоторымъ безумнымъ врачамъ“. Въ лекціяхъ другихъ профессоровъ проводились тѣ же тенденціи. Профессоръ математики Никольскій доказывалъ равенство треугольниковъ такимъ образомъ: „Съ помощью Божіею этотъ треугольникъ равняется другому“. Онъ же въ публичной рѣчи доказывалъ, что въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ; такъ, напримѣръ, числа нѣтъ безъ единицы, такъ и вселенной нѣтъ безъ Единаго.

Офиціальные отчеты Казанскаго университета представляли собою дифирамбы мудрости попечителя и поражали обвиненіями предшествующую дѣятельность университета. Такъ, одинъ изъ отчетовъ съ торжествомъ объявляетъ, что университетъ, наконецъ, избавился отъ „хищническаго владычества философіи“; теперь философія научаетъ „мудрствовать небесная“ и отучаетъ „мудрствовать земная“. Авторъ отчета въ восхищеніи оттого, что, наконецъ, въ университетскомъ преподаваніи заложенъ тотъ „краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается благосостояніе царствъ земныхъ“. Отчетъ вспоминаетъ о неустройствѣ „внутренней полиціи“ при прежнемъ режимѣ, и съ удовольствіемъ отмѣчаетъ перемѣну въ поведеніи студентовъ. Инспекторъ студентовъ „преклоняетъ“ юношей подъ „спасительное иго послушанія“. „Смиренномудріе, терпѣніе и любовь сопровождаютъ поступки студентовъ“. Всѣ науки въ университетѣ преподаются въ духѣ святого Евангелія, и ядъ вольнодумства окончательно оставилъ университетъ, гдѣ нынѣ обитаетъ „страхъ Божій“.

Другой изъ отчетовъ сравниваетъ печальное положеніе Казанскаго университета до преобразованія съ положеніемъ обновленнаго: „Сей нашъ годъ достопамятенъ для Казанскаго Учебнаго Округа важнѣйшими происшествіями; онъ составляетъ блистательную эпоху преобразованія, совершеннаго обновленія Казанскаго университета. Кому неизвѣстны причины сего преобразованія? Онѣ скрывались въ нетвердомъ, неблагонадежномъ составѣ прежняго университета. Въ самое основаніе онаго не былъ положенъ тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается благосостояніе царствъ земныхъ. Съ самаго начала въ предметы университетскихъ преподаваній не было введено христіанское законоученіе“. Профессура уподобилась „кораблю безъ кормила“. „Неогражденныя щитомъ благочестія и страха Божія“ сердца университетскихъ питомцевъ способны были воспринимать гордость, своеволіе и развратъ, вмѣстѣ съ всеразрушающимъ вольнодумствомъ“. Университетскій отчетъ съ ужасомъ говоритъ о томъ, что въ нѣдрѣ университета тлетворный ядъ начиналъ разливаться въ словопреніяхъ лжеименнаго разума, въ употребленіи при каѳедрѣ философской такихъ авторовъ, коихъ ученіе совершенно противно религіи христіанской. Теперь вся картина измѣнилась.

Университетскіе акты были теперь посвящены восхваленію тѣхъ великихъ реформъ, которыя были въ немъ произведены Магницкимъ. Акты скорѣе походили на торжественное богослуженіе, чѣмъ на научное празднество. Вотъ, напр., программа одного изъ такихъ актовъ: послѣ обѣдни и молебна студенты пропоютъ: „Днесь Благодать Святаго Духа насъ собра“; профессоръ прочтетъ рѣчь „О пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и о необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи“; пропоютъ: „Боже царя храни“; студентъ прочтетъ: „О Березовскихъ и Николаевскихъ золотосодержащихъ Екатеринбургскихъ пескахъ“; пропоютъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“; студентъ прочтетъ: „О необходимомъ соединеніи со внутреннимъ богопочитаніемъ наружнаго“; пропоютъ: „Слава въ вышнихъ Богу“; ректоръ произнесетъ слово о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ; пропоютъ: „Господи, силою твоею возвеселится царь“.

Магницкій могъ гордиться проведенными имъ реформами. Совѣтъ университета его славословилъ въ офиціальныхъ рѣчахъ и отчетахъ.

Впрочемъ, и самъ Магницкій не забывалъ похвалить себя. Присутствуя на актѣ университета (онъ былъ только одинъ разъ въ Казани послѣ „обновленія“ университета), самъ Магницкій произнесъ рѣчь, которая является дифирамбомъ его же собственной дѣятельности. „Въ то самое время,—говорилъ казанскій попечитель,—какъ лжеименная философія бунтуетъ умы на Бога и людей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума... Воспитанники поняли нелѣпость естественнаго права и относятся съ улыбкой презрѣнія къ возмутительнымъ бреднямъ“. Особенно остался доволенъ попечитель преподаваніемъ исторіи; профессоръ исторіи „смѣлою рукою свергнулъ тѣ идеалы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоняя колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ... Въ житіяхъ святыхъ исчезла тѣнь Брутовъ“.

Успѣхи вскружили голову Магницкому. Онъ не былъ доволенъ достигнутыми результатами, и стремился во что бы то ни стало найти слѣды крамолы. Въ Казанскомъ университетѣ это трудно было сдѣлать, но тѣмъ не менѣе предлогъ былъ найденъ, и Магницкій въ 1821 году началъ процессъ противъ профессора естественнаго права Солнцева.

Профессоръ Солнцевъ былъ однимъ изъ очень видныхъ преподавателей казанской науки; онъ былъ ректоромъ университета, когда Магницкій производилъ ревизію университета, и умѣлъ очень понравиться будущему казанскому попечителю. Но профессоръ Солнцевъ отличался достаточной самостоятельностью, и хотя онъ съежился при новомъ режимѣ, но тѣмъ не менѣе попечитель чувствовалъ въ немъ скрытую опозиціонную силу. Судъ надъ Солнцевымъ нуженъ былъ казанскому попечителю еще и для доказательства своей мысли о вредѣ преподаванія въ университетѣ естественнаго права и философіи. Эту мысль, какъ мы увидимъ, Магницкій какъ разъ одновременно проводилъ хотя, и неуспѣшно, въ главномъ правленіи училищъ. Магницкій, однако, считалъ, что для него полезнѣе опереться на судъ самой профессорской коллегіи, почему онъ добился университетскаго суда надъ Солнцевымъ. Это была комедія суда, тянувшаяся въ теченіи 1821—23 годовъ. Предсѣдателемъ чрезвычайнаго университетскаго суда былъ назначенъ фаворитъ Магницкаго, директоръ университета Владимирскій; прокурорскія обязанности возложены были на профессора Тимянскаго, спеціальнымъ секретаремъ назначенъ профессоръ

Пальминъ. Были забраны у Солнцева подлинныя рукописи его лекцій, а у студентовъ были отобраны, для сличенія, ихъ записи. Однако, при всемъ усердіи ставленниковъ Магницкаго, борьба съ Солнцевымъ оказалась дѣломъ не изъ легкихъ, потому что подсудимый былъ прекраснымъ юристомъ. Самъ Игнатій Лойола позавидовалъ бы тѣмъ инквизиторскимъ вопросамъ, какіе придумалъ, въ числѣ двухсотъ семнадцати, профессоръ Пальминъ, требуя отвѣтовъ отъ Солнцева. Это все были вопросы, касающіеся такихъ щекотливыхъ пунктовъ, какъ происхожденіе монархической власти, значеніе конституціи, религіозной свободы и т. п.

Долгая судебная процедура окончилась обвинительнымъ приговоромъ. Обвинительные пункты чрезвычайнаго суда, въ числѣ 12, голословно утверждаютъ, что инкриминируемыя мѣста въ лекціяхъ противорѣчатъ священному писанію, или „ослабляютъ положительные законы“. Въ дѣйствительности ничего подобнаго небыло. Натяжки въ обвиненіи доходятъ до курьезовъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего курса профессоръ Солнцевъ утверждалъ, что бракъ не есть простой договоръ, но священный союзъ, освящаемый достоинствомъ таинства. И эта мысль была признана противорѣчащей священному писанію.

Въ концѣ концовъ судъ призналъ профессора Солнцева, оскорбившимъ Духъ Господень и власть общественную, почему онъ и былъ отрѣшенъ отъ должности. Судъ надъ Солнцевымъ сослужилъ плохую службу самому Магницкому, когда наряжена была ревизія, долженствовавшая провѣрить дѣятельность самого Магницкаго въ Казани.

Казанскій университетъ не стоялъ одиноко, когда начались репрессіи на науку. Реакція сказалась и въ другихъ университетахъ, хотя съ меньшею силою и безъ тѣхъ нелѣпостей, къ которымъ прибѣгнулъ Магницкій.

Такъ, въ Харьковѣ реакція началась удаленіемъ профессора Шада въ 1816 году. Шадъ былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ тогдашняго харьковскаго университета, но его философскія сочиненія были признаны неблагонамѣренными, ибо авторъ ихъ придерживался философіи Шеллинга, „а между тѣмъ весьма сомнительно, можно ли прямо допускать ее въ Россіи и вкоренять въ память россійскаго юношества“. Дѣло было рѣшено не въ пользу философіи Шеллинга, и Шадъ былъ высланъ за границу, а сочиненія его сожжены.

Харьковскимъ попечителемъ былъ тогда графъ С. О. Потоцкій. Но онъ мало подходилъ къ Голицынскому режиму, почему и удалился въ 1817 году. Его мѣсто занялъ близкій къ Голицыну человѣкъ, товарищъ президента Библейскаго Общества въ Петербургѣ З. Я. Карнѣевъ. Онъ сначала служилъ на военной службѣ, затѣмъ—по администраціи, и здѣсь отличался тѣмъ, что иногда предлагалъ самыя противоположныя мѣры. Карнѣевъ не получилъ никакого образованія и, будучи попечителемъ учебнаго округа, внушалъ профессору, что молнія падаетъ въ видѣ треугольника въ ознаменованіе троичности Божества. Будучи попечителемъ, онъ немедленно завелъ чтеніе молитвъ въ университетѣ и посѣщеніе студентами церкви. Попечитель Харьковскаго округа считалъ науки „небезопасными“. Философію онъ признавалъ недостаточною „къ возстановленію падшаго человѣческаго естества“ и считалъ необходимымъ бороться противъ „мрака философскаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума“. Неудивительно поэтому, что харьковскій университетъ сталъ пустѣть; особенно важна была такая потеря для университета, какъ удаленіе профессора Осиповскаго. Кратковременное управленіе округомъ Р. В. Карнѣева, племянника предыдущаго попечителя, сдѣлало новый шагъ по тому же пути, пробивъ брешь въ университетскомъ самоуправленіи. Однако, въ Харьковскомъ университетѣ реакція выразилась сравнительно слабо.

Наибольшій разгромъ потерпѣлъ Петербургскій университетъ, гдѣ, благодаря настойчивости Рунича, былъ удаленъ цѣлый рядъ наиболѣе замѣчательныхъ профессоровъ. Только что основанный Петербургскій университетъ имѣлъ такихъ видныхъ преподавателей науки, какъ Галичъ, Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и др.

Дѣло было поднято въ 1821 г. Руничемъ, который донесъ главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки въ университетѣ преподаются въ противномъ христіанству духѣ. Преподаваніе названныхъ профессоровъ было пріостановлено и начато было противъ нихъ слѣдствіе. Собраны были тетради слушателей, записки профессоровъ, былъ составленъ университетскій судъ, предсѣдателемъ и руководителемъ котораго явился самъ Руничъ. Положеніе подчиненной ему профессорской коллегіи было въ высшей степени затруднительно, потому что Руничъ, не стѣсняясь, направлялъ свои инквизиціонные допросы не только къ обвиняемымъ, но и къ тѣмъ, которые высказывали

малѣйшее сочувствіе къ нимъ. Это былъ злобный походъ, направленный противъ всего университетскаго совѣта. Неудивительно поэтому, что Руничъ добился обвинительнаго приговора надъ названными профессорами, а также надъ профессоромъ Плисовымъ. Къ дѣлу о профессорахъ приложены выписки вредныхъ мѣстъ изъ ихъ сочиненій и лекцій. Нужна была вся сила злого воображенія Рунича, чтобы въ этихъ отрывкахъ увидѣть „опасныя мѣста". На судѣ Руничъ велъ себя совершенно непристойно. Онъ требовалъ раскаянія со стороны подсудимыхъ и не добился его. При чтеніи письменныхъ отвѣтовъ подсудимыхъ, въ ихъ же присутствіи, Руничъ коверкалъ слова, ломалъ языкъ, кривлялся, смѣялся и хохоталъ.

Трудно даже передать въ короткихъ словахъ сущность тѣхъ странныхъ вопросовъ и обвиненій, которые были предъявлены этимъ профессорамъ. Извѣстный статистикъ Германъ обвинялся въ томъ, что признавалъ вреднымъ бумажныя деньги, въ томъ, что считалъ несправедливымъ поголовный налогъ; Галичъ обвинялся въ томъ, что онъ безбожнаго Канта предпочитаетъ самому Христу, а Шеллинга—Духу Святому. Руничъ весьма былъ возмущенъ заявленіемъ Германа, что о статистикѣ могутъ судить только спеціалисты: такое заключеніе онъ призналъ оскорбительнымъ для правительства и для университета. Обвиняя въ вольнодумствѣ профессоровъ, Руничъ напоминаетъ о тѣхъ „ужасныхъ происшествіяхъ", которыя, „кровавыми письменами" отразились на исторіи Европы, которые породили ученое вольнодумство, умозрѣніе лжеименнаго разума и мнимое просвѣщеніе.

Заключеніе университетскаго суда поступило въ главное правленіе училищъ, которое признало ученіе Германа и его послѣдователя Арсеньева вреднымъ и опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Вышедшія раньше печатныя сочиненія Германа („Краткое руководство ко всеобщей теоріи статистики", „Всеобщую теорію статистики" и „Историческое обозрѣніе литературы статистики, въ особенности россійскаго государства"), Галича („Исторію философскихъ системъ") и Арсеньева („Начертаніе статистики россійскаго государства") запретить преподавать и изъять изъ всѣхъ библіотекъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, такъ какъ сами обвиняемые требовали уголовнаго суда для своего оправданія, то постановлено передать это дѣло надлежащему судебному мѣсту.

Еще важно знать, что двухъ-лѣтніе дрова уже уступаютъ по качеству. Свѣжіе дрова будутъ содержать влаги процентовъ 25 — 30, на будущій годъ они будутъ содержать процентовъ 18, и цѣнятся дороже, но на слѣдующій годъ уже дешевле, потому что они начинаютъ портиться и терять теплотворную способность. Дрова еще различаютъ: плотовыя, идущія по водѣ гономъ, и берлинныя, въ судахъ. Первыя выщелочены и отличаются меньшей теплотворной способностью.

Продукты сельскохозяйственныхъ производствъ.

Перейдемъ къ ознакомленію съ тѣми продуктами, которые получаются отъ передѣлки зерна. Продуктами передѣлки будутъ мука, крупа и т. д. все, что получается изъ первыхъ въ производствѣ хлѣбопеченія. Далѣе стоятъ такіе продукты, какъ сахаръ, крахмалъ, спиртъ, вино и т. д., однимъ словомъ все то, что получается отъ переработки первыхъ произведеній сельскаго хозяйства. Начнемъ съ производства муки. Мука, которую каждый навѣрно видѣлъ, есть мелкій порошокъ, иногда даже не ощутимый на ощупь. Это то же зерно, только измельченное въ порошокъ, раздробленное во время передѣлки на мелкія частицы. Но т. к. зерно не однородно по своему составу, то и получаемый изъ него продуктъ— мука — тоже не однородна по составу и обладаетъ различными качествами и свойствами въ зависимости отъ того, изъ какой части зерна она получается. Если представимъ себѣ зерно, то мы увидимъ нѣсколько отдѣльныхъ частей, отличающихся другъ отъ друга своими свойствами. Снаружи будетъ оболочка, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ клѣтчатки и содержитъ въ себѣ большое количество древесины, такъ что представляетъ собою часть растенія, не имѣющую большой питательной цѣнности, потому что питательныхъ частицъ въ немъ мало, и на муку не годится. Дальше находится маленькій зародышъ, который тоже является негоднымъ для раздробленія въ муку. Онъ состоитъ изъ бѣлковыхъ веществъ, содержитъ въ себѣ довольно большое количество жиру, почти $^1/_2$ своего вещества. Потомъ слѣдуетъ внутренняя часть зерна, это эндосперма, вещество, которое содержитъ два различныхъ вещества: клейковину и крахмалъ. Снаружи этой клейковины больше, а внутри меньше. Если мы будемъ размалывать зерно и превращать его въ муку, то въ зависимости отъ того, какая часть

зерна размалывается, получится мука неодинаковаго характера. Поэтому основные продукты, которые получаются при различныхъ способахъ размалыванія зерна, будутъ разнообразны и по своей питательности, и по внутреннимъ свойствамъ, и даже по внѣшнему виду. Прежде всего, при размалываніи стараются отдѣлить отъ зерна оболочки, которыя вмѣстѣ съ присохшими къ нимъ верхними слоями эндоспермы представляютъ собою отруби. Они какъ бы отрубаются отъ остального зерна. При передѣлкѣ зерна этотъ продуктъ не имѣетъ большой цѣнности, потому что здѣсь больше всего оболочки, которая имѣетъ мало питательныхъ частицъ, а хлѣбъ такой не желательно имѣть. Отрубь собственно не является даже продуктомъ мукомольнымъ, а отбросомъ. Ея не употребляютъ для приготовленія хлѣба, а только для корма скота. Но когда очистятъ зерно отъ этихъ частей и начинаютъ раздроблять внутреннюю часть зерна, то и она не одинаково раздробляется, потому что зерно не вездѣ имѣетъ одинаковую плотность, и вслѣдствіе этого одна часть раздробляется скорѣе и мельче, а другія остаются не размолотыми. Наружная часть обыкновенно не сразу размалывается на муку, на мелкія части, а получаются раньше болѣе крупныя частицы, такъ называемая крупка; потомъ ужъ ее можно размолоть на мелкія части; внутренняя часть зерна не такъ плотна и сразу распадается на мелкія частицы. Такимъ образомъ, изъ той части зерна, которая ближе къ оболочкѣ, получается крупка, а изъ той части, которая ближе къ центру, гдѣ содержится больше крахмала, получается мякоть, болѣе мягкія части. И такъ при первой обработкѣ зерна приходится различать три различныя части, изъ которыхъ получаются различныя по своимъ свойствамъ продукты: это —крупка, отруби и мякоть. Теперь еще нужно сказать относительно зародыша. При переработкѣ зерна онъ никуда не войдетъ, онъ обыкновенно никакой роли не играетъ въ получаемомъ изъ зерна продуктѣ, и его стараются отдѣлить совершенно. Это потому, что онъ заключаетъ въ себѣ большое количество живой плазмы, много бѣлковъ и много жиру, и если его раздробить вмѣстѣ съ другими частями зерна, то онъ начинаетъ портиться раньше другихъ частицъ и портитъ весь продуктъ; бѣлокъ начинаетъ разлагаться, жиръ горкнетъ и портитъ всю остальную муку. Поэтому зародышъ стараются отдѣлить прочь отъ зерна, отколоть совершенно и отсѣять вмѣстѣ съ отрубями. Онъ довольно легко откалывается пропускѣ при зерна черезъ камни. Здѣсь интересно отмѣ-

тить, что цѣли человѣка и растенія совершенно противоположны. При культурѣ растенія для него наиболѣе важною частью въ зернѣ является зародышъ, а эндосперма зерна имѣетъ лишь дополнительное значеніе; для человѣка наоборотъ, эти части больше всего нужны, а зародышъ является нежелательнымъ конкурентомъ по ихъ использованію. Сообразно этимъ особенностямъ состава частей зерна различаются и сорта муки. Тѣ сорта, которые получаются преимущественно изъ наружныхъ частей зерна, называются отрубяными сортами, они содержатъ въ себѣ большее количество древесины оболочки, какъ бы мы ни старались очистить отъ нея зерно; дальше тѣ сорта, которые получаются отъ части ближе къ наружи, называются крупчатыми. Эти сорта муки будутъ имѣть тоже свои особенности; они по составу отличаются тѣмъ, что содержатъ въ себѣ большее количество клейковины. Эти сорта наиболѣе важные для человѣка въ смыслѣ питательности, потому что содержатъ въ себѣ клейковины гораздо больше другихъ. Дальше идутъ мякотные сорта, они отличаются отъ крупчатыхъ тѣмъ, что клейковины, содержатъ меньше, но за то больше крахмала и въ смыслѣ питательности ниже. Такимъ образомъ, всѣ эти продукты отличаются другъ отъ друга своими качествами и особенностями, которыя обусловливаются происхожденіемъ ихъ отъ той или другой части зерна. Зерно, какъ извѣстно, подвергается помолу на мельницѣ. Ранѣе не существовало такихъ способовъ помола, какъ теперь, и зерно растирали между камнями, приводимыми въ движеніе отъ руки; эта обязанность лежала на женщинахъ и рабахъ. Чтобы раздробить зерно, пользуются обыкновенно особаго рода камнями, твердыми кремневыми породами, которыя гораздо тверже зерна. Подъ давленіемъ этихъ камней и движенія ихъ зерно разсыпается на части. Берутъ для размола 2 не высокихъ цилиндрической формы камня; одинъ изъ нихъ бываетъ нѣсколько меньшей толщины, а другой - большей. Эти камни называются жерновами; они устанавливаются одинъ надъ другимъ, при чемъ нижній въ неподвижномъ состояніи, называется „лежень“, а другой прикрѣпленъ надъ нимъ такъ, что можетъ вращаться; этотъ камень называется „бѣгунъ“. Верхній имѣетъ посрединѣ отверстіе, чрезъ которое проходитъ зерно; отверстіе нижняго жернова называется „очко“, въ него вставлена деревяная втулка, а сквозь нее проходитъ веретено. Веретено проходитъ насквозь верхній жерновъ, а на его верхній конецъ надѣвается желѣзная

полоса (параплица); концами своими параплица укрѣплена въ верхнемъ жерновѣ, такъ что съ ея помощью этотъ жерновъ виситъ на концѣ веретена. Слѣдовательно если веретено будетъ вращаться отъ какой нибудь внѣшней силы, вѣтряка, пароваго двигателя и т. п., то оно будетъ приводить въ движеніе верхній жерновъ; надъ жерновомъ виситъ ковшъ, который тоже приводится въ сотрясательное движеніе, а лежащее въ немъ зерно сыплется въ отверстіе жернова и попадаетъ между камнями. Ковшъ, въ которомъ лежитъ зерно, движется не какъ нибудь, а извѣстнымъ способомъ урегулированъ, чтобы сыпалось только извѣстное количество зерна. Самый размолъ зерна создается не только потому, что одинъ жерновъ давитъ на другой, а также потому, что они имѣютъ соотвѣтствующія насѣчки, и зерно какъ бы разрѣзается. Эти насѣчки или желобки бываютъ иногда прямые, иногда идутъ криво, смотря по системѣ насѣчекъ. У верхняго жернова сдѣланы такіе же желобки, какъ и у нижняго, только идутъ въ противоположномъ направленіи; попадая между краями желобковъ, зерно раздробляется ими, какъ тупыми ножницами, и вмѣстѣ съ этимъ постепенно отодвигается по нимъ отъ центра жернова къ окружности. Понятно, степень раздробленія зависитъ отъ того, на какомъ разстояніи другъ отъ друга находятся жернова; если они находятся близко другъ отъ друга, то раздробленіе будетъ больше, если же они дальше немного, то зерно будетъ раздроблено меньше. Таковъ принципъ помола зерна. Самыя насѣчки возобновляются на жерновахъ довольно часто, потому что зерно довольно твердо, и жернова постоянно стираются; при этомъ въ муку всегда попадаетъ небольшое количество песка. Это необходимая примѣсь каждой муки.

Есть отдѣльныя мѣста, откуда камни получаются на жернова. Камни получаемые изъ Франціи считаются лучшими, а другія породы меньше годны по своей мягкости. Чѣмъ мягче камень, тѣмъ скорѣе онъ стирается, и тѣмъ большее количество веществъ постороннихъ попадаетъ въ муку. Мука съ жернововъ сыплется черезъ край и попадаетъ въ плотно закрытый кожухъ, во днѣ котораго есть выводной рукавъ, по немъ продуктъ проходитъ и сыплется въ мѣшокъ или другой пріемникъ. На дѣлѣ возникаетъ много различныхъ сложныхъ особенностей и обстоятельствъ, которыхъ мы не будемъ касаться, такъ какъ это относится къ спеціальности мукомольнаго производства, но нѣкоторыя важныя

условія нужно принять во вниманіе. При помолѣ могутъ быть разные способы, зерно можетъ быть размолото цѣликомъ, и получится изъ него только одинъ продуктъ: это будетъ простой помолъ, то есть такой, гдѣ всѣ отдѣльныя части зерна смѣшаны въ продуктѣ, и оболочка зерна, и крупа, и мякоть, словомъ — всѣ части зерна. Такимъ помоломъ мелется обыкновенно рожь въ Россіи. Потомъ, когда нужно испечь хлѣбъ, то отсѣиваютъ эту муку и отдѣляютъ отъ нея части оболочки. Это мука, которая приготовляется для мѣстнаго потребленія, которую сама хозяйка отсѣиваетъ при хлѣбопеченіи. Когда мука приготовлена для городского потребленія, то работа отсѣиванія совершается тамъ же, гдѣ и помолъ; поэтому, кромѣ простого помола муки, существуетъ еще раструсной, то есть такой, когда зерно раздѣляется по своимъ составнымъ частямъ. Чтобы частицы оболочки не мѣшались съ другими, ихъ нужно отдѣлить отъ зерна раньше чѣмъ молоть его на муку. При этомъ зерно, прежде чѣмъ пускать на жернова, очищаютъ отъ различнаго рода мелкихъ примѣсей, отъ пыли и отъ другихъ легковѣсныхъ частицъ. Эти легковѣсныя постороннія примѣси отдѣляютъ отъ зерна на большихъ вѣялкахъ, гдѣ при помощи различныхъ приспособленій создается вѣтеръ, который гонитъ сильную струю воздуха, отдѣляетъ легковѣсныя частицы, а зерно какъ болѣе тяжелое остается, но кромѣ того въ зернѣ остаются тяжеловѣсныя частицы, какъ мелкіе камешки и проч. Отъ нихъ зерно отдѣляется съ помощью отсѣиванія, то есть его пропускаютъ черезъ сита съ небольшими отверстіями и отдѣляютъ постороннія части, которыя остаются на ситѣ. Но и этого мало: здѣсь отдѣляется только посторонняя примѣсь, а нужно отдѣлить еще оболочку отъ зерна. Для этого употребляется особаго рода приспособленіе, такъ называемая обойка, приборъ, состоящій изъ двухъ коническихъ ситъ листоваго желѣза съ пробитыми отверстіями, свободно лежащихъ одно въ другомъ. Внутреннее сито вращается. Когда зерно попадаетъ между кривыми поверхностями, оно будетъ обдирать свою оболочку объ эти корявыя поверхности. Посредствомъ обдирки можно отдѣлить всю оболочку отъ зерна и все то, что къ зерну присохло. Такимъ образомъ, самыя малоцѣнныя части зерна, оболочки, отдѣляются. Потомъ, когда онѣ отдѣлены, зерно пускаютъ на помолъ и получаютъ только крупчатку и мякоть муки, а отрубяныхъ сортовъ не будетъ. Когда зерно размалывается, то при самомъ

выходѣ его стараются раздѣлить на отдѣльныя части. Рукавовъ дѣлается не одинъ, а нѣсколько, сдѣланныхъ изъ ситъ съ разной величины отверстіями, продуктъ тогда дѣлится на части. Въ одномъ будутъ оставаться болѣе крупныя частицы, въ другомъ мелкія и т. д. Такимъ образомъ получаются отдѣльные сорта. Въ первомъ продуктѣ получается мука, такая же какъ при простомъ размолѣ: это не крупчатка, не мякотная мука, а самыя мелкія частицы зерна съ примѣсью оболочекъ. Эта мука называется драная. Дальше получаются болѣе крупныя части, это крупка, а дальше мякоть. Потомъ эту крупку пускаютъ опять на размолъ, и на болѣе мелкія сита и получается крупчатая мука разнаго сорта. Такъ производится помолъ зерна. При помолѣ нужно знать очень много другихъ важныхъ особенностей. Вообще технологія мукомольнаго дѣла очень сложная вещь, и хорошій мукомолъ долженъ имѣть много практическаго знанія. Укажемъ самыя необходимыя свѣдѣнія, которыхъ нельзя забывать. Когда размалывается зерно, нужно принять во вниманіе сухость зерна. Зерно бываетъ разной сухости. Наши русскіе зерновые хлѣба обыкновенно поступаютъ на мельницы очень сухими. Въ нихъ не больше 13% влаги. Если такое сухое зерно пустимъ на помолъ, то можно много потерять вслѣдствіе прочнаго присыханія оболочки; его сначала нужно увлажнить въ извѣстной мѣрѣ, а если этого не сдѣлаемъ, то отъ него откалывается часть эндоспермы и уходитъ въ видѣ отрубей. Это обстоятельство нужно принять во вниманіе; зерно предварительно увлажняютъ, т. е. обрызгиваютъ водой для того, чтобы оболочка была болѣе упруга. Сколько смочить зерно, должно знать мукомоламъ, потому что при излишкѣ въ мукѣ будетъ много влаги, она начнетъ скоро портиться, а смочить мало—будетъ потеря цѣнныхъ частей зерна; яровые хлѣба смачиваютъ больше, чѣмъ озимые, потому что они суше, старое зерно больше, чѣмъ новое; зерно, которое высохло больше, смачиваютъ больше. При размолѣ получается иногда очень интересное явленіе, которое можетъ вызвать недоумѣніе. Когда размалывается зерно на водяной мельницѣ, то изъ одного передѣла (120 пуд. зерна), получится 123 пуда муки, а когда этотъ размолъ происходитъ на паровой мельницѣ, то вмѣсто 120 пуд. зерна получается 118 пуд., и 2 пуда теряется на распылъ; эта прибавка на самомъ дѣлѣ понятна: мука, которая выходитъ изъ водяныхъ мельницъ, болѣе влажна, чѣмъ зерно,

потому что впитываетъ изъ воздуха влагу; отсюда и прибавка въ вѣсѣ. При переработкѣ и раздѣленіи мучныхъ сортовъ пользуются самыми разнообразными приспособленіями, иногда очень сложными, и число разныхъ сортовъ, полученныхъ изъ зерна, чрезвычайно разнообразно. Обыкновенно, для раздѣленія пользуются плоскими горизонтальными ситами, есть шестигранныя и цилиндрическія сита, которыя вращаются такимъ образомъ, что мука въ нихъ передвигается, мелкія части высыпаются постепенно со всей поверхности, а крупныя уходятъ съ конца; или же есть неподвижныя сита, а внутри ихъ находятся щетки; когда мука сюда попадаетъ, онѣ ее протираютъ сквозь сита. Въ каждой странѣ примѣняются свои излюбленные способы помола муки и представляютъ собой особенныя отличія. Это можетъ служить признакомъ того, что въ мукомольномъ дѣлѣ всѣ эти техническіе вопросы очень разработаны и достигли высокой степени совершенства.

Мука состоитъ главнымъ образомъ изъ клейковины и крахмала и незначительнаго количества другихъ веществъ; если взять пшеничную муку, то въ ней 11 % клейковины, и 63% крахмала. Въ ржаной мукѣ клейковины меньше, 9% и при томъ худшаго качества, и около 58% крахмала; вмѣстѣ съ тѣмъ мука содержитъ извѣстное количество клѣтчатки и древесины; въ пшеничной мукѣ ея 2%, а въ ржаной 5%; значитъ ржаная мука будетъ во всѣхъ отношеніяхъ хуже пшеничной, грубѣе, такъ какъ содержитъ больше древесины; отъ этого и хлѣбъ ржаной болѣе грубый. Кромѣ этихъ веществъ, въ мукѣ есть нѣкоторыя примѣси постороннія; прежде всего будетъ песокъ, происшедшій отъ стиранія камней, въ общемъ небольшой %, около 0,5% въ пшеницѣ, а въ ржаной мукѣ около 0,8%. Воды въ мукѣ 17% въ среднемъ, а въ самомъ зернѣ % воды немного меньше, всего 12 — 13%. Въ мукѣ воды больше потому, что она болѣе гигроскопична, чѣмъ зерно; при 17% воды мука сохраняется хорошо, а если больше, то начинаетъ разлагаться и портиться. По количеству золы можно судить о различныхъ примѣсяхъ въ мукѣ. Если муку сжечь, то получится извѣстное количество золы, около 1—2%, а если больше, то вслѣдствіе примѣсей, которыхъ бываетъ иногда много, потому что мука продается на вѣсъ, и значитъ можно увеличить этотъ вѣсъ чѣмъ угодно. Если содержаніе золы большое, напр. до 10%, это указываетъ ясно на то, что мука фальсифицирована. Но иногда мука и естественно отличается по количе-

ству золы, такъ, напримѣръ, мука изъ отрубей. Въ нихъ и клейковины значительное количество, то есть 8 — 8,5 % потому что при размолѣ значительное количество эндоспермы отрывается вмѣстѣ съ оболочкой и попадаетъ сюда; крахмала не больше 26% и около 25% клѣтчатки и древесины, въ ней также больше и золы, не менѣе 5% (кремній изъ оболочекъ). Примѣси часто связаны съ качествами муки: мука можетъ быть слишкомъ влажная, вслѣдствіе этого клейковина расползается, теряетъ свою связность и при полученіи тѣста не разбухаетъ. Мука болѣе старая портится вслѣдствіе того, что въ ней появляются бактеріи. Иногда въ силу недостаточно внимательнаго храненія, иногда вслѣдствіе незнанія, какъ ее хранить, появляется плесень, мука становится негодной и теряетъ свою цѣну. Для того, чтобы придать клейковинѣ прежнія свойства, чтобы пріостановить процессъ разложенія къ мукѣ прибавляютъ квасцовъ, въ небольшомъ количествѣ, около 2%. Это вещество сравнительно невинное, оно помогаетъ клейковинѣ возстановить свою прежнюю вязкость, она становится болѣе годной для замѣшиванія тѣста, хорошо тянется. Для того, чтобы придать мукѣ болѣе бѣлый цвѣтъ, примѣшиваютъ гипсъ. Это съ одной стороны создаетъ извѣстное освѣтленіе муки, а съ другой стороны прибавляетъ вѣсъ. Мѣлъ нельзя прибавлять къ мукѣ, потому что онъ не измельчается на такія тонкія частицы, какъ гипсъ; онъ гораздо крупнѣе частицъ муки, и его легко обнаружить, а гипсъ въ этомъ отношеніи очень удобное вещество и очень часто примѣшивается къ мукѣ. Чтобы мука не портилась, чтобы пріостановить процесъ разложенія, начавшійся въ ней, прибавляютъ иногда извѣстное количество мѣднаго купороса, но это уже совсѣмъ плохая примѣсь, потому что мѣдный купоросъ довольно сильный ядъ; даже въ небольшомъ количествѣ онъ очень вредно отражается на здоровьѣ. Эти всѣ примѣси обнаруживаются анализомъ муки; если ее сжечь, то примѣси эти получаются въ золѣ, и путемъ различныхъ химическихъ способовъ ихъ можно въ золѣ узнать. Это одни способы фильсификаціи муки, которые обыкновенно бываютъ болѣе или менѣе вредны для здоровья. Кромѣ этихъ, можетъ быть много другихъ примѣсей не вредныхъ для здоровья и дѣлаемыхъ только для повышенія цѣнности муки. Могутъ, во первыхъ, къ мукѣ высшихъ сортовъ примѣшивать муку низшаго сорта; къ крупчатому сорту муки могутъ примѣшивать мякотную и драную

муку, чтобы прибавить имъ цѣну, но эти примѣси являются наименѣе раціональными для самихъ торговцевъ, потому что небольшое даже количество такихъ примѣсей понижаетъ цѣну всей муки; если эту примѣсь откроютъ въ мукѣ, а ее при покупкѣ большими количествами внимательно изслѣдуютъ и всегда въ концѣ концовъ откроютъ, то въ сущности выгода отъ такой примѣси не покроетъ общаго пониженія цѣны. Вмѣстѣ съ мукою могутъ быть и вредныя примѣси, напримѣръ спорынья; въ небольшомъ количествѣ оно не приноситъ особаго вреда; медицина признаетъ, что если въ мукѣ не много спорыньи, около $^1/_2\%$, то мука не вредна для здоровья.

Требуются извѣстные способы храненія муки. При влажности выше 17% она портится очень скоро, и порча эта выражается въ томъ, что мука начинаетъ комчиться, клейковина въ ней расползается, становится влажной, и частицы муки склеиваются вмѣстѣ, получаются комки муки; это указываетъ на то, что клейковина перешла въ полужидкое состояніе и склеиваетъ частицы муки, а дальше уже порча выражается въ томъ, что вся мука покрывается плѣсенью. Когда мука очень долго лежитъ, въ ней заводятся насѣкомыя, такъ называемый мучной червь; но этотъ видъ порчи наблюдается сравнительно рѣдко, чаще всего онъ бываетъ въ складахъ интенданства, гдѣ мука лежитъ по нѣсколько лѣтъ въ затхломъ и не провѣтриваемомъ помѣщеніи. При опредѣленіи состава муки главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на ея внѣшніе признаки. Во-первыхъ цвѣтъ имѣетъ значеніе для опредѣленія качествъ муки; чѣмъ мука бѣлѣе, тѣмъ менѣе въ ней наружныхъ частей зерна, оболочки, древесины и т. д. Для сравненія берутъ небольшое количество муки, покрываютъ его стекломъ и придавливаютъ, получается ровная, гладкая поверхность этого слоя муки, потомъ снимаютъ стекло и по серединѣ кладутъ другой муки, опять покрываютъ стекломъ и придавливаютъ, получается ровная, гладкая поверхность этого слоя муки, и сравниваютъ какая изъ нихъ бѣлѣе. Затѣмъ дѣлаютъ наоборотъ; ту муку, которая была въ серединѣ сначала, покрываютъ стекломъ, а по серединѣ кладутъ тотъ сортъ, который раньше былъ по краямъ, и опять опредѣляютъ цвѣтъ. Затѣмъ нѣкоторые пробуютъ на вкусъ. Тутъ уже нужно особое умѣнье и практическое знакомство; нѣкоторые умѣютъ даже цѣлую замѣску продѣлать во рту и опредѣляютъ до-

стоинство муки очень хорошо по свойствамъ того тѣста, которое получается. Но обыкновенно, когда пробуютъ муку на вкусъ, то стараются опредѣлить въ ней хрустъ, т. е. хруститъ ли она подъ зубами, нѣтъ ли въ ней песку. Дальше обращаютъ вниманіе на запахъ муки. Мука должна имѣть свѣжій запахъ, это зависитъ отъ того, что частицы муки содержатъ нѣсколько озону, а другой запахъ показываетъ извѣстную порчу. Такимъ способомъ опредѣляютъ муку на рынкѣ при продажѣ, но въ пекарнѣ стараются опредѣлить еще, на сколько она годится для того или другого издѣлія; обыкновенно пробуютъ ея клейковину. Клейковина должна быть тягучей, вязкой. Дѣлаютъ это такъ: берутъ сито или полотно съ небольшими дырочками и производятъ на немъ замѣску, то есть на двѣ части муки берутъ третью воды, смѣшиваютъ и получается тѣсто. Это тѣсто начинаютъ поливать водой и мѣсить дальше; весь крахмалъ муки съ водою уходитъ изъ этого сита, а остается чистая клейковина, и ее изслѣдуютъ растягиваніемъ, она должна дать длинныя, тонкія нити, тогда называется длинной клейковиной и указываетъ на то, что мука хороша, и хлѣба изъ нея получится больше. Есть и болѣе объективные способы, каковъ измѣритель Боланда. Для этого берется особый мѣдный цилиндръ, къ которому можно привинтить еще цилиндръ. Въ цилиндрѣ ходитъ поршень, а у этого поршня есть стержень; рядомъ со стержнемъ прикрѣплена скала, показывающая высоту поднятія. Берутъ клейковину или просто тѣсто, кладутъ въ нижній цилиндръ и начинаютъ его подогрѣвать съ помощью горячаго масла. Масло кипитъ при 200 гр. тепла, и когда аппаратъ разогрѣвается, клейковина начинаетъ подниматься и вмѣстѣ съ тѣмъ подымаетъ поршень, стержень котораго показываетъ на скалѣ степень подъема. Сравнивая нѣсколько сортовъ муки, мы получимъ указаніе, какая клейковина отличается большею вязкостью, какая меньшей. Таковы общія свойства муки, но эти свойства измѣнчивы по сортамъ продукта и по видамъ зерна. Наиболѣе важное зерно—пшеница. Изъ этого зерна получаются наиболѣе важные для человѣка сорта муки, и здѣсь получается больше всего этихъ сортовъ. Что касается способа размола и полученія различныхъ сортовъ зерновыхъ продуктовъ, то въ каждой странѣ производится особаго рода размолъ, который отличается отъ размола другихъ странъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ привычекъ населенія, спроса на извѣстные сорта, высоты

техники и т. д. При обдиркѣ зерна, для отдѣленія оболочки, получается т. н. *драная мука*, или „куличка"; она такъ называется не потому, что изъ нея дѣлаютъ куличи (на это нужна хорошая мука) а потому, что ее пакуютъ въ большіе кули; она отличается тѣмъ, что содержитъ большое количество клѣтчатки и мало питательна, называется также кормовой мукой, потому что служитъ для корма скота. Рядомъ съ этимъ сортомъ получаются отруби, которыя раздѣляются на крупныя и мелкія. Отрубь отличается тѣмъ, что содержитъ въ себѣ большое количество древесины и клѣтчатки. Далѣе зерно раздѣляется на крупку и мякоть; крупка— болѣе крупныя части, и представляетъ готовый продуктъ, идущій прямо въ пищу, такъ называемая манная крупа. Кромѣ того, изъ крупки получаются крупчатые сорта муки, обозначаемые нулями. Сорта крупчатой муки въ продажѣ отличаются и тѣмъ, что привозятся изъ извѣстныхъ районовъ, напримѣръ Елецкая мука, потому что въ каждомъ районѣ есть свои сорта и свои способы помола. Всѣ сорта крупчатые наиболѣе цѣнны; они идутъ для приготовленія хлѣба и отличаются высокимъ, питательнымъ качествомъ Мякотная мука имѣетъ сортовъ меньше, чѣмъ крупчатая. Эти сорта имѣютъ другой характеръ, очень тонкая мука, но менѣе питательна, бѣдна клейковиною и богата крахмаломъ. Для изготовленія хлѣба она не имѣетъ примѣненія, а только для кондиторскихъ издѣлій, которыя требуютъ, чтобы мука была тонкой и содержала много крахмала. Ржаной муки имѣется гораздо меньше сортовъ; здѣсь бываетъ простой помолъ зерна, и получается валовая мука изъ цѣлаго зерна, и потомъ есть обойная мука или обдирная; эта мука получается изъ такого зерна, которое предварительно лишено оболочки. Кромѣ того, отличаютъ еще петлеванную муку, или пеклеванную. Выходя изъ кожуха, такая мука проходитъ черезъ (петли) сѣтки, крупные продукты отходятъ, и остается болѣе тонкая и мелкая мука. Эта мука идетъ на печеніе ситнаго хлѣба, она довольно питательна и является высшимъ сортомъ. Муку дѣлаютъ и изъ другихъ зеренъ; такъ, есть ячменная мука, овсяная и другія въ небольшомъ количествѣ. Овсяная мука отличается тѣмъ, что въ ней нѣтъ клейковины, но за то много другихъ веществъ, которыя очень легко переходятъ въ киселеобразное состояніе, такъ что получается изъ этой муки кисель. Эта овсяная мука отличается очень большой питательностью, можетъ быть потому, что овсяные бѣлки мало отличаются по сво-

ему химическому составу отъ бѣлковъ животныхъ. Затѣмъ бываютъ сорта муки изъ другихъ растеній, не изъ злаковыхъ, а изъ бобовыхъ: напримѣръ, гороховая мука, затѣмъ бобовая, получаемая изъ бобовъ, чечевичная и нѣкот. друг. Всѣ эти сорта муки изъ бобовыхъ растеній отличаются тѣмъ, что содержатъ много бѣлковыхъ веществъ до 35%. Всѣ эти сорта используются чаще всего, чтобы улучшить составъ плохой муки, получаемой изъ злаковъ. Къ плохимъ сортамъ муки подмѣшиваютъ примѣсь изъ гороховой муки, бобовой, улучшаютъ ихъ питательность. Хотя это довольно плохая примѣсь, потому что плохо переваривается желудкомъ, но тѣмъ не менѣе увеличиваетъ питательность хлѣба, и для бѣдныхъ классовъ является иногда необходимой. Затѣмъ еще дѣлаютъ муку изъ вареннаго картофеля и прибавляютъ ее къ ржаной мукѣ для увеличенія количества хлѣба. У насъ въ голодные годы картофельная мука шла въ большомъ количествѣ на подмѣсь къ обыкновенной мукѣ. Затѣмъ идетъ гречневая мука; она содержитъ много крахмала, а клейковины въ ней нѣтъ. Она идетъ на различныя домашнія издѣлія, напр., изъ нея изготовляютъ блины, но на хлѣбъ не годится.

Кромѣ мукомольнаго производства, есть еще круподерное. Это производство имѣетъ цѣлью не размалывать зерна на самыя мелкія части, а оставлять въ болѣе крупномъ видѣ. Оно тоже очень важно и даетъ много разнообразныхъ сортовъ продукта. Пшеница даетъ манную крупу. Когда рожь еще не дозрѣла, ее можно подсушить и сдѣлать зеленую крупу. Каша изъ этой крупы отличается особымъ пріятнымъ ароматомъ и довольно вкусна. Кромѣ этихъ злаковъ, на крупу идетъ большое количество ячменя. Изъ него дѣлается такъ наз. перловая крупа. Перловая крупа можетъ быть сдѣлана и изъ пшеницы, но дѣлаютъ мало. Для полученія крупы жернова устанавливаютъ такъ, чтобы между ними было немного больше разстоянія, чтобы зерно не раскалывалось на части, а только съ него обдиралась оболочка. Кромѣ перловой крупы, изъ ячменя дѣлается ячная; эта крупа состоитъ изъ зеренъ ячменя, расколотыхъ на нѣсколько частей. Производится и овсяная крупа въ небольшомъ количествѣ. Всѣ „геркулесы“ и другія питательныя средства состоятъ главнымъ образомъ изъ овсяной крупы. Болѣе важное значеніе имѣетъ гречиха и просо для производства крупы. Гречиха даетъ нѣсколько сортовъ. Оболочка этого зерна послѣ подсушиванія легко отдѣля-

ется. Если эта крупа состоитъ изъ цѣльнаго зерна, съ котораго снята только оболочка, то называется ядрица или ядро. Если зерно раскалывается, то будетъ продѣльная крупа. Она болѣе мелка, чѣмъ ядрица. Затѣмъ получается еще болѣе мелкая, если раскалывается на болѣе мелкія части. Это—валовая крупа. Много крупы даетъ также просо. Зерно его бываетъ или съ большимъ или меньшимъ содержаніемъ бѣлковъ и въ связи съ этимъ болѣе или менѣе желтоватаго оттѣнка.

Всѣ зерновые продукты необходимо сохранять въ сухомъ помѣщеніи, въ которое не проникла бы сырость, и чтобы оно было свободно отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Подобныя же условія необходимы и для сохраненія муки. При этомъ муку нельзя плотно складывать, высокими ярусами, потому что отдѣльные мѣшки внизу отъ давленія могутъ легко разорваться. Поэтому всюду признано складывать не выше 5 ярусовъ одинъ надъ другимъ.

Связанное съ мукомольнымъ производствомъ другое — это хлѣбопеченіе, т. е. производство печева. Въ прежнія времена, когда человѣкъ не умѣлъ приготовлять изъ зерна муки, онъ не раздроблялъ его, хлѣба не пекъ, а ѣлъ зерно цѣльнымъ. Потомъ, навѣрное, стали размачивать зерно, и размоченное зерно, которое мягче немного, стали употреблять въ пищу. Въ такомъ видѣ зерно еще и теперь ѣдятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., пшено распаренное въ Туркестанѣ. Если при этомъ его нагрѣть немного, то зерно гораздо скорѣе пропитывается водой и становится еще болѣе годнымъ въ ѣду. Отсюда уже недалеко до того, чтобы начать размачивать въ водѣ не цѣльное зерно, а раньше раздроблять его на части, потому что оно легче тогда пропитывается водой, и чѣмъ мельче оно было раздроблено, тѣмъ легче его пропитывать водой и сдѣлать годнымъ для ѣды. Слѣдовательно, вопервыхъ появился хлѣбъ, который предоставляетъ собой сырое тѣсто; его еще не пекли, а размачивали муку въ водѣ, подсушивали и ѣли. Въ этомъ тѣстѣ, естественно, возникало броженіе, въ него попадали микроорганизмы изъ воздуха, тѣ самые, которые обусловливаютъ собою процессъ броженія, такъ что броженіе тѣста раньше получалось само собой, не зависимо отъ воли человѣка; потомъ уже, когда люди стали болѣе знакомы съ этимъ явленіемъ, они стали это броженіе производить искусственно, т. е. вводить закваску—дрожжи и т. д. вызывающіе броженія, и получалось не дикое броженіе, которое получается само собой, а

культурное, достигаемое введеніемъ спеціальныхъ микроорганизмовъ. Такъ началось приготовленіе хлѣба. При пользованіи броженіемъ, въ тѣстѣ получается не плотная масса тѣста, а пористая, потому что при броженіи развиваются различные газы, которые выдѣляются изъ тѣста, подымаютъ его, раздвигаютъ частицы тѣста, уходятъ прочь, и получается пористая масса, пригодная для приготовленія хлѣба. Самыми важными сортами муки являются два сорта,—пшеничная мука и ржаная. Пшеничная мука содержитъ въ себѣ больше клейковины, хлѣбъ изъ нея всегда наиболѣе питательный, наиболѣе удобоваримый и наиболѣе пористый. Ржаная мука идетъ почти исключительно на изготовленіе грубаго хлѣба. Для приготовленія хлѣба мука прежде всего должна быть смѣшана съ водой. Сама по себѣ она имѣетъ до 17% воды, но имѣетъ видъ вполнѣ сухой. Берутъ извѣстное количество воды, обыкновенно на девять пудовъ муки нужно не больше 6—6,5 пудовъ воды. Нужно имѣть въ виду, что когда пекутъ хлѣбъ, то извѣстное количество этой воды испаряется,—исчезнетъ приблизительно $^1/_2$ всей находящейся въ мукѣ воды, и останется около 45%. Вся вмѣстѣ вода представляетъ собой около 85%, изъ нея остается около 40% послѣ печенія. Эта лишняя вода, которая остается въ хлѣбѣ, является извѣстной прибавкой въ мукѣ и называется припекомъ, такъ что хлѣба получается всегда больше по вѣсу, чѣмъ было употреблено муки. Количество припека бываетъ разнообразно и зависитъ отъ характера клейковины въ зернѣ. Отъ воды клейковина становится разбухшей и держитъ воду довольно прочно, такъ что даже при сильномъ нагрѣваніи не отдастъ. Хорошая клейковина больше удержитъ воды во время печенія хлѣба, а плохая гораздо меньше, и припеку получится меньше. Всякая мука съ хорошей клейковиной для печенія всегда выгоднѣй, потому что больше воды можно пустить въ употребленіе. Плохая мука съ плохой клейковиной даетъ мало припеку и менѣе доходна при хлѣбопеченіи. Чѣмъ больше воды находится въ самой мукѣ, тѣмъ меньше она возьметъ при хлѣбопеченіи; когда въ мукѣ 17% воды, то нужно при печеніи прибавить гораздо больше; если въ мукѣ 20%, то она возьметъ гораздо меньше воды. Это опять таки большая разница при полученіи припека, и опредѣляетъ достоинство разныхъ составовъ муки для хлѣбопеченія.

Черный хлѣбъ производится разными способами, на дрожжахъ и на закваскѣ. Закваска—остатокъ стараго, бродившаго тѣста, который содержитъ въ себѣ тѣ же микроорганизмы, которые вызываютъ броженіе тѣста. Послѣ того какъ хлѣбъ вымѣшанъ, остатки его собираются въ одинъ комокъ, этотъ комокъ посыпаютъ мукой и такъ оставляютъ до будущаго печенія. Этотъ остатокъ содержитъ кромѣ бродильныхъ микроорганизмовъ, еще и другія бактеріи, которыя не помогаютъ тѣсту бродить, даже тѣсто портятъ, дѣлаютъ его кислымъ. У насъ главнымъ образомъ пекутъ ржаной хлѣбъ на закваскѣ, а на западѣ исключительно на дрожжахъ. Лишніе микроорганизмы и бактеріи, получаемые изъ воздуха и совершенно не нужные для броженія, даютъ кислоты: уксусную, масляную. Поэтому, хлѣбъ на закваскѣ бываетъ обыкновенно кислый, отъ примѣси кислотъ.

При печеніи чернаго хлѣба на закваскѣ, это дѣлаютъ обыкновенно такъ: комокъ закваски, который остается отъ прошлаго разчина, разводятъ тепловатой водой, не болѣе 25°, чтобы оживить броженіе. Когда это сдѣлано, насыпаютъ въ дижу муки, половину того, сколько идетъ на приготовленіе всей выпечки хлѣба, перемѣшиваютъ съ закваской и оставляютъ на нѣкоторое время, часовъ приблизительно на 8; обыкновенно въ теченіи восьми часовъ тѣсто всходитъ. Когда начинается броженіе этого тѣста, оно подымается, вслѣдствіе образованія углекислоты. Черезъ опредѣленное время всыпаютъ въ дижу и вторую часть муки и оставляютъ на второе броженіе; тогда уже бродитъ вся масса вмѣстѣ, и чрезъ нѣкоторое время получается готовое, перебродившее тѣсто. Его вынимаютъ большими кусками, которые называются кормаями, фунтовъ по двадцать пять. Мѣсятъ тѣсто различнымъ образомъ: если печется большое количество тѣста, то обыкновенно мѣсятъ руками, въ большихъ мѣсильняхъ мѣсятъ его ногами, а самое лучшее механич. мѣсильни — они не особенно дорого стоятъ и во всякомъ случаѣ чище, чѣмъ всѣ другія способы. Эти каравai формуются, и получаются хлѣбы той или другой формы; они или прямо кладутся въ печь, или въ различныхъ формахъ, а формы бываютъ самыя разнообразныя: цилиндрическія, плоскія, круглыя. Готовое тѣсто нужно испечь, то есть сильно нагрѣть. Это нагрѣваніе имѣетъ цѣлью сообщить ему прочность, потому что и то тѣсто можно ѣсть, но только это сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами. Прежде всего, оно жидко и въ такомъ

культурное, достигаемое введеніемъ спеціальныхъ микроорганизмовъ. Такъ началось приготовленіе хлѣба. При пользованіи броженіемъ, въ тѣстѣ получается не плотная масса тѣста, а пористая, потому что при броженіи развиваются различные газы, которые выдѣляются изъ тѣста, подымаютъ его, раздвигаютъ частицы тѣста, уходятъ прочь, и получается пористая масса, пригодная для приготовленія хлѣба. Самыми важными сортами муки являются два сорта,—пшеничная мука и ржаная. Пшеничная мука содержитъ въ себѣ больше клейковины, хлѣбъ изъ нея всегда наиболѣе питательный, наиболѣе удобоваримый и наиболѣе пористый. Ржаная мука идетъ почти исключительно на изготовленіе грубаго хлѣба. Для приготовленія хлѣба мука прежде всего должна быть смѣшана съ водой. Сама по себѣ она имѣетъ до 17% воды, но имѣетъ видъ вполнѣ сухой. Берутъ извѣстное количество воды, обыкновенно на девять пудовъ муки нужно не больше 6—6,5 пудовъ воды. Нужно имѣть въ виду, что когда пекутъ хлѣбъ, то извѣстное количество этой воды испаряется,—исчезнетъ приблизительно $^1/_2$ всей находящейся въ мукѣ воды, и останется около 45%. Вся вмѣстѣ вода представляетъ собой около 85%, изъ нея остается около 40% послѣ печенія. Эта лишняя вода, которая остается въ хлѣбѣ, является извѣстной прибавкой въ мукѣ и называется припекомъ, такъ что хлѣба получается всегда больше по вѣсу, чѣмъ было употреблено муки. Количество припека бываетъ разнообразно и зависитъ отъ характера клейковины въ зернѣ. Отъ воды клейковина становится разбухшей и держитъ воду довольно прочно, такъ что даже при сильномъ нагрѣваніи не отдаетъ. Хорошая клейковина больше удержитъ воды во время печенія хлѣба, а плохая гораздо меньше, и припеку получится меньше. Всякая мука съ хорошей клейковиной для печенія всегда выгоднѣй, потому что больше воды можно пустить въ употребленіе. Плохая мука съ плохой клейковиной даетъ мало припеку и менѣе доходна при хлѣбопеченіи. Чѣмъ больше воды находится въ самой мукѣ, тѣмъ меньше она возьметъ при хлѣбопеченіи; когда въ мукѣ 17% воды, то нужно при печеніи прибавить гораздо больше; если въ мукѣ 20%, то она возьметъ гораздо меньше воды. Это опять таки большая разница при полученіи припека, и опредѣляетъ достоинство разныхъ составовъ муки для хлѣбопеченія.

Черный хлѣбъ производится разными способами, на дрожжахъ и на закваскѣ. Закваска—остатокъ стараго, бродившаго тѣста, который содержитъ въ себѣ тѣ же микроорганизмы, которые вызываютъ броженіе тѣста. Послѣ того какъ хлѣбъ вымѣшанъ, остатки его собираются въ одинъ комокъ, этотъ комокъ посыпаютъ мукой и такъ оставляютъ до будущаго печенія. Этотъ остатокъ содержитъ кромѣ бродильныхъ микроорганизмовъ, еще и другія бактеріи, которыя не помогаютъ тѣсту бродить, даже тѣсто портятъ, дѣлаютъ его кислымъ. У насъ главнымъ образомъ пекутъ ржаной хлѣбъ на закваскѣ, а на западѣ исключительно на дрожжахъ. Лишніе микроорганизмы и бактеріи, получаемые изъ воздуха и совершенно не нужные для броженія, даютъ кислоты: уксусную, масляную. Поэтому, хлѣбъ на закваскѣ бываетъ обыкновенно кислый, отъ примѣси кислотъ.

При печеніи чернаго хлѣба на закваскѣ, это дѣлаютъ обыкновенно такъ: комокъ закваски, который остается отъ прошлаго разчина, разводятъ тепловатой водой, не болѣе 25°, чтобы оживить броженіе. Когда это сдѣлано, насыпаютъ въ дижу муки, половину того, сколько идетъ на приготовленіе всей выпечки хлѣба, перемѣшиваютъ съ закваской и оставляютъ на нѣкоторое время, часовъ приблизительно на 8; обыкновенно въ теченіи восьми часовъ тѣсто всходитъ. Когда начинается броженіе этого тѣста, оно подымается, вслѣдствіе образованія углекислоты. Черезъ опредѣленное время всыпаютъ въ дижу и вторую часть муки и оставляютъ на второе броженіе; тогда уже бродитъ вся масса вмѣстѣ, и чрезъ нѣкоторое время получается готовое, перебродившее тѣсто. Его вынимаютъ большими кусками, которые называются коровами, фунтовъ по двадцать пять. Мѣсятъ тѣсто различнымъ образомъ: если печется большое количество тѣста, то обыкновенно мѣсятъ руками, въ большихъ мѣсильняхъ мѣсятъ его ногами, а самое лучшее механич. мѣсильни — они не особенно дорого стоятъ и во всякомъ случаѣ чище, чѣмъ всѣ другія способы. Эти каравai формуются, и получаются хлѣбы той или другой формы; они или прямо кладутся въ печь, или въ различныхъ формахъ, а формы бываютъ самыя разнообразныя: цилиндрическія, плоскія, круглыя. Готовое тѣсто нужно испечь, то есть сильно нагрѣть. Это нагрѣваніе имѣетъ цѣлью сообщить ему прочность, потому что и то тѣсто можно ѣсть, но только это сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами. Прежде всего, оно жидко и въ такомъ

видѣ не удобно для ѣды; послѣ печенія оно выходитъ болѣе или менѣе твердымъ и легко разламывается на части; затѣмъ, оно не здорово, потому что содержитъ въ себѣ много бактерій, и если его ѣсть въ такомъ видѣ, то броженіе можетъ продолжаться въ желудкѣ. При печеніи всѣ бактеріи погибаютъ, и печеніе имѣетъ значеніе стерилизаціи. Кромѣ того, тѣсто содержитъ много воды, и эту воду надо испарить. Для этого тѣсто помѣщаютъ въ печь. Печи бываютъ въ видѣ небольшихъ закрытыхъ помѣщеній, температура которыхъ должна быть строго регулируема, чтобы получить вполнѣ опредѣленное нагрѣваніе, чтобы осталось опредѣленное количество припеку, и образовалась опредѣленной толщины корка. Температура самаго печева должна достигать не менѣе ста градусовъ, а наружная температура до 180 градусовъ. Наружная температура всегда бываетъ больше, чѣмъ внутри самаго хлѣба. ибо корка не допускаетъ сильнаго нагрѣванія внутри: Вода испаряется не вездѣ одинаково: съ наружной части хлѣба испаряется очень быстро, отъ этого подсыхаетъ корка (наружная оболочка хлѣба); она содержитъ въ себѣ воды гораздо меньше, чѣмъ самый хлѣбъ, не больше 37% воды, а внутри вода не такъ быстро испаряется, и ея остается больше, 45% воды. При печеніи необходимо очень строго регулировать температуру печи; если печь холодна, менѣе 10^0, а она плохо печетъ, нагрѣваніе тѣста идетъ слабо, наружная корка образуется не толстая, а слабая. Тогда внутри каравая пары все же образуются въ большомъ количествѣ, они выходятъ съ силою наружу, и получаются разрывы корки, что очень не желательно для продажи. Напротивъ, если печь нагрѣта выше, чѣмъ нужно, то на печевѣ сразу образуется толстая корка, которая не пропускаетъ внутреннихъ паровъ, внутри хлѣба остается много воды, хлѣбъ получается сырымъ, и припеку будетъ слишкомъ много. Если температура печи слишкомъ велика, ее понижаютъ разными способами: опрыскиваютъ водой печной подъ или открываютъ притокъ свѣжаго воздуха. Нужно быть спеціалистомъ, чтобы все это знать, какія нужны приспособленія, и въ какомъ порядкѣ все дѣлать. Въ зависимости отъ температуры бываетъ то, или другое отношеніе корки къ мякишу. Обыкновенное отношеніе должно быть такое, чтобы корки было 30%, а мякиша 70%. Припекъ бываетъ тоже различный. Хорошій припекъ считается въ 27%: на 100 фунтовъ муки получается 27 ф. припеку. Но иногда бываетъ больше припеку, такъ въ томъ хлѣбѣ, которые пекутъ для солдатъ, припека

бываетъ 33%, а иногда даже 39%. Въ коркѣ происходятъ дополнительные химическіе процессы, образуется декстринъ и пригорѣлые продукты. Отъ нихъ корка имѣетъ сладкій вкусъ и ароматъ. Такимъ образомъ получается хлѣбъ на кислой закваскѣ. Онъ отличается кислымъ вкусомъ, потому что въ этой закваскѣ есть—кромѣ дрожжей, необходимыхъ для броженія, бактеріи—образователи кислотъ. Этотъ кислый хлѣбъ настолько привыченъ, что многіе его считаютъ вкуснымъ. Хлѣбопеченіе на закваскѣ ведется главнымъ образомъ въ домашнемъ печеніи, въ деревняхъ. Въ городахъ для рынка обыкновенно хлѣбопеченіе ведется на дрожжахъ. Изготовлять его на закваскѣ не удобно потому, что закваски требуется большое количество,—иначе процессъ броженія идетъ очень медленно; нужно не менѣе одной тридцатой части. Это, конечно, не представляетъ большого затрудненія, если печь не много хлѣба. Если печется 30 фунтовъ, то нужно 1 фунтъ закваски, но если хлѣбъ печется изъ 30 пудовъ, то тутъ уже закваски нуженъ цѣлый пудъ: неудобно обращаться съ такимъ большимъ количествомъ. Поэтому въ городахъ, и вообще тамъ, гдѣ печется хлѣба много, перешли отъ закваски къ дрожжамъ, которыя даютъ возможность вести печеніе хлѣба съ меньшими неудобствами. Процессъ броженія получается при этомъ тотъ же самый; разница здѣсь только та, что легче подготовлять хлѣбъ для печенія. Для этого берутъ не половинное количество муки, а все количество, смѣшиваютъ съ водою, вливаютъ туда разболтанныя дрожжи, и начинается броженіе тѣста. Что касается бѣлаго хлѣба, то здѣсь большое разнообразіе въ приготовленіи, т. к. бѣлый хлѣбъ бываетъ очень разнообразный и многихъ сортовъ. Принципы печенія этого хлѣба тѣ же самые, но въ способѣ приготовленія много различныхъ особенностей вслѣдствіе разнообразія получаемыхъ продуктовъ. Одни сорта этого хлѣба бываютъ съ толстой коркой, другіе съ тонкой, съ различными примѣсями и т. д. Здѣсь нужно обращать больше вниманіе на дѣйствіе печи. Самые способы приготовленія тѣста бываютъ различные. Вообще же можно раздѣлить всѣ виды этого хлѣба на два разряда: простое печево, обыкновенный хлѣбъ, и крутое печево. Тѣсто поэтому можно приготовлять прѣсное и заварное. Послѣднее отличается тѣмъ, что для приготовленія берутъ воды мало: на 1 часть муки берутъ 2 части воды,—значитъ, тѣсто будетъ круче замѣшиваться. Его пекутъ особымъ образомъ, который отличается тѣмъ, что его не долго оставляютъ въ печи. Для того, чтобы то количество клейко-

вины, которое заключается въ мукѣ, могло принять въ себя равномѣрно эти двѣ части воды, муку нельзя разводить холодной водой, потому что тогда для всей муки не достанетъ воды. Поэтому разводятъ горячей водой, кипяткомъ,—тогда только вся мука пропитывается водой, которая затѣмъ прочно въ тѣстѣ держится. Такое тѣсто называется заварнымъ тѣстомъ. Изъ заварного тѣста получаются всѣ тѣ произведенія, которыя очень медленно измѣняются и долго не черствѣютъ: московскія сайки. Еще болѣе крутое тѣсто получается, когда къ нему воды примѣшиваютъ еще меньше: 1 часть воды на одну часть муки; такое тѣсто даетъ произведенія самыя прочныя: различныя баранки и бублики получаются изъ этого тѣста. Они могутъ лежать цѣлый мѣсяцъ, оставаясь свѣжими. Съ теченіемъ времени всякія пекарныя произведенія теряютъ свою свѣжесть, т. е. теряютъ воду, и соотношеніе клейковины съ водой измѣняется, хлѣбъ становится черствымъ. Этотъ процессъ самъ по себѣ мало извѣстенъ. Мы не знаемъ, что здѣсь происходитъ, теряетъ ли только печево воду или происходитъ какое нибудь другое перемѣщеніе частицъ,—не извѣстно. Извѣстно что если зачерствѣйшій хлѣбъ нагрѣть, въ закрытомъ помѣщеніи, то онъ опять въ теченіе извѣстнаго времени будетъ имѣть свою свѣжесть, только не надолго. Это показываетъ, что здѣсь дѣло не въ одномъ высыханіи, а въ какомъ—то другомъ процессѣ.

Сахарное производство.

Теперь надо остановиться еще на одномъ важномъ продуктѣ, который добывается изъ растеній, а именно на сахарѣ. Это вещество представляется въ видѣ зернистаго бѣлаго твердаго тѣла. Сахаръ состоитъ изъ углерода, кислорода и водорода, въ составѣ углерода 12 частей, водорода 22 части, кислорода 11 частей. Сахаръ по составу своему представляется какъ бы двойнымъ составомъ глюкозы, съ отчисленіемъ 1 части воды. Онъ отличается твердостью, бѣлымъ цвѣтомъ и сладкимъ вкусомъ. Это наиболѣе сладкое вещество изъ всѣхъ веществъ, какія добываются изъ растенія, находится почти во всѣхъ растеніяхъ, но въ разныхъ количествахъ. Въ большинствѣ растеній содержаніе сахара самое незначительное; въ нѣкоторыхъ наиболѣе богатыхъ сахаромъ растеніяхъ, оно составляетъ 15, 16 и болѣе, до 20%. Наибольшее количество сахару встрѣчается въ трехъ различныхъ растеніяхъ, изъ которыхъ и добывается сахаръ. Первое растеніе это—сахарный тростникъ, который растетъ въ

тропическихъ странахъ, на Антильскихъ островахъ, на островѣ Кубѣ и Сандвичевыхъ островахъ. Сахаръ добывается изъ тростника гораздо лучше и дешевле, чѣмъ изъ свеклы, но т. к. тростника разводится мало, то и сахару добывается мало, и онъ весь потребляется на мѣстѣ, въ Европу не вывозится въ большомъ количествѣ, хотя раньше Европа получала сахаръ главнымъ образомъ тростниковый. Вслѣдствіе того, что этого сахару получалось мало, въ Европѣ съ давнихъ поръ было стремленіе имѣть сахаръ какимъ-нибудь другимъ способомъ, найти на мѣстѣ такое растеніе, изъ котораго можно было бы получать сахаръ. Такимъ растеніемъ оказалась свекла. Путемъ отбора и улучшенія постепенно было повышено содержаніе сахару въ свеклѣ, и теперь мы имѣемъ сахарную свеклу, которая содержитъ въ себѣ отъ 15 до 20% сахару. Сахарная свекла многимъ отличается отъ обыкновенной, имѣетъ форму очень коническую; форма эта получилась путемъ культуры. Вообще внѣшній видъ сахарной свеклы имѣетъ много своихъ особенностей, по которымъ ее легко отличить отъ простой. Корень свеклы въ поперечномъ разрѣзѣ представляетъ рядъ концентрическихъ колецъ; этихъ колецъ въ свеклѣ бываетъ много, не менѣе шести, а иногда и больше, до одинадцати. Каждое такое кольцо состоитъ изъ древесинныхъ сосудовъ, трубочекъ, которыя идутъ сверху внизъ и представляютъ собою въ разрѣзѣ рядъ кружечковъ; около нихъ въ большомъ количествѣ расположена паренхима; древесинныя трубочки лежатъ рядами, имѣютъ толстыя стѣнки и внутри пусты, а около нихъ мелкія клѣтки паренхимы. Въ этихъ клѣткахъ заключается растворъ сахара. Расположенная по стѣнкамъ плазма не пускаетъ сахаръ изъ клѣтокъ, пока сама остается живою. Въ растворѣ сахару бываетъ различное количество. Чѣмъ дальше отъ сосудовъ лежитъ клѣтка и чѣмъ она крупнѣе, тѣмъ сахару въ ней меньше. Если мы убьемъ плазму клѣтки, напр., сварим свеклу, тогда сахаръ освобождается и выходитъ путемъ выжиманія и выщелачиванія. Изъ живой свеклы при самыхъ большихъ усиліяхъ можно выжать не больше 2% сахару, а все остальное останется въ свеклѣ. Хлороформъ тоже можетъ убить плазму, т. к. дѣйствуетъ одинаково и на растительные организмы. Итакъ каждое кольцо состоитъ изъ отдѣльныхъ островковъ такихъ клѣточекъ, и каждый островокъ является складомъ, сахара; весь корень состоитъ изъ такихъ отдѣльныхъ маленькихъ складовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой запасъ. Чѣмъ больше мелкихъ клѣтокъ въ свеклѣ,

тѣмъ больше въ ней и сахару. Если въ корнѣ свеклы только крупныя клѣтки, то такая свекла не выгодна для полученія сахару изъ нея. Отсюда уже можно сдѣлать заключеніе, гдѣ сахару меньше и гдѣ больше, смотря по строенію корня свеклы. Тѣ сорта свеклы, у которыхъ много колецъ, богаче сахаромъ. Затѣмъ, всякій корень, у котораго кольца расположены ближе другъ къ другу, тоже будетъ болѣе сахаристымъ, потому что мелкихъ клѣточекъ будетъ относительно больше, а чѣмъ мельче клѣтки, тѣмъ они сахаристѣе. Слѣдовательно, наилучшимъ будетъ тотъ корень свеклы, у котораго колецъ больше и кольца эти будутъ сближены другъ къ другу.—Это слѣдуетъ отмѣтить. Хорошій корень свеклы долженъ бы имѣть форму вродѣ цилиндра съ маленькимъ хвостикомъ, потому что онъ заключалъ бы въ себѣ больше сахару, но природа такого построенія не можетъ дать, и получить путемъ культуры свеклы такой формы нельзя. И мы довольствуемся конической формой корня. Въ этой формѣ малоцѣнными являются хвостикъ корня и часть головы. Двѣ формы сейчасъ являются господствующими въ свеклосахарномъ производствѣ: одна съ вогнутыми боками, а другая—грушевидная. 1-я форма, созданная въ Клейнванцлебенѣ, (есть такое мѣсто въ Германіи около Магдебурга), а 2-ая форма была выведена французскимъ хозяиномъ Вильмореномъ и называется: свекла вильморенъ. Эта 2-я форма свеклы содержитъ въ себѣ больше сахару и болѣе выгодна для производства, но только она развивается при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, свекла болѣе деликатна и требуетъ болѣе теплаго климата, довольно много влаги и т. д. Въ средней Европѣ она развивается съ успѣхомъ, но во многихъ другихъ мѣстахъ климатическія условія для нея не подходящи, и разводить ее нельзя. У насъ, въ Россіи, высѣвается главнымъ образомъ, свекла Клейнванцлебенъ. Она въ различныхъ мѣстностяхъ имѣетъ свои особенности, но все это въ сущности—одна и та же свекла. Разводится она у насъ потому, что является при нашемъ климатѣ наиболѣе урожайной. Воздѣлывается сахарная свекла на довольно большихъ площадяхъ и требуетъ спеціальной культуры. Въ Россіи сахарные заводы распространены въ южныхъ частяхъ ея, въ юго-западномъ краѣ главнымъ образомъ, потому что свекла хорошо растетъ только при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, требуетъ довольно теплаго климата и много влаги. Если же условія для нея не благопріятны, выпадаетъ мало влаги, то она

растетъ плохо и дохода приносить не можетъ, и выгоднѣе замѣнить ее другими культурами. У насъ уменьшеніе дождевой влаги наблюдается по мѣрѣ удаленія съ запада на востокъ, и въ этомъ же направленіи уменьшается площадь свеклы. Больше ея воздѣлывается у насъ въ юго-западномъ краѣ; въ Заднѣпровьи, Черниговской, Полтавской и др. губерніяхъ уже меньше, а въ Воронежской губерніи встрѣчаются только единичные заводы. Дальше на востокъ урожайность свеклы совсѣмъ плохая, и ея почти не воздѣлываютъ. Если сравнить урожай свеклы въ юго-западномъ краѣ съ урожаемъ въ Воронежской губерніи, то увидимъ слѣдующее. Въ то время, когда здѣсь мы имѣемъ средній урожай 1200 пудовъ свеклы или 100 берковцевъ, въ Воронежской губерніи получается не больше 800 пудовъ. Стоимость производства сахара тамъ обойдется дороже, значитъ, и воздѣлываніе ея не удобно. Въ западной Европѣ повсюду разцвѣло свеклосахарное производство: въ Германіи, Франціи, Италіи, и даже въ Испаніи, хотя въ Испаніи производство свеклы находится въ связи съ мѣстными хозяйственными условіями. Тамъ тростниковый сахаръ можно получать дешевле, но ввиду того что сахарная свекла производитъ извѣстное культурное вліяніе на все мѣстное хозяйство,ее тамъ разводятъ. Вообще же говоря, полученіе сахару изъ сахарной свеклы не такая ужъ прочная вещь, какъ кажется многимъ сахарозаводчикамъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время слишкомъ мало разводятъ еще сахарнаго тростника, который и дешевле обходится, и гораздо проще даетъ сахаръ чѣмъ свекла, и еслибы можно было тростника больше насадить, то тростниковый сахаръ обошелся бы въ $1^1/_2$ раза дешевле, чѣмъ свекловичный. Весь тотъ сахаръ, который получается изъ тростника, потребляется на мѣстѣ, но еслибы его стали больше разводить, то европейскому сахарному производству грозила бы опасность, и въ послѣднее время эта опасность усилилась, потому что послѣ того, какъ окончилась Испано-Американская война, и островитянами Кубы отвоевана независимость, тамъ замѣчается подъемъ хозяйства вообще, и тростника стали разводить значительно больше; нужно разсчитывать, что черезъ нѣсколько десятилѣтій, когда американскіе капиталисты придутъ туда съ своими капиталами, культура тростника сильно разовьется и можетъ нанести сильный ударъ нашему свеклосахарному производству. Онъ дастъ и болѣе дешевый и болѣе желательный сахаръ, потому что тростниковый сахаръ

отличается особымъ пріятнымъ ароматомъ, и вообще является лучшимъ сахаромъ, чѣмъ свекловичный. Его можно достать насъ у подъ названіемъ постнаго сахару. Онъ продается круглыми кусками, какъ бы тарелками, и вообще пріятнѣе свекловичнаго сахара, хотя онъ не такъ чистъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя примѣси, органическія и минеральныя.

Свекловичный корень содержитъ 75% воды, около 17% сахару, 2% другихъ органическихъ веществъ — бѣлковъ и проч., 4% древесины и клѣтчатки и $1^1/_2$% золы. — Изъ этихъ 17% не весь сахаръ сполна извлекается, а останется 1%, по трудности отдѣленія. Чтобы получить эти 16% сахару изъ корня, нужно произвести довольно сложныя манипуляціи. Изъ живого корня сахару получить нельзя, потому что его держитъ плазма. Нужно, значитъ, привести корень въ такое состояніе, чтобы плазма отдала его. Прежде поступали для этого очень просто: сначала разрѣзали корень на мелкія части такъ, чтобы разрѣзать клѣтки, а потомъ его выжимали. Значитъ, нужно было разрѣзать каждую клѣточку пополамъ, чтобы можно было выжать изъ нея сахаръ. Но этимъ способомъ сахаръ получился далеко не весь, т. к. каждую клѣточку разрѣзать нельзя, и онъ оставался въ неразрѣзанныхъ клѣткахъ. Поэтому обратились къ другому способу извлеченія сахара, посредствомъ диффузіи. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что сахаръ вымываютъ водой изъ клѣточекъ. Для этого поступаютъ такъ: разрѣзанную стружку свеклы наливаютъ горячей водой. Сахаръ изъ убитыхъ клѣтокъ, по закону диффузіи, переходитъ въ воду. Законъ диффузіи состоитъ въ томъ, что если двѣ жидкости отдѣлены тонкой перепонкой, то онѣ постепенно смѣшиваются и становятся одинаковыми по составу. Такъ и здѣсь, сахаръ изъ клѣточекъ постепенно перейдетъ въ воду, и растворъ сахара получится одинаковый, какъ снаружи, такъ и внутри клѣточекъ. Этотъ растворъ спускаютъ и даютъ опять свѣжую воду, она опять отниметъ отсюда немного сахару; способъ, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, что добавляется постепенно новое и новое количество чистой воды, которая и возьметъ постепенно весь сахаръ, на чемъ и основано производство.

Самая культура свеклы стоитъ дорого потому, что это очень требовательное и капризное растеніе, требуетъ постояннаго ухода за собою во время произрастанія, а такъ какъ растетъ медленно, втеченіе мѣсяцевъ 6, то все это время требуетъ постояннаго на-

пряженнаго труда. При культурѣ употребляются различныя, дорого стоющія орудія, напр., при посѣвѣ зерна, которыя во все остальное время остаются незанятыми. Слѣдовательно °/о °/о на затраченный капиталъ очень крупные. Все это удорожаетъ производство. Затѣмъ бываютъ такія обстоятельства, которыя вредно отзываются на растеніи, такъ что получается меньшій доходъ. Въ настоящее время обработка одной десятины свеклы въ среднемъ обходится въ 115 рублей, а такъ какъ съ десятины при порядочномъ урожаѣ можно получить 1200 пудовъ свеклы, то, приблизительно, одинъ пудъ свеклы обойдется почти что 10 коп., 12 пуд., или берковецъ, которымъ свекла считается на заводахъ, обходится хозяину или плантатору въ 1 р. 20 к. А заводъ принимаетъ ее по 1 р. 30 к., 1 р. 40 к., въ крайнемъ случаѣ по 1 р. 50 к. и рѣдко выше. Значитъ, выгода получается очень незначительная—коп. 20 на берковецъ, или рублей 20 на десятину. Это—доходъ не большой; многія растенія даютъ больше. Поэтому производить свеклу въ настоящее время не особенно выгодно, но раньше, лѣтъ 40—30 тому назадъ, было гораздо выгоднѣе, потому что рабочія руки были дешевле. Теперь, во время усиленныхъ работъ, рабочій оплачивается по 70 к. въ день на полномъ содержаніи. При такихъ условіяхъ воздѣлываніе свеклы, которая требуетъ очень много труда, обходится дорого, и культура свеклы не выгодна. А въ былыя времена, когда рабочимъ платили коп. по 25 въ день, обработка одной десятины стоила не дороже 70 руб. Тогда можно было получить съ одной десятины руб. 50 чистаго дохода. Поэтому можно замѣтить, что культура свеклы постепенно теряетъ свой прежній характеръ. Раньше свеклу воздѣлывали въ хозяйствахъ, а теперь такое воздѣлываніе хозяйственнымъ способомъ становится слишкомъ не выгодно, потому что свекла требуетъ слишкомъ много рабочихъ рукъ и хлопотъ и даетъ очень малый чистый доходъ. Воздѣлываніе свеклы въ хозяйствѣ является довольно невыгоднымъ и для общаго хода хозяйства, потому что сама свекла хотя и даетъ извѣстный доходъ, отвлекаетъ вниманіе и силы отъ всего прочаго хозяйства. Поэтому она перешла въ настоящее время изъ рукъ хозяевъ въ руки спеціальныхъ плантаторовъ, которые берутъ участки земли въ аренду и сѣютъ свеклу на рискъ. Получается доходъ,—тогда онъ продолжаетъ и на другой годъ, а получается убытокъ, бросаетъ на второй годъ и часто теряетъ весь свой капиталъ, вложенный въ это предпріятіе. Сахарные заводы или товарищества приходятъ

какъ бы на помощь предпринимателямъ, культивирующимъ свеклу и даютъ извѣстныя суммы денегъ впередъ, авансы, подъ культуру свеклы. Если считать, что нужно 120 руб. на десятину свеклы, то эта сумма распредѣляется такъ: на возку свеклы необходимо 30 руб. на десятину. Эта сумма колеблется въ зависимости разстоянія плантаціи отъ завода. Потомъ копка свеклы обходится тоже разно. Въ среднемъ ее нужно считать руб. въ 15. Такимъ образомъ, на возку и копку свеклы нужно считать въ среднемъ руб. 45. Эти деньги будутъ нужны, когда свекла уже готовая, и можно получить съ завода. Остается, значитъ, руб. 70 на десятину, которые нужно вложить во время вспашки, посѣва и т. д. Изъ нихъ заводъ обыкновенно выдаетъ руб. 50 авансу подъ десятину земли весною. При этомъ онъ заключаетъ контрактъ съ плантаторомъ и обязываетъ его всю свеклу, которая получится, доставить на заводъ, такъ что въ общемъ плантаторъ получаетъ руб. 50 съ завода, а 20 руб. вноситъ своихъ. Это даетъ возможность взяться за культуру свеклы. Весною на эти деньги онъ нанимаетъ рабочихъ и засѣваетъ, а потомъ этотъ авансъ ему вычитаютъ изъ продукта. Это обстоятельство играетъ важную роль, и полученіе напередъ извѣстнаго аванса представляется заманчивымъ для многихъ хозяевъ, и только благодаря этому они ведутъ свекловичное хозяйство, хотя заводы выдаютъ весною не всю сумму аванса, потому что они обыкновенно очень осторожны и не вѣрятъ плантатору, а по частямъ, небольшими суммами: заразъ по 10—15 р. на десятину. Вспахалъ поле—даютъ 10 руб., посѣялъ свеклу—снова 10 руб. и т. д. Но тѣмъ не менѣе даже 10—15 рублей получить впередъ очень заманчиво, и это обстоятельство до сихъ поръ привлекаетъ многихъ хозяевъ разводить свеклу, такъ что они продолжаютъ культуру свеклы единственно для того, чтобы получить нѣкоторую сумму денегъ впередъ, и такимъ образомъ облегчить себѣ хозяйскіе расходы. Но понятно, что никакого расчета здѣсь нѣтъ, и это лишь одно воображеніе, т. к. для свекловичнаго хозяйства этихъ авансовъ не хватаетъ, и помимо тѣхъ денегъ, которыя даетъ заводъ, нужно вложить своихъ 20—30 рублей на десятину. Слѣдовательно, предприниматель долженъ имѣть и свои деньги. Кромѣ того, здѣсь большой рискъ, и культура свеклы въ послѣднее время приняла очень неустойчивый характеръ.

Теперь нужно вкратцѣ познакомиться со способомъ полученія сахару изъ свеклы. Мы познакомимся только въ самыхъ общихъ чертахъ съ этимъ вопросомъ. Прежде всего, когда свекла доставляется на заводъ, то принимается во вниманіе внѣшній видъ. Важно, чтобы она не содержала никакихъ постороннихъ примѣсей или веществъ —песку или земли, которыя очень трудно удалить, не содержала головокъ, хвостиковъ и побочныхъ корней, потому что въ нихъ сахару нѣтъ. Затѣмъ обращается вниманіе на самый видъ корня. Желательно, чтобы хвостикъ корня былъ обрѣзанъ до извѣстной толщины, должны быть обрѣзаны листья и часть головки. Эта обрѣзка бываетъ различной, и уменьшаетъ количество продукта; для плантатора она не выгодна, потому что уменьшаетъ урожай съ десятины пудовъ на сто. Въ западной Европѣ обрѣзка значительно меньше, у насъ же обрѣзка можетъ быть просто прижимкой плантатору со стороны завода. Съ другой стороны, такая прижимка можетъ быть и относительно земли. Отъ чистоты свеклы зависитъ, сколько %% земли она можетъ содержать. Этотъ процентъ обыкновенно сбрасывается заводомъ съ вѣса. Сбрасываніе это бываетъ различно. Обыкновенно 8%, въ хорошихъ случаяхъ 6%, а иногда, когда заводъ особенно придирается, 12% и больше.

Когда свекла получена на заводѣ, ее моютъ, удаляютъ землю. Это дѣлается при посредствѣ мойки въ особыхъ барабанахъ. Въ нихъ свекла подвигается снизу вверхъ, очищается отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Чистая свекла подлежитъ дальнѣйшему использованію, должна быть изрѣзана, чтобы можно было посредствомъ діосмотическаго дѣйствія воды отдѣлить сахаръ, который заключенъ въ ней. Рѣзка происходитъ въ большихъ цилиндрахъ, ножами свекла разрѣзывается на мелкія части. Ножи состоятъ изъ вставныхъ пластинокъ, составляющихъ вращающееся дно прибора, на которое сверху свекла давитъ собственной тяжестью, попадаетъ подъ ножи и изрѣзывается на мелкія стружки. Эти стружки довольно тонки, и если ихъ положить въ теплую воду, нагрѣтую до температуры, достаточной для того, чтобы убить плазму, то вода будетъ проникать въ клѣточки, сахаръ растворяется и уходитъ въ воду. Чтобы это сдѣлать, помѣщаютъ свекловичную стружку въ особые аппараты, которые называются диффузорами. Эти диффузоры громадной величины, снабжены крышками, отворяющимися днищами и паропроводными трубами. Обыкновенно ихъ ставятъ нѣсколько рядомъ; эти диффузоры наполняются стружкою и водой,

подогрѣваемой паромъ; стружка остается тамъ нѣкоторое время для того, чтобы сахаръ перешелъ въ воду; тогда ее пропускаютъ въ другой диффузоръ, который стоитъ рядомъ. Сюда она попадаетъ уже съ извѣстнымъ количествомъ сахару и наливается на свѣжую стружку. Когда она побудетъ здѣсь, то растворитъ еще нѣкоторое количество сахару, и потомъ съ этимъ новымъ количествомъ сахару ее перепускаютъ дальше, въ слѣдующій диффузоръ; значитъ, въ каждомъ диффузорѣ процентъ сахару, который будетъ содержаться въ водѣ, получается больше, и въ концѣ концовъ, когда вода дойдетъ до послѣдняго диффузора, то въ ней будетъ уже находиться столько же сахару, сколько и въ свеклѣ. Больше, чѣмъ въ свеклѣ, въ водѣ сахару быть не можетъ, потому что тогда диффузія пошла бы обратно, т. е. изъ воды сахаръ сталъ бы переходить въ свеклу. Воду, въ которой сахару столько же, сколько и въ свеклѣ, держать дальше въ диффузорѣ не имѣетъ смысла, такъ какъ она не будетъ растворять сахару. Въ первомъ диффузорѣ выпускаемая вода всегда замѣняется свѣжей, и такъ мѣняютъ разъ 8 или 9. Въ концѣ концовъ получаютъ выслащенную стружку, которая содержитъ 1 или 2% сахару и подслащенную воду. Этотъ сокъ затѣмъ сгущается, а стружку отбрасываютъ. Она уже на переработку дальше не идетъ, а сваливается въ жомовыя ямы и употребляется на кормъ скоту. Это довольно хорошій кормъ, и на сахарныхъ заводахъ обыкновенно бываетъ много скота, который ставится сюда спеціально для кормленія. Обыкновенно плантаторамъ возвращается жомъ даромъ. Это оговаривается въ условіяхъ доставки свеклы. Раньше, чѣмъ сгустить сокъ, надо его очистить отъ разныхъ постороннихъ веществъ, которыя вырабатываются растеніемъ, напр., бѣлковъ, крахмала и т. д., которые при переработкѣ свеклы вмѣстѣ съ сахаромъ попадаютъ въ сокъ. Такъ бѣлковъ бываетъ около 2%, и сюда ихъ попадаетъ по крайней мѣрѣ 1—$1^1/_2$%. Затѣмъ, кромѣ бѣлковъ, здѣсь содержатся нѣкоторыя красящія вещества, которыя мѣняютъ свой цвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняютъ цвѣтъ сока. Такихъ веществъ незначительное количество, но все же ихъ нужно удалить, потому что они придаютъ окраску сахару. Для удаленія ихъ нужно сокъ подвергнуть дальнѣйшей обработкѣ, дефекаціи. Эта дефекація состоитъ въ слѣдующемъ. Сокъ спускаютъ въ большой котелъ, въ немъ внутри проходитъ трубка—змѣевикъ, въ которомъ проходитъ горячій паръ. Сюда же наливаютъ довольно большое

количество известковаго молока. Тогда всѣ красящія вещества соединяются съ нимъ, выпадая осадкомъ, а когда пропускаемъ паръ черезъ сокъ, бѣлки тоже свариваются и осѣдаютъ. Образовавшуюся муть нужно отдѣлить отъ сока. Для осажденія лишней извести пропускаютъ углекислоту, которую собираютъ изъ дымовыхъ трубъ. Для этого на сахарныхъ заводахъ дѣлаются спеціальныя приспособленія. Въ осадкѣ получается свернутый бѣлокъ, красящія вещества и излишняя углекислая известь. Отдѣляютъ осадокъ съ помощью аппаратовъ фильтръ-прессовъ, подъ сильнымъ давленіемъ. Весь этотъ осадокъ представляетъ собою такъ называемую дефекаціонную грязь, которая является уже настоящимъ отбросомъ, не годнымъ ни на что, можетъ служить развѣ для удобренія, да и то не сразу, а только черезъ нѣсколько лѣтъ. Она сваливается въ кучи и остается такъ. Получается сокъ болѣе чистый, но онъ все же содержитъ еще въ себѣ частицы мути, и его надо очищать фильтраціей. Для фильтраціи употребляютъ большіе цилиндры, поставленные вертикально, съ двойнымъ дномъ, на которое кладутъ такъ называемую крупку твердаго костянаго угля. Этотъ костяной уголь представляетъ собою такое пористое сухое вещество, которое вбираетъ въ себя большое количество различныхъ мелкихъ веществъ нерастворимыхъ и пропускаетъ чистый сокъ. Такимъ образомъ, всѣ нерастворимыя части остаются здѣсь. Когда сокъ отфильтрованъ, его нужно сгустить, т. е. нужно выпаривать воду, потому что онъ содержитъ въ себѣ только 15% сахару. Для выпариванія воды употребляются обыкновенно большіе плоскіе сосуды, которые нагрѣваются посредствомъ пара градусовъ до 45—50. Сокъ постепенно сгущается и доходитъ до того, что содержитъ уже 35—30% сахару. Чѣмъ дальше идетъ выпариваніе, тѣмъ труднѣе удаляется вода; для того, чтобы такимъ способомъ привести сахаръ до нужной сухости, требовалось бы много затратить тепла. Поэтому, послѣ извѣстной консистенціи, его уже дальше не выпариваютъ, а увариваютъ при пониженномъ атмосферномъ давленіи, потому что чѣмъ ниже атмосферное давленіе, тѣмъ меньше нужно израсходовать тепла для испаренія влаги. Для этого употребляется такъ называемый вакуумъ-аппаратъ. Онъ сдѣланъ изъ мѣди и имѣетъ различныя приспособленія, особыя стекла для наблюденій, отверстія для взятія пробы и т. д. Внутри онъ имѣетъ змѣевикъ, при посредствѣ котораго сокъ уваривается при пониженномъ давленіи

до 1/10 атмосферы. Онъ постепенно становится все гуще и гуще, и получается полужидкое вещество, густой сиропъ. Онъ настолько густъ, что изъ него можно уже шарики катать, и онъ не выливается, когда аппаратъ опрокидываютъ, а тянется. Онъ содержитъ воды 10 -15%, а остальное—сахаръ. Чтобы удалить послѣднюю воду, прибѣгаютъ къ центробѣжной силѣ. Во внутренній сѣтчатый цилиндръ центрофуги наливаютъ сокъ и подвергаютъ вращенію съ очень большой быстротой, около 1000 оборотовъ въ минуту, жидкія части сока отдѣляются отъ сахара, а во внутреннемъ цилиндрѣ остаются болѣе твердыя части, кристаллы. Значитъ, кристаллы сахара отдѣляются въ этой центрофугѣ, и патока отходитъ отдѣльно. Эта патока не будетъ еще отбросомъ. Она тоже содержитъ сахаръ въ растворѣ, онъ отсюда можетъ быть выдѣленъ, и эта патока идетъ въ дальнѣйшую переработку, а сахаръ, который получается здѣсь, является уже настоящимъ кристаллическимъ сахаромъ, первый продуктъ. Этотъ сахаръ называется утфель, а сиропъ, который идетъ въ дальнѣйшую переработку, называется патокой.

Очистка патоки производится посредствомъ того же самаго процесса, который мы разсмотрѣли раньше: ее размѣшиваютъ съ чистымъ сиропомъ и опять помѣщаютъ въ центрофугу. Получается опять кристаллическій сахаръ, утфель, и еще патока, которая подвергается новой переваркѣ въ вакуумъ аппаратѣ, затѣмъ опять центрофугируется, и получается новый кристаллическій сахаръ и патока. Повторяютъ этотъ процессъ нѣсколько разъ и получаютъ въ концѣ концовъ сахаръ и патоку, которая уже не годна для дальнѣйшей переработки. Ее называютъ мелассой. Меласса является настоящимъ отбросомъ. Она не годна для дальнѣйшей переработки, но сахару содержитъ въ себѣ довольно много, не менѣе 30%, такъ что на вкусъ очень сладка. Но кромѣ сахару, въ мелассѣ содержится много другихъ веществъ минеральныхъ, такъ называемаго несахара. Этотъ несахаръ въ мелассѣ дѣлаетъ то, что изъ нея сахаръ очень трудно выдѣлить. По отношенію къ общему количеству сахара, который добывается изъ свеклы, этотъ сахаръ, который остается въ мелассѣ, представляетъ собою незначительную величину, но самъ по себѣ онъ составляетъ все таки довольно большое количество, которое приходится оставить неиспользованнымъ. Правда, каждый годъ придумываются разные новые пріемы, новые процессы примѣняются къ тому, чтобы получить отсюда побольше сахару. Сахаръ изъ этой мелассы извлекаютъ, но съ

большимъ трудомъ и затратами, и не вездѣ это выгодно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелассу бываетъ выгоднѣе отбрасывать. Это обстоятельство настолько важно, что намъ нужно будетъ вернуться нѣсколько назадъ и бросить взглядъ на самую культуру свеклы. Значитъ, въ самой свеклѣ были эти соединенія, когда она росла, и затѣмъ путемъ превращеній они перешли въ мелассу, и количество получаемой мелассы при переработкѣ свеклы на сахаръ зависитъ отъ самой свеклы. Чѣмъ болѣе въ свеклѣ такихъ минеральныхъ соединеній или такъ называемаго несахару, тѣмъ болѣе его будетъ въ мелассѣ, а это не выгодно для сахарозаводчика, и хотя меласса продается коп. по 20—25 за пудъ на кормъ скота, но все же это не выгодно. Вся забота сводится къ тому, чтобы уменьшить количество несахара въ свеклѣ, и нужно сказать, что культура свеклы въ этомъ отношеніи достигла значительныхъ результатовъ. Теперь съ каждымъ годомъ получается все болѣе и болѣе удовлетворительнаго состава свекла. Азотная кислота—особенно вредное вещество, которое вызываетъ образованіе мелассы. Чѣмъ больше въ свеклѣ содержится азотной кислоты, тѣмъ больше получится при переработкѣ ея на сахаръ мелассы, такъ что при воздѣлываніи свеклы всѣ заботы сводятся къ тому, чтобы получить такіе бураки, въ которыхъ было бы какъ можно меньше азотной кислоты. А такъ какъ азотная кислота получается въ растеніи вслѣдствіе обильнаго удобренія, то обращаютъ вниманіе на способы удобренія свеклы. Поэтому, когда плантаторы договариваются сѣять свеклу для завода, то они обязываются не сѣять ея по свѣжему удобренію, а также не удобрять поле подъ свеклу селитрой, которая представляетъ собой соединеніе азотной кислоты.

Теперь остается разсмотрѣть тѣ виды товара, которые встрѣчаются въ сахарной торговлѣ. Тотъ сахаръ, который получается на заводѣ по отдѣленіи мелассы, не является окончательнымъ продуктомъ, а идетъ обыкновенно въ дальнѣйшую переработку. Это такъ называемый сахарный песокъ. Онъ ссыпается въ мѣшки и хранится въ сахарныхъ складахъ завода. Нѣкоторые заводы ограничиваются производствомъ сахарнаго песку. Всѣ эти заводы называются песочными заводами. Въ торговлю этотъ сахарный песокъ поступаетъ въ сравнительно небольшомъ количествѣ, развѣ на издѣлія кондитерскія и т. д. Главная масса этого песку поступаетъ въ дальнѣйшую переработку, передѣлывается въ рафинадный сахаръ, Песокъ самъ по себѣ довольно чистъ прозрачный съ небольшимъ

оттѣнкомъ желтизны. Желтизна эта происходитъ отъ нѣкоторыхъ примѣсей. Рафинадное производство заключается въ дальнѣйшей очисткѣ этого первичнаго продукта—песка и требуетъ извѣстныхъ пріемовъ—довольно сложныхъ. Для этого существуютъ цѣлые заводы. Эти заводы перерабатываютъ огромное количество сахарнаго песку, и крупная часть дохода отъ сахарнаго производства идетъ главнымъ образомъ въ пользу рафинадныхъ заводовъ. Песочные заводы хотя и даютъ довольно большой дивидендъ, но не такой высокій, какъ рафинадные заводы. Послѣдніе имѣютъ непосредственное сношеніе съ потребителемъ, и потребитель даетъ имъ главный доходъ. Сахарный песокъ, который получается изъ складовъ песочныхъ заводовъ, растворяется въ водѣ, такъ что получается опять сиропъ. Этотъ сиропъ послѣ очистки опять увариваютъ въ вакуумъ-аппаратѣ, причемъ получается болѣе чистый сиропъ, а потомъ его отливаютъ въ различныхъ формахъ.

Двѣ главныя формы, которыя придаютъ рафинадному сахару: головной и пиленый. Для головного сахару его наливаютъ въ коническія формы, въ которыхъ находится небольшое отверстіе. Сиропъ начинаетъ понемногу осѣдать, всѣ жидкія части фильтруются и просачиваются въ пріемникъ, а сахаръ становится гуще. Когда онъ почти застынетъ, то сверху начинаютъ наливать опять полужидкаго сахару, такъ называемую сахарную кашку и прибавляютъ еще немного сверху сиропу. Сиропъ этотъ подкрашенъ ультрамариномъ, придающимъ сахару синеватый оттѣнокъ и скрадывающимъ желтизну. Когда сахаръ окрѣпнетъ совершенно, его вынимаютъ, немного обтачиваютъ нижнюю часть, чтобы получить совершенно ровную поверхность, заворачиваютъ въ бумагу, и получается головка сахару, которая идетъ въ продажу. Кусковой сахаръ дѣлается такъ же, какъ головной, только его наливаютъ не въ конусообразную форму, а въ квадратныя формочки, и получаются длинные квадратные кусочки, призмы, которыя потомъ разрѣзываютъ на куски.

Кромѣ этого, есть еще сахаръ очень мелкій, въ видѣ муки, раздробленный на очень мелкія, почти не ощущаемыя части, или сахарная пудра. По внутреннему содержанію головной сахаръ и пудра немного отличаются другъ отъ друга. Головной сахаръ чище всего. Тамъ чистаго сахару нужно считать около 99,78%, значитъ все почти сахаръ, а затѣмъ небольшая примѣсь, около 0,22% примѣси разныхъ другихъ веществъ. Изъ нихъ около

0,05% золы, 0,14% органическихъ примѣсей несахара. Это различныя кислоты, которыя были въ свеклѣ, а около 0,02% такъ называемыхъ сѣрнокислыхъ соединеній. Всѣхъ этихъ примѣсей очень немного, и особеннаго значенія онѣ не имѣютъ.

Въ кусковомъ сахарѣ будетъ 99,75%, золы около 0,06% и сѣрно-кислыхъ соединеній 0,16%. А въ сахарѣ—пудрѣ здѣсь будетъ чистаго сахару 99,79%, золы 0,06% и сѣрнокислыхъ соединеній 0,17%. Чѣмъ чище сахаръ, тѣмъ онъ обыкновенно крѣпче, плотнѣе. Чѣмъ больше въ немъ примѣсей, не сахару, тѣмъ въ немъ меньше крѣпости, и онъ легче распускается въ водѣ, и иногда даже крошится въ рукахъ. Нашъ русскій сахаръ рафинированный отличается своей крѣпостью отъ всѣхъ западно-европейскихъ. Это зависитъ отъ того, что въ Россіи много пьютъ чай въ „въ прикуску“, и слѣдовательно нужно, чтобы сахаръ былъ болѣе крѣпкой консистенціи. Но когда покупается сахаръ большими партіями, то несахаръ, который содержится въ немъ, играетъ большую роль. Нужно знать, сколько тамъ содержится органическаго несахару, потому что за него платятъ деньги, какъ за цѣнный продуктъ. Когда покупается партіями рафинадъ, то иначе какъ по анализу его покупать нельзя. Въ такихъ случаяхъ всегда дѣлается анализъ и опредѣляется, сколько въ сахарѣ содержится всякихъ примѣсей. На этомъ основанъ такъ называемый рендементъ (отъ французскаго слова, т. е. скидка съ цѣны сахара за несахарныя примѣси). Эта скидка бываетъ различной и опредѣляется слѣдующимъ образомъ, при посредствѣ перемноженія. Сначала опредѣляется количество несахару, предположимъ 0, 16%, и затѣмъ умножается на 4,—получаемое число 0, 64 вычитаются изъ ста и получается 99, 36. Это значитъ, если покупаютъ сахаръ, то платятъ за него не за 100 пудовъ, которые выйдутъ по вѣсу, а за 99, 36 пуда, а этотъ рендементъ 0, 64 вычитываютъ, полагая, что каждая частица несахара портитъ сахаръ настолько, какъ еслибы сахару не было въ 4 раза больше. Этотъ рендементъ принятъ повсюду, и при этомъ нужно замѣтить, что въ Германіи принятъ одинъ способъ вычисленія рендемента, во Франціи—другой, но разница между ними не большая.

Матеріалы и продукты пивоваренаго производства.

Матеріалами для изготовленія пива служатъ: ячмень, вода и хмѣль. Ячмень подлежитъ предварительно процессу—проращиванія,—при которомъ образуется ферментъ діастазъ; этотъ ферментъ превращаетъ крахмалъ зерна въ растворимое вещество декстринъ, а декстринъ въ дальнѣйшемъ превращается въ глюкозы, подлежащія броженію при помощи дрожжей. При броженіи получается спиртъ этиловый, и выдѣляется углекислота. Для успѣшности хода всѣхъ процессовъ и полученія надлежащаго качества продуктовъ, всѣ матеріалы для пивоваренія должно быть опредѣленныхъ качествъ.

Важно, чтобы ячменное зерно было надлежащаго состава; въ немъ должно быть возможно больше крахмала и только небольшое количество бѣлковыхъ веществъ, потому что послѣднія даютъ возможность жить въ пивѣ кромѣ дрожжей различнымъ нежелательнымъ бактеріямъ, а они производятъ различныя кислоты, которыя портятъ вкусъ и мѣшаютъ прочности пива. Затѣмъ необходимо, чтобы ячмень былъ чистъ отъ всякихъ примѣсей и постороннихъ зеренъ, которыя даютъ другіе продукты разложенія. По внѣшности ячмень д. б. однообразнаго свѣтло желтаго цвѣта безъ пестроты и темныхъ пятенъ. О внутреннихъ качествахъ ячменя судятъ по характеру излома зерна. Раскусанное или разрѣзанное зерно должно имѣть мучнистую, рыхлую, внутреннюю консистенцію безъ плотныхъ пятенъ. Въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Царствѣ Польскомъ, ячмень для пивоваренія получается хорошій, ибо растетъ при хорошихъ условіяхъ, имѣетъ много влаги въ своемъ распоряженіи во время роста; такой ячмень содержитъ бѣлковыхъ веществъ не болѣе 10%. Этого совершенно достаточно, чтобы зародышъ могъ вырости, и чтобы при броженіи дрожжи могли питаться, т. к. для нихъ необходимо питаніе бѣлковыми веществами; но излишняго количества бѣлковъ не должно быть, а между тѣмъ всѣ остальные сорта ячменя, которые растутъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, содержатъ въ себѣ болѣе 12% бѣлковъ; таковъ первый матеріалъ который служитъ для производства пива. Вторымъ очень важнымъ матеріаломъ является вода. Она употребляется въ этомъ производствѣ съ самыхъ первыхъ процессовъ пивоваренія и составляетъ главную массу пива. Въ готовомъ пивѣ содержится 85%, а иногда даже до 90%. Вода тоже должна

обладать извѣстными качествами, должна быть чистая, не содержать никакихъ нерастворимыхъ веществъ, или примѣсей. Она должна имѣть въ растворѣ опредѣленное содержаніе минеральныхъ солей, но среди нихъ не должно быть много извести, такъ что для пивоваренія самая лучшая вода изъ ключей и хорошихъ колодцевъ, но не такихъ колодцевъ, которые проходятъ чрезъ известковую почву, а такихъ, которые проходятъ въ суглинистыхъ почвахъ, потому что тамъ она чище. Непріятныя свойства воды могутъ заключаться и въ томъ, что можетъ быть много глинистыхъ частицъ, какъ въ рѣчной водѣ, много извести и много желѣзныхъ солей; послѣднее самый большой недостатокъ воды. Характеръ воды обыкновенно зависитъ отъ почвы. Въ Германіи, напримѣръ, вода вообще хорошая, ибо идетъ изъ горъ твердыхъ породъ. У насъ въ Россіи пользуются главнымъ образомъ водой изъ артезіанскихъ колодцевъ; пользоваться рѣчной водой нельзя, въ ней много нерастворимыхъ частей, которыя отдѣляются отъ береговъ и почвы, попадаетъ много пыли изъ воздуха, много различныхъ микроорганизмовъ, которые попадаютъ и въ пиво и начинаютъ здѣсь развиваться. Между ними есть такіе, которые производятъ различные непріятные продукты: уксусную кислоту, масляную кислоту и проч., придаютъ пиву непріятный вкусъ и портятъ его. Наша артезіанская вода часто отличается тѣмъ, что содержитъ много извести и потому не особенно пригодна для полученія пива, вслѣдствіе этого и пиво наше хуже, чѣмъ нѣмецкое. Третьимъ матеріаломъ, необходимымъ для пива является хмель. Хмель извѣстное всѣмъ вьющееся растеніе, въ южной Россіи растетъ въ дикомъ состояніи, а въ сѣверной разводится спеціально. Оно даетъ продуктъ—хмелевую муку, которая содержится въ хмелевой шишкѣ. По своему строенію послѣдняя имѣетъ ось съ уступами; на этихъ уступахъ, которые идутъ по всей длинѣ оси, находятся чешуйки, въ каждомъ уступѣ по 3. При основаніи чешуекъ и собирается хмелевая мука, происходящая изъ особыхъ созрѣвшихъ желѣзокъ, выростающихъ на лепесткахъ. Шишка хмеля должна быть небольшая, около 1—$1^1/_2$ дюйма, въ среднемъ около полвершка, не больше. Если посмотримъ на чешуйку отдѣльно, то увидимъ на внутренней поверхности желтенькія, маленькія крупинки. Если взять отдѣльно такое зернышко хмелевины и разсмотрѣть его въ увеличенномъ размѣрѣ, то она имѣетъ форму довольно изящной маленькой пуговки. Эта пуговка, когда созрѣваетъ, отваливается и отпадаетъ къ основанію чешуйки,

гдѣ и собирается желтая мука, которая идетъ на пивовареніе. Для пивоваренія хмель имѣетъ большое значеніе, потому что въ немъ содержатся составныя части, которыя придаютъ пиву особенныя свойства; здѣсь находится хмелевая смола, это—вещество съ пріятнымъ запахомъ, такъ что придаетъ пиву извѣстный ароматъ, а съ другой стороны нѣкоторую горечь. Кромѣ того, сюда входитъ большое количество дубильной кислоты—танина. Эта дубильная кислота имѣетъ то свойство, что убиваетъ бактерій и не позволяетъ развиваться въ пивѣ нежелательнымъ процессамъ разложенія. Значитъ, хмель примѣшивается къ пиву для слѣдующихъ цѣлей: чтобы придать ему прочность, ароматъ и нѣкоторый пріятно-горьковатый вкусъ. Его нужно довольно большое количество, такъ что производство хмѣля и торговля имъ является довольно большимъ рыночнымъ дѣломъ. При покупкѣ хмеля, отъ него требуются опредѣленныя свойства; во-первыхъ, чтобы шишки не были очень крупныя, около $1^1/_2$ дюймовъ, потому что чѣмъ мельче шишки, тѣмъ они плотнѣе, а всякая рыхлая хмелевая шишка показываетъ, что зернышки, которыя въ ней содержатся, могутъ легко высыпаться, и слѣдовательно, цѣнность ихъ падаетъ. Затѣмъ нужно, чтобы шишка имѣла желтоватый цвѣтъ, который указываетъ, что она дозрѣла, а зеленоватая показываетъ, что еще не совсѣмъ дозрѣла и не заключаетъ въ себѣ тѣхъ веществъ, которыя нужны для пивоваренія. Еще нужно, чтобы она была свѣжая, не испорченная. Это узнается по запаху. Свѣжій хмель имѣетъ довольно пріятный запахъ, а въ испорченномъ хмелѣ совсѣмъ другой, какъ застарѣлый запахъ чесноку. Теперь обратимся къ самому производству пива. Когда берутъ ячмень для прорастанія, то прежде всего нужно обратить вниманіе на производство глюкозы, привести зерно ячменя въ такое состояніе, чтобы изъ крахмала, который заключается въ зернѣ, получить глюкозу. Для этого примѣняется первый процессъ въ пивоваренiи, такъ называемый процессъ соложенія. Чтобы заставить зерно прорастать, т. е. привести въ дѣятельное состояніе зародышъ, необходимо зерно налить водою и оставить такъ, чтобы оно набрало въ себя воды, набухло, потому что то количество воды, которое обыкновенно заключается въ зернѣ, процентовъ 12—13, не можетъ вызвать жизнедѣятельности зародыша, и его надо увеличить процентовъ до 60. Для этого зерно насыпаютъ въ большіе чаны, наливаютъ водой и размѣшиваютъ. Оно начинаетъ набирать въ себя воду и набухать. Понятно, чѣмъ температура воды будетъ

выше, тѣмъ лучше, потому что набуханіе будетъ происходить быстрѣе. Самая лучшая температура для этого—градусовъ 15. Признакъ хорошаго набуханія зерна—тотъ, что оно становится совершенно мягкимъ. Когда его взять въ руки, то оно гнется, но не ломается. Тогда его переносятъ въ солодовню. Это обыкновенно подвальное помѣщеніе, потому что въ подвалахъ температура обыкновенно болѣе ровная, чѣмъ въ другихъ. Въ этомъ помѣщеніи его разстилаютъ на полу, полъ обыкновенно бываетъ тамъ чистый, ровный, выложенный плитками. На немъ разбухшій ячмень разсыпаютъ ровнымъ, невысокимъ слоемъ, сантиметровъ 10. Слой этотъ не долженъ быть особенно толстымъ, потому что тогда соложеніе будетъ происходить неровно: до нижнихъ слоевъ воздухъ не будетъ доходить, и они будутъ прорастать медленнѣе, тогда какъ верхніе гораздо скорѣе. Температура должна быть градусовъ до 15, не больше, иначе проростаніе идетъ слишкомъ быстро. Должна быть хорошая вентиляція, чтобы удалять пары воды. Когда ячмень такъ полежитъ нѣкоторое время, то начинается процессъ прорастанія. Онъ состоитъ въ томъ, что зародышъ начинаетъ пробуждаться къ жизни, впитываетъ въ себя различныя питательныя вещества, которыя отложены въ эндоспермѣ, и начинаетъ расти. Изъ зерна выходятъ бѣлые корешки, ихъ бываетъ обыкновенно семь. Потомъ, когда корешки выдвинутся изъ зерна, начинаетъ выдвигаться и зародышъ. Все время, когда идетъ процессъ проращиванія, зародышъ выдѣляетъ діастазъ и растворяетъ крахмалъ въ зернѣ. Что касается бѣлковыхъ веществъ, то главная часть бѣлковъ, которую содержитъ въ себѣ зерно во время прорастанія зерна, уходитъ въ зародышъ и корешки. Какъ только появятся на зернѣ первые корешки, то въ подвалѣ повышаютъ температуру, чтобы эти ростки росли болѣе быстро. Обыкновенно, когда зерно хорошо прорастаетъ и выпуститъ всѣ эти корешки, то слой немного поднимется и получается такой видъ, какъ будто лежитъ слой бѣлыхъ пауковъ. Когда прорастаніе дойдетъ до того, что получаются зеленоватые ростки, то прорастаніе считаютъ законченнымъ, потому что дальше эти ростки начинаютъ расти, т. е. поглощаютъ углекислоту и начинаютъ образовывать бѣлки. Понятно, все это время приходится за зерномъ присматривать, и переворачивать зерна, чтобы тѣ которыя лежатъ внизу, перешли наверхъ, а верхнія внизъ. Положеніе ихъ постоянно мѣняютъ, чтобы равнялись условія прорастанія. Степень готовности зерна опредѣляется растираніемъ между паль-

цами. Если зерно разминается между пальцами, то значитъ, солодъ готовъ. Разъ зерно растирается, значитъ, бѣлки, которые оно содержало, и которые связывали всю массу, ушли изъ него въ ростки и корешки, а вся остальная масса уже свободна. Если взять солодъ на языкъ, то долженъ получиться сладкій вкусъ; значитъ, тамъ уже образовался декстринъ. Когда процессъ законченъ, ростки зародыша не нужны больше. Эти части нужно удалить. Для этого ячмень подсушиваютъ довольно сильно, даже поджариваютъ, такъ что этотъ процессъ принято называть поджариваніемъ. Для поджариванія ячмень отправляютъ въ особое помѣщеніе, такъ называемый сушильный овинъ, гдѣ нагрѣваютъ до высокой температуры, градусовъ до 60 по крайней мѣрѣ. А иногда и до 120 градусовъ. При этомъ, въ зависимости отъ степени нагрѣванія, получается различнаго вида солодъ. При 60 град. получается свѣтлый, а при нагрѣваніи до 120 град. темный, рыжаго цвѣта. Сухой солодъ кладутъ въ особые аппараты, которые оттираютъ сухіе корешки и сухой ростокъ, которые идутъ въ кормъ скоту, всего около 5% по вѣсу ячменя. Массу солода, которая здѣсь получится, нужно раздробить и немедленно послѣ раздробленія ее отправляютъ въ заторный чанъ. Солодъ въ чану размѣшиваютъ съ водою или руками, или чаще всего машинами. Получается очень сильное движеніе всей этой массы. Весь декстринъ, который содержится въ солодѣ, растворяется, а всѣ нерастворимыя части постепенно осѣдаютъ на дно, когда движеніе прекратится. Эти остатки идутъ въ кормъ скоту и тоже являются довольно питательнымъ веществомъ. Когда сусло готово, необходимо привести его въ броженіе, и присоединить къ нему хмель. А съ другой стороны, необходимо его вскипятить, потому что въ водѣ все-таки останутся различныя бактеріи, и ихъ необходимо убить нагрѣваніемъ. Такимъ образомъ послѣ подготовки суше идетъ процессъ кипяченія и процессъ захмеливанія. Сусло спускаютъ въ большіе чаны, туда насыпаютъ хмелю и нагрѣваютъ нѣсколько разъ. Нагрѣть нужно быстро, потомъ оставить остыть и опять нагрѣть, остудить, потомъ повторить раза три и затѣмъ сусло подвергается броженію. Здѣсь уже получается стерилизованное сусло, въ которомъ нѣтъ никакихъ бактерій, и его стараются оставить въ такомъ чистомъ видѣ, чтобы никакая бактерія не могла попасть. Въ большихъ заводахъ его держатъ послѣ этого кипяченія въ особыхъ помѣщеніяхъ, стараясь, чтобы даже наружный воздухъ туда не доходилъ. Послѣ кипяченія

даютъ суслу охладиться; въ большихъ заводахъ переводятъ его въ особые холодильники, чаще же всего охлаждаютъ въ томъ самомъ помѣщеніи, что и кипятятъ, если заводъ маленькій. Къ охлажденному суслу прибавляютъ дрожжи, которыя вызываютъ броженіе и разлагаютъ глюкозу на спиртъ и углекислоту. Броженіе продолжается нѣсколько дней; происходитъ такъ, что отдѣльныя клѣтки начинаютъ размножаться, перерабатываютъ глюкозу на спиртъ и разростаются, получаются цѣпочки дрожжевыхъ клѣтокъ. Эти клѣтки разлагаютъ всю глюкозу, выдѣляютъ углекислоту и оставляютъ спиртъ, а углекислота выдѣляется въ воздухъ. Само броженіе происходитъ различно—или дрожжи плаваютъ сверху, и тогда оно называется верхнимъ, или онѣ опускаются внизъ,—тогда броженіе называется нижнимъ. Когда клѣтки дрожжей остаются на верху, онѣ обыкновенно гораздо сильнѣе работаютъ, и броженіе бываетъ очень бурнымъ, а нижнее броженіе, т. е. когда клѣтки опускаются на дно, бываетъ значительно спокойнѣе. Это вполнѣ понятно. Когда дрожжи размножаются, онѣ выдѣляютъ газъ углекислоту, и если этого газа выдѣляется большое количество, то онъ поднимаетъ дрожжевыя клѣтки. Если газа выдѣляется меньше, то онъ не можетъ поднять дрожжи на поверхность, и идетъ нижнее броженіе. Самый процессъ мѣняется въ зависимости отъ характера дрожжей и количества бродящей массы. Въ первое время, броженіе обыкновенно бываетъ всегда верхнимъ, идетъ очень энергично и бурно, такъ что шумитъ, сусло дѣлается мутнымъ. Это первое броженіе. Затѣмъ, когда пиво немного перебродитъ, начинается второе броженіе, когда жидкость начинаетъ отстаиваться и освѣтляется. Затѣмъ идетъ третье броженіе, совершенно слабое, когда углекислота выдѣляется отдѣльными пузырьками. При третьемъ броженіи пиво считаютъ годнымъ для употребленія и не ждутъ еще, чтобы оно совершенно перебродило, а разливаютъ въ бутылки или маленькіе боченки, и броженіе заканчивается уже тамъ, насыщая пиво углекислотою. Обычно принятъ на заводахъ такой порядокъ, что въ чанахъ происходитъ только первое броженіе, а какъ только оно освѣтляется, его сливаютъ въ бочки, и тамъ уже идетъ второе броженіе, а третье, происходитъ въ бутылкахъ. Сорта пива различаются въ зависимости отъ состава; пиво содержитъ въ себѣ спирта отъ 2 до 8 градусовъ, около $^1/_2$% золы, т. е. минеральныхъ растворимыхъ соединеній, экстрактъ солода и хмеля, всего процента 4,—остальное все вода. Понятно, главная особен-

ность пива — содержаніе въ немъ экстракта и спирта. Смотря по количеству экстракта, который содержится въ пивѣ, оно имѣетъ тѣ или другія свойства, тотъ или другой вкусъ и питательность. Чѣмъ больше экстракта, тѣмъ оно питательнѣе, гуще, чѣмъ меньше экстракта, тѣмъ оно жиже и называется болѣе легкимъ пивомъ. Относительно содержанія спирта нужно сказать, что наиболѣе легкіе сорта пива имѣютъ его наименьшее содержаніе. Меньше всего содержитъ въ себѣ бѣлое берлинское пиво. Оно настолько легкое, что его пьютъ даже не обыкновенными стаканами, а большими чашами. Наибольшее количество спирта содержитъ въ себѣ англійское пиво—портеръ, имѣющій 6 процентовъ спирта и не менѣе 6% экстракта. Оно имѣетъ черный цвѣтъ. Русское черное пиво слабое, въ немъ только много экстракта. Эль содержитъ въ себѣ 6—7% спирта, но экстракта мало и поэтому блѣднаго цвѣта. Нѣмецкія пива имѣютъ не больше 4% спирта и немного больше экстракта, до 6%. Такимъ составомъ отличаются всѣ баварскія пива, а пильзенскія содержатъ меньше—около 3% спирта и около 3% экстракта. Наши русскія пива отличаются большимъ разнообразіемъ. Они подражаютъ обыкновенно и тѣмъ, и другимъ, содержа въ себѣ спирта не менѣе 5%, а экстракту отъ 4 до 5%. У насъ дѣлаютъ пильзенское, легкое бѣлое пиво и подражаніе баварскому пиву. Еще надо отмѣтить, что пиво по способу своего производства раздѣляется на 2 различныхъ сорта или по крайней мѣрѣ, раньше раздѣлялось. Во первыхъ, такое пиво, которое готовится на долгое время, которое должно долго простоять, пока будетъ потреблено, и пиво, которое предназначается для немедленнаго потребленія. Это дѣленіе на 2 сорта пива имѣло раньше большое значеніе, когда пивоваренные заводы работали только короткій періодъ времени въ году. Тогда нужно было заготовлять прочное пиво на долгое время. А теперь заводы работаютъ круглый годъ, и это дѣленіе особеннаго значенія не имѣетъ. Пиво, которое приготовляется на долгое время, отличается тѣмъ, что имѣетъ нѣсколько больше спирта и нѣсколько больше экстракта, потому что экстрактъ придаетъ прочность, а пиво, которое идетъ на немедленное потребленіе, имѣетъ всего меньше содержанія спирта. Теперь прочное пиво приготовляется только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предназначается для отправленія въ дальнія мѣста и должно быть въ дорогѣ долго, пока будетъ по-

треблено. Въ Россіи производство пива идетъ не совсѣмъ правильно, потребность пива довольно большая и все увеличивается. Заводы же пивоваренные отстаютъ, не поспѣваютъ удовлетворять этой потребности, и принуждены часто сдавать пиво погребное. Пиво сливается часто въ бутылки, только прошедшее первое броженіе. Ему не даютъ долежать въ погребахъ, и погребовъ часто не хватаетъ.